

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК**

На правах рукописи

ДЪЯКОВА Людмила Владимировна

**ЭВОЛЮЦИЯ ДЕМОКРАТИИ И ФОРМИРОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ЧИЛИ**

Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук

**Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и
технологии**

Научный консультант:
доктор политических наук,
профессор З.В. Ивановский

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. ДЕМОКРАТИЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И СПЕЦИФИКА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.....	61
1. Демократия: эволюция теоретических концепций.....	61
2. Демократический транзит: условия, факторы, результаты.....	81
3. Латиноамериканский контекст: от поиска идеала политического устройства – к анализу рисков современного развития (XIX – XXI вв.).....	107
4. Политическая теория о модели демократического транзита и особенностях поставторитарного развития Чили.....	135
Глава II. ЧИЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.....	166
1. Формирование политических партий и традиции социального реформизма.....	166
2. Христианско-демократический проект. «Революция в условиях свободы» (1964-1970).....	182
3. Социалистический проект Народного единства (1970-1973).....	195
4. Правоавторитарный военный режим А. Пиночета (1973-1990). Проект неолиберальной модернизации.	209
5. Роль гражданского общества в сопротивлении авторитаризму.....	238

Глава Ш. «УПРАВЛЯЕМЫЙ» ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ (1987-2000).....252

1. Либерализация авторитаризма и формирование модели «элитарных компромиссов» (1987-1989).....253
2. Демократизация: поиск гражданского согласия в деятельности правительств П. Эйлвина (1990-1994) и Э. Фрея (1994-2000).....271
3. Социальная политика государства: преодоление драмы бедности.....290
4. «Индийский вопрос» и формирование основ мультикультурной политики.....310

Глава IV. КОНСОЛИДАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ (2000-2010).....323

1. Размежевание с пиночетизмом: политические приоритеты правительства Р. Лагоса (2000-2006).....323
2. Формирование новой модели социальной политики.....341
3. Президентство М. Бачелет (2006-2010): преемственность и перемены.....359
4. Новый формат военно-гражданских отношений.....380
5. Достижения и проблемы мультикультурализма.....388

**Глава V. ВЫЗОВЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ.
АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ (2010-
2018).....406**

1. Выборы 2009-2010: правоцентристы у власти.....406
2. Политика С. Пиньеры и пределы «эффективного развития» (2010-2014).....418
3. Электоральный процесс 2013 г.: возвращение левоцентристов.....449
4. Деятельность второго правительства М. Бачелет: пределы «социального курса» (2014-2018).....459
5. Избирательная кампания 2017 г. и кризис «модели компромиссов».....483

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....493

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ
.....503**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Диссертационное исследование посвящено универсальным проблемам демократии на примере одной из наиболее успешных национальных моделей демократического транзита и поставторитарного общественно-политического развития – чилийской.

Второе десятилетие XXI века, связанное с нарастанием новых серьезных угроз и рисков, во многом незнакомых прошлому, обострило политическую дискуссию о формировании демократической традиции и о внутреннем содержании демократии как пространстве политической и социальной свободы, толерантности, плюрализма, постепенного накопления общественного благополучия и еще более стремительного роста массовых ожиданий. Нарастание глобальных противоречий современного мира обозначило не только экономические, но и политические, и социальные проблемы, возможно, нерешенные вовремя, возможно, вообще не имеющие решения в рамках сложившейся системы ценностей. Естественно, эти проблемы и вызовы в первую очередь касаются Западной Европы – наиболее развитого ареала современной демократии. Однако их угрозы и риски актуальны и для других стран и не могут оставаться незамеченными.

Сегодня стало особенно очевидно, что пределы эффективности социального государства – этого великого достижения западноевропейской цивилизации – весьма ограничены; что пространство равенства и пространство свободы, как и в далеком XIX веке, плохо соотносятся друг с другом; что настоящая безопасность, как базовая категория, практически не коррелирует ни с толерантностью, ни с политкорректностью, ни с понятием прав человека. Можно сказать, что наше время поставило перед демократией как способом организации политической власти в обществе настолько трагические вопросы и вызовы, что ответы пока не видны даже в отдаленной

перспективе, а реальная политическая практика представляет собой в лучшем случае адекватную сиюминутную реакцию правительств.

Поэтому сегодня в политической науке *вопрос о сущности и проблемах реальной демократии, о том, какие национальные варианты общественно-политического развития можно считать успешными, состоявшимися, перспективными*, вновь приобретает особую актуальность, как и *вопрос о содержании понятия демократии* – во всем многообразии его интерпретаций, от традиционных до современных. Демократия сегодня воспринимается не только как сложная система ценностей, комплекс идейно-философских принципов и правил политической жизни, но и как особый путь развития, завершение целого этапа политической модернизации, для успеха которого необходимо сочетание определенного уровня общественного благополучия (экономического, политического, социального) и определенного качества политической культуры. В современном мире демократия нередко рассматривается также в контексте многочисленных и возрастающих рисков, требующих новых и быстрых ответов на целый ряд трудноразрешимых противоречий и проблем. Качество развитой, состоявшейся, консолидированной демократической модели оказывает решающее влияние на эту способность *реагировать на риски современности, сохраняя демократическую сущность режима*.

В связи с этим особый исследовательский интерес и стремление выделить новые условия и факторы вызывает (на первый взгляд достаточно изученное) понятие *демократического транзита* – многомерного процесса поставтворитарного восстановления и последующего развития демократии, в рамках которого возможны тяжелейшие конфликты, кризисы, «откаты» назад. Принципиальное значение приобретает собственно этап *демократизации* – становления новых демократических институтов, преодоления поляризации общества, и выделение тех условий, которые

необходимы для его успешной реализации. Изучение этого этапа, эффективность которого определяет последующее развитие демократии, и его конкретной национальной специфики в каждой стране, остается одной из важнейших задач политической науки.

В то же время, если ограничивать процесс демократического транзита только периодом собственно перехода к демократии и стадией формальной консолидации, то за его пределами остается сложнейший, насыщенный проблемами и конфликтами этап существования консолидированных, развитых, состоявшихся демократий, которые успешно осуществили переход от недемократических режимов, но не обрели равновесия и стабильности. Точнее, обрели стабильность другого характера, которая находится в постоянной зависимости от своевременных и адекватных ответов на вызовы и риски среды, от качества реакции власти и политической системы в целом на требования общества. Эти требования с каждым новым этапом развития, переживаемым консолидированной демократией, становятся все более жесткими (что хорошо заметно на материале латиноамериканских стран), и нередко могут представлять угрозу устойчивости демократической системы. Огромное значение, в связи с этим, приобретает проблема *социального содержания* демократии, связанная со способностью современных демократических правительств соответствовать социальным ожиданиям общества, проводить целенаправленную и успешную социальную политику, и, главное, обосновывать эту политику в глазах протестно-настроенных групп населения.

Проблема жизнеспособности и качества так называемых «новых демократий», перешедших в категорию консолидированных из электоральных (или минималистских), стала одной из важнейших в современных исследованиях политики. Если еще 10-15 лет назад политологи уделяли приоритетное внимание вопросам полноценного завершения демократического транзита, причинам «застывания» на стадии

минималистской демократии, или причинам «авторитарного отката», то сегодня не меньшее значение приобретает вопрос о конфликтах в рамках самой либеральной демократии, динамике ее развития, тенденциях и перспективах, опасностях и рисках.

Это особенно касается стран, переживших тот или иной вариант авторитаризма, и сохраняющих, в определенной степени, драматический опыт прошлого, элементы внутреннего раскола и латентную опасность нового возврата к авторитарной власти – в случае политической нежизнеспособности или экономической неэффективности демократии.

Актуальность темы очевидна и в универсальном контексте, и – особенно – для Латинской Америки, постоянно дополняющей современные концепции демократии новыми вариантами развития, социально-политическим опытом, поиском ответов на новые вызовы, стремлением к улучшению качества жизни широких слоев населения и качества государственного управления.

Данная работа исследует чилийскую модель общественно-политического развития. Чили выделяется в палитре латиноамериканских стран – успешным демократическим переходом от авторитарного режима А. Пиночета, своей принадлежностью к категории консолидированных, состоявшихся демократий, высоким уровнем экономического развития, масштабной социальной политикой. Сегодня Чили является одной из самых развитых стран Латинской Америки и стремится в ближайшие годы войти в число развитых стран мира. Ее население (по данным 2016 г.) составляет 17,9 млн человек; ожидаемая средняя продолжительность жизни – 82 года. Средний возраст чилийцев – 31 год. По индексу человеческого развития Чили занимает 38 место в мире (из 188 стран), что соответствует

характеристике «очень высокий уровень»¹. По степени экономической свободы находится на первом месте в регионе и одном из первых мест в мире (7 место из 184 стран), являясь также самой конкурентоспособной страной Латинской Америки. (В мировом рейтинге конкурентоспособности занимает 33 место, по данным на 2016-2017 гг.)².

Профессионализм и ответственность национальной политической элиты, эффективная, динамичная модель экономики, сформированная в конце 1970-х годов, экономическая, а с 1990-х годов – и политическая открытость миру, целеустремленность и прагматизм в достижении поставленных целей, создали Чили имидж «страны успеха», примера для других латиноамериканских государств.

Значительную роль в укреплении этого имиджа сыграли реальные успехи страны в развитии и совершенствовании демократии.

Чилийская модель демократии сформировалась исторически. На ее развитие оказала влияние та политическая традиция, которая сложилась на протяжении конца XIX – первой половины XX века и отличала Чили от других обществ Латинской Америки. Здесь не было ни длительных и кровавых гражданских войн, ни продолжительных периодов политической нестабильности и столь же продолжительных периодов каудильистского правления, ни бесконечной череды военных переворотов. Отдельные трагические проявления общей латиноамериканской судьбы чилийская история, разумеется, знала, однако здесь все-таки не было «ста лет одиночества», и до военного переворота 1973 г. эта страна считалась одной из самых цивилизованных и демократических в регионе.

¹ Human Development Report - 2016. – New York, 2017. [Electronic resource]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed 25.01.2018).

² World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2016-2017. [Electronic resource]. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2016-17.pdf (accessed 25.01.2018).

Комплекс демократических идей и принципов, определивших лицо чилийской политической культуры, включал: конституционализм, представление об особой роли политической элиты в жизни страны, ее ответственности за успехи и провалы избранного курса; активность политических партий, выражающих мнение определенных социальных групп о стратегии и тактике национального развития; традицию социальной защиты беднейших категорий населения; активность гражданского общества, с его практикой низовой самоорганизации и улучшения повседневной жизни собственными силами; политический гуманизм, акцентирующий внимание на ценностях свободы, человеческой жизни и возможностях реформистского пути в проведении любых преобразований.

Эта демократическая традиция оказалась настолько устойчива, что даже военный переворот 1973 г., прервав ее на длительный срок, не смог уничтожить, а самой авторитарной власти в поисках общественной поддержки неоднократно приходилось апеллировать то к идеям «управляемой демократии», то к плебисциту, то к созданию зависимых, но формально все-таки «настоящих» партий.

Процесс демократического транзита, пережитый Чили в 1990-2000 гг., не был ни простым, ни безоблачным. Автор стремился показать многоплановость, противоречивость этого процесса, его драматизм, нередко сопряженный с тяжелым для участников политическим выбором, поиском компромисса и диалога вопреки личным эмоциям и пристрастиям. Социальный реформизм, понимаемый с течением времени все более глубоко и комплексно, стал важнейшей составной частью этой многолетней политической работы, дополнил демократическую модель в политике социальным содержанием.

Тем не менее, эта модель оказалась несвободна от серьезных проблем и рисков, многие из которых считались оставленными в прошлом, но сегодня снова заявляют о себе, представляя серьезную угрозу демократическим

достижениям. Причины и разрушительный потенциал этих рисков, перспективы сохранения политической стабильности, также стали одной из основных тем работы.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется остротой и злободневностью затронутых в нем проблем. Процесс становления и развития чилийской демократии; глубокий общественно-политический кризис и разрыв демократической традиции в 1973 г.; ключевые особенности демократического транзита; противоречия консолидированной (состоявшейся) демократии; поиск баланса между стабильностью и развитием, удовлетворенностью граждан и протестом; развитие социальной политики государства как важнейшего инструмента минимизации социальных конфликтов. Все эти вопросы, актуальность которых обусловлена требованиями современности, нашли отражение в чилийской модели общественно-политического развития.

Объектом исследования является эволюция демократии и процесс социально-политической трансформации Чили.

Предмет исследования – роль национально-специфических механизмов, инструментов и факторов в формировании и развитии чилийской демократической модели (от ее истоков до современного состояния, включая модель демократического транзита); взаимодействие национально-специфических факторов с универсальными закономерностями.

Цель исследования – дать комплексный анализ эволюции чилийской демократической модели в процессе ее становления и развития; обосновать специфику демократического транзита, обусловившую успех этого процесса; на чилийском материале исследовать универсальные проблемы и вызовы, стоящие перед современной демократией, и оценить перспективы сохранения политической стабильности.

Исходя из поставленной цели, были определены следующие *Задачи исследования*:

1) рассмотреть ряд общетеоретических вопросов, связанных с понятием демократии и демократического транзита;

2) выделить специфику латиноамериканского подхода к интерпретации проблем демократии, показать эволюцию латиноамериканских политических взглядов в отношении демократического устройства общества (от концепций XIX до аналитических подходов XXI века);

3) проанализировать особенности становления чилийской демократической модели (формирование политических партий, практику социального реформизма, мировоззрение и самосознание политической элиты, роль ВС в политике страны); рассмотреть историческую традицию, оказавшую значительное влияние на все политические процессы XX в.;

4) проанализировать достижения, проблемы и противоречия наиболее значимых социально-реформистских правительств «до-пиночетовского» периода – Э. Фрея (1964-1970) и С. Альенде (1970-1973);

5) рассмотреть сущность и последствия правоавторитарного режима А. Пиночета (1973-1990), проанализировать его влияние на специфику демократического транзита и последующее политическое развитие страны;

6) показать роль гражданского общества в сопротивлении авторитаризму и в процессе либерализации военного режима;

7) рассмотреть основные особенности, противоречия и конфликты этапов либерализации (1987-1989) и демократизации (1990-2000); выделить специфические механизмы и инструменты модели «управляемого перехода», нестандартные решения, реализованные в процессе трансформации;

8) дать анализ достижений и проблем политики первых демократических правительств П. Эйльвина (1990-1994) и Э. Фрея Руиса-Тагле (1994-2000);

9) выявить особенности периода консолидации демократической модели в процессе деятельности правительств Р. Лагоса (2000-2006) и М. Бачелет (2006-2010);

10) рассмотреть политику в отношении индейского населения страны, выделить противоречия чилийского варианта мультикультурализма;

11) проанализировать национальную модель демократического транзита; выделить ключевые факторы, обусловившие формирование и реализацию этой модели; обозначить моменты успешности и противоречивости чилийского опыта; дать общую оценку деятельности коалиции левоцентристских партий Консертасьон;

12) рассмотреть современный этап развития чилийской демократии (период 2010-2017 гг.), проблемы, связанные с эволюцией коалиции Консертасьон и наметившимся пересмотром «модели компромиссов»; выделить причины знаковой победы правоцентристов на выборах 2017 года;

13) показать динамику развития современной демократической модели, выявить ее конфликтный потенциал, социальные вызовы и риски, связанные ростом протестных настроений, социальной неудовлетворенностью, завышенными ожиданиями части общества; проанализировать возможные последствия выбора между экономической эффективностью и ценностями социальной справедливости;

14) на примере Чили показать взаимодействие и взаимовлияние универсальных, общих закономерностей, и уникальных, обусловленных национальной спецификой, особенностей развития демократических процессов.

Хронологические рамки исследования.

Работа охватывает период с конца XIX - начала XX в. до конца 2017 года, окончания второго президентского срока М. Бачелет и победы на выборах С. Пиньеры. Его второе президентство, начавшееся в 2018 году, открывает новый политический цикл в новейшей истории страны.

Существенное место в исследовании занимает рассмотрение исторического периода, связанного с формированием основ демократической традиции и демократической политической культуры (с конца XIX в. до военного переворота 1973 года), а также анализ специфики правоавторитарного режима А. Пиночета. Без этой предыстории невозможно понять и оценить ключевые особенности постпиночетовского развития Чили, конфликтность и драматизм переходного периода, мировоззрение действующей политической элиты, а также ту роль, которую продолжает играть прошлое в современной жизни страны.

Основное внимание уделено периоду демократического транзита и поставторитарного развития страны (1990-2017 гг.), который связан с восстановлением, консолидацией и совершенствованием современной демократии. Этот значительный временной отрезок представляет особый интерес для изучения особенностей демократического развития на примере анализа конкретной национальной модели, дает возможность проследить ее эволюцию, выявить потенциальные риски, оценить устойчивость сложившихся институтов, увидеть перспективы возможной трансформации.

Основная научная гипотеза диссертационного исследования заключается в следующем. Современная модель общественно-политического развития Чили – это консолидированная демократия, которая представляет собой динамично развивающуюся, способную к постоянной трансформации и изменениям систему, органично вписанную в универсальный контекст, но обладающую собственной уникальной спецификой. Данная специфика

оказывала влияние на все процессы, происходившие в этой системе на протяжении XIX-XXI вв. (от ее формирования до современного состояния).

Теоретическая основа, методология и методы.

В качестве *теоретической основы* диссертационного исследования автор опиралась на веберовскую концепцию «рационального выбора», а также на принцип ответственного творчества, сформулированный М. Вебером применительно к политической реальности и предполагающий *сознательно-ответственное отношение зрелой политической элиты к процессам фундаментальной трансформации общества*. Эта этика, по М. Веберу³, является результатом рационального выбора и представляет собой «особую нравственность» политики, признание которой дает возможность политическому классу преодолевать серьезные испытания и кризисы, а пренебрежение приводит к политическим катаклизмам. По мнению автора, чилийская модель развития наглядно демонстрирует жизнеспособность и актуальность данного теоретического подхода.

Теоретической базой исследования стала также концепция «полиархии» Р. Даля, с ее принципиальным постулатом о необходимости уделять приоритетное внимание функционированию *реально существующих демократий*, их достижениям и проблемам. Важное значение для анализа чилийской модели имела концепция гражданской политической культуры, как в ее классическом варианте, разработанным Г. Алмондом и С. Вербой⁴, так и в интерпретации известного российского ученого А.М. Салмина,

³ Вебер М. Политика как призвание и профессия. // М.Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С.644-706.

⁴ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. - 500 с.

выделившего культурно-религиозные истоки западной демократии, роль исторической традиции в формировании современных политий⁵.

При анализе процесса демократического транзита автор опиралась на теоретическую основу, разработанную в ряде классических исследований: определение различных вариантов транзита, предложенное Ф. Шмиттером и Г.О' Доннеллом⁶, с выделением в качестве наиболее конструктивного «пактированный» (договорный) вариант; концепцию «двойного транзита» А. Пшеворского⁷, с обоснованием значимости «пути» – самого процесса перехода, процедурных факторов (особенно личностных и профессиональных качеств политической элиты) в успехе демократизации. Большое значение в подготовке работы имело фундаментальное исследование Х. Линца и А. Степана⁸, теоретический взгляд как на общие проблемы демократического транзита, так и на специфику Чили, а также работы российского политолога А.Ю. Мельвиля, рассмотревшего комплекс теоретических проблем, связанных с принципиальной неопределенностью путей и неоднозначностью результатов демократических переходов⁹. Эта концепция имеет важнейшее значение для понимания сути демократического транзита в Чили.

Значительную роль в определении исследовательского подхода к анализу чилийского пути развития сыграла концепция отечественного

⁵ Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. – М.: Наука, 1992. - 331 с.

⁶ O'Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1986, 2013. – 96 p.

⁷ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. - 320 с.

⁸ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1996. - 504 p.

⁹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. - 108 с.

политолога и философа М.В. Ильина о *соответствии задачам современности* как необходимом условии существования и развития успешной демократии¹⁰. Идея анализа политической системы с точки зрения ее современности, способности к трансформациям и открытости новым вызовам, является важнейшей теоретической установкой при рассмотрении конкретного странового опыта.

При работе над диссертацией автор также опиралась на теоретические подходы исследования современной политики в условиях глобального мира, разработанные российскими учеными А.А. Дынкиным, Н.И. Ивановой, В.Г. Барановским, И.С. Семеновым, Н.В. Загладиным, В.В. Лапкиным, В.И. Пантиным¹¹.

Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных научных методов.

В качестве общенаучного метода автор использовала комплексный системный подход, позволяющий наиболее полно раскрыть внутренние взаимосвязи различных явлений политики, проследить взаимодействие и взаимовлияние разноуровневых политических событий и акторов, проанализировать степень устойчивости политической системы конкретной страны к внешним изменениям и вызовам, оценить уровень ее эффективности и способности к трансформациям.

Неоинституциональный подход, предполагающий признание глубокой противоречивости политической реальности, многообразия факторов

¹⁰ См., например: Ильин М.В. Перспективы сравнительного изучения политической модернизации // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.30-41.

¹¹ Глобальная перестройка / отв. ред. Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – 528 с.; Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития: в 2-х тт. / редколлегия: Семенов И.С. (отв. ред.), Загладин Н.В., Лапкин В.В., Пантин В.И. – Т.1 – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 312 с.; Т.2 – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 336 с.; Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 71-91.

нестабильности, влияющих на деятельность политических институтов и усложняющих процесс рационального выбора, расширил исследовательские возможности в том, что касается анализа природы социальных и политических конфликтов и роли политических институтов в их разрешении.

В процессе анализа деятельности важнейших политических институтов – государства, партий, политических объединений, электоральных процедур, для оценки их качества и уровня соответствия демократическим параметрам, применялся классический институциональный метод.

При обращении к цивилизационным истокам политических явлений был востребован цивилизационный подход, обусловленный тем обстоятельством, что Чили является неотъемлемой частью латиноамериканского цивилизационного пространства, особенности которого оказывают значительное влияние на все политические процессы.

Исторический метод, предполагающий рассмотрение политических событий в их исторической последовательности, позволил показать конкретно-исторические условия формирования, становления и развития чилийской демократии, проанализировать причины политического кризиса 1973 г. и разрыва демократической традиции, а также объективно оценить результаты деятельности постпиночетовских правительств, выявить факторы преемственности и новизны (особенно это касалось политики коалиции Консертасьон), и выделить новые задачи, стоящие перед государством и властью на каждом следующем этапе развития.

Частично в работе был использован также нормативно-ценностный метод, предполагающий ценностно-этическое, основанное на моральных нормах, отношение к определенным политическим явлениям (таким, например, как «человеческая цена» экономической модернизации, проводимой правоавторитарным режимом, политические репрессии и их

последствия, этическая роль в обществе кампании по восстановлению правды и справедливости, вопрос о наказании военных, и ряд других тем). Данный метод, несмотря на достаточно ограниченную сферу его применимости, позволяет, тем не менее, объективно оценить тот значительный морально-психологический ресурс, которым обладала демократическая политическая элита страны, и степень его воздействия на общество в начале процесса восстановления демократии.

Политико-культурный метод применялся при анализе роли и влияния сложившихся традиций, мифов, стереотипов, принятых в обществе политико-культурных норм и ценностей, на формирование национальной политической традиции и развитие современного демократического процесса. Социологический метод, наглядно иллюстрирующий взаимозависимость политики и социальной сферы, использовался при анализе государственной социальной политики, результатов масштабных социальных программ, осуществленных демократическими правительствами в годы постпиночетовского развития, а также при изучении их влияния на социальную удовлетворенность населения. При сопоставлении результатов различных направлений государственной политики, проводимых на протяжении более чем 20-летнего периода демократического развития, применялся сравнительный метод.

В процессе работы по изучению деятельности организаций гражданского общества был использован метод «включенного наблюдения» (в частности, во время исследования автором, при подготовке кандидатской диссертации, деятельности Гуманистической партии Чили, ее лидеров, активистов и сторонников, в 1994 году).

В диссертации применялись также классические общенаучные методы (анализа, индукции, дедуктивного вывода, эмпирического обобщения, исследования причинно-следственных связей).

Таким образом, теоретическую основу диссертационного исследования составил комплекс научных методов и подходов, который, исходя из принципа комплементарности когнитивных способов познания, позволил выстроить многоуровневую систему анализа объекта и предмета исследования.

Источниковой базой диссертационного исследования являются:

1) Законодательная база и официальные материалы правительства. Конституция (1980 г. и актуальная версия после реформы 2005 г.); тексты важнейших законов (например, Закона о партиях 1987 г.; Закона об образовании 1990 г.), в том числе тех, принятие которых на современном этапе носило резонансный характер, было связано с всплеском общественной дискуссии, ростом поддержки или протестных настроений (например, Закон о базовой солидарной пенсии 2008 г.; Закон о реформе биномиальной системы 2015 г.; Закон об образовании 2009 и 2015 гг., и т.д.). К этой же группе источников относятся материалы работы и официальные доклады специальной президентской комиссии по расследованию (на протяжении 1990-2011 гг.) преступлений военного режима, выяснению судеб пропавших без вести (Комиссия по восстановлению правды и справедливости, затем – Комиссия о политических преследованиях и пытках).

Важнейшим источником по современному развитию страны являются официальные документы и материалы, публикуемые на сайте правительства Чили <http://www.gob.cl/>: данные о составе правительства, деятельности министерств и ведомств; информация о государственных программах, характере их реализации и результатах; сведения о важнейших событиях правительственной и национальной жизни; заявления политических лидеров и государственных чиновников. Официальный сайт Электоральной службы <http://www.servel.cl/> отражает современные процессы, связанные с проведением общенациональных выборов: электоральные законы,

предвыборные программы кандидатов в президенты, ведущих политических партий и коалиций, комплексные данные электоральной статистики, отражающие избирательную активность и результаты кандидатов. На официальном сайте Библиотеки Национального Конгресса (Biblioteca del Congreso Nacional) <https://www.bcn.cl/> доступна важнейшая информация о президентских и парламентских выборах периода 1964-1973 гг., а также с 1990 по 2016 год.

2) Документы и материалы политических партий и общественных организаций, связанные с важнейшими историческими событиями: референдумом 1988 г., забастовочным движением и деятельностью демократической оппозиции в пиночетовский период, агитационной кампанией «Нет Пиночету», заключением партийных соглашений, и др.

3) Выступления политических лидеров. Воспоминания, статьи, интервью, речи президентов, лидеров партий, известных исторических и современных политиков и общественных деятелей Чили (Л.Э. Рекабаррена, Э. Фрея Монтальвы, К. Викуньи, С. Альенде, Л. Корвалана, В. Тейтельбойма, А. Пиночета, П. Эйлвина, Э. Фрея Руиса-Тагле, С. Битара, Р. Лагоса, М. Бачелет, С. Пиньеры, Э. Маттеи и др. – издания и электронные публикации). Эти материалы, являясь свидетельствами современников, дают возможность оценить роль «человеческого фактора» в политике, увидеть противоречия и динамику реального политического процесса. (Анализируя период 1970-1973 гг. автор использовала, в том числе, публикации журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в 1958-1990 гг. в Праге, на страницах которого лидеры КПЧ в 1974-1979 гг. критически пересмотрели свою собственную роль и политику Народного единства, приведшую к военному перевороту 1973 г., дали исключительно точную и взвешенную оценку произошедших событий). Большое значение при анализе событий периода 1973-1990 гг. имели документы, иллюстрирующие репрессивную составляющую военного режима (некоторые были опубликованы в СССР на основании свидетельств

очевидцев), а также воспоминания и выступления участников политического процесса, опубликованные на сайте «Память Чили» (Memoria chilena) Национальной библиотеки Чили (<http://www.memoriachilena.cl>).

4) Работы выдающихся латиноамериканских политических деятелей и мыслителей, сыгравших определяющую роль в формировании традиции восприятия ценностей демократии общественным мнением региона (С. Боливара, Э. Эчеверрии, С. Родригеса, А. Бельо, Х.В. Ластаррии, Д.Ф. Сармьенто, Х. Марти и др.). Их размышления заложили основу современных идейно-политических споров о проблемах и перспективах развитой демократии, о социальных ожиданиях, соотношении архаики и модерна в современном развитии Латинской Америки, об идеале и его реальном воплощении на практике. Это составило особую группу источников.

5) В диссертационном исследовании широко используются материалы чилийской и зарубежной периодической печати – газеты “El Mercurio”, “La Tercera”, “La Segunda”, “El Libero” (Чили), “Clarín”, “La Nación” (Аргентина), “El País” (Испания), “El Nuevo Herald” (США); а также материалы крупнейшего латиноамериканского информационного агентства Инфолатам (INFOLATAM, 2007-2017), содержащие обширный эмпирический материал, касающийся самых острых и злободневных проблем политической жизни современного чилийского общества.

б) Документы и материалы, издаваемые ООН и крупнейшими международными организациями, позволяющие зафиксировать и оценить место, занимаемое страной в регионе и мире, определить ее рейтинг, составить представление об успехах и проблемах с точки зрения глобального подхода. Это программы, аналитические отчеты и доклады (за разные годы), оценивающие экономическую и социальную ситуацию в Чили и в регионе в целом. [Программа ООН по содействию развитию и выполнению Целей тысячелетия (Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo - PNUD); Доклад о развитии человека (Human Development Report); Доклад о

глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (The Global Competitiveness Report)].

Важнейшим источником являются издания Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (CEPAL): «Социальная панорама Латинской Америки» (Panorama social de América Latina), «Цели тысячелетия» (Objetivos de desarrollo del Milenio), и ряд других (освещающие период с 1990 по 2017 год). Эти публикации содержат многообразные статистические данные, позволяющие оценить социальное положение различных групп населения, цели и результаты социальной политики, особенности различных социальных программ, уровни бедности и неравенства, тенденции в росте или сокращении безработицы, экономическое положение страны, ее достижения и неудачи в мировом и региональном контексте, и т.д.

7) Социологические данные. Ежегодные доклады латиноамериканской социологической структуры Латинобарометр (Latinobarómetro), с данными социологических опросов по всем странам региона (в том числе и по Чили). Эти материалы дают возможность анализировать политические и социальные настроения в региональном контексте и в конкретном обществе, фиксировать изменения, связанные с отношением к демократии и власти в целом, государству, отдельным государственным структурам и партиям, политическим лидерам, вооруженным силам, успехам и недостаткам государственной политики в различных областях.

8) Статистические материалы. Важным источником для анализа государственной социальной политики являются ежегодно публикуемые Министерством социального развития Доклады о социальном развитии Чили (Informes de Desarrollo Social), материалы которого за разные годы доступны на сайте <http://www.ministeriodesarrollosocial.gob.cl/>, а также данные Национального института статистики Чили (Instituto Nacional de Estadísticas, INE), включающие: опросы общественного мнения, сведения о социальном

положении различных групп населения, уровне бедности, безработицы, неравенства, результатах социальных программ, экономическом положении, и т.д. (материалы доступны на сайте <http://www.inec.go.cr/>). Данные INE могут несколько отличаться от данных CEPAL, однако демонстрируют те же тенденции. Значительную информацию, касающуюся социальных программ, адресных пособий, предусмотренных для различных групп населения, предоставляет Институт социального обеспечения (Instituto de Previsión Social – данные доступны на сайте www.ips.gob.cl/). В работе используются также материалы общественно-политического фонда «Гражданский мир» (Paz Ciudadana, www.pazciudadana.cl/) – данные опросов, касающиеся социального самочувствия населения, общей удовлетворенности эффективностью работы государства, правительства и власти в целом.

Данный объем источников позволил провести комплексное исследование поставленных в диссертации проблем, дать анализ как историко-политической специфики Чили, так и современных реалий, во всем многообразии и сложности этой темы.

Степень разработанности темы в научной литературе

При подготовке диссертационного исследования автор опиралась на обширную научную литературу, посвященную изучению как общих, универсальных проблем демократии и демократического транзита, так и концептуализации этой темы в контексте Латинской Америки, и, в частности – применительно к Чили. Эти работы можно подразделить на несколько значительных групп.

Первая группа включает общие фундаментальные труды, внесшие наиболее значительный вклад в теорию демократии и являющиеся концептуальной основой при анализе национальных моделей развития.

Это, прежде всего, работы Й. Шумпетера¹², С.М. Липсета¹³, Д. Трумэна¹⁴, Р. Даля¹⁵, Ч. Линдблома¹⁶, А. Лейпхарта¹⁷, Дж. Сартори¹⁸, Г. Алмонда, С. Вербы,¹⁹ сформировавшие комплекс современных подходов к понятию демократии. Рассматривая важнейшие черты *реальной* демократии, они стремились определить ее сущностные характеристики как сложной постоянно развивающейся системы, выделить факторы устойчивости и уязвимости демократических режимов, обозначить тенденции их развития.

Вторая группа работ охватывает широкий спектр проблем, связанных с понятием демократического транзита как важнейшего процесса, изучаемого политической наукой – его исходным условиям, необходимым стадиям,

¹² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. – 540 с.

¹³ Lipset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. – N.Y.: Doubleday, 1960. – 432 p.

¹⁴ Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. – N. Y.: Alfred A Knopf, 1951. – 544 p.

¹⁵ Даль Р. Введение в теорию демократии. М.: Наука, 1992. – 156 с.; Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991. – 125 с.; Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. - 576 с.; Dahl R.A. On Democracy. – New Haven: Yale University Press, 1998. - 217 p.; Dahl R.A. Democracy and its critics. – New Haven: Yale University Press 1989. - 397 p.

¹⁶ Lindblom Ch. The Intelligence of Democracy: Decision Making Through Mutual Adjustment. –New York: The Free Press, 1965; Lindblom Ch. Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems. – New York: Basic Books, 1977. – 403 p.

¹⁷ Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования – 1992. – № 1-2. – С.217-225; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.; Lijphart A. Democracy in plural societies: A comparative exploration. New Haven: Yale University Press, 1977. – 260 p.; Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven: Yale University Press, 2012. – 368 p.

¹⁸ Сартори Дж. Пересматривая теорию демократии // Полис. Политические исследования – 1993. – №2. – С.80-89; Sartoti G. Teoría de la Democracia. – Madrid: Alianza Universidad, 2005. – 312 p.; Sartori G. The Theory of Democracy revised. – Chatham-N.J., 1987. – 542 p.; Sartori G. Parties and Party System. A Framework for Analysis. – Cambridge: ECPR Press, 1976. – 368 p.

¹⁹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. - 500 с.; Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton: Princeton University Press, 1963.-562 p.

противоречиям и ключевым акторам, факторам успеха и результатам, специфике в различных регионах мира.

Принципиальное значение для подготовки диссертации имели работы, заложившие основу классической теории демократического транзита – Д. Растоу²⁰, С. Хантингтона²¹, А. Пшеворского²², Г. О’Доннелла²³, Л. Даймонда, С.М. Липсета²⁴, С. Мэйнворинга²⁵, Х. Линца и А. Степана²⁶. Несмотря на значительные различия в выделении определяющих факторов и моделей транзита, общие мировоззренческие установки этих авторов имели большое значение для анализа процесса восстановления демократии в Чили.

В качестве важнейшего обстоятельства, влияющего на ход транзита, ряд теоретиков выделяли проведение эффективных экономических реформ,

²⁰ Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С.5-15.

²¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.; Он же. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

²² Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. - 320 с.;

Przeworsky A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge, 1991 – 228 p.

²³ O’Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1986, 2013. – 96 p.; O’Donnell G. Delegative Democracy. // Journal of Democracy. – 1994. – № 1. – P.55-69.

²⁴ Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. – 1995. – № 53. – P. 69-105.

²⁵ Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Working Paper of Kellogg Institute. – 1989. – N 130. – Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (Accessed 09.11.2017)

²⁶ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования – 1999. – № 1.– С.10 -26; Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация. // Полис. Политические исследования – 1997. – № 5. – С.9-30; Democracy in Developing Countries. /Ed. By L.Diamond, J.Linz, J.Hartlyn, S.Lipset. – London-Boulder, 1989. - 594 p.; Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London, 1996. - 504 p.;

предопределяющих экономическую основу дальнейших перемен (А. Пшеворский²⁷, Д. Асемоглу, Дж. Робинсон²⁸). Учет этого фактора был необходим при анализе влияния экономической модернизации, проведенной правоавторитарным режимом А.Пиночета.

Принципиальное значение для анализа чилийской модели демократии имели размышления о политической культуре, обосновывающие, в частности, роль «гражданской» политической культуры в успешном развитии процесса демократизации. Большой вклад в осмысление этой темы внесли, наряду с признанными классиками (Г. Алмондом и С. Вербой²⁹, С.М. Липсетом, К.Р. Сенем, Дж. Торресом³⁰, Р. Инглхартом и К. Вельцелем³¹, Ф. Шмиттером³², И. Шапиро³³), также и известные отечественные ученые – Э.Я.

²⁷ Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. – N.Y.: Cambridge University Press, 2000. – 321 p.; Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – № 2. – P. 155-183.

²⁸ Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.; Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 693 с.

²⁹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования – 1992. – № 4. – С.122-134.

³⁰ Липсет С.М., Сен К.Р., Торрес Дж. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Межд. журнал социальных наук. –1993. – № 3. – С.5-34; Lipset S. Political Man: the Social Bases of politics. – Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press.1981. – 586 p.

³¹ Инглхарт Р., К.Вельцель К. Политическая культура, массовые убеждения и изменение ценностей // Демократизация /под ред. Харпера К.В., Бернхагена П., Инглхарта Р.Ф., Вельцеля К. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования – 1997 – № 4. – С.6-32.

³² Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С. 16-27.

³³ Шапиро И. Три способа быть демократом // Полис. Политические исследования – 1992. – № 1-2. – С.75-85; Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. – 1992. – № 4. – С.17-29.

Баталов³⁴, К.С. Гаджиев³⁵, А.Б. Зубов³⁶, Ю.С. Пивоваров³⁷, А.М. Салмин³⁸, И.С. Семененко³⁹, М.В. Ильин и Б.И. Коваль⁴⁰, А.И. Соловьев⁴¹.

Более поздние и во многом критические разработки классической теории демократического транзита, выделяющие «фактор нелинейности» этого процесса, нашли отражение в трудах Т. Карозерса⁴², Ф. Шмиттера и Т.Л. Карл⁴³, Ш.Н. Эйзенштадта⁴⁴, В. Меркеля и А. Круассана⁴⁵, Ч. Тилли⁴⁶, Й. Шапиро⁴⁷, М.Ф. Платтнера⁴⁸ и Л. Даймонда⁴⁹, В.А. Ачкасова⁵⁰.

³⁴ Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

³⁵ Политическая культура: теория и национальные модели /Отв. ред. Гаджиев К.С. – М.: Интерпракс, 1994. – 351 с.; Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. Политические исследования – 1991. – № 6. – С.69-83.

³⁶ Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. – М.: Наука, 1990 – 390 с.

³⁷ Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.

³⁸ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: Форум, 2009. – 384 с.; Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире // Полис. Политические исследования – 2005. – № 6. – С.147-171; Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. М.: Наука, 1992. - 331 с.

³⁹ Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования – 2003. – № 1. – С. 5-23.

⁴⁰ Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. Политические исследования – 1992. – № 1. – С.193-201.

⁴¹ Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. Политические исследования – 1996. – № 6. – С.29-38.

⁴² Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. – 2005. – Vol. 9. № 1 (28). – С.73-80; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.42-65.

⁴³ Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования – 2004. – № 2. – С.6-27.

⁴⁴ Эйзенштадт Ш.Н. парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. Политические исследования – 2002. – № 2. – С.67-81; № 3. – С.81-95.

⁴⁵ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 1. – С.6-17; № 2. – С.20-30.

Значительный вклад в транзитологию, в частности – в изучение проблемы соотношения структурных и процедурных факторов в ходе демократизации, обоснование неопределенности и множественности путей перехода, был сделан в работах российского политолога А.Ю. Мельвиля⁵¹ (в том числе, в соавторстве с Б.И. Макаренко, Д.К. Стукалом, М.Г. Миронюком, М.В. Ильиным, М.М. Лебедевой, В.И. Пантиным, и др.)⁵².

⁴⁶ Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общ. проектирования, 2007. – 264 с.;

⁴⁷ Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования – 2001. – № 3. – С.6-15; № 4. – С.27-36; № 5. – С.54-64.

⁴⁸ Plattner M.F. Is Democracy in Decline? // Journal of Democracy. – 2015. – Vol.26. N 1. – P.5-10; Idem. Populism, pluralism and Liberal Democracy // Journal of Democracy. – 2010. – Vol.21. N 1. – P.81-92.

⁴⁹ Diamond L. Facing up to the Democratic Recession // Journal of Democracy. – 2015. – Vol.26. N 1. – P.141-155; Diamond L., Fukuyama F., Horowitz D.I., Plattner M.F. Reconsidering the Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2014. – Vol.25. N 1. – P.86-100.

⁵⁰ Ачкасов В.А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования – 2015. – № 1. – С. 30-38; Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы круглого стола ИФ РАН // Полис. Политические исследования – 2008. – № 5. – С.55-74; Демократизация. / Под ред. К.В.Харпера, П.Бернхагена, Р.Ф.Инглхорта, К.Вельцеля. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – 708 с.

⁵¹ Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. Политические исследования – 2010. – №4. – С.73-76; Он же. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования – 2004. – № 2. – С.64-75; Он же. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования – 2002. – № 5. – С.54-59; Он же. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 108 с.; Он же. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования – 1998. – № 2. – С.6-38.

⁵² Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. – 2014. – № 3. – С.9-39; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. Политические исследования – 2012. – № 2. – С.8-30; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. Политические исследования – 2011. – №3. – С. 164-183; Мельвиль А.Ю., Пантин В.И., Лебедева М.М. и др. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов (Круглый стол журнала

Специфика испанской модели демократического транзита (что имело принципиальное значение при подготовке диссертации) была глубоко и всесторонне проанализирована в работах российского политолога-испаниста С.М. Хенкина⁵³.

Особое интерес в контексте диссертационного исследования представляли работы, посвященные различным трактовкам понятия «Модерн», «Современность», «политика и полития Современности». Помимо концептуальных работ Ю. Хабермаса, посвященных Модерну⁵⁴, необходимо отметить также интересные подходы современных российских ученых (М.В. Ильина, А.Г. Глинчиковой, М.М. Федоровой, В.Г. Федотовой, В.В. Лапкина, Г.В. Каменской, В.С. Мартьянова)⁵⁵. Демократия рассматривается ими как неотъемлемая часть проекта Современности, а демократический транзит (в

«Полис») // Полис. Политические исследования – 1999. – № 3. – С.30-51; Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация (Раздел учебного пособия) // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С.157-169; Мельвиль А.Ю., Никитин А.И. Ростки новой гражданской культуры? // Полис. Политические исследования – 1991. – № 2. – С.50-55.

⁵³ Хенкин С.М. Становление и консолидация демократии: опыт Испании // Полис. Политические исследования – 2002. – № 5. – С.170-179; Хенкин С.М. Испания после диктатуры: (Социально-политические проблемы перехода к демократии). – М.: Наука, 1993. – 197 с.

⁵⁴ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. - 368 с.; Хабермас Ю. Философский курс о Модерне. М.: «Весь Мир», 2003. – 416 с.

⁵⁵ Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура // Полис. Политические исследования – 2010. – № 6.С. – 54-67; Глинчикова А.Г., Гусейнов А.А., Кара-Мурза А.А., Федорова М.М., и др. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Круглый стол журнала «ПОЛИС». – Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С.55-74.; Ильин М.В. Перспективы сравнительного изучения политической модернизации // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.30-41; Каменская Г.В. Мир без Модерна. // Власть. – 2015. – № 10. – С.115-119; Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // Полис. Политические исследования – 2012. – № 6. – С.41-54; Лисовский Ю.П. Социокультурные предпосылки модернизации // Полис. Политические исследования – 1992. – № 5-6. – С.167-175; Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. М.: РОССПЭН, 2010. - 359 с.; Он же. Один «Модерн» или множество? // Полис. Политические исследования – 2010. – № 6. – С.41-53; Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3-21.

той или иной степени) – как процесс «“подключения” разных обществ к глобальному Модерну»⁵⁶. Подчеркивается драматический конфликт ценностей Модерна и национальных культур, многообразие и сложность незавершенных «догоняющих» модернизаций, а также традиционная дихотомия политик и политий «западного» и «незападного» типа⁵⁷, что представляет большой интерес при анализе чилийской модели развития, ее динамического стремления соответствовать требованиям современности.

К третьей группе исследований относится обширный блок работ, лейтмотивом которых являются критические размышления, связанные с будущим современной демократии, ее способностью на каждом новом этапе развития давать адекватные ответы на многочисленные проблемы и вызовы глобального мира⁵⁸.

Большое значение в подготовке теоретического раздела диссертационного исследования и в осмыслении чилийского опыта имели работы, посвященные современным альтернативным концепциям демократии, отмечающие необходимость совершенствовать социально-этическое содержание существующих политических моделей⁵⁹. Необходимо

⁵⁶ Мартъянов В.С. Один «Модерн» или множество? Указ. соч. – С.54.

⁵⁷ См., например: Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.66-86.

⁵⁸ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.49-76; Липсет С.М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений) // Полис. Политические исследования – 1991. – № 5. – С. 15-32; № 6. – С.19-39; Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.29-48; Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования – 2000. – № 2. – С.30-44; № 3 – С.6-17; Сморгунов Л.В. Сетевые полит. партии // Полис. Политические исследования – 2014. – № 4. – С.21-37; Fukuyama F. Dealing with Inequality // Journal of Democracy. – 2001. – Vol. 22. – N 3. – P.79-89.

⁵⁹ Демократия в современном мире /Под ред. Пляйса А.Я., Шатилова А.Б. – М.: РОССПЭН, 2009. – 368 с.; Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2010. – 314 с.; Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. Политические исследования – 2014. – № 6. – С.127-148; Он же. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение

отметить мнения российских авторов Г.И. Вайнштейна⁶⁰, А.В. Лукина⁶¹, В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана⁶², А.Н. Неклессы⁶³, С.П. Перегудова⁶⁴, С.Н. Пшизовой⁶⁵, И.С. Семененко⁶⁶, предлагающих свои интерпретации темы альтернативности моделей развития на фоне нарастающего разочарования в реальной демократической практике, которое демонстрируют граждане успешных, модельных стран в различных регионах мира. Этот аспект особенно близок латиноамериканскому общественному сознанию и получил отражение в научной литературе, посвященной демократии в Латинской Америке.

демократии // Полис. Политические исследования – 2012. – № 2. – С.98-116; Стур Дж. Дж. Открывая демократию заново // Полис. Политические исследования – 2003. – № 5. – С.12-24; № 6. – С.39-49;

Ball T. Green Political Theory // The Cambridge History of Twentieth-Century Political Thought /Eds. Ball T. and Bellamy R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 754 p.;

Knight, J., Jonson J. The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 324 p.; Matthews D. The Ecology of Democracy: Finding ways to have a stronger hand in shaping our future. – Dayton: Kettering Foundation Press, 2014. – 231 p.; Plattner M. Globalization and Self-Government //Journal of Democracy. – 2002. – Vol.13. N 3. – P. 60-61;

Sniderman P.M., Highton B. Facing the Challenge of Democracy: Explorations in the Analysis of Public Opinion and Political Participation. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 389 p.; Zakaria F. The Post-American World. – NY: W.W.Norton&Company, 2008. – 292 p.

⁶⁰ Вайнштейн Г.И. Меняющийся мир и проблемы функционирования демократии // МЭиМО. – 2007. – № 9. – С.3-17.

⁶¹ Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования – 2014. – № 1. – С. 10-27.

⁶² Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования – 2012. – № 1. – С.63-75.

⁶³ Неклесса А.Н. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Полис. Политические исследования – 2013. – № 2. – С. 24-39.

⁶⁴ Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. Политические исследования – 2012. – № 6. – С.55-67.

⁶⁵ Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? // Полис. Политические исследования – 2014. – № 1. – С.28-45.

⁶⁶ Семененко И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. // Полис. Политические исследования – 2012. – № 6. – С.9-26; Она же. «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? // МЭиМО. – 2012. – № 7. – С.92-106; № 8. – С.92-115.

Проблемы современной латиноамериканской демократии как комплексного явления анализировались в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов. При работе над диссертацией автор опирался, прежде всего, на глубокую традицию изучения политических процессов, политических систем и общественно-политической мысли Латинской Америки, сложившуюся в русле отечественной латиноамериканистики. *Это составило четвертую группу исследований.*

Для анализа мировоззренческой традиции Латинской Америки применительно к понятию демократии большое значение имели работы А.Ф. Шульговского⁶⁷, Е.А. Ларина⁶⁸, А.А. Щелчкова⁶⁹, посвященные латиноамериканским мыслителям XIX в., их взглядам на политическое развитие региона, особенностям восприятия и интерпретации базовых концепций демократии, утопическим проектам и их влиянию на современность.

Концептуальная и эмпирическая база, созданная российской латиноамериканистикой, основана на комплексном системном подходе к политическим процессам, происходящим в регионе. В русле работ, посвященных современной латиноамериканской демократии, представляется необходимым специально выделить коллективную монографию «Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации» (отв. ред. Чумакова М.Л.)⁷⁰, подготовленную Центром политических

⁶⁷ Шульговский. А.Ф. Симон Родригес: человек и мыслитель (к проблеме генезиса утопического социализма в Латинской Америке) // Латинская Америка – 1980. – № 7. – с.5-21.

⁶⁸ Ларин Е.А. Европейские и латиноамериканские авторы о Боливаре // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков / отв.ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2010. – 810 с.

⁶⁹ Щелчков А.А. Испаноамериканские просветители Симон Родригес и Андрес Бельо // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. – с.133-144.

⁷⁰ Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1 – 264 с.; Латинская

исследований ИЛА РАН и также ставшую, в значительной мере, теоретической и методологической основой диссертационного исследования.

Теоретические вопросы, особенности политических институтов и процессов в странах региона, проблемы идеологии и власти, избирательное законодательство, партии, партийные системы, электоральная практика, политические конфликты на современном этапе, исследовались З.В. Ивановским⁷¹. Проблемы и противоречия процесса модернизации, особенности политической культуры латиноамериканских стран, современные политические угрозы и вызовы демократии проанализированы в работах М.Л. Чумаковой⁷². Проблемы демократического транзита и его

Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.2 – 440 с.

⁷¹ Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 452 с.; Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2015. – 274 с.; Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 126 с.; Он же. Общественная мысль и концепты демократии в глобальном контексте // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.1. – С.13-31; Он же. Фазы и итоги демократизации // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.1. – С.32-56; Он же. Партии в системе представительной демократии // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.1. – С.57-68; Он же. Латинская Америка: метаморфозы политической модернизации // Латинская Америка. – 2011. – № 12. – С.14-24; Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: Наука, 2000. – 447 с.

⁷² Чумакова М.Л. Современные угрозы демократии в Латинской Америке // Иberoамериканские тетради / отв. ред. Орлов А.А. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – Вып. 1. – С.401-409; Она же. Политические перемены и перспективы демократии в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2012. – № 3. – С.5-20; Она же. Параметры политической модернизации // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.1. – С.76-89; Она же. Особенности политической культуры // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.1. – С.160-180; Теория и практика политической модернизации (опыт Латинской Америки) / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2004. – 176 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 14).

латиноамериканской специфики, роль различных факторов в успехе этого процесса, рассмотрены Л.С. Окуновой⁷³.

В силу особенностей региона большое внимание в специальной научной литературе всегда уделялось изучению страновых моделей, на примере которых был рассмотрен ряд общетеоретических вопросов, имеющих существенное значение и для анализа политического процесса в Чили.

Бразильская модель демократии и бразильский вариант демократического транзита во всей его противоречивой сложности, электоральные процессы, современные социально-политические проблемы всесторонне исследованы в работах Л.С. Окуновой⁷⁴. Исторические, социоцивилизационные и этнокультурные особенности самой крупной страны региона получили глубокую интерпретацию в работах Б.Ф. Мартынова⁷⁵.

Современные политические и электоральные процессы, различные аспекты государственной политики, развитие политических систем и партий, отношения власти и гражданского общества, специфика латиноамериканского реформизма в отдельных странах исследовались в

⁷³ Окунева Л.С. Феномен демократического транзита // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.1. – С.68-75.

⁷⁴ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 823 с.; Она же. Импичмент президента Бразилии. Размышления и выводы // Латинская Америка. – 2016. – № 10. – С.5-22; Она же. Президентские выборы 2014 г. в Бразилии // Латинская Америка. – 2015. – № 1. – С. 4-19; Она же. Бразилия // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.2. – С.119-156.

⁷⁵ Мартынов Б.Ф. Бразилия: гигант в глобализирующемся мире. – М.: Наука, 2008. – 320 с.; Бразилия: перемены и постоянство /отв. ред. Мартынов Б.Ф. – М.: ИЛА РАН, 2004. – 148 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 15); Проблемы современной Бразилии и возможности российско-бразильского партнерства / отв. ред. Давыдов В.М. – М.: ИЛА РАН, 2001. – 84 с.

работах А.Н. Боровкова⁷⁶, Ю.И. Визгуновой⁷⁷, Т.А. Воротниковой⁷⁸, Э.С. Дабагяна⁷⁹, З.В. Ивановского⁸⁰, Н.Ю. Кудеяровой⁸¹, П.П. Яковлева⁸², Н.М. Яковлевой⁸³, в том числе в рамках коллективных монографий и специальных серий – «Саммит» и «Аналитические тетради ИЛА РАН»⁸⁴. Феномен «левого поворота», охватившего ряд латиноамериканских стран в начале XXI в., в том числе и Чили, был проанализирован на страницах тематического сборника (отв. ред. В.П. Сударев)⁸⁵. Роль левой идеологии, исторические аспекты формирования левых политических партий в регионе, современные

⁷⁶ Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. – М.: ИЛА РАН, 1999. – 284 с.

⁷⁷ Визгунова Ю.И. Интегральная реформа государственных институтов в Мексике: траектория и перспективы. // Латинская Америка. – 2015. – № 8. – С.23-34; Она же. Мексика // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.2. – С. 7-44.

⁷⁸ Воротникова Т.А. Современная Коста-Рика: преемственность и смена политического курса // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – № 3(5). – С.24-31.

⁷⁹ Дабагян Э.С. Венесуэла // Латинская Америка: испытания демократии. Указ. соч. – Ч.2. – С.340-372; Он же. Электоральная панорама Латинской Америки // Латинская Америка. – 2006. – № 2. – С.1-14.

⁸⁰ Ивановский З.В. Колумбия: государство и гражданское общество: Опыт экономических реформ в условиях нестабильности. – М.: ИЛА РАН, 1997. – 293 с.

⁸¹ Кудеярова Н.Ю. Парагвай: возвращение в фарватер привычной политики? // Латинская Америка. – 2013. – № 10. – С. 4-22.

⁸² Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 464 с.

⁸³ Яковлева Н.М. Аргентинская модель посткризисного развития // МЭиМО. – 2014. – № 2. – С.67-76.

⁸⁴ Боливия - время левоиндигенистского эксперимента. (Мартынов Б.Ф., Чумакова М.Л., Воротникова Т.А. и др.) – М.: ИЛА РАН, 2009. – 75 с. – (Серия: Саммит); Колумбия: обнадеживающие перемены. (Ивановский З.В., Чумакова М.Л., Лавут А.А., Теперман В.А.) // – М.: ИЛА РАН, 2011. – 121 с. – (Серия: Саммит); Мексика: парадоксы модернизации /отв. ред. Давыдов В.М. – М.: ИЛА РАН, 2013. – 336 с.; Перу: поиск новых ориентиров на исходе экономического чуда. (Дабагян Э.С., Ивановский З.В., Кудеярова Н.Ю. и др.) – М.: ИЛА РАН, 2014. – 113 с. – (Серия: Саммит); Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. (Ивановский З.В., Дьякова Л.В., Константинова Н.С. и др.) – М.: ИЛА РАН, 2010. – 86 с. – (Серия: Саммит).

⁸⁵ «Левый поворот» в Латинской Америке: сб. статей /отв. ред. Сударев В.П. – М.: ИЛА РАН, 2007. – 216 с.

тенденции латиноамериканской политики исследовались Л.С. Хейфецем и В.Л. Хейфецем⁸⁶.

Анализ особенностей современных политических процессов, позволяющий отойти от рассмотрения внутренней жизни латиноамериканских стран сквозь привычную призму «правых» и «левых» идеологических шкал, парадигмы «однополярности» и «многополярности», был предложен в монографии и статьях А.А. Слинько⁸⁷. Ряд сложных вопросов, связанных с социально-политической проблематикой, ролью гражданского общества, феноменом бедности и неравенства, воздействием государственных социальных программ на развитие региона, рассматривались в работах А.А. Канунникова⁸⁸.

Проблемы политического лидерства, феномен женщин-президентов исследовались Л.С. Окуневой, Н.М. Яковлевой и О.В. Авериной⁸⁹; эти аспекты имели большое значение для анализа чилийских реалий.

⁸⁶ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX в // Латинская Америка. – 2014. — № 5. — С. 57-75; Хейфец В.Л. Хейфец Л.С. Политика по Лобачевскому. Новые измерения латиноамериканской политики // Латинская Америка. – 2011. – № 8. – С.101-103; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция? // Латинская Америка – 2010.– № 6. – С.8-20.

⁸⁷ Слинько А.А. Неэвклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке. – Воронеж: Научная книга, 2010. – 119 с.; Слинько А.А., Дьяков П.П. Региональные особенности глобальных изменений: политические процессы в Латинской Америке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – № 2. – С.90-93; Он же. Авторитарная демократия: латиноамериканский опыт // Политические изменения в Латинской Америке. – 2016. – № 1(19). – С.13-16.

⁸⁸ Канунников А.А. Европа – Латинская Америка: диалог длиною в пять веков. – М.: Фонд «Социальная экология», 2015. – 234 с. Он же. Латинская Америка: взгляд на Европейскую социальную модель // Социальная Европа в XXI веке /Под ред. Каргаловой М.В. – М.: Весь Мир, 2011. – С.273-400.

⁸⁹ Окунева Л.С. Дилма Руссефф — первая женщина-президент в истории Бразилии // Латинская Америка. – 2011. – № 1. – С.27-40; Яковлева Н.М. Женщины - президенты латиноамериканских стран //Латинская Америка. – 2012. – № 2. – С.4-18; Аверина О. В. Роль женщины в диалоге культур. Опыт Латинской Америки и России //Латинская Америка. – 2009. - № 6 – с. 43-56.

Особую важность для работы над темой диссертации имели публикации Б.И. Ковалья⁹⁰, Э.Е.Кузнецовой и Л.В. Пегушевой⁹¹, Э.Г. Ермольевой⁹², А.Н. Пятакова⁹³, посвященные различным аспектам столь значимых для региона социальных проблем. Эти исследования включают: анализ феномена латиноамериканской бедности, его истоков и вариантов преодоления, социальной политики государства в Латинской Америке, социальных программ, положения различных групп латиноамериканского общества, вопросов образования и занятости, перспектив молодежной политики. Современная социально-политическая проблематика индейских народов и политика государства исследовались Т.В. Гончаровой⁹⁴, А.А. Шинкаренко⁹⁵, Т.А. Воротниковой⁹⁶.

⁹⁰ Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2006. – 287 с.

⁹¹ Кузнецова Э.Е. Легко ли быть молодым? (проблемы латиноамериканской молодежи) // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – № 3(5). – С.95-109; Она же. Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI в.: преемственность и перемены // Латинская Америка. – 2012. – № 6. – С.14-20; Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Молодежь: социальные предпосылки экономической активности // Латинская Америка. – 2008. – № 1. – С.35-51; Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Социальный аспект экономической модернизации Латинской Америки: проблемы бедности // Труд за рубежом. – 2006. – № 2. – С.69-93.

⁹² Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 188 с.

⁹³ Пятаков А.Н. Социальные миссии Венесуэлы: национальный и международный аспекты // Латинская Америка. – 2015. – № 4. – С.86-102; Он же. Опыт борьбы с бедностью в странах Латинской Америки в XXI веке // Россия – Испания - Ибероамерика: перекрестный год сотрудничества: сб. научных трудов. – М.: МГИМО, 2011. – С.303-308.

⁹⁴ Гончарова Т.В. Индейское движение в Латинской Америке // История Латинской Америки. Вторая половина XX века / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2004. – С.503-523.

⁹⁵ Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений // Индейский мир перед вызовами XXI века: сб. статей /под ред. Мартынова Б.Ф., Чумаковой М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2011. – С. 11-37.

⁹⁶ Воротникова Т.А. Боливия: становление индейского политического сознания // Индейский мир перед вызовами XXI века. Указ. соч. – С.106-129.

Особую подгруппу представляют работы В.М. Давыдова⁹⁷, Б.Ф. Мартынова⁹⁸, Я.Г. Шемякина⁹⁹, Б.И. Ковалья и С.И. Семенова¹⁰⁰, посвященные цивилизационной специфике региона, без учета которой невозможно анализировать социально-политические процессы в отдельных странах.

Таким образом, отечественная литература, посвященная различным аспектам демократии в Латинской Америке, обширна и разнообразна, она охватывает как общие, теоретические проблемы становления, развития и функционирования современных политических систем в регионе, так и страновые модели, что предполагает изучение национальной специфики каждой страны.

Большое значение при подготовке диссертации имело рассмотрение особенностей и перспектив современной демократической практики в регионе с точки зрения ведущих зарубежных специалистов по его изучению -

⁹⁷ Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. – М.: ИЛА РАН, 2006. – 52 с.; Россия и ибероамериканский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества: сб. статей /под ред. Давыдова В.М., Калашникова Н.В. – М.: ИЛА РАН, 2006. – 564 с.

⁹⁸ Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее...будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. – 172 с.; Он же. Латинская Америка на цивилизационном подъеме // Латинская Америка. – 2006. – № 1. – С.11-18;

⁹⁹ Шемякин Я.Г. BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания // Латинская Америка. – 2014. – № 7. – С.74-80; Он же. Проблема культурного синтеза (на примере Латинской Америки) // Культурология. – 2011. – № 1 (56). – С.58-63; Он же. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. – М.: Наука, 2001. - 391 с.

¹⁰⁰ Коваль Б.И. Харизма и политика. Концепция с латиноамериканскими ликами. //Латинская Америка. – 2011. – № 6. – С.19-29;
Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В., Семенов С.И. Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации – М.: ИЛА РАН, 2000. – 133 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 10); Коваль Б.И., Семенов С.И. Цивилизационная идентификация России и ибероамериканские параллели. – М.: ИЛА РАН, 1998. – 70 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 4); Семенов С.И. Мутации левой политической культуры в цивилизационном контексте Латинской Америки. – М.: ИЛА РАН, 1999. – 96 с.

главным образом, латиноамериканских и испанских исследователей. *Эти работы составляют пятую группу.*

Отмечая завершение перехода к демократическим режимам в большинстве государств региона (Х. Чинчон Алварес, М. Лагос, Д. Пион-Берлин, Ф. Рохас Аравена)¹⁰¹, современные политологи-латиноамериканисты обращаются к проблемам функционирования реальной демократии. Это предполагает: анализ деятельности важнейших политических институтов (А. Валенсуэла¹⁰², М. Алькантара¹⁰³, Ф. Фрейденберг¹⁰⁴, Д. Соватто¹⁰⁵, В. Джиордано¹⁰⁶, А. Массхолдер и др.¹⁰⁷), феномена новых социальных протестов и движений (Р. Нуньес¹⁰⁸, Р. Нунес¹⁰⁹, П. Воммаро¹¹⁰, М.

¹⁰¹ Chinchón Álvarez, J. Democracia y autoritarismo en América Latina: en busca de la década perdida (1995-2005) // América Latina Hoy. – 2007. – Vol. 46. – P.173-199; Lagos M. Latin America's Diversity of Views // Journal of Democracy. – 2008. – Vol.19. – N.1. – P.111-125; Pion-Berlin D. Militares y democracia en el Nuevo siglo // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P.50-63; Rojas Aravena, F. El riesgo de la superposición entre las políticas de defensa y seguridad // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P.36-49.

¹⁰² Valenzuela A. Los partidos políticos y la gobernabilidad democrática en América Latina // Reforma de los partidos políticos en Chile /ed. by Fontain A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. – Santiago: CIEPLAN, 2008. – P.21-40.

¹⁰³ Elecciones y política en América Latina /ed. by Alcántara Sáez M., García Díez F. – Madrid, 2008. - 388 p.

¹⁰⁴ Freidenberg F. La calidad de las elecciones en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/09/29/> (fecha de acceso 20.02.2015).

¹⁰⁵ Zovatto D. El Estado de la democracia en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/09/15/> (fecha de acceso 19.02.2015).

¹⁰⁶ Giordano V. ¿Qué hay de nuevo en las “nuevas derechas”? // Nueva Sociedad. – 2014. – N 254. – P.46-56.

¹⁰⁷ Massholder A. Reflexiones sobre el concepto de democracia. La Mirada de Héctor P. Agosti // Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago de Chile: ARCIS, 2011. – P.95-112.

¹⁰⁸ Nuñez R. ¿ Por qué se generalizan las protestas en América Latina? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/18/> (fecha de acceso 19.06.2015).

¹⁰⁹ Nunes R. Generación, acontecimiento, perspectiva. Pensar el cambio a partir de Brasil // Nueva Sociedad, – 2014. – N 251. – P.42-54.

Модонези¹¹¹, В. Гаго¹¹², М.С. Бланко¹¹³, Х. Гомес Лейтон¹¹⁴ и др.), новых тенденций в развитии гражданского общества¹¹⁵.

В числе важнейших актуальных тем – влияние экономического кризиса и социальных факторов на стабильность демократии в регионе, роль социальной политики государства в укреплении доверия общества к демократическому режиму (К. Маламуд¹¹⁶, Д. Соватто¹¹⁷, К. Мидаглиа¹¹⁸, Ф. Стейнберг¹¹⁹ А. Диас-Кайерос и Б. Магалони¹²⁰, и др.)¹²¹. Принципиальным в

¹¹⁰ Vommaro P. La disputa por lo público en América Latina. Las juventudes en las protestas y en la construcción de lo común // Nueva Sociedad. – 2014. – N. 251. – P.55-69.

¹¹¹ Modonesi M. Postzapatismo. Identidades y culturas políticas juveniles y universitarias en México // Nueva Sociedad. – 2014. – N 251. – P.136-152.

¹¹² Gago V. La política de los muchos // Nueva Sociedad. –2014. – № 251. – P.100-112.

¹¹³ Blanco M.R. América Latina y los movimientos sociales: el presente de la “rebellión del coro” // Nueva Sociedad. – 2010. – N 227. – P.51-67.

¹¹⁴ Gómez Leyton J.C. Movimientos sociales, proyectos populares y democracia. Escenarios políticos latinoamericanos: 1988-2011 // Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago de Chile: ARCIS, 2011. – P.49-68.

¹¹⁵ Barrientos A. Políticas sociales latinoamericanas. ¿Hacia una protección social fragmentada? // Nueva Sociedad. – 2012. – N 239. – P.65-78; Bobes V.C. De la revolución a la movilización. Confluencias de la sociedad civil y la democracia en América Latina // Nueva Sociedad. – 2010. – N 227. – P.32-50.

¹¹⁶ Malamud C. Latinobarómetro y el estado de la democracia en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/10/03/> (fecha de acceso 19.02.2015).

¹¹⁷ Zovatto D. Está América Latina preparada para un cambio de ciclo? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/06/> (fecha de acceso 19.04.2015).

¹¹⁸ Midaglia C. Un balance crítico de los programas sociales en América Latina // Nueva Sociedad. – 2012. – N 239. – P. 79-89.

¹¹⁹ Steinberg F. La economía en América Latina se frena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/14/> (fecha de acceso 19.04.2015).

¹²⁰ Días-Cayeros A., Magaloni B. Aiding Latin America's Poor // Journal of Democracy. – 2009. – Vol.20. – N.4. – P 37-49.

¹²¹ Dussel I. Deudas y desafíos de una nueva agenda en educación // Nueva Sociedad. – 2015. – N 257. – P. 65-76.

современной дискуссии о демократии является вопрос о ее внутренних противоречиях и рисках, завышенных социальных ожиданиях и разочаровании части общества (Х. Кастаньеда¹²², М. Лагос¹²³, М.А. Гарретон¹²⁴, Р. Нуньес¹²⁵). Стабильность и качество реальной демократии – это проблема, ответ на которую стремятся дать исследователи современной латиноамериканской политики. (Эта теоретическая дискуссия подробно рассмотрена в главе I, параграфе 3).

Шестую группу исследований, имевшую особую значимость при подготовке диссертации, составили работы отечественных и зарубежных авторов, непосредственно посвященные Чили.

К первому подразделу этого направления относятся отечественные исследования. Прежде всего, необходимо упомянуть общие работы

Franco R., Hopenhayn M. Las clases medias en América Latina: Historias cruzadas y miradas diversas // Las clases medias en América Latina / ed. By Franco R., Hopenhayn M., León A. – México: Siglo XXI: CEPAL, 2010. – P.7-42.

Hoffmann C.D. Pobreza y desigualdad: la necesidad de un enfoque multidimensional // Nueva Sociedad. – 2015. – N 257. – P. 77-84;

León A., Espíndola E., Sémbler C. Las clases medias en América Latina: una vision de sus cambios en las dos últimas décadas // Las clases medias en América Latina. Op.cit. – P. 43-116.

Salama P. ¿Se redujo la desigualdad en América Latina? Notas sobre una ilusión // Nueva Sociedad. – 2015. – N 257. – P. 85-95;

¹²² Castañeda J. Democracia y expresidentes. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://elpais.com/elpais/2014/05/21/opinion/1400697586_225656.html. (fecha de acceso 1.09.2015).

¹²³ Lagos M. Latin America's Lost Illusions: A Road With No Return? // Journal of Democracy. – 2003. – Vol.14. – N 2. – P. 163-173.

¹²⁴ Garretón M.A. La gobernabilidad democrática en tiempos de crisis // Crisis global y democracia en América Latina. PNUD. – Siglo XXI Editores, 2014. – P.109-122. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.manuelantonioagarretton.cl/documentos/2014/gob-dem.pdf>. (fecha de acceso 21.04.2015).

¹²⁵ Nuñez R. El III Foro Internacional da a luz la “Agenda de Santo Domingo”. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/01/31/> (fecha de acceso 21.04.2015).

исторического характера¹²⁶, а также главы, посвященные Чили, в коллективных монографиях, которые дают представление о важнейших событиях в истории страны, ее политической традиции. Исключительный вклад в развитие отечественной исследовательской школы внесли работы А.А. Щелчкова¹²⁷, Е.Ю. Богуш и О.В. Ульяновой¹²⁸, С.И. Семенова¹²⁹, И.Н. Зориной¹³⁰, А.И. Строганова¹³¹.

Особое внимание в отечественной литературе было уделено правительству Народного единства (1970-1973), личности президента С. Альенде, а также военному перевороту 1973 г. и борьбе демократических сил против режима А. Пиночета¹³². Отмечая богатство фактического материала,

¹²⁶ Очерки истории Чили / под ред. Лаврова Н.М., Альперовича М.С., Ермолаева В.И., Кудачкина М.Ф. – М.: Наука, 1967. – 530 с.; Чили. Политика. Экономика. Культура / отв. ред. Гонионский С.А. – М.: Наука, 1965. – 355 с.

¹²⁷ Щелчков А.А. Чили: образцовая республика. // Политическая история стран Латинской Америки в XIX в. / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2012. – С.401 – 463; Щелчков А.А. (в соавт. С Богуш Е.Ю.) Политическая история Чили XX века. – М.: Высшая школа, 2009. – 224 с.

¹²⁸ Богуш Е.Ю., Ульянова О.В. Чили: Альтернативы национальной истории // История Латинской Америки. Вторая половина XX века / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2004. – С.181-217.

¹²⁹ Семенов С.И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. – М.: Наука, 1971. – 301 с.

¹³⁰ Зорина И.Н. Революция или реформа в Латинской Америке. Критика реформизма чилийской христианской демократии. – М.: Наука, 1971. – 263 с.

¹³¹ Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. – М.: Дрофа, 2002. – 416 с.

¹³² Гришаев П.И., Чибиряев С.А. Режим террора и беззакония: Законодательство и практика чилийской хунты. – М.: Международные отношения, 1979. – 255 с.; Королев Ю.Н. Чилийская революция: проблемы и дискуссии. – М.: Мысль, 1982. – 239 с.; Он же. Чили: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил (1956-1970 гг.). – М.: Наука, 1973. – 199 с.; Косичев Л.А., Низкий В.А. Колокола Чили. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 192 с.; Кудачкин М.Ф., Куценков А.А. Уроки Чили. – М.: Наука, 1977. – 408 с.; Кудачкин М.Ф. Чилийская революция: опыт и значение. – М.: Политиздат, 1977. – 206 с.; Он же. Чили: борьба за единство и победу левых сил. – М.: Мысль, 1973. – 214 с.; Лаврецкий И.Р. Сальвадор Альенде. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 228 с.; Непокоренные. Документы. Свидетельства очевидцев. Очерки о чилийских патриотах. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 88 с.; Сергеев М.Ф. Чили: анатомия заговора. – М.: Международные отношения, 1986. – 192 с.

содержащегося в работах 1970-х гг., написанных «по горячим следам», следует, в то же время, упомянуть, что их характерной чертой является высокий уровень идеологизации в интерпретации событий, идеализация фигуры и деятельности С. Альенде, отсутствие взвешенного объективного подхода к причинам военного переворота. Более поздние исследования подробнее рассматривали весь комплекс проблем, приведших к этому тяжелейшему кризису в истории Чили. Помимо глав в общих работах исторического характера¹³³, анализ идеологии режима А. Пиночета, его политической, экономической и социальной практики содержится в ряде специальных публикаций (А.А. Зайонца, Н.С. Коноваловой, Э.Е. Кузнецовой, в коллективных монографиях под редакцией А.Ф. Шульговского)¹³⁴. Глубокий анализ неолиберальных экономических реформ, проведенных военным режимом, дан в работе Л.Н. Симоновой¹³⁵. Идеология чилийских «правых», ее основания и истоки, а также влияние на современное развитие, исследована А.А. Щелчковым¹³⁶.

¹³³ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. Указ. соч.; Богуш Е.Ю., Ульянова О.В. Чили: Альтернативы национальной истории. Указ. соч. – С. 181-217; Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. Указ. соч.

¹³⁴ Зайонц А.А. Вооруженные силы Чили при Пиночете: самодостаточный организм? // Латинская Америка. – 2005. – № 5. – С. 27-39;

Коновалова Н.С. Идеология правого авторитаризма и фашиствующей контрреволюции в Чили // Современные идеологические течения в Латинской Америке / отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: Наука, 1983. – С.70-118; Кузнецова Э.Е. Теория и практика «неокапиталистической модернизации» социальных отношений // Современные идеологические течения в Латинской Америке / отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: Наука, 1983. – С.141-180; Чили после контрреволюционного переворота: социально-политические и идеологические проблемы / отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: ИЛА РАН, 1983. – 308 с.

¹³⁵ Симонова Л.Н. Финансовая либерализация: чилийский вариант. – М.: ИЛА РАН, 2003. – 216 с.

¹³⁶ Щелчков А.А. Новые правые в Чили. Возрождение чилийского консерватизма в конце XX в. // Латинская Америка. – 2018. – № 7. – С.76-87.

События и процессы конца XX – начала XXI века отражены в сравнительно небольшом числе отечественных публикаций¹³⁷. Существенный вклад в изучение современной чилийской проблематики внес Э.С. Дабагян, рассмотревший деятельность президента Р. Лагоса, отдельные аспекты формирования левоцентристской коалиции Консертасьон, студенческие протесты на современном этапе¹³⁸.

Таким образом, отечественная исследовательская школа охватывает широкий спектр историко-политических и социальных проблем, связанных со становлением, развитием и кризисами демократической традиции в Чили.

В то же время, некоторые общие фундаментальные работы исторического характера (например, «Очерки истории Чили» – М., 1967), изданные в советское время, требуют значительного переосмысления, а важнейший период политического развития страны – начиная с конца 1980-х гг. до современного этапа, остался практически полностью вне поля зрения российских латиноамериканистов. Необходимо отметить также, что события этого периода не рассматривались отечественной литературой в контексте политологической проблематики, как концептуализация национально-специфической модели восстановления и развития демократической традиции. Эту тематику разрабатывала Дьякова Л.В.¹³⁹ (полный список работ

¹³⁷ Чили: результаты модернизации и возможности взаимодействия с Россией. (Отв. ред. Давыдов В.М.). М.: ИЛА РАН, серия «Саммит». 2004. – 38 с.; Владимирская Т.Л. Республика Чили //Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: Наука, 2000. – С.321-336; Чили: от диктатуры к демократии /отв. ред. Вольский В.В. – М.: Наука, 1991. – 182 с.

¹³⁸ Дабагян Э.С. В борьбе за образование для всех: о всплеске социально-политической активности молодежи в Чили // Свободная мысль. – 2015. – № 1 (1649). – С.133-148; Он же. Рикардо Лагос - теоретик и практик перехода от диктатуры к демократии в Чили // Новая и новейшая история. – 2014. – № 6. – С. 158-180; Он же. Рикардо Лагос. Политический портрет. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 80 с.; Dabaguián E. Juventud chilena en lucha por su porvenir // Iberoamérica. – 2014. – № 1. – P.117-132.

¹³⁹ Дьякова Л.В. Чили. Ревизия старых компромиссов. // Латинская Америка. – 2018. – № 2. – С. 5-15; Она же. Чили: на трудном пути демократии // Латинская Америка. – 2016. – №

указан в библиографии). Достижения и проблемы периода 1990-2017 гг., а также новые вызовы современного этапа все еще не получили комплексного отражения в исследованиях российской школы латиноамериканистики.

Второй подраздел в рамках направления, посвященного Чили, составили труды зарубежных авторов. В работах исторического характера освещены многие вопросы, касающиеся важнейших моментов чилийской истории – особенностей политической традиции и политической культуры страны, специфики формирования партий, развития гражданского общества, положения ВС, роли военных в политике¹⁴⁰. Особое значение для диссертационного исследования имели труды А.Б. Томаса¹⁴¹, М.

5. – С. 52-61; Она же. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // МЭиМО. – 2016. – № 3. – С. 101-109; Она же. Новое правительство Чили: перед вызовами справедливости и эффективности // МЭиМО. – 2015. – № 5. – С. 71-80; Она же. Возвращение Мишель Бачелет. // Латинская Америка. – 2014. – № 1. – С. 48-61; Она же. Los Indígenas en el período postpinochetista // Iberoamérica. – 2013. – № 4. – P. 54-75; Она же. «Этика протеста» против «этики ответственности»: Чили и Уругвай – 2011 // Латинская Америка. – 2012. – № 5. – С. 32-41; Она же. Себастьян Пиньера: год у власти // Латинская Америка. – 2011. – № 5. – С. 58-68; Она же. Социальная политика по преодолению бедности в Чили (1990-2004) // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 15-29; Она же. Прощание с Пиночетом // Международная жизнь. – 2004. – № 1. – С. 44-67.

¹⁴⁰ Apuntes sobre la historia del Ejército de Chile. – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales, 1988. – 51 p.; Arellano J.P. Políticas sociales y desarrollo: Chile 1924-1984. – Santiago de Chile: CIEPLAN, 1985. – 329 p.; Bitar S. Chile: liberalismo económico y dictadura política. – Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1980. – 181 p.; Bitar S. Chile. Experiment in Democracy. – Philadelphia: ISHI Publications, 1986. – 243 p.; García Naranjo F. Historias derrotadas: opción y obstinación de la guerrilla chilena (1965-1988). – Morelia: UMSNH, 1997. – 307 p.; Hourton Poissón J. Combate cristiano por la democracia: 1973-1987. – Santiago de Chile: Chile y América-CESOC, 1987. – 283 p.; Kirkendall A.J. Paulo Freire, Eduardo Frei, Literacy Training and the Politics of Consciousness Raising in Chile, 1964 to 1970 // Journal of Latin American Studies. – 2004. – N 36. – С. 687-717; Social Policy from the Grassroots: Nongovernmental Organizations in Chile. – UNICEFF: Boulder-San-Francisco-London, 1989. – 219 p.; Una puerta que se abre: Los Organismos no Gubernamentales en la Cooperación al Desarrollo. – Santiago de Chile, 1989. – 562 p.

¹⁴¹ Томас А.Б. История Латинской Америки. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 647 с.

Канноббио¹⁴², С. Гилисasti Тагле¹⁴³, Х.А. Гурриарана¹⁴⁴, Н. Рамиреса Некочча¹⁴⁵, И. Сосы¹⁴⁶, Дж.Р. Уэлана¹⁴⁷ и др.

Специфика и результаты деятельности правоавторитарного режима А.Пиночета, особенности демократического перехода, роль левоцентристской коалиции Консертасьон, деятельность первых демократических правительств, эволюция партий правой оппозиции в ходе процесса демократизации, рассматриваются в работах М.И. Агилара¹⁴⁸, А. Альяманда¹⁴⁹, О. Авенданьо¹⁵⁰, М.А. Гарретона¹⁵¹, Т. Моулиана¹⁵², К.

¹⁴² Cannobbio M. *Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política 1920-1994*. – Santiago de Chile, 1995. – 339 p.

¹⁴³ Guilisasti Tagle, S. *Partidos políticos chilenos*. – Santiago de Chile: Ed. Nascimento, 1964. – 363 p.

¹⁴⁴ Gurriarán J.A. *Chile: El ocaso del General*. – Madrid: El País, 1989. – 283 p.

¹⁴⁵ Ramírez Necóchea H. *Fuerzas Armadas y política en Chile (1810-1970): Antecedentes para una historia*. – México: Casa de Chile, 1984. – 199 p.;

Idem. *Orígen y formación del Partido Comunista de Chile: Ensayo de historia política y social de Chile*. – Moscú: Progreso, 1984. – 389 p.

¹⁴⁶ Sosa I. *Conciencia y proyecto nacional en Chile (1891-1973)* – Mexico: UNAM, 1981 – 269 p.

¹⁴⁷ Whelan J.R. *Out of the Ashes: life, death and transfiguration of democracy in Chile, 1833-1988*. – Washington: Regnery Gateway, 1988. – 1120 p.

¹⁴⁸ Aguilar M. I. *The Disappeared and the Mesa de Diálogo in Chile 1999-2001: Searching for Those Who Never Grew Old // Bulletin of Latin American Research*. – 2002. – Vol. 21. N 3. – P.413-424.

¹⁴⁹ Allamand A. *Las paradojas de un legado // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / ed. By Drake P., Jaksic I*. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.169-190.

¹⁵⁰ Avendaño O. *La oposición política en Chile durante el período 1990-2011. Una aproximación conceptual y empírica // CS. Instituciones: tensiones y equilibrios sociales*. – 2011. – N 8. – P.147-186.

¹⁵¹ Garretón M.A. *La posibilidad democrática en Chile*. – Santiago de Chile: FLACSO, 1989. – 72 p.; Idem. *Mobilizaciones y movimiento social en la democratización política chilena // La sociedad española en la transición. Los movimientos sociales en el proceso democratizador / ed. by Quirosa-Cheyrouze-y-Muñoz R*. – Madrid: Siglo XXI Editores, 2011. – P.107-119. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:

<http://www.manuelantoniogarretón.cl/documentos/2011/mag2011esp.pdf> (fecha de acceso 29.09.2012); Idem. *Reflexiones sobre la democratización política chilena // Política*, 2004. – Vol.43. – P.167-187. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.manuelantoniogarretón.cl/documentos/07_08_06/Brazil.pdf. (fecha de acceso 29.09.2012).

¹⁵² Moulian T. *Chile actual: anatomía de un mito*. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – 388 p.

Унееуса¹⁵³, Ф. Моранде¹⁵⁴, П. Силвы¹⁵⁵, П.М. Сиавелиса¹⁵⁶, Дж.Р. Бартона¹⁵⁷ и других публикациях¹⁵⁸. Особое значение для изучения особенностей демократического транзита в Чили и разработки концепции чилийской модели имели работы, посвященные таким вопросам, как позиция ВС, «фактор Пиночета», вопрос о наказании военных, отношение общества к теме восстановления справедливости и «проблеме памяти»¹⁵⁹.

¹⁵³ Huneus C. Las consecuencias del caso Pinochet en la política chilena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.cerc.cl/publicaciones%20academicas.htm> (fecha de acceso 20.11.2012); Idem. La derecha en Chile después de Pinochet: el caso de la Unión Demócrata Independiente. // The Helen Kellogg Institute for International Studies. Working Paper # 285 – July 2001. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/285.pdf> (fecha de acceso 12.11.2012).

¹⁵⁴ Morandé F. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. – Buenos Aires: CIEDLA, 1993. – 91 p.

¹⁵⁵ Silva P. Searching for Civilian Supremacy: The Concertation Governments and the Military in Chile // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P.375-396.

¹⁵⁶ Siavelis P.M. Continuidad y transformación del sistema de partidos en una Transición “Modelo”// El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P. 223-259.

¹⁵⁷ Barton J.R., Murray W.E. The End of Transition? Chile 1990-2000 // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. N 3. – P.329-338; Idem. State Continuismo and Pinochetismo: The Keys to the Chilean Transition // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. N 3. – P.358-375.

¹⁵⁸ Bitar S. Chile para todos. – Santiago de Chile: Planeta, 1988. – 170 p.;

Fuentes C. Partidos y coaliciones en Chile de los '90. Entre pactos y proyectos. // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P.191-222;

Oppenheim L.H. Politics in Chile. Democracy, Authoritarianism, and the Search for Development. – Boulder: Westview press, 1993. – 395 p.;

Riquelme Segovia A. ¿Quiénes y por que “no están ni ahí”? Marginación y/o automarginación en la democracia transicional. Chile 1988-1997 // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op. cit. – P.261-280; Transición a la Democracia. Marco político y económico. Santiago de Chile: CIEPLAN, 1990. – 136 p.

¹⁵⁹ Lira E., Loveman B. Derechos humanos en la transición “Modelo”: Chile 1988-1999. // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P.339-374;

Soto Carmona A. La transición tutelada //“L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.63-73; Stern S.J. Reckoning with Pinochet. The Memory Question in Democratic Chile. 1989-2006. – London: Duke Univ. Press, 2010. – 548 p.; Veloso P. Ética y política en el Chile de los noventa // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P.485-500; Weeks G.B. The “Lessons” of Dictatorship: Political Learning and the Military in Chile// Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P. 396-413.

Автор опирался также на обширный блок исследований, посвященных социальному развитию современного чилийского общества – политике демократических правительств после 1990 года. Эти работы охватывают широкий комплекс проблем, связанных с реализацией адресных социальных программ, преодолением бедности, формированием политики в отношении индейского населения страны; анализируются и другие актуальные темы (эти вопросы подробно рассмотрены в главе I, параграфе 4)¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Arenas de Mesa A. y Gusman Cox J. Política fiscal y protección social en Chile // Revista de la CEPAL. – 2003. – N 81. – P.123-141; Barrientos A. Health Policy in Chile: The Return of the Public Sector? // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P.442-459; Berchenko P. Rupturas y continuidades de la evolución de la enseñanza en Chile (1973-2003) // “L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.101-110; Escalona C. Chile, 20 años después: 1988-2008. – Santiago de Chile, 2008. – 149 p.; Carlson B.A. ¿Qué nos enseñan las escuelas sobre la educación de los niños pobres en Chile? // Revista de la CEPAL. – 2000. – N 72. – P. 165-184; Cavieres E.F. Modernidad económica y atraso social. Los dilemas de la experiencia chilena, 1960-2003. ¿El definitivo despegue o una nueva frustración? // “L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.77-87; Claude M. Las miserias del desarrollo chileno (una mirada desde la sustentabilidad) // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P.155-166; El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed.by Lagos R.E y Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011. – 388 p; Forester R., Vergara J.I. Los Mapuches y la Lucha por el Reconocimiento en la Sociedad Chilena // Derecho Consuetudinario y Pluralismo Legal: Desafíos en el Tercer Milenio. XII Congreso Internacional. Marzo 13-17, 2000. – Arica: Universidad de Chile:Universidad de Tarapacá, 2000. – P. 191-205; Frank V.The Elusive Goal in Democratic Chile: Reforming The Pinochet Labor Legislation // Latin American Politics and Society. – 2002. – Vol.44. – N 1. – C.35-68; Foxley A. Chile puede más. – Santiago de Chile: Planeta, 1988. – 259 p.; Hernández J.R. Chile. El difícil y troncado camino hacia el desarrollo // Nueva Sociedad. – 2004. – N 185. – P.50-61; Izquierdo J.M., Navia P. Cambio y continuidad en la elección de Bachelet // América Latina Hoy. – 2007. – N 46. – P. 75-96; Koschützke A. Chile frente a sí mismo. Los límites del fundamentalismo del mercado y los protestas estudiantiles // Nueva Sociedad. – 2012. – N 237. – P.17-31; Lagos M. Una prosperidad no democrática // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21. – P. 139-163; Larrañaga O., Contreras D., Ruíz-Tagle J. Impact of Evaluation of Chile Solidario: Lessons and Policy Recommendations. // Latin American Studies. – 2012. – N 44. – P.347-373; Maira L. Las políticas sociales en América Latina: enseñanzas recientes para tiempos difíciles // Comercio Exterior. – 2003. – Vol. 53. – N 7. – P.638-646; Mallon F.E. Cuando la amnesia se impone con sangre, el abuso se hace costumbre: El pueblo mapuche y el Estado chileno, 1881-1998 // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P. 435-464;

Важнейшую и наиболее обширную группу представляют публикации современных чилийских аналитиков (П. Навиа¹⁶¹, Э. Сото¹⁶², К. Исарт¹⁶³, Х.

Méndez Layera M.L. Las clases medias en Chile: transformaciones, sentido de pertenencia y tensiones entre distintos proyectos de movilidad // Las clases medias en América Latina / ed. By Franco R., Hopenhayn M., León A. – México: Siglo XXI: CEPAL, 2010. – P. 230-288;

Milet P.V. Desafíos externos e internos a la política de defensa en Chile // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P. 147-155;

Ocampo J.A., Gómez-Arteaga N. Los sistemas de protección social, la redistribución y el crecimiento en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2017. – N 122. – P.7-33;

Raczynski D. Políticas sociales en los años noventa en Chile. Balance y desafío // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P.125-154;

Ranis G. y Stewart F. Crecimiento económico y desarrollo humano en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2002. – N 78. – P. 7-24;

Silva P. Estilos políticos y Orientación Tecnocrática bajo los Gobiernos de Lagos y Bachelet // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21.– P. 79-105;

Silva P. Doing Politics in a Depolitized Society: Social Change and Political Deactivation in Chile // Bulletin of Latin American Research. – 2004. – N 1(23). – P.63-78;

Valenzuela A., Dammert L. Problems of Success in Chile. // Journal of Democracy. – 2006. – Vol.17. – N 4. – P.66-79;

Valenzuela Fernández R. Inequidad, ciudadanía y pueblos indígenas en Chile. // CEPAL. Serie Políticas Sociales. Santiago de Chile, 2003. – 46 p.

Waissbluth M., Inostroza Lara J. ¿Pueden la empresa y la izquierda convivir y no morir en el intento? // Nueva Sociedad. – 2006 – N 202. – P.98-111.

¹⁶¹ Navia P. El Inviabile proceso constituyente de Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/11/05/> (fecha de acceso 10.11.2015);

Idem. Autoridad moral de Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (fecha de acceso 15.04.2015);

Idem. ¿ Qué le pasó a Bachelet? // Nueva Sociedad. – 2007. – N 212. – P.4-14;

¹⁶² Soto H. Michelle Bachelet: los síntomas de un gobierno agotado. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/09/01/> (fecha de acceso 02.09.2015);

Idem. Liderazgo ausente. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/21/> (fecha de acceso 01.08.2015);

Idem. La República de la incertidumbre. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/30/> (fecha de acceso 15.01.2015);

¹⁶³ Ysart C. Recuperar la confianza perdida. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/29/> (fecha de acceso 05.05.2015);

Idem. Chile, los estudiantes y la intransigencia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/10/20/> (fecha de acceso 25.11.2011);

Idem. Chile: la alternancia es democracia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2010/01/04/> (fecha de acceso 15.02.2010);

Бруннера¹⁶⁴, Х.Г. Лейтона¹⁶⁵, Л.Э. Эскобара¹⁶⁶ и др.), рассматривающие комплекс вопросов, связанных с функционированием и совершенствованием консолидированной демократии, ее рисками и противоречиями (полный перечень использованных работ данных авторов указан в библиографии). Эта группа публикаций содержит актуальные оценки и мнения, способствующие пониманию специфики современного политического процесса в стране, динамики общественных настроений, отношения к деятельности государственных институтов, правительств и президентов.

Таким образом, степень научной разработанности свидетельствует, с одной стороны, о значимости избранной темы исследования, особенно в контексте современных дискуссий о демократии и перспективах ее развития в отдельных странах, с другой – о недостаточной изученности такого феномена, как чилийская модель.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- автор обращается к темам, практически не изученным отечественными исследованиями Латинской Америки, особенно в том, что касается современной политики;
- рассматривая чилийскую модель общественно-политического развития как неотъемлемую часть латиноамериканского политического процесса, автор показывает историческую эволюцию латиноамериканских подходов к проблемам демократии и специфику современных дискуссий;

¹⁶⁴ Brunner J.J. Clase media, educación y DC. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/05/>(fecha de acceso 06.11.2014);

¹⁶⁵ Gómez Leyton J.C. La batalla por el derecho a la educación en la sociedad neoliberal, Chile 2011 // Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago de Chile: ARCIS, 2011. – P.7-22; Idem. Chile 1990-2007. Una Sociedad Neoliberal Avanzada // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – N 21. – P.57-59.

¹⁶⁶ Escóbar L.E. Michelle Bachelet en busca de la transformación de Chile // Nueva Sociedad. – 2014. – N 252. – P.4-14.

– на примере Чили проанализированы не только становление, но и динамика развития современной демократии, ее достижения и проблемы, выявлены риски нового этапа, вызванные комплексом сложных социально-политических противоречий;

– впервые рассмотрены такие важнейшие аспекты темы, как особенности демократического транзита в Чили: модель «элитарных компромиссов» и «управляемого перехода», «фактор Пиночета», роль политических переговоров и соглашений на этапе либерализации авторитаризма; выделены условия, необходимые для успешной реализации этого процесса, и факторы, повлиявшие на формирование мирного пути политической трансформации; показана особая роль политической элиты;

– впервые комплексно исследована деятельность левоцентристской коалиции (Консертасьон), ставшей основным актором демократического транзита и предложившей целенаправленную социально-ориентированную политическую стратегию на этапе совершенствования консолидированной демократии;

– показана роль масштабной, целенаправленной социальной политики в консолидации и развитии демократической модели (исследованы особенности, проблемы и результаты реализации социальных программ по преодолению бедности, в области образования и здравоохранения, молодежной политики, в отношении индейских народов);

– показана роль политической культуры демократического типа, оказавшей влияние на всех участников политического процесса; кризисы демократической модели на этапе их преодоления подчеркивали силу сформированной традиции;

– чилийский опыт исследован в его противоречивой динамике, предполагающей как безусловно позитивную составляющую, так и серьезные проблемы, трудности, риски, особенно возрастающие на современном этапе;

– показана и проанализирована «проблема памяти» – сложнейший современный феномен, свойственный странам, пережившим периоды жесткого авторитаризма;

– в работе введен в научный оборот и проанализирован обширный эмпирический материал, отражающий современный этап развития страны.

Теоретико-методологическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что автором комплексно исследована модель становления и развития демократии в Чили, показанная как в контексте общетеоретических вопросов и дискуссий, так и в пространстве латиноамериканских политических размышлений о сущности и задачах демократии. Рассмотрены исторические истоки, этапы и кризисы чилийской модели, концептуализирована проблема разрыва демократической традиции, приведшая к установлению военно-авторитарного режима. Дан комплексный анализ чилийского варианта демократического транзита, показана его национальная специфика и те условия, которые были необходимы для успешной реализации этого процесса, выделены важнейшие факторы, повлиявшие на формирование мирного пути политической трансформации, показана особая роль политической элиты. В работе исследована политика всех демократических правительств постпиночетовского периода, дана оценка достижениям и проблемам современного этапа развития демократии. Важнейшим элементом диссертационного исследования стало существенное расширение представления о *социальном содержании демократии и* возможностях социальной политики государства как важнейшем инструменте минимизации социальных рисков. Поставлена проблема жизнеспособности, *качества* установившейся консолидированной модели, и новых вызовов, предъявляемых политической системе со стороны общества на новом этапе развития. Существенное научное значение имеет также рассмотрение взаимосвязи и взаимозависимости общих, глобальных

проблем, и конкретной национальной демократической модели, предлагающей свои ответы на вызовы современности.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты, а также введённая в научный оборот новая эмпирическая информация могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации, МИД РФ и иными государственными институтами, реализующими государственную внешнюю политику, при разработке стратегии взаимодействия с государствами Латинской Америки, в частности – с Чили, с учетом внутривнутриполитической специфики этого региона и данной страны.

Результаты проведенного исследования позволяют использовать их в деятельности научно-исследовательских учреждений, преподавании базовых политологических дисциплин и специальных проблемных курсов в высших учебных заведениях, при подготовке учебной и методической литературы, при реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей-политологов и регионоведов.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1) Современная чилийская модель общественно-политического развития сложилась под воздействием длительной исторической традиции, в которой с конца XIX в. заметную роль играли парламентаризм, политические партии, деятельность активного гражданского общества, политика социального реформизма элиты. Это сформировало особый тип политической культуры демократического типа.

2) Наряду с демократической, гражданской, социал-реформистской составляющей, характерной особенностью чилийской политической культуры являлась также традиция периодического (кратковременного) вмешательства Вооруженных сил в политическую жизнь, основанная на

исторически сформированной корпоративной этике военных, ориентированных на охрану «внутреннего порядка». В этом смысле приход правоавторитарного военного режима в 1973 г. являлся событием не случайным, обусловленным нарастанием конфликтной составляющей в ходе предшествующего этапа политического развития.

3) На протяжении нескольких десятилетий XX в. в стране шел интенсивный поиск национальной стратегии политического и социального развития, включавший особенно значимые христианско-демократический (1964-1970) и социалистический (1970-1973) проекты, каждый из которых имел как свои достижения, так и глубокие противоречия. Трагическое обострение этих противоречий, вызванное во многом усилением радикально-популистских тенденций, стало причиной военного переворота 1973 г. и разрыва демократической традиции.

4) Специфика 17-летнего этапа чилийского авторитаризма (с 1973 по 1990 г.) состояла в реализации программы масштабной неолиберальной модернизации при жестком ограничении политической и общественной свободы; при этом авторитарный режим был неоднороден, постепенно эволюционировал в направлении либерализации, что способствовало началу демократического транзита.

5) На формирование основ современной чилийской демократии приоритетное влияние оказали особенности демократического транзита, представлявшего собой «модель элитарных компромиссов». Эти компромиссы были заключены:

- Внутри демократической оппозиции, между христианскими демократами и социалистами, центристами и левыми; между Пиночетом и оппозицией; между правыми партиями; между сторонниками «правой» и «левой» политической культуры в целом и различными группами общества.

- Стабильность мирной трансформации была обеспечена благодаря решению А. Пиночета передать власть, и готовности демократической политической элиты, особенно на этапе 1990-х гг., соблюдать условия компромисса.
- Авторитарные структуры были институционально «вписаны» в новый дизайн на начальном этапе транзита; их окончательное преодоление стало возможным только после глубокой реформы Конституции, проведенной в 2005 г. на этапе консолидации демократической модели.

б) Успешная реализация данной модели демократического транзита была обусловлена сочетанием ряда структурных и процедурных факторов. Принципиальное значение имели особенности политической культуры Чили: традиция партийных договоров и коалиций; исторически сложившаяся корпоративная этика силовых структур, не готовых к перманентному насилию над обществом; активность и независимость организаций гражданского общества; роль Католической церкви; сформированность в массовом общественном сознании установки на мирную политическую трансформацию. Важнейшим процедурным, субъективным фактором стала активность и политическая воля демократической оппозиции, готовность к компромиссу и соблюдению достигнутых соглашений.

7) Особое значение в процессе демократического транзита имел первый, начальный, этап (либерализации), когда вероятность вступления в игру сил, защищающих прежний режим, была особенно высока. В связи с этим многократно возрастали требования «процедурным факторам» перехода: к политической ответственности и профессионализму лидеров ведущих партий демократической оппозиции.

8) Чилийский опыт политической трансформации, наряду с очевидными достижениями, имел и существенные противоречия, наиболее

глубокое из которых было predetermined условиями политического компромисса, обеспечившего мирный переход (отказом от наказания военных и люстрации). Этическая травма, нанесенная обществу, осталась не преодоленной и является источником потенциальных конфликтов.

9) Современная чилийская общественно-политическая модель – это развитая консолидированная демократия, которая, в то же время, находится под давлением новых рисков и вызовов, связанных с высокими социальными ожиданиями общества, «проблемой памяти», поиском инструментов реализации социальной справедливости, с одной стороны, и необходимостью продолжения эффективной экономической политики – с другой.

10) Чилийская общественно-политическая модель является национально-специфическим вариантом важнейших универсальных тенденций становления и развития демократии, преодоления ее системных кризисов, поиска механизмов ее усовершенствования на современном этапе.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Диссертация обсуждена на заседании Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН 17.05.2018.

Результаты исследования апробированы в выступлениях автора на международных и всероссийских научных конференциях, межинститутских «круглых столах» и семинарах, в ходе различных научных мероприятий ИЛА РАН, в процессе работы в Центре политических исследований ИЛА, сотрудником которого является автор.

Материалы и выводы диссертации получили применение в учебном процессе, в рамках преподавания дисциплины «Политология» (ГАУГН, ф-т психологии, 1995-2014 гг. – лекции и семинары); в подготовке учебного курса «Политические системы Латинской Америки» (РГГУ, 2007-2008 гг., ф-т истории, политологии и права – лекции и семинары), а также в лекционном

спецкурсе «Устойчивое развитие в Латинской Америке: политические и социальные проблемы», прочитанном в Университете Карабобо (Венесуэла, 2011 год).

Материалы диссертации, в частности – анализ электоральных процессов, правительственной деятельности, текущей политической ситуации в Чили – неоднократно предоставлялись автором для подготовки аналитических записок в МИД РФ.

Автор принимала участие в подготовке материалов для аналитической серии «Саммит», выпускаемой ИЛА РАН (отв. ред. – Давыдов В.М.) и предназначенной для органов государственной власти РФ, в рамках которой вышло издание «Чилийская модель: её преимущества и риски (мандат М. Бачелет). – М.: ИЛА РАН, 2009. – 86 с.

Выводы и основные положения диссертации изложены автором в одной авторской и шести коллективных монографиях. Диссертант имеет 20 статей, которые опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для публикации результатов диссертаций. Общее количество публикаций по теме составляет 72 работы, объем публикаций – 68 авторских (печатных) листов.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация полностью соответствует паспорту специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии. Объектами исследований в рамках данной специальности выступают политические системы и политические режимы, процессы социально-политической трансформации, принципы и механизмы политического управления. Полученные соискателем результаты диссертационного исследования соответствуют следующим пунктам паспорта специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии:

1. Политическая власть. Функции политической власти. Типы и разновидности политической власти. Социальные основания и ресурсы политической власти.

2. Государственная система. Государство и гражданское общество. Государственная политика и управление.

3. Политический режим. Типология политических режимов. Основные черты и критерии демократии. Виды демократии. Влияние политических режимов на политический процесс. Переходные режимы: современные дискуссии.

4. Место и роль партий в политических отношениях современности. Социальные основы и природа политических партий. Функции политических партий. Партии и государство. Партии и движения. Партии и другие формы артикуляции интересов (корпоративизм, группы давления и пр.). Структура политических партий. Партии и избирательные системы. Идеологии политических партий.

5. Политическая элита. Свойства и функции политической элиты. Взаимодействие элиты и масс в политике. Элиты и контрэлиты. Строение и функции правящей элиты. Политическая и бизнес-элита во власти. Издержки элитизма. Политическое лидерство как институт политической власти. Функции политического лидерства. Типы лидерства. Особенности рекрутирования политических лидеров в различных политических системах. Критерии эффективности политического лидерства. Качества политического лидерства и имидж политика.

8. Место политического процесса в системе общественных процессов. Социокультурные основания политического процесса. Типология политических процессов. Субъекты и объекты политического процесса. Власть и оппозиция в политическом процессе. Структурные элементы

политического процесса, способы и механизмы их взаимосвязи и взаимодействия.

9. Статика и динамика в политической жизни: традиционные и модернизационные типы общества. Цивилизационные и национальные стили развития политических процессов.

Политическая модернизация, ее взаимосвязь с модернизационными прорывами в других сферах общественной жизни. Инновационные группы в модернизационных процессах. Модернизация в условиях глобализации.

10. Основные концепции политических изменений современности (Политическое развитие в контексте постмодерна. Теории политической модернизации. Демократический транзит.).

12. Выборы как механизм политического участия, их роль и функции в политической жизни общества. Избирательное право. Избирательная система. Типы избирательных систем. Факторы эффективности выборов. Избирательный процесс. Влияние политических режимов на избирательный процесс. Избирательные кампании как способ политической мобилизации.

Структура диссертации определяется научно-практической значимостью темы и логикой исследования, обусловлена поставленной целью и задачами. Диссертация состоит из введения, 5 глав, включающих в себя 23 параграфа, заключения и списка использованной литературы.

Глава I. ДЕМОКРАТИЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И СПЕЦИФИКА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

I.1. Демократия: эволюция теоретических концепций.

Основной предмет исторических и современных дискуссий о демократии – определить, в чем сущность, особенности функционирования и преимущества демократии как политического режима, основанного на принципе выборности властей и учета мнения общества в процессе принятия политических решений. Поиск ответа на этот фундаментальный вопрос породил множество теорий демократии, каждая из которых стремилась выделить ее важнейшие черты как сложной живой системы, которой свойственны как безусловные достоинства, так и серьезные недостатки.

Классическая либеральная теория демократии, заложившая основу для дальнейших интерпретаций, была разработана в трудах политических философов Нового времени и представляла собой группу различных концепций, объединенных фундаментальной идеей о свободе человека и его неотъемлемом праве выбирать все – от идеологии и образа жизни до формы правления, принимая на себя все ответственность за этот выбор. При близости основополагающих идеологических принципов, подходы основоположников либеральной модели к задачам и смыслу демократии были различны.

«Протекционистская» («охранительная») концепция, сформированная в рамках общей классической теории в трудах Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля-Луи Монтескье, Джеймса Мэдисона, Томаса Пейна, Томаса Джефферсона, Иеремии Бентама, Джеймса Милля и др., опиралась на идеи конституционной демократии, с ее акцентом на защите прав, интересов и свобод отдельной личности от произвола властей. Важнейшими инструментами этой защиты выступали всеобщее избирательное право и

принцип равенства всех граждан перед законом; однако преимущество в триаде «государство – личность – свобода» отдавалось теоретиками демократии различным переменным.

Т. Гоббс¹ отстаивал приоритет государства перед личностью и «правами человека», считая, что люди по своей природе несовершенны («война всех против всех»), и нуждаются в жесткой структуре государства для создания политического порядка и защиты своих интересов. Дж. Локк, по мнению английского исследователя Дэвида Хелда², в своих размышлениях о свободе личности, сущности и функциях представительной демократии, о необходимости конституционных ограничителей власти, предвосхищал ряд направлений политической мысли XX в., оставаясь последовательным защитником прав человека перед правами государства. Важнейшим дополнением либеральных протекционистских воззрений была идея о разделении властей (Ш.-Л. Монтескье³), предложившая конкретный механизм реализации принципа политического равновесия, недопущения концентрации власти. Английские утилитаристы И. Бентам⁴ и Дж. Милль⁵ делали акцент на защите, с помощью всеобщего избирательного права, индивидуальных интересов отдельных граждан, считая «правильное» (т.е. демократическое, основанное на принципе разделения властей) устройство государства важнейшим условием и экономического, и политического прогресса. Представители американской политической философии Т. Джефферсон⁶ и Дж. Мэдисон⁷ развили идеи федерализма и, дополняя

¹ Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. – М.: Мысль, 1989/1991. – 622/731 с.

² Хелд Д. Модели демократии. – М.: Изд дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.

³ Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.

⁴ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.

⁵ От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса // Всемирная история экономической мысли /под ред. Черковца В.Н., Сперанской Л.Н. – Том II – М. Мысль, 1988 – 574 с.

⁶ Джефферсон Т. Общий обзор прав Британской Америки //Американские просветители. Избранные произведения в двух томах /под ред. Быховского Б.Э. – том 2. – М.: Мысль, 1969. – 447 с.

концепцию разделения властей, заложили основы американской системы «сдержек и противовесов», доказавшей свою жизнеспособность в течение двух столетий. Важнейшую роль в подходе и английских, и американских мыслителей всегда играло уважение к праву собственности, что означало, по сути, уважение к свободе личности и правам человека. Например, Мэдисон признавал, что защита «разнообразия присущих человеку способностей, из которых проистекают права собственности», является «первой заботой государства»⁸.

Иные акценты, в противовес жесткому либертариистскому подходу основоположников «протекционистской» модели, были расставлены (в рамках общей либеральной теории) идеологами *«развивающей» концепции демократии* – Жаном-Жаком Руссо⁹ и Джоном Стюартом Миллем¹⁰. Они подчеркивали образовательную, просветительскую роль демократии, целью которой должно являться саморазвитие и просвещение свободных граждан. Важнейшим вкладом Руссо в осмысление сущности демократии является особая трактовка концепции общественного договора как нового «горизонтального» соглашения между равными гражданами о лучшем способе управления (а не между избирателями и властью). Идеи о гуманистической миссии демократии, с акцентом на позитивном смысле свободы, праве сохранять независимость своей позиции от «тирании большинства», подлинном (а не формальном) равенстве, на основе которого может быть сформировано гражданское общество, просвещении и развитии человека, впоследствии, в XX в., были восприняты теоретиками

⁷ Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джей Дж. Федералист. Политические эссе. – М.: Прогресс, 1993. – 568 с.

⁸ Цит. По: Джанда К., Берри Д.М., Голдман Д., Хула К.В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 114.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.

¹⁰ Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. – Челябинск: Социум, 2006. – 384 с.

«партиципаторной» концепции, провозгласившими приоритет личного участия граждан в политическом процессе.

Особое место в спектре демократических теорий XIX в. занимает *марксистская* (Карл Маркс, Фридрих Энгельс), рассматривающая развитие общества с точки зрения экономической эксплуатации, антагонизма классов и неизбежности пролетарской революции¹¹. При общей философской ограниченности, социальные размышления марксизма XIX в. (например, идея социальной справедливости), в некоторых регионах были восприняты с особой остротой – это касалось и политической мысли Латинской Америки.

Классические концепции демократии выделяли различные принципиальные аспекты этого многомерного и сложного понятия: идею народного суверенитета и общественного договора; конституционализма и разделения властей; безопасности, защиты общественного блага и прав личности от хаоса и произвола; развития гражданского общества; справедливости и социального равенства; просвещения и воспитания. По мере исторического развития в ситуации вечного, неразрешимого спора оказывались базовые понятия демократической теории: свобода и равенство; свобода и безопасность; независимость личности и общественное благо; государство и общество; политический порядок и политическая активность масс; экономическая свобода и социальная справедливость, и т.д.

Неустойчивое равновесие между этими переменными менялось на протяжении XIX - XX вв., а богатая практика реальных демократий, ставших в XX в. массовым явлением, дала основание для возникновения современных концепций, в которых идеи классиков были подвергнуты критике, частично пересмотрены, частично отвергнуты, но в основном – развиты на более сложном и драматическом материале современности.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О демократии / Сост. Кузьмин В.П. и др. – М.: Политиздат, 1988. – 512 с.

Ревизия классической либеральной теории в середине XX в. привела к формированию «элитарной» концепции, в основу которой были положены идеи об особой роли компетентной и профессиональной элиты, берущей на себя основные функции государственного управления. Основоположник концепции «конкурентного элитизма» («соревнующихся лидеров»), Йозеф Шумпетер¹², считал, что демократия представляет собой один из методов политического управления, осуществляемого профессиональными политиками, конкурирующими за голоса избирателей, «определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений»¹³. Сомневаясь как в возможности достижения «общего блага» в сложном современном обществе, так и в способности масс к ответственному политическому руководству, Шумпетер видел важнейшую проблему демократии в механизме отбора в элиту, подчеркивал значимость высокой квалификации и управленческих качеств профессиональных политиков. Этот подход сближал его позицию со взглядами выдающегося элитиста Макса Вебера, также выделявшего в политическом процессе в первую очередь личность и качества профессионального политика с его особой «этикой ответственности»¹⁴.

Пессимистически оценивая нормативно-этические постулаты классической теории демократии, Шумпетер, в то же время, признавал и определенное влияние народа на функционирование политики, отмечал необходимость внутреннего самоограничения власти, что отличает его концепцию «соревновательного элитизма» от более поздних и более жестких элитистских воззрений. Как подчеркивает известный российский политолог-американист Э.Я. Баталов, глубокое разочарование Шумпетера в

¹² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

¹³ Там же. – С. 321.

¹⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия. / Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

классических концепциях демократии «было связано с крахом идей и верований, на которых они были построены – прежде всего идей Просвещения с его верой в социальный прогресс, требованием политического равноправия, вытекавшим из представления о естественном равенстве всех и каждого; верой в здравый смысл индивида... и т.п.»¹⁵. События XX в. пошатнули эти постулаты. В то же время, размышления Й. Шумпетера дали импульс для постоянного переосмысления теории демократии применительно к реалиям современности. В частности, одним из продолжателей концепции «конкурентного элитизма» был Сеймур Мартин Липсет¹⁶, выделявший в качестве важнейшего условия существования демократической конкуренции уровень экономического и культурного развития страны (эта точка зрения впоследствии получит особое развитие в теориях демократического транзита). Размышления Липсета касались также проблем совершенствования управления и роли бюрократии в функционировании современных демократических систем.

В противоположность элитистским воззрениям, основоположники *плюралистической* теории (Дэвид Трумэн¹⁷, Роберт Даль, Чарльз Линдблом¹⁸, Гэбриэл Алмонд, Сидней Верба¹⁹) считали, что демократия является состязанием не представителей элит, а конкуренцией различных политических групп, ни одна из которых не имеет монополии на власть; власть оказывается «распылена» между конкурирующими политическими

¹⁵ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX в. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 616 с.

¹⁶ Lipset S.M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. – N.Y.:Doubleday, 1960. – 432 p.

¹⁷ Truman D. *The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion*. – N. Y.: Alfred A Knopf, 1951. – 544 p.

¹⁸ Lindblom Ch. *The Intelligence of Democracy: Decision Making Through Mutual Adjustment*. –New York: The Free Press, 1965; Lindblom Ch. *Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems*. – New York: Basic Books, 1977. – 403 p.

¹⁹ Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. – М.:Мысль, 2014. - 500 с.; Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. – Princeton: Princeton University Press, 1963.-562 p.

силами. Наибольшую известность в рамках плюралистических воззрений приобрела концепция «полиархии» Р. Даля²⁰: этим термином назван реальный политический порядок, отражающий многообразие и сложность современного демократического общества. Полиархия опирается на эффективное функционирование политических институтов и предполагает реализацию нескольких важнейших условий: свободные и честные выборы; политическую конкуренцию и участие, право претендовать на выборную должность; всеобщее голосование; право граждан создавать независимые организации, в том числе политические партии, и получать информацию из альтернативных источников; право оппозиции оспаривать решения правительства; открытый характер конфликтов между политическими лидерами.

Важнейшим достижением теории полиархии является выделение качества политических институтов и процедур как фундаментальной основы демократического режима, а также определение условий, без которых становление полиархии невозможно. Среди этих условий принципиальная роль отводится наличию «современного динамичного плюралистического общества», культурно однородного, с высокой долей образованного городского населения и высоким средним уровнем благосостояния, разделяющего, в целом, либеральные ценности²¹. Существование такого общества создает базовые предпосылки для успешного функционирования полиархии, а его отсутствие является практически непреодолимым препятствием для эффективной демократической практики.

²⁰ Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.; Даль Р. Введение в теорию демократии. – М.: Наука, 1992. – 156 с.; Даль Р. Введение в экономическую демократию. – М.: Наука, 1991. – 125 с.; Dahl R.A. On Democracy. – New Haven: Yale University Press, 1998. – 217 p.; Dahl R.A. Democracy and its critics. – New Haven: Yale University Press 1989. – 397 p.

²¹ Даль Р. Демократия и ее критики. – С. 383.

Серьезным недостатком плюралистической концепции можно считать определенную апелляцию к нормативно-этическому подходу: Р. Даль не скрывал, что считает демократическое устройство наиболее подходящим для государственного управления, гарантирующим гражданам широкий спектр политических свобод, в наибольшей степени защищающим их интересы. Однако принципиальное допущение преобладания в обществе единых, разделяемых всеми социальными группами, идеалов и ценностей, никак не объясняло перспективы консолидации демократии в сложных гетерогенных странах, в которых отсутствует подобный базовый консенсус.

Акцент на этой проблеме был сделан Арендтом Лейпхартом в его концепции *«сообщественной» (консоциативной) демократии*²². Эта модель рассматривает возможности стабильного демократического развития многосоставных обществ, имеющих внутренние расколы и конфликты по этническому, религиозному, социальному признаку. Механизм включения всех сегментов в процесс политического управления, по А. Лейпхарту, предполагает принцип пропорциональности политического представительства, право меньшинств на вето, высокую степень автономности каждого сегмента, реализацию властных полномочий широкой коалицией лидеров, основанной на их сотрудничестве и взаимодействии (что является важнейшим условием существования общественной модели). Таким образом, концепция общественной демократии теоретически обосновывает возможность построения демократической системы в сложных многосоставных обществах, при условии, что политические элиты способны «сконструировать» и в дальнейшем поддерживать этот порядок посредством

²² Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.; Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования – 1992. – № 1-2. – С.217-225; Lijphart A. Patterns of democracy. – New Haven: Yale University Press, 2012. – 368 p.; Lijphart A. Democracy in plural societies: A comparative exploration. – New Haven: Yale University Press, 1977. – 260 p.

целенаправленных усилий²³. В то же время, политический процесс в более однородных обществах отличается рядом существенных особенностей, что делает общественную модель непригодной для анализа ситуации в странах с гомогенным политическим и культурным ландшафтом.

В русле многочисленных концепций демократии последней трети XX в. необходимо выделить новый вариант «элитистской» теории, получившей дальнейшее развитие в работах Джованни Сартори²⁴. Основываясь на концептуальных подходах итальянской школы элитизма, а также некоторых постулатах Й. Шумпетера, Дж. Сартори рассматривал демократический порядок с точки зрения эффективности управления, подчеркивал приоритетную роль элит в процессе реализации демократической власти и профессиональных качеств «контролирующего меньшинства», осуществляющего государственное управление. Введенные им понятия «вертикальной» демократии и «селективной» полиархии (т.е. системы специально отобранных избирательных меньшинств) отражают элитистскую сущность современных политических систем, успешное развитие которых непосредственно зависит от квалификации элиты. Точка зрения Сартори, не отвергая самого понятия «полиархии», обосновывает правомерность «вертикального» устройства общества, спорит с распространением идеологии «горизонтальной» демократии, основной ценностью которой является равенство – нередко используемое исключительно в популистских целях. По мнению Сартори, главной проблемой демократической теории является поиск ответа на вопрос, как повысить качество управления. Актуальность такого подхода подтверждается тем фактом, что в

²³ Баталов Э.Я. Ук. соч. – С. 453.

²⁴ Сартори Дж. Вертикальная демократия. // Полис. Политические исследования – 1993. – №2. – С.80-89; Sartoti G. Teoría de la Democracia. – Madrid: Alianza Universidad, 2005. – 312 p.; Sartori G. The Theory of Democracy revised. – Chatham-N.J., 1987. – 542 p.; Sartori G. Parties and Party System. A Framework for Analysis. – Cambridge: ECPR Press, 1976. – 368 p.

современных демократиях (особенно латиноамериканских) проблема управления, профессиональных качеств элиты действительно является одной из наиболее острых, реально влияющих на жизнь общества.

Вторая половина XX века стала временем интенсивного распространения различных концепций «*партиципаторной*» демократии (или «*демократии участия*», «*прямой*» демократии), стремящихся вернуть либеральную демократию к идеалам античности, а также к некоторым основополагающим принципам классической теории в духе Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсона, Дж. Ст. Милля – народовластия, позитивной свободы, самоуправления, ответственности и активности гражданина. Ее теоретики (Кэрол Пейтман, Бенджамин Барбер, Норберто Боббио, Томас Кронин, Кроуфорд Б. Макферсон, Джозеф Циммерман и др.)²⁵ отстаивали необходимость прямого, непосредственного участия общества в реализации власти в формах, доступных широким слоям населения. Идеология партиципаторной демократии, критикуя систему представительства интересов, предполагает массовое вовлечение граждан в политический процесс, повышение их активности и стремления влиять на механизм принятия решений, участвовать в референдумах и других формах «прямого» воздействия на власть, широко применять методы самоуправления в тех организациях и структурах, где это возможно.

²⁵ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Издательский дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011. – 174 с.; Barber B.R. Strong Democracy. Participatory Politics for a New Age. – Berkeley: University of California Press, 2003. – 320 p.; Bobbio N. Left and Right: The Significance of a Political Distinction. – The University of Chicago Press, 2016. – 120 p.; Bobbio N. The Future of Democracy. The Defence of the Rules of the Game. – University of Minnesota Press, 1987. – 184 p.; Cronin T.E. Direct Democracy. The Politics of Initiative, Referendum, and Recall. – Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1989. – 289 p.; Pateman C. Participation and Democratic Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – 122 p.; Zimmerman J. Participatory democracy: populism revived. – N.Y.:Praeger, 1986. – 229 p.

Идеи «демократии участия», родившиеся под влиянием «новых левых» и американского движения в защиту гражданских прав, активно использовали в своей риторике политические лидеры всевозможных течений «новой волны», получивших широкое распространение в Западной Европе и США в 1980-90-е годы. В Латинской Америке эти взгляды нашли отражение в работах аргентинского философа Марио Луиса Родригеса Кобоса (писавшего под псевдонимом Сило)²⁶. Концепция так наз. «современного гуманизма», предложенная Сило, оказала влияние на формирование своеобразного латиноамериканского гуманистического движения (получившего распространение, в том числе, и в Чили), в идеологии и практике которого воплотились идеи альтернативной политики, низовой гражданской активности, социальной солидарности²⁷.

Позиции партиципаторной демократии, апеллирующей к нормативно-этическим идеалам, позволяли ее сторонникам критиковать все достижения современных полиархий за ограниченность, отчуждение власти от народа, несовершенство политической практики, несоответствие основополагающим демократическим принципам, сохранение социальных проблем (в частности, социального неравенства, что всегда было актуально для стран Латинской Америки).

В то же время, несмотря на утопический в целом характер этого подхода, его неприменимость в сложных (и особенно многосоставных) обществах, некоторые положения не только не утратили своей актуальности сегодня, но приобрели особую остроту в контексте многочисленных концептуальных споров о сущности и проблемах современной демократии,

²⁶ Silo. *Humanizar la Tierra*. – Madrid: Ediciones León Alado, 2013. – 159 p.

²⁷ Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Латинской Америке: мировоззрение и социально-политическая практика // Латинская Америка. – 2014. – № 8. – С. 16-23; № 9. – С.4-15.

стали востребованы в идеологии и практике альтер-глобализма и других альтернативных движений. Идеи прямого участия в политике, повышения влияния общества на власть, связанные с ревизией жесткого элитизма и стремления ограничить многообразие демократических практик, становятся все более популярными в мире, в том числе – в Латинской Америке.

Таким образом, эволюция теоретических концепций демократии вплоть до конца XX в. свидетельствует о том, что на разных исторических этапах политические философы, а впоследствии – политологи, концентрировали внимание на различных аспектах этого многогранного понятия, казавшихся наиболее значимыми в каждый конкретный момент политического развития. Этими аспектами были: свобода, защита прав человека, конституционализм и представительство интересов – для теоретиков либеральной «протекционистской» модели; гуманизм, просвещение и развитие свободных граждан – для сторонников либеральной «развивающей» концепции; мечта о построении бесклассового общества в результате заложенной в фундаменте демократических идей принципа социального равенства – для марксистов. Конкуренцию лидеров в качестве основополагающего признака демократии выделял Й. Шумпетер; конкуренцию групп – Р. Даль и последователи плюралистической теории; роль управляющего меньшинства – Дж. Сартори; необходимость «сообщественного конструирования» многосоставных обществ обосновывал А. Лейпхарт; роль прямого участия граждан отстаивали сторонники партиципаторной демократии. Рассмотренными вариантами не исчерпываются многочисленные, но менее фундаментальные (на наш взгляд) концепции, внесшие свой вклад в формирование демократической теории на протяжении последних трех столетий.

В итоге, несмотря на многообразие исследовательских подходов и интерпретаций, отличающихся определенной долей условности, и выделение

в качестве системообразующих различных факторов, во второй половине XX века в политической науке сложилась универсальная модель консолидированной – то есть полноценной, состоявшейся, принимаемой за образец – демократии, которая нашла свое реальное воплощение в политической практике не только Западной Европы и США, но и в ряде стран Латинской Америки.

Развитая современная демократия (либеральная, плюралистическая, представительная общественная полиархия с элементами прямого участия граждан), должна отвечать основным фундаментальным требованиям. Эти требования предполагают: «передачу реальной власти исключительно выборным субъектам политики, жесткий парламентский контроль над исполнительной властью, подлинно независимую судебную систему, непредсказуемость результатов выборов заранее, реальную возможность прихода оппозиции к власти, гарантии прав меньшинств, ... развитое гражданское общество, свободу печати и неограниченный доступ к альтернативным источникам информации, политическое равенство граждан, полное соблюдение прав и свобод человека»²⁸.

Можно ли считать этот идеал демократического устройства, воплотившийся в многочисленных национальных моделях (несмотря на наличие реальных и серьезных проблем), определенным законченным итогом трехвековой эволюции демократических идей, с точки зрения современных концепций?

Приходится признать, что важнейшим свойством демократии, обеспечивающим ее жизнестойкость и многократно отмеченном исследователями, была и остается способность быть современной,

²⁸ Ивановский З.В. Общественная мысль и концепты демократии в глобальном контексте // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1 – С. 22.

соответствовать сложности реального мира, что всегда порождало противоречия и кризисы, и, как следствие – стремление к ревизии, пересмотру или принципиальному дополнению основных положений демократической теории на каждом новом этапе общественного развития.

Для современных исследований, посвященных проблемам демократии, характерно размывание «образцовой» модели, поляризация мнений и нарастающее исследовательское разочарование в способности демократии как политического режима и как определенной системы ценностей служить некоторым идеалом социально-политического развития и достойным итогом тех драматических усилий, которые сопровождают процесс демократизации в ряде стран. Решив многие из задач, поставленных перед ней два столетия назад, современная демократия пока не может справиться с вызовами нового этапа развития: противоречивым воздействием глобализации, размыванием национальных государств, ростом социальных ожиданий граждан на фоне кризиса модели социального государства.

Акцентирование проблем и рисков, размышления о «дефектных» вариантах демократического развития, ревизия идеалов и постановка новых вопросов вместе с принятием разнообразия реальных моделей составляют содержание современного этапа концептуализации понятия демократии.

В противовес настроениям конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда речь шла о трудном, с препятствиями, но все же относительно общем движении к демократии в значительной части мира, в настоящее время преобладают другие тона. Например, известные американские теоретики Ларри Даймонд и Марк Ф. Платтнер, размышляя о судьбе демократии после обострения глобальных противоречий в 2014-2015 гг. и отмечая ренессанс различных вариантов авторитаризма в целых регионах, высказывают принципиальные

сомнения в том, что целью многих недемократических стран сегодня является построение демократии²⁹.

В теоретических дискуссиях, ввиду растущих внутри- и внешнеполитических угроз, на которые у современных демократий просто нет ответа, на первый план выходит осмысление конфликтов и проблем, предсказанных общественной мыслью еще несколько десятилетий назад, но казавшихся неактуальными в период подъема «третьей волны» демократизации.

О трагическом, неразрешимом конфликте фундаментальных ценностей демократии – свободы и равенства – писал в свое время С.М. Липсет³⁰, отмечая невозможность совместить стремление к экономической независимости, присущее «дюжинной природе буржуазного общества», и вечную тягу человека к социальной справедливости и равенству, к реализации его мечты об утопии – хотя бы в ограниченных масштабах. Неоднозначность и потенциальную опасность принципиального для либеральной демократии понятия равенства признавал американский политический философ Френсис Фукуяма, считая, что вопрос о неравенстве из философской дискуссии XIX века превратился в вопрос о консолидации современных демократий, об удовлетворенности демократией вообще. Сегодня перед демократическими государствами стоит сложная задача: совместить политику экономического неолиберализма, в принципе толерантного к неравенству, и развернутую социальную политику, которую бедные слои воспринимают как обязательную ренту даже тогда, когда они

²⁹ Diamond L. Facing up to the Democratic Recession // *Journal of Democracy*. – 2015. – Vol.26. N 1. – P.141-155; Plattner M.F. Is Democracy in Decline? // *Journal of Democracy*. – 2015. – Vol.26. N 1. – P.5-10; Plattner M.F. Populism, pluralism and Liberal Democracy // *Journal of Democracy*. – 2010. – Vol.21. N 1. – P.81-92.

³⁰ Липсет С.М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений) // *Полис. Политические исследования* – 1991. – № 5. – С. 15-32; № 6. – С.19-39.

перестают быть бедными, или в условиях кризиса, что становится тяжелым бременем для государственных бюджетов³¹.

С этими размышлениями связана и проблематика современных исследований, цель которых – не анализ *процесса становления новых демократий*, но в большей степени изучение проблем *современной демократии как таковой*, утвердившейся, консолидированной, нередко имеющей прочный культурно-исторический фундамент, но ставшей значительно более сложной. «Сегодня ... необходимо понимать, что реализм Шумпетера вытеснен, если не превзойден, реализмом, присутствующим в бесконечно усложнившейся действительности», – отмечает итальянский исследователь Данило Дзоло, так что «мы снова сталкиваемся с необходимостью построения другой, более сложной теории демократии, соответствующей новой реальности»³².

В числе вопросов, связанных с новыми процессами, влияющими на качество и стабильность демократии – негативное воздействие глобализации, размывание национальных государств, рост необоснованных социальных ожиданий и неудовлетворенности граждан, появление нового типа элиты – космополитичной, ориентированной на глобальную деятельность, по-своему трактующей национальные интересы, что вызывает раздражение и непонимание широких социальных слоев. Не находит разрешения конфликт между «неолиберальной логикой капитализма», в условиях глобализации оставляющей «человека один на один с бесчеловечными правилами рынка и беспощадной эксплуатацией, не смягченными никакими национальными

³¹ Fukuyama F. Dealing with Inequality // Journal of Democracy. – 2001. – Vol. 22. – N 3. – P.79-89.

³² Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2010. – С.23.

стандартами приемлемых условий труда»³³, и вечным стремлением к справедливости и всеобщему благу. (Как подчеркивает М.Ф. Платтнер, в принципе «весьма маловероятно, что мир без границ может быть демократическим»)³⁴.

В классических демократиях отмечается постепенная утрата демократией ее представительного характера, распространение демократий «низкого качества». Эти процессы идут на фоне усложнения внутренней жизни западных стран, появления новых глобальных феноменов – например, усиления процессов миграции, кризиса модели мультикультурализма и возрастания этнонационального и конфессионального разнообразия, усиления позиций праворадикальных партий и активизации сил, бросающих вызов самим основам либеральной демократии. Важнейшей проблемой (а также поводом для манипуляции массовым общественным сознанием) становится безопасность. В итоге понятие «демократия» все меньше сопрягается с понятиями «равенство», «социальная справедливость», «экономический рост и благополучие», «порядок», «стабильность». В общественной мысли все чаще высказываются сомнения в осуществимости универсального демократического идеала («миражом демократии» называет это явление британский политолог Дэвид Лэйн³⁵), и все убедительнее звучит обеспокоенность судьбой существующей демократии, которая должна найти ответ на новые вызовы. Ряд авторов заявляют об исчерпанности проекта Модерна вообще – с его моралью, оформлением в виде нации-государства, с его политической надстройкой, представленной великими идеологиями

³³ Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования – 2012. – № 1. – С.63-75.

³⁴ Plattner M. Globalization and Self-Government // Journal of Democracy. – 2002. – Vol.13. N 3. – P. 60-61.

³⁵ Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. Политические исследования – 2014. – № 6. – С.127-148.

прошлого, объясняющими и оправдывающими неолиберальную логику капитализма как «единственно легитимную в условиях современности». Необходимость поиска полноценной альтернативы этим ценностям, осуществления «моральной революции», соответствующей новым запросам и потребностям глобального общества, у многих теоретиков не вызывает сомнений.

Все большее распространение получают альтернативные концепции демократии, рассматривающие этическое содержание политики, ее гуманистический потенциал, возрастание роли человеческого и экологического фактора в глобальном мире³⁶. Экологически ориентированные концепции возлагают вину за социальные кризисы на тот

³⁶ Вайнштейн Г.И. Меняющийся мир и проблемы функционирования демократии // МЭиМО. – 2007. – № 9. – С.3-17; Демократия в современном мире /Под ред. Пляйса А.Я., Шатилова А.Б. – М.:РОССПЭН, 2009. – 368 с.;

Лэйн Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии // Полис. Политические исследования – 2012. – № 2. – С.98-116; Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования – 2014. – № 1. – С. 10-27; Неклесса А.Н. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Полис. Политические исследования – 2013. – № 2. – С. 24-39.

Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. Политические исследования – 2012. – № 6. – С.55-67; Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? // Полис. Политические исследования – 2014. – № 1. – С.28-45; Семенов И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. // Полис. Политические исследования – 2012. – № 6. – С.9-26; Семенов И.С. «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? // МЭиМО. – 2012. – № 7. – С.92-106; № 8. – С.92-115; Стур Дж.Дж. Открывая демократию заново // Полис. Политические исследования – 2003. – № 5. – С.12-24; № 6. – С.39-49; Knight, J., Jonson J. The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 324 p.; Matthews D. The Ecology of Democracy: Finding ways to have a stronger hand in shaping our future. – Dayton: Kettering Foundation Press, 2014. – 231 p.; Sniderman P.M., Highton B. Facing the Challenge of Democracy: Explorations in the Analysis of Public Opinion and Political Participation. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 389 p.; Zakaria F. The Post-American World. – NY: W.W.Norton&Company, 2008. – 292p.

огромный ущерб, который человечество наносит природе³⁷. Отмечается, что национальные модели демократии могут приобрести особую роль в создании «глобального социального государства», имеющего не только национальную, но и глобальную ответственность: за снижение бедности и неравенства, экологическую и военную безопасность, за разработку новых концептов социального благосостояния и переход к «ответственному капитализму»³⁸.

Таким образом, классические концепции дополняются в современной политической науке новым измерением, которое все чаще выходит на первый план – понятием *качества* установившихся демократий. Готовность к постоянному совершенствованию и развитию уже состоявшейся, консолидированной демократической модели является ответом на все возрастающую сложность современного политического процесса, в котором особую роль приобретают такие факторы, как социальная удовлетворенность общества и стремление к этическому (т.е. акцентирующему справедливость и равенство) пониманию демократии со стороны широких социальных слоев.

Является ли столь глубокая ревизия базовых принципов либеральной демократии, признание альтернативных концепций и многовариантных моделей развития, угрозой ее устойчивости в современном мире?

Размышляя о природе и перспективах западной демократии как особого политического феномена, известный российский политолог А.М. Салмин отмечал ее глубокую внутреннюю противоречивость, имманентно присущую ей способность провоцировать кризисы на каждом новом этапе развития. Причины этой принципиальной неустойчивости, изменчивости

³⁷ Ball T. Green Political Theory/The Cambridge History of Twentieth-Century Political Thought /Eds. Ball T. and Bellamy R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 754 p.

³⁸ Федотова В.Г. Есть ли шанс у глобальной социал-демократии? //Полис. Политические исследования – 2015. – № 3. – С.110-126.

либеральной демократии исследователь видел в том, что основу ее составляет не экономика, а религиозно-культурная традиция, в которой вечно возрождаются фундаментальные конфликты и споры. В центре этих споров – поиск ответов на вечные вопросы о природе блага и зла; власти и подчинения, богатства и бедности, неравенства и социальной справедливости. «” Нрав” того, что мы называем современной демократией, не более предсказуем, чем когда бы то ни было. Взрывающие ее силы зреют в ней и тогда, когда на поверхности устанавливается успокаивающий одних и вселяющий тревогу в других штиль», – писал А.М. Салмин, объясняя объективную необходимость постоянной ревизии демократических ценностей и связанных с ними политических практик³⁹.

Таким образом, поляризация политических идеалов, многообразие концептуальных подходов, нередко – ревизия классических постулатов и признание многовариантности действующих практических моделей обогащают теоретическую дискуссию о перспективах современной демократии. Исследовательский запрос на переосмысление и дополнение не угрожает базовым основам концепции либеральной демократии, но способствует ее переходу на новый уровень развития, соответствующий императивам Современности.

Эти размышления, особенно значимые в контексте Латинской Америки, получают своеобразную интерпретацию в латиноамериканской политической мысли, посвященной истокам, современным проблемам и перспективам развития демократии в регионе.

³⁹ Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. – М.: Наука, 1992. – С. 313-314.

I.2. Демократический транзит: условия, факторы, результаты.

Формирование политической модели, отвечающей всем сущностным признакам консолидированной демократии (отмеченным в п.1), является наиболее успешным (но не единственно возможным и не предопределенным заранее) итогом *демократического транзита*. Российский исследователь А.Ю. Мельвиль определяет демократический транзит как «понятие, объединяющее многообразные по форме процессы перехода от одного общественного и политического состояния к другому»⁴⁰, что в несколько более узком, конкретно-историческом смысле предполагает *переход от недемократических режимов к демократии*. Этот процесс включает три важнейшие фазы:

- Либерализацию, в ходе которой происходит ослабление ресурсов жизнеспособности прежнего режима, смягчение уровня контроля и репрессий, закрепление некоторых гражданских свобод, появление возможностей для самоорганизации оппозиции.
- Демократизацию – создание демократических институтов и утверждение демократических процедур. Демократизация начинается с *пакта* – соглашения между основными политическими силами, элитарными группами, об основополагающих правилах перехода. Критическим моментом на этой стадии являются первые национальные выборы, в результате которых к власти приходит новое правительство; к выборам должны быть приобщены все основные участники пакта.
- Консолидацию – предполагающую окончательное утверждение демократических институтов, регулярное проведение выборов, политический плюрализм, глубокую общественную поддержку

⁴⁰ Категории политической науки. / под ред. Мельвиля А.Ю. – М.:МГИМО (Университет), 2002. – 656 с.

демократии, когда большинство граждан убеждены, что демократические процедуры – самые оптимальные средства организации политической жизни. Консолидация может и не состояться: в этом случае транзит завершится различными формами ограниченной, «нелиберальной» демократии (минималистской, делегативной, электоральной, формальной), или возвращением к гибридным формам неоавторитаризма и псевдodemократии.

- Впоследствии к трем основным стадиям перехода была добавлена и четвертая – процесс постоянного совершенствования и развития уже состоявшейся демократии, поскольку, как отмечал А.Ю. Мельвиль, «современная демократия по самой своей природе – соревновательный, плюралистический, исполненный альтернатив и начинаний – всегда «незавершенный проект»⁴¹.

Понятие «*демократический транзит*» нередко идентифицируется в современных политических исследованиях с общим понятием *демократизации*. Демократизация в данном случае рассматривается не в качестве одной из стадий перехода, а максимально широко: как процесс замещения недемократического режима демократическим; как углубление, развитие и совершенствование самой консолидированной демократии; как вопрос о выживании демократии в современном мире, ее способности противостоять новым рискам и вызовам⁴².

Несмотря на близость и частую взаимозаменяемость этих понятий, представляется, что термин «демократический транзит», по мнению автора, более точно отражает переходную сущность самого процесса смены режима, его неравномерность, нелинейность, конфликтность и драматизм,

⁴¹ Там же. – С. 255.

⁴² Демократизация. / Под ред. К.В.Харпера, П.Бернхагена, Р.Ф.Инглхарта, К.Вельцеля. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.

своеобразие национальных путей без универсальной предопределенности конечных результатов, а также индивидуальное для каждой страны соотношение благоприятных и неблагоприятных факторов. В дальнейшем в работе в качестве ключевого термина будет использоваться термин «демократический транзит» (или «переход»).

Основа транзитологии была заложена в работах Дэвида Растоу, Филиппа Шмиттера, Гильермо О’Доннелла, Самюэля Хантингтона, Ларри Даймонда, Анджея Пшеворского, Хуана Линца, Альфреда Степана⁴³. Следует отметить, что тема демократического перехода стала предметом специальных политологических исследований еще до развития масштабных процессов демократизации в Латинской Америке и Восточной Европе, когда многие из будущих реальных проблем были достаточно точно предсказаны авторами.

Одним из первых глубоких исследователей демократических трансформаций был Д. Растоу: его концептуальная статья “Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model”, изданная в 1970 г. (и опубликованная

⁴³ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования – 1999. – № 1. – С.10-26; Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация. // Полис. Политические исследования – 1997. – № 5. – С.9-30; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. - 320 с.; Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С.5-15; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1996. - 504 p.; O’Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1986, 2013. – 96 p.; Democracy in Developing Countries / Ed. By L.Diamond, J.Linz, J.Hartlyn, S.Lipset. – London-Boulder, 1989. - 594 p.; Przeworsky A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge, 1991 – 228 p.

в России в 1996 г. под названием «Переходы к демократии: попытка динамической модели»⁴⁴, поставила проблему условий, необходимых для генезиса или восстановления демократии. Растоу считал, что отправной точкой для развития демократической модели служит единственное предварительное обстоятельство – наличие национального единства, предполагающее устойчивость границ и постоянный состав граждан. «Для демократии не требуется какого-либо минимального уровня экономического развития и социальной дифференциации. Экономические и социальные факторы подобного рода входят в модель лишь опосредованно», в отличие от чувства национального единства, которое должно предшествовать всем другим стадиям процесса⁴⁵. С точки зрения Растоу, «запуску» процесса демократизации способствует также наличие серьезного конфликта, поляризующего общество («два лагеря полезнее, чем плюрализм»), и готовность нескольких политических сил заключить компромисс и принять демократическое решение, которое «может рассматриваться как акт сознательного, открыто выраженного консенсуса»⁴⁶. Далее следует стадия «привыкания», когда демократические институты и правила постепенно закрепляются в обществе.

Размышления Д. Растоу, предшествовавшие позднейшим разработкам данной темы, поставили несколько важнейших принципиальных вопросов, в том числе: об условиях и фазах демократизации; о роли политических акторов в принятии демократического решения и заключении компромисса; о последовательности в чередовании этапов демократического перехода. Исключительно современным представляется и данное автором определение демократии как пространства несогласия и конфликта, «привычки к

⁴⁴ Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С.5-15.

⁴⁵ Растоу Д. Ук. соч. – С. 7.

⁴⁶ Там же. – С. 11.

постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно меняющейся расстановке сил»⁴⁷. В данном аспекте Д. Растоу во многом предвосхитил современные споры о сущности демократии.

Ф. Шмиттер и Г.О' Доннелл в классической работе «Transitions from Authoritarian Rule» (1986 г.) предложили свою концепцию демократического транзита, подчеркнув его принципиальную неопределенность, высокий уровень политических рисков, роль политических акторов с обеих сторон, готовности отдельных групп внутри прежней элиты идти на перемены и трансформацию режима. В качестве основных стадий перехода авторы выделяют либерализацию, демократизацию и завершающую «социализацию» нового режима, когда он приобретает относительную устойчивость в общественной системе⁴⁸.

Особую роль играет момент «открытия режима» и начало этапа либерализации. При всей важности международного контекста, внутренние факторы являются ключевыми для начала транзита; огромную роль здесь играет раскол внутри правящей элиты и выделение в ее рядах сторонников «жесткой» (за сохранение status quo) и «мягкой» линий, выступающих за введение осторожных реформ и «управляемой демократизации». (Надежда на возможность контроля, по мнению авторов, обычно оказывается иллюзорной, так как парадокс большинства транзитов состоит в том, что элита всегда опаздывает, пропуская оптимальный момент для начала реформ, и теряет шанс сохранить управление процессом).

⁴⁷ Там же. – С. 15.

⁴⁸ O'Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2013. – P. 10-12.

На этапе демократизации создаются демократические институты и решаются наиболее сложные внутривластные проблемы: вопрос об отношении к прошлому, о степени вины военных и справедливом наказании за репрессии (или игнорирование этой темы); о новой роли военных в обществе, изменении их представления о себе и их общественного имиджа. В ходе работы над формированием новых политических институтов и выбором морально-этического пути задается определенный вектор дальнейшего развития – «второго транзита», который и был назван социализацией (впоследствии в научном обороте утвердился термин «консолидация»).

Содержание этого этапа, как отмечают авторы, заключается в том, чтобы «превратить рабочих на фабриках, учеников в школах и студентов в университетах, членов различных ассоциаций, сторонников политических партий», даже «посетителей парков и детей», в граждан с равными правами и обязанностями⁴⁹. В дальнейшем Ф. Шмиттер определял стадию консолидации более жестко – как «выбор, ведущий к формированию свода правил политической игры, в лучшем случае являющихся результатом договоренностей на основе взаимного согласия. Эти правила и нормы в итоге закрепляются в конституции»⁵⁰.

Принципиальное значение в концепции Шмиттера-О’Доннелла имеет анализ различных вариантов (путей) транзита, их преимуществ и рисков. В качестве основных авторы выделяют: «навязанный», «пактированный» (договорный), «реформистский» и «революционный» варианты, считая наиболее приемлемым с точки зрения перспектив успешной консолидации «пактированный» переход, основанный на системе переговоров между оппозицией и представителями режима. Компромисс элит, достигаемый в

⁴⁹ O’Donnell G., Shmitter P.C. Op.cit. – P.12.

⁵⁰ Шмиттер Ф., Мельвилль А.Ю., Пантин В.И., и др. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов (Круглый стол журнала «Полис») // Полис. Политические исследования – 1999. – № 3. – С.31;

процессе «договорного» перехода, дает возможность оговорить все условия, предоставить некоторые гарантии прежним элитам и сохранить мирный характер трансформации, избежав раскола общества. Самым неблагоприятным для общества способом отойти от авторитаризма является революционный, когда степень агрессивности протестного движения и организованной оппозиции достигает предела, а правящие круги теряют все возможности сохранить какую-либо преемственность и получить гарантии безопасности. Впоследствии эта классическая трактовка, заложившая основы аналитического подхода к транзитам, была дополнена (частично – пересмотрена) Ф. Шмиттером под давлением сомнений в правильности важнейших постулатов транзитологической концепции, вызванных общим разочарованием в итогах демократизации в ряде стран.

Анализируя возможные результаты транзита и рассматривая вариант его неполного завершения (с учетом опыта некоторых латиноамериканских стран, в частности, Аргентины, Бразилии и Перу), Г. О'Доннелл предложил свою концепцию «делегативной» демократии, при которой происходит передача (делегирование) власти демократически избранному лидеру, опирающемуся на массовую поддержку и обладающему чрезвычайно широким кругом полномочий⁵¹. Этот лидер действует вне партий и политических институтов, которые теряют свою значимость, а его социальной базой является, как правило, влиятельное социальное движение. На определенном этапе на лидера подобного типа ложится вся ответственность не только за реализацию власти и выполнение предвыборных обещаний, но и за осуществление в полном объеме *национального интереса* – как его понимают избиратели. Делегативная демократия, по мнению О'Доннелла, не противоречит демократической традиции – она менее демократична, чем

⁵¹ O'Donnell G. Delegative Democracy. // Journal of Democracy. – 1994. – № 1. – P.55-69.

полноценная либеральная демократия, но основана, тем не менее, на прямом и эмоциональном участии масс. В то же время, высокая эмоциональность и иррациональность политического участия при завышенных социальных ожиданиях и низком качестве институтов чревата серьезными кризисами. Постепенное разочарование в деятельности лидера-популиста, если оно сопровождается восстановлением роли важнейших политических институтов (парламента, судебной власти), может привести к законной смене власти и завершению процесса демократизации.

Скотт Мэйворинг⁵², развивая концепцию Шмиттера-О'Доннелла и дополняя методологию изучения транзитов, выделял два основных типа демократических переходов. «Медленный», предполагающий участие представителей уходящего режима, постепенное внедрение демократических норм и систему «сделок» (transactions) – договоренностей и компромиссов, и «быстрый», проходящий через разрыв с прошлым и стремительную делегитимацию прежней власти. С. Мэйворинг отмечал, что первый вариант возможен в тех случаях, когда сохраняется определенное уважение к режиму и его относительная поддержка со стороны гражданского общества, что, в то же время, заставляет авторитарные структуры сопротивляться любым переменам, минимизируя преимущества медленной трансформации. Размышляя о высокой степени неопределенности в ходе демократического транзита и в процессе институционализации демократии (Ф. Шмиттер, А. Пшеворский), С. Мэйворинг критически рассматривал преувеличение этого фактора, считая что власть склонна манипулировать массовым сознанием с помощью идеи о «непредсказуемости» развития.

⁵² Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Working Paper of Kellogg Institute. – 1989. – N 130. – Available et: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (Accessed 09.11.2017)

А. Пшеворский (классическая работа вышла в 1991 г.)⁵³ определял демократию, которой завершается переход, в «минималистском ключе», как систему, при которой «партии проигрывают выборы», законы и нормы – «единственная социальная “игра” в городе», а «все, чего хотят проигравшие, это попытаться сыграть еще раз в рамках тех же институтов, при которых они только что проиграли»⁵⁴. Отмечая высокую степень зависимости между уровнем экономического развития (доходом на душу населения) и стабильностью демократического режима, А. Пшеворский считал, в то же время, что устойчивая демократия есть только один из возможных вариантов перехода, делая акцент на формировании политических институтов в ходе этапа демократизации. Путь – т.е. сам процесс транзита – с точки зрения автора «имеет значение не меньшее, чем исходный пункт движения»; от роли политической элиты в этом процессе, ее способности идти на переговоры и компромиссы, сочетать высокие идеалы с гибкостью и прагматизмом, зависит успех конечного результата⁵⁵.

Ключевым событием для транзитологических исследований стал выход в свет в 1991 г. фундаментальной работы С. Хантингтона "Третья волна: Демократизация в конце XX века"⁵⁶, совпавший по времени и с масштабными переменами в мировом развитии. В концепции Хантингтона подчеркивался глобальный и волнообразный характер происходящих демократических изменений («волн демократизации»), подчиняющихся принципу «подъемов» и «спадов». Автор выделил три «волны демократизации»: первая (1828-1926) была связана с общим процессом

⁵³ Przeworsky A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge, 1991 – 228 p.

⁵⁴ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – С.28, 47.

⁵⁵ Пшеворский А. Ук. соч. – С.143.

⁵⁶ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. - 368 с.

становления демократии в странах Западной Европы и Северной Америки, формированием современных партийных систем, развитием парламентаризма, утверждением всеобщего избирательного права. Ее спад пришелся на 1922-1942 гг. и ознаменовался значительным сужением мирового демократического пространства, утверждением тоталитарных и авторитарных режимов. Вторая волна демократизации (1943-1962), совпавшая с концом Второй мировой войны, привела к процессам освобождения от колониальной зависимости африканских и азиатских стран. (Откат наблюдался в 1958-1975 гг.). Третья, наиболее масштабная, волна началась в 1974 г. с португальской «революции гвоздик» и падения авторитарного режима А. Салазара. Эта волна охватила Испанию, Грецию, Бразилию, Аргентину, Уругвай, Чили. Демократический процесс распространился на страны социалистического лагеря и СССР, приведя к крупнейшим геополитическим сдвигам и новой расстановке политических сил в мире. С. Хантингтон выделил также три модели демократического перехода, определив их как «трансформацию», «замену» и «трансрасстановку».

Работа Хантингтона анализировала начавшиеся изменения, но не могла охватить последнее десятилетие XX в., и, соответственно, не предполагала вывода о завершении или продолжении демократизационного тренда. Несмотря на ряд существенных новых моментов и многообразие сложных процессов, происходящих в современном мире и позволяющих сделать вывод о конце «третьей волны», исследовательские споры по этому поводу продолжают до сих пор.

Теоретические проблемы и практический опыт транзитов были подробно исследованы в фундаментальной работе Х. Линца и А. Степана⁵⁷.

⁵⁷ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London, 1996 – 504 p.

Авторы рассматривают сложный комплекс вопросов, связанных с ролью государственных структур и политических акторов, инструментов и механизмов перехода к демократии, позволяющих анализировать конкретные модели. Приоритетное внимание обращено к общим закономерностям и специфическим особенностям развития процесса демократического транзита в различных странах и регионах: Испании, Португалии, Греции, Бразилии, Уругвае, Аргентине, Чили, в посткоммунистических странах Европы. Выделяя государства Южного конуса в отдельную группу, Линц и Степан подчеркивают существенные различия с европейской ситуацией, поскольку общеевропейское экономическое и политическое пространство играло важную роль в успешном завершении транзита⁵⁸. Консолидация демократии рассматривается в этой работе как сложнейшая системная задача, реализация которой зависит от удачного совпадения многочисленных и разнородных факторов, условий, кратковременных и долговременных процессов, часть которых обусловлена объективными причинами, а часть зависит от сознательной воли и усилий конкретных лиц (политической элиты в целом, властных представителей прежнего режима, внесистемной оппозиции, умеренных сторонников перехода). Эти размышления особенно актуальны в отношении чилийской модели (что более подробно отражено в п. I.4).

Классикам «раннетранзитологической» теории в значительной степени был присущ нормативно-этический подход, основанный на признании безусловной этической ценности демократии и естественного движения в демократическом направлении стран, еще вчера представлявших собой те или иные формы автократий. Сам демократический переход понимался во многом как универсальный и поступательный «линейный» процесс, проходящий в своем развитии несколько последовательных стадий, имеющий некоторый конечный пункт, завершающий все предыдущие этапы.

⁵⁸ Ibid. – P. 220.

Основными проблемными вопросами «раннетранзитологических» исследований стали: определение конкретно-исторических условий, экономических и культурных предпосылок, общественных настроений, необходимых для начала и благоприятных для успешного завершения транзита; анализ важнейших этапов процесса и оценка его конечных результатов; изучение национальных страновых моделей. Последнее направление предполагало анализ конкретных методов, путей и вариантов перехода, оценку роли политических акторов – правящих элит, оппозиционных партий и лидеров, массовых движений и организаций гражданского общества; изучение электоральных процессов и политических решений избранной власти, в том числе особое практическое значение имел вопрос об отношении демократического правительства к «поверженной» элите, представляющей прежний режим. Значительной теоретической ценностью указанных работ представляется выделение, несмотря на различные интерпретации и названия, конкретных этапов демократического транзита, их особенностей и связанных с этим проблем.

Наиболее важным, принципиальным и в то же время дискуссионным моментом раннетранзитологических работ, продолженном и в русле современных концепций, стал вопрос о том, какие факторы играют приоритетную роль в успехе/неудаче демократического перехода, и на каком из этапов влияние этих факторов приобретает решающее значение?

В политических исследованиях сложилось два альтернативных, на первый взгляд, подхода, объясняющих процесс становления и консолидации новых демократий: структурный (делающий акцент на объективных, исторически сложившихся условиях, характере политической культуры) и процедурный (выделяющий роль субъективного, личностного начала, конкретных политических решений). К структурным факторам относятся: относительно высокий уровень экономического развития; эффективная

государственность и высокий уровень национальной идентичности; политическая культура «гражданского» типа; отсутствие в обществе непримиримых расколов, нетерпимости; высокое качество политических институтов; отсутствие чрезмерного имущественного неравенства. Процедурными факторами являются: характер и особенности «выхода» из авторитаризма (в результате массового подъема, пакта элит или «управляемой», элитарной либерализации); роль институционального дизайна, избираемого для новой демократии; смена или сохранение старых элит; ротация власти; уровень политической конкуренции; качество проводимых выборов, конкретные политические решения, определяющие тот или иной политический курс.

В качестве важнейшего фактора, влияющего на ход и результаты демократизации, ряд теоретиков выделяли уровень экономического развития страны и рост экономики, достигнутый в результате проведения экономических реформ (С.М. Липсет, А. Пшеворский, Д. Асемоглу, Дж. Робинсон⁵⁹). «Хотя рост экономики является только одним из многих элементов, определяющих процесс демократии, тем не менее он остается ее важнейшим элементом», – отмечали С.М. Липсет, Кён-Рюн Сен и Джон Чарльз Торрес, поскольку «нации, способные поднять свой жизненный уровень и уровень образования, подготавливают почву для становления демократических структур»⁶⁰. Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон указывали на сложную зависимость между уровнем доходов и демократией («позитивная корреляция между доходом и демократией ... не обязательно свидетельствует о причинном влиянии дохода на демократию»), но

⁵⁹ Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.; Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 693 с.

⁶⁰ Липсет С.М., Сен К.Р., Торрес Дж. Сравнительный анализ условий, необходимых для становления демократии. // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 3. – С.5-34.

подчеркивали общую предрасположенность богатых стран к демократическому развитию, обусловленную взаимодействием целого ряда факторов, включая качество государственной политики⁶¹.

Этот подход неоднократно подвергался критике: указывалась его ограниченность, односторонность, игнорирование опыта бедных стран, имеющих стабильные демократические режимы при низком уровне подушевого дохода (например, Индия)⁶². Успешные демократизации предполагают наличие еще и существенных других условий, не связанных напрямую со сферой экономики.

Одна из наиболее влиятельных точек зрения состоит в том, что, помимо экономической основы, особое значение для развития и укрепления демократии имеют уровень политической культуры и образования, активность гражданского общества, исторические и политические традиции, культурные и религиозные ценности (Г. Алмонд, С. Верба, С.М. Липсет, С. Хантингтон, К.Р. Сен, Дж. Торрес, Р. Инглхарт, И. Шапиро, А.М.Салмин, К.С. Гаджиев, Э.Я. Баталов и др.)⁶³.

⁶¹ Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Ук. соч. – С.87-89.

⁶² Шапиро Й. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. // Полис. Политические исследования – 2001. – № 3. – С. 6-15; № 4. – С. 27-36; № 5. – С. 54-64.

⁶³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. - 500 с.; Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования – 1992. – № 4. – С.122-134; Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 256 с; Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. Политические исследования – 1991. – № 6. – С.69-83; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования – 1997. – № 4. – С.6-32; Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.; Политическая культура: теория и национальные модели /Отв. ред. Гаджиев К.С. – М.: Интерпракс, 1991. – 352 с.; Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. – М.: Наука, 1992. - 331 с.; Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире // Полис. Политические исследования – 2005. – № 6. – С.147-171; Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. – М.: Форум, 2009. – 384 с.; Семенов И.С.

Необходимым условием успешного развития демократизации и укоренения демократических процедур является формирование «гражданской» политической культуры в ее классическом понимании, наиболее ярко выраженном Г. Алмондом и С. Вербой. Эта культура, основанная на сочетании требовательного политического участия и активизма, – с одной стороны, и относительной пассивности, лояльности избранной власти, «подданничества», – с другой, стала результатом постепенного и естественного политического развития Запада, в ходе которого «новые типы позиций не вытеснялись, но сливались с ними... Ведь гражданская культура – это политическая культура умеренности. Она предполагает знакомство с вопросами политики, однако подобные вопросы не являются предметом наибольшего внимания со стороны обычного человека; она подразумевает включенность в политику, однако уровень этой включенности не очень высок»⁶⁴. Для новых стран, вступающих в демократический процесс, эта постепенность, обусловленная запасом исторического времени и относительной стабильностью, уже невозможна. Многие, по мнению Алмонда и Вербы, зависят от «способности политической системы, особенно на стадии ее становления, добиваться результатов, которые соответствуют ожиданиям членов системы», а также от развития у граждан «чувства национальной идентичности, компетентности, как в качестве подданного, так и в качестве участника, социального доверия и сотрудничества»⁶⁵. Таким образом, формирование основ гражданской

Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования – 2003. – № 1. – С. 5-23; Федотова В.Г., Федотова В.Н., Чугров С.В. Культура, институты, политика // Полис. Политические исследования – 2018. – № 1. – 143-156.

Lipset S. Political Man: the Social Bases of politics. – Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press. 1981. – 586 p.

⁶⁴ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования – 1992. – № 4. – С.131.

⁶⁵ Алмонд Г., Верба С. Ук. соч. – С.134.

культуры после перехода к демократии возможно, но связано в значительной степени уже с воздействием процедурных, субъективных факторов: политической волей правящей элиты и сознательным конструированием политической реальности.

Интересна в данном случае точка зрения отечественного политолога А.М. Салмина, который, исследуя природу западной демократии, считал ее уникальным продуктом долгого развития христианской цивилизации, самого Запада, и отдавал приоритет роли религиозного начала перед культурой, экономикой и традициями общественной жизни. С его точки зрения, именно религия играла центральную роль в формировании классической либеральной демократии гражданской культуры, и именно религиозная «предрасположенность» (а не политическая воля или экономические реформы), сделала возможной реализацию демократических идеалов⁶⁶.

Неотъемлемой частью и одновременно пространством для формирования и развития гражданской политической культуры является гражданское общество. Этот фундаментальный элемент либеральной демократии представляет собой неоднозначное явление, предполагающее сложную взаимозависимость с государством и процессом демократизации, что неоднократно отмечали исследователи (И. Шапиро, Ф. Шмиттер, М.В. Ильин, Б.И. Коваль, А.И. Соловьев)⁶⁷.

С одной стороны, структуры гражданского общества являются необходимой основой для демократического развития, сферой свободы и

⁶⁶ Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. – С. 313-314.

⁶⁷ Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. Политические исследования – 1992. – № 1. – С.193-201; Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. Политические исследования – 1996. – № 6. – С.29-38; Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С. 16-27.

активности людей в их частной, негосударственной жизни. Иэн Шапиро считал, что только горизонтальные связи, распространение демократии «вширь» – через местные ассоциации, находящиеся вне сферы государственного управления, и массовую гражданскую культуру – могут сделать политику действительно конкурентной, укрепить доверие к ней⁶⁸. С другой стороны, государство способно контролировать противоречивые и опасные элементы гражданского общества (например, рынок, подчиняющийся своему влиянию любое социальное пространство)⁶⁹.

В отдельных случаях, как считает российский исследователь В.Г. Федотова, на государство, заинтересованное в консолидации демократии, ложится ответственность и за построение гражданского общества, за создание условий, в которых оно становится возможным и необходимым⁷⁰. (Эта точка зрения представляется достаточно спорной, поскольку творческие возможности государства по формированию гражданского общества нельзя преувеличивать).

Ф. Шмиттер отмечал, что не столько активность гражданских ассоциаций способствует демократизации, сколько сам переход к демократии практически всегда сопровождается «воскрешением» ГО (даже там, где прежде его не было). Как правило, это происходит после, а не до начала процесса перехода⁷¹.

Проблема соотношения структурных (объективных, исторически обусловленных) и процедурных (субъективных) факторов в процессе

⁶⁸ Шапиро Й. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. // Полис. Политические исследования – 2001. – № 5. – С. 62.

⁶⁹ Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. Политические исследования – 1992. – № 4. – С.17-29.

⁷⁰ Федотова В.Г. Непостроенная демократия: поучительные уроки / Quo Vadis? Перспективы становления гражданского общества в России. (Круглый стол журнала «Полис») // Полис. Политические исследования – 2012. – № 2. – С.132-135.

⁷¹ Шмиттер Ф. Ук. соч. – С. 16-27.

становления демократии, была подробно исследована в работах А.Ю. Мельвиля⁷². Отмечая, что оба альтернативных подхода не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, он все-таки подчеркивал возрастающее влияние субъективного начала в политике – действующих игроков, акторов, которые способны «в решающих ситуациях определять реальную направленность и характер траекторий политических трансформаций и режимных изменений»⁷³. В то же время, структурные факторы, особенно характер политической культуры и активность гражданского общества, играют значительную роль на этапе консолидации демократии, когда сам процесс перехода уже состоялся, но вопрос о дальнейшей судьбе демократии еще не решен, и возникает проблема укорененности демократических институтов и ценностей. «Выбор политического курса оказывается решающим в определении общего вектора политических преобразований, но в то же время для консолидации демократии необходим по крайней мере минимальный набор структурных предпосылок», – отмечают А.Ю. Мельвиль и Б.И. Макаренко⁷⁴.

Окончательный ответ на вопрос о том, что играет решающую роль в успехе демократического транзита, не найден до сих пор. Представляется, что точка зрения Мельвиля и Макаренко, во многом аккумулирующая накопленный опыт исследования транзитов, является наиболее верной применительно к многовариантности и многоплановости этого сложнейшего процесса.

⁷² Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. Политические исследования – 2011. – №3. – С. 164-183; Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования – 1998. – № 2. – С.6-38.

⁷³ Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Ук. соч. – С. 181.

⁷⁴ Мельвиль А.Ю., Макаренко Б.И. Как и почему «зависают» демократические транзиты. Посткоммунистические уроки.// Политическая наука. – 2014. – № 3. – С.9-39.

Основные постулаты классической «раннетранзитологической» теории были подвергнуты критике и пересмотру в конце 1990-х гг., что было связано с появлением новых реалий, существенно повлиявших на результаты «третьей волны» демократизации в ряде стран, пришедших к авторитарному откату или «некачественной» демократии. «Конец парадигмы транзита», провозглашенный американским политологом Томасом Карозерсом, означал не отказ от транзитологической проблематики вообще, но стремление пересмотреть и дополнить наиболее упрощенные, «линейные» подходы, связанные с идеей поступательного развития демократического процесса.

Переосмысление классических подходов в свете новых реалий, возобновление теоретической дискуссии стало ведущим направлением современных транзитологических концепций. Во многом критические разработки теории демократизации нашли отражение в более поздних работах Ф. Шмиттера, трудах Т. Карозерса, Т.Л. Карл, М.Ф. Платнера, В. Меркеля, А. Круассана, Ч. Тилли, И. Шапиро, А.Ю. Мельвиля, М.В. Ильина, В.А. Ачкасова⁷⁵. В этих исследованиях акцентируется фактор нелинейности

⁷⁵ Ачкасов В.А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования – 2015. – № 1. – С. 30-38; Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы круглого стола ИФ РАН // Полис. Политические исследования – 2008. – № 5. – С.55-74; Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. – 2005. – Vol. 9. № 1 (28). – С.73-80; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.42-65; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования – 2004. – № 2. – С.6-27; Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. Политические исследования – 2010. – №4. – С.73-76; Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования – 2004. – № 2. – С.64-75; Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования – 2002. – № 5. – С.54-59; Мельвиль А.Ю., Пантин В.И., Лебедева М.М. и др. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов (Круглый стол журнала «Полис») // Полис. Политические исследования – 1999. – № 3. – С.30-51;

процесса демократизации, подчеркивается многообразие вариантов развития, а транзит все чаще понимается как «проект с открытым финалом», предполагающий сложное взаимодействие различных составляющих, неопределенность и множественность путей – как перехода, так и его результатов. Размышления транзитологов оказываются созвучны актуальным спорам о сути и перспективах современной демократии вообще – об исчерпанности ее традиционных форм, новых тенденциях, требующих нового концептуального оформления. Можно предположить, что постоянное развитие и обогащение новыми смыслами фундаментального понятия демократии, имманентно присущая ему внутренняя сложность, оказывают влияние на все «подчиненные» теоретические конструкции – в том числе, на осмысление демократического транзита.

Так, дискуссионную точку зрения, основанную на критике теории «третьей волны демократизации» С. Хантингтона, высказывают Терри Линн Карл и Ф. Шмиттер. Признавая в целом инструментальную полезность концепции транзита, они отстаивают идею о несводимости этого понятия к понятию «демократизации», поскольку режимный транзит не всегда означает переход к демократии: даже после начала режимных изменений траектории развития могут быть разными, и не обязательно они заканчиваются

Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. - 108 с.;

Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация (Раздел учебного пособия) // Полис. Политические исследования – 1996. – № 5. – С.157-169; Мельвиль А.Ю., Никитин А.И. Ростки новой гражданской культуры? // Полис. Политические исследования – 1991. – № 2. – С.50-55; Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. Политические исследования – 2002. – № 1. – С.6-17; № 2. – С.20-30; Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общ. проектирования, 2007. – 264 с.; Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования – 2001. – № 3. – С.6-15; № 4. – С.27-36; № 5. – С.54-64; Diamond L., Fukuyama F., Horowitz D.I., Plattner M.F. Reconsidering the Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2014. – Vol.25. N 1. – P.86-100.

консолидацией демократии. «Вопреки постулатам теории модернизации, демократический транзит – это не единый эволюционный процесс, а набор альтернативных путей, не всегда прямых и гладких»⁷⁶. Сложно оценить, с точки зрения авторов, и степень универсальности концепта консолидации, который не сводится только к устойчивости и длительности существования демократического режима, поскольку «для консолидации демократии требуется нечто совсем иное, чем для развертывания транзита»⁷⁷. Также противоречив и неоднозначен термин «качество демократии», являющийся предметом теоретической дискуссии, связанной с новым этапом концептуализации самого понятия демократии.

Об ограниченности и исторической исчерпанности основного транзитологического подхода, возникшего на этапе начала «третьей волны» и уже не соответствующего реальным процессам, протекающим в странах, освободившихся от различных форм авторитаризма, но не пришедших к демократии и оставшихся в «серой зоне», пишет Т. Карозерс⁷⁸. Автор отмечает, что вместо разочарования аналитики должны принимать эту реальность, которая не отменяет возможности в будущем прийти к полноценной либеральной демократии. Напротив, вместо шаблонного перечня институциональных проблем необходимо, в качестве основы для разработки программ «помощи», сосредоточиться на усилиях в каждой отдельной стране, с ее национальной спецификой. Главное здесь – «анализ конкретного базового синдрома, который формирует политическую жизнь данной страны», помощь партиям, гражданскому обществу, укрепление

⁷⁶ Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования – 2004. – № 2. – С.13.

⁷⁷ Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Ук. соч. – С. 21.

⁷⁸ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.61-62.

связей между ними, а также между формальной политической системой и общественными организациями, поощрение новых политических акторов.

Некоторые исследователи (например, немецкие политологи Вольфганг Меркель и Аурель Круассан) считают, что «третья волна может стать скорее не триумфом политического либерализма, а историей успеха «дефектного» варианта «нелиберальной демократии»⁷⁹. Под этим вариантом понимается система господства, в которой доступ к власти регулируется посредством действенного универсального «выборного режима», но отсутствуют прочные гарантии базовых политических прав и свобод, серьезно ограничены горизонтальный властный контроль и эффективность легитимной власти⁸⁰. Главной проблемой является отсутствие теоретического концепта, который позволял бы отделять устойчивые конституционно-правовые демократии от новых «дефектных» режимов, а важнейшим защитным механизмом либеральной демократии авторы считают политическую культуру и гражданское общество.

Однако и эти фундаментальные основы либеральной демократии – политическая культура, гражданское общество и политические партии – претерпевают в настоящее время серьезную трансформацию, перестают быть панацеей от различных вариантов «дефектного» развития. Например, американский политолог Кей Лоусон⁸¹, отстаивая новый подход к исследованию партий, отмечает, что соотношение между партиями и демократией меняется в зависимости от страны: если много лет партии действительно были «фундаментом демократии», формирующим связь между гражданами и государством, то в настоящее время «они постепенно,

⁷⁹ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. Политические исследования – 2002. – № 1. – С.6-17; № 2. – С.20-30;

⁸⁰ Меркель В., Круассан А. Ук. соч. – № 1. – С. 7.

⁸¹ Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.29-48.

но ощутимо двигаются к новой стадии», когда связь с массами уже не кажется необходимой. Идут процессы бюрократизации и маркетизации, лидеры победившей партии стремятся удовлетворить в первую очередь интересы влиятельных сторонников, игнорируя запрос общества. По мнению автора, главным вызовом для партий является их собственная способность к антидемократическому поведению: они сами зачастую становятся агентами дедемократизации и представляют угрозу демократии⁸².

«Текучность» современного общества, стремящегося уйти от традиционной «демократии партий» к «демократии мнений», формирует такие вызовы, как падение членства, идентификации и доверия по отношению к «старым» партиям, затрудняет обретение и сохранение ими легитимности. Все большее распространение и популярность приобретают новые формы политической организации – «сетевые» партии⁸³, а также политика «вне партий», развивающаяся в рамках массовых социальных движений, для которых организация и структура не имеют никакого значения. Что представляют собой эти движения, заряженные мощной социальной энергией – достижение демократической практики или вызов самим ее основам, особенно в новых демократиях? Нет однозначного ответа на этот вопрос.

Израильский политолог Шмуэль Эйзенштадт размышляет о потенциальных рисках социально-протестных движений в современном обществе⁸⁴, в основе которых – стремление переопределить трактовку всеобщего блага и пересмотреть границы политического. Они

⁸² Там же. – С.45.

⁸³ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.49-76; Сморгун Л.В. Сетевые полит. партии // Полис. Политические исследования – 2014. – № 4. – С.21-37.

⁸⁴ Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. Политические исследования – 2002. – № 2. – С.67-81; № 3. – С.81-95.

«артикулируют дихотомии, противоречия и темы протеста, присущие позициям критиков и противников программы современности... Указанные движения – один из главных, а, может быть, и *главный* носитель утопических представлений в современном обществе»⁸⁵. Это влечет за собой изменение в соотношении сил, а также опасность серьезных конфликтов. Самая большая угроза конституционной демократии возникает тогда, когда зарождается подозрение, что действующие представительные институты не служат общественному благу, не смогли подняться над капиталистическим строем и приблизиться к идеалам справедливости. Масштабные протестные движения, свойственные современному периоду развития, поиск новых форм политической активности, могут привести к глубоким культурным сдвигам. Способность демократических режимов к отторжению устаревших форм, к инкорпорации символов и тем протеста – один из важнейших критериев их устойчивости и соответствия критериям Современности.

Многим исследователям присущ не менее критический взгляд на перспективы в современных условиях и таких «классических» форм самостоятельной организации, фактора успешности демократического перехода, как гражданское общество: оно трансформируется даже там, где давно сложилось. Все более распространенным становится мнение о кризисе публичной сферы и культуры гражданственности в западных полициях, о разрушении или видоизменении прежних форм социальности. Например, российский исследователь С.Н. Пшизова⁸⁶ пишет о возможностях современных технологий в сфере манипулирования массовым сознанием, о растущем в период «третьей волны» демократизации «эффекте демонстраций», что требует от лидеров проявления новых качеств,

⁸⁵ Эйзенштадт Ш.Н. Ук. соч. – №3. – С.81.

⁸⁶ Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования – 2000. – № 2. – С.30-44; № 3 – С.6-17.

способности продемонстрировать «камерность» и «эмпатийность»⁸⁷. В итоге формами новой социальности становятся фрагментация и универсализация, деформирующие политические системы представительных демократий.

Массовые партии, классические идеологии и программы, всеобщие выборы, традиционная политическая борьба, основанная на социально-классовой идентификации – все меняется и изменяет систему репрезентативного правления в систему правления с помощью репрезентаций, где огромную роль приобретает имидж лидера.

Есть ли в этом пространстве современных технологий, борьбы виртуальных имиджей, с одной стороны, и подъема массовых протестных движений без опоры на какие-либо формальные границы, с другой, место классическому гражданскому обществу, с его традиционными объединениями, без которого, как принято считать, не может быть либеральной демократии? И что же, в таком случае, оказывает приоритетное влияние на процесс режимной трансформации, а впоследствии – на устойчивость и успешность сложившихся демократий?

Анализируя факторы режимных изменений в посткоммунистических странах, А.Ю. Мельвиль, Д.Г. Стукал и М.Г. Миронюк⁸⁸, в качестве одной из важнейших независимых переменных, влияющих на успех/неуспех всего процесса демократизации, вводят понятие «государственной состоятельности». В качестве базовых функций современного государства они выделяют: обеспечение внешней безопасности; внутреннего порядка; легитимности; управления; развития. При том, что наполнение этих задач

⁸⁷ Пшизова С.Н. Ук. соч. – № 2. – С.40.

⁸⁸ Мельвиль А.Ю., Стукал Д.Г., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. Политические исследования – 2012. – № 2. – С.8-30.

(развитие, порядок, легитимность) можно понимать по-разному, их успешная реализация свидетельствует о «качественной государственности». Страны, стремящиеся к более полной реализации функций современного социального государства и демонстрирующие высокий уровень государственной состоятельности, как правило, движутся в демократическом направлении. В этом смысле определенность и последовательность в реализации демократических процедур ведет и к некоторой определенности достигаемых в итоге результатов – то есть к формированию всех составляющих консолидированной демократии.

Таким образом, демократический транзит, прошедший все необходимые стадии, включая заключительную – совершенствование консолидированной демократии – все более настойчиво рассматривается в парадигме неопределенности, а ведущим трендом современных транзитологических концепций становятся дополнение, ревизия и критический анализ классических подходов, их переосмысление в контексте новых, современных реалий, акцент на разнообразии «неклассических» («незападных», национально-уникальных) вариантов развития. Стремление выделить ключевые факторы успешного перехода и потенциальные риски сосуществует с принятием неоднозначности достигнутых результатов и невозможностью теоретически предсказать последствия избранного пути.

Этот подход предоставляет широкие возможности для анализа национальных вариантов завершеного демократического транзита, предполагающего исследование взаимодействия универсальных закономерностей и специфических локальных условий, изучение соотношения структурных и процедурных факторов на определенном страновом материале. Исключительно интересным примером является в данном случае конкретная национальная модель – чилийская. Эта модель, представляя собственный путь развития, органично вписывается в то же

время и в региональный латиноамериканский контекст, с его следованием универсальным трендам и широкой палитрой локального своеобразия.

I.3. Латиноамериканский контекст: от поиска идеала политического устройства – к анализу рисков современного развития.

Латиноамериканская исследовательская традиция в значительной степени была сформирована идейными спорами и концепциями XIX века⁸⁹.

Осмысление и развитие комплекса демократических идей в Латинской Америке происходило постепенно, в неразрывной связи с событиями и требованиями исторического времени, и отличалось рядом существенных, по сравнению с западноевропейскими подходами, особенностей. Эти особенности были обусловлены специфическим самосознанием латиноамериканцев, в котором с начала XIX в. и до настоящего времени взаимодействуют два основополагающих начала. С одной стороны – представление об уникальности исторического пути Латинской Америки, необходимости поиска себя, своего места в мире; с другой – идея о включенности региона в мировой цивилизационный контекст, и особенно – в западноевропейскую политическую традицию. Дискуссия о взаимопроникновении универсального и национально-специфического, особенно, в развитии важнейших историко-политических процессов, о соотношении общемировых и региональных ценностей, о применимости «идеальной нормы» к реальной (нередко – трагической и страшной) практике жизни, протекающая в различных формах и затрагивающая разнообразные сюжеты, составляет сущность латиноамериканских размышлений о демократии (как исторических, так и современных).

⁸⁹ Дьякова Л.В. Миражи демократии: исторический идеал и современность в контексте Латинской Америки // Латинская Америка. – 2017. – № 8. – С.5-18.

Тема демократии, понимаемой, прежде всего, как республиканская форма правления в противовес свергнутой испанской монархии, начинает развиваться в латиноамериканской общественной мысли в первой половине XIX в., после Войны за независимость (1810-1826) и создания на территории бывших испанских колоний независимых государств. Размышления о судьбе этих государств, их безопасности во враждебном окружении, подходящей им форме политического устройства, становятся лейтмотивом идейных споров и получают отражение в работах выдающихся политических деятелей и мыслителей своего времени – от венесуэльцев Симона Боливара, Симона Родригеса и Андреса Бельо, до кубинца Хосе Марти.

Ключевой, важнейшей дискуссионной проблемой этого периода стало соотношение свободы, понимаемой максимально широко (как экономический принцип; как освобождение от колониального гнета, тирании, монархии, рабства, уничтожение привилегий и кастовых различий, отмена всего патриархального; как равенство граждан перед законом и утверждение принципа народного суверенитета, права народов самим определять свою судьбу), и порядка, олицетворяемого сильной государственной властью.

В классической «охранительной», «протекционистской» концепции демократии, сформированной в западноевропейской и североамериканской политической мысли, подчеркивалось значение конституции, законов, провозглашались права и свободы личности (защита которых и являлась основным предназначением государства в рамках этой модели). Латиноамериканские либералы – идеологи независимости, республиканизма, политического равенства, отмены рабства – разделяли эти принципы и стремились претворить их в жизнь.

Однако историческая реальность Латинской Америки сразу после освобождения с особой остротой поставила вопрос о том, что же должно

предшествовать демократии: состоявшаяся государственность или либерализм, понимаемый как пространство практически не контролируемой свободы? Развернувшиеся в бывших испанских колониях гражданские войны продемонстрировали, что отсутствие безопасности и политического управления тормозит национальное развитие, что ценностям «избыточного либерализма» необходимо противопоставить управляющую и протекционистскую роль государства как важнейшего инструмента сохранения завоеванных прав, как единственной силы, способной в хаосе противостоять анархии и распаду, обеспечивать порядок и безопасность, развивать и совершенствовать общество.

Фундаментальное противоречие свободы и порядка особенно трагически проявилось во взглядах и политике Освободителя – Симона Боливара, отстаивавшего приоритет сильной верховной власти в ущерб ряду основополагающих принципов либеральной идеологии.

Мировоззрение С. Боливара, в котором соединились утопические надежды на единство бывших испанских колоний, мечты о свободе, понимаемой в духе классического европейского либерализма, и трагическое личное разочарование в исторической реальности, представляет собой сложный комплекс глубоких философских прозрений и прагматичных политических рекомендаций по поводу государственного управления и решения тяжелейших внутренних проблем.

Его опасения против «новой зависимости», угрожающей латиноамериканским народам со стороны сильнейших государств мира, трезвый взгляд на «соблазны приобретенной свободы», упавшие на почву неизжитого колониального наследия (как отмечал мексиканский философ Леопольдо Сеа)⁹⁰, в итоге привели Боливара к переосмыслению

⁹⁰ Сеа Л. Философия американской истории. – М.: Прогресс, 1984. – С.217.

первоначальных взглядов в отношении быстрого введения республиканизма (демократизма) политического устройства. «Этот Новый Мир, если определить его одним словом, есть не более, чем штормовое море, которое не успокоится еще много лет», – писал Боливар в 1927 г. в письме генералу Сукре⁹¹.

Известный российский историк Е.А. Ларин в исследовании, посвященном восприятию фигуры Боливара в историографии Европы и Америки XIX в., приводит характерное высказывание Освободителя, трактовка которого вполне однозначна: «Новым государствам Америки (раньше испанской) необходимы короли под именем президентов»⁹². Это несомненное признание важности сильной государственной власти (в исключительных случаях – даже персонифицированной) как способа противопоставить порядок – хаосу, безопасность – гражданским войнам, созидание – разрушению. Личная свобода человека, и политическая свобода, о которой столько писал Боливар, в реальных исторических условиях проиграла идее сильного и охраняющего государства – в духе классической теории Т. Гоббса. «Прочное, могущественное и справедливое правительство – это крик нашей родины», – писал Освободитель в 1827 г., в послании Конституционной ассамблее Колумбии⁹³.

Идеи Боливара представляют собой латиноамериканский вариант европейской «протекционистской» концепции демократии, но с акцентом на приоритете прав государства (защищающего индивида от издержек свободы) перед правами отдельной личности.

⁹¹ Simón Bolívar. La vigencia de su pensamiento. – La Habana: Casa de las Americas, 1982. – P.225.

⁹² Цит. по: Ларин Е.А. Европейские и латиноамериканские авторы о Боливаре // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2010. – 810 с.

⁹³ Simón Bolívar. La vigencia de su pensamiento. – P.233.

В отличие от Боливара, его современник, аргентинский политик-либерал, писатель и поэт Эстебан Эчеверрия, близкий идеям утопического социализма, отдавал предпочтение свободе и правам личности перед лицом любых исторических обстоятельств. Он считал, что «демократия – это режим, основанный на свободе и равенстве классов», «необходимый нам и единственно возможный у нас»⁹⁴. В комплексе демократических идей Эчеверрия особенно выделял принцип социального равенства, неразрывно связанный с понятием человеческого достоинства, уважением к индивидуальному труду и личному таланту человека. «Демократия, устраняя все сословные преграды, говорит нам, что нет другой иерархии, кроме той, которую устанавливает закон управления обществом; что должностное лицо вне учреждения, где оно выполняет свои функции, ничем не отличается от остальных граждан... что только честность, талант, гений порождают превосходство»⁹⁵. В этом смысле его отношение к Испании крайне негативно: испанская монархия – считал Эчеверрия – «оставила нам в наследство рутину», воспитала общество «в духе слепого уважения к традициям и непогрешимому авторитету определенных доктрин», разделила его «на сословия, иерархии, по профессиям и ремеслам»⁹⁶. Колониальное прошлое воплощает в мировоззрении этого мыслителя все отжившее, ветхое, мешающее «преобразующей и прогрессивной» идее развития. Демократия же выступает в значительной мере как идеал будущего, требующий подлинной «эмансипации» общества и созидательного труда в сфере «политики, философии, науки, религии, искусства, промышленности»⁹⁷. Эти взгляды сближают абсолютный либерализм Эчеверрии с подходами

⁹⁴ Эчеверрия Э. Социалистическое учение майской ассоциации. // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – С.48, 77.

⁹⁵ Там же. – С.71.

⁹⁶ Там же. – С.70-71.

⁹⁷ Там же. – С.76.

распространившейся в Европе так называемой «развивающей» модели демократии.

«Развивающая» концепция демократии сформировалась в латиноамериканской общественной мысли практически одновременно с «протекционистской». В ее основу были положены воззрения Ж.-Ж. Руссо, с его идеями совершенствования в первую очередь человека и общества, развития образования, общественного просвещения, уважения к труду, преодоления невежества и внутреннего рабства и, в итоге, постепенной «гуманизации» окружающей жизни. Выдающиеся латиноамериканские просветители, бывшие в то же время и активными общественными деятелями, писателями, поэтами, внесли свой вклад в развитие этой концепции.

Учитель Боливара, венесуэльский поэт, писатель и педагог Симон Родригес, много лет проживший в Европе, испытавший влияние идей Руссо, европейского Просвещения и утопического социализма, возвратившись в 1823 г. в Колумбию, стремился создать новую систему образования для Латинской Америки. Эта система была основана на сочетании трудового воспитания и общеобразовательного обучения и преследовала цель сформировать гармоничную личность – образованного и знакомого с физическим трудом человека, который сможет построить справедливое, гармоничное общество – «социальную цивилизацию». С. Родригес открывал школы в Колумбии и Боливии, долгое время жил и работал в Чили, Перу, Эквадоре⁹⁸. Его деятельность вдохновлялась утопической надеждой создать новое общество, сочетающее самобытность, естественность и простоту с ценностями труда и просвещения, в освободившихся от колониального гнета латиноамериканских странах, где не успели укорениться традиции

⁹⁸ Щелчков А.А. Испаноамериканские просветители Симон Родригес и Андрес Бельо // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. – С. 133-137.

деспотизма. «Старая Европа обращает свой взор к Новому Свету в поисках места, где можно осуществить новый социальный идеал», – писал С. Родригес⁹⁹. Правление просвещенного диктатора (как предполагалось – С. Боливара, которого Родригес глубоко уважал), этот либерал-утопист считал необходимым и вполне оправданным явлением для определенного исторического периода.

Взгляды венесуэльца Андреса Бельо, писателя, публициста, педагога, общественного деятеля, заложившего школу историко-философских исследований в Чили, были близки как умеренно-либеральному, так и умеренно-консервативному направлению. Как либерал, значительную часть жизни проживший в Европе, он признавал важность законов и право новых государств Латинской Америки на собственные политические институты; как консерватор – отстаивал приоритет эволюционного пути развития, выступал против радикально-негативных оценок испанского периода латиноамериканской истории, считал, что иберийское наследие имело немало достоинств, особенно в плане воспитания гражданских качеств личности – чести и любви к родине¹⁰⁰. Его консерватизм заключался в стремлении сохранять лучшее, что есть в традиции, не консервируя отсталость и рабство («прошлое необходимо принимать, но не повторять»)¹⁰¹. Размышляя о будущей судьбе латиноамериканских стран, которым только предстояло обрести подходящие формы политической организации, А. Бельо писал о необходимости признания национальной самобытности каждого народа, выступал за сильную политическую власть, в которой могут

⁹⁹ Цит. по: Шульговский А.Ф. Симон Родригес: человек и мыслитель (к проблеме генезиса утопического социализма в Латинской Америке) // Латинская Америка. – 1980. – № 7. – С.15.

¹⁰⁰ Щелчков А.А. Испаноамериканские просветители Симон Родригес и Андрес Бельо // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. – С. 141,142.

¹⁰¹ Цит. по: Zea L. El Americanismo de Bello // Andrés Bello /Ed. by Gayol Mecías M. – La Habana: Casa de las Américas, 1989. – P.727.

сочетаться как монархические, так и демократические элементы. Как педагог и общественный деятель, А. Бельо особое значение придавал образованию и воспитанию общества, опасаясь невежества как одного из опаснейших зол, которое может привести Латинскую Америку от испанского колониализма к неоколониализму современной эпохи. «Я определенно отношусь к тем, кто смотрит на общее образование, просвещение народа, как на одну из важнейших и наиболее значимых целей, на которые может направить свое внимание правительство, ... видя в этом основу устойчивого прогресса, необходимую базу для республиканских институтов», - писал Бельо¹⁰².

К социально-утопической руссоистской идее «воспитания гармоничной личности» А. Бельо относился критически, но его взгляды, в которых понимание республиканского политического устройства связано с размышлениями о необходимости воспитания и просвещения общества в целом, все-таки близки «развивающей» концепции демократии.

Интересно отметить, что со временем, к концу XX в., и утопический, в духе Руссо, подход С. Родригеса, и общественно-педагогическое просветительство А. Бельо не превратились в забытые элементы своей эпохи, а частично эволюционировали в идеологию современных латиноамериканских гуманистов. В основе мировоззрения их идеолога Сило – аргентинского философа Марио Луиса Родригеса Кобоса – также заложена идея о гармоничном развитии человека, способного «гуманизировать Землю», о воспитании человеческой личности и общества в целом как необходимой основы преодоления социально-политических конфликтов.

¹⁰² Цит. по: Shulgovski A. Bolívar y Bello: papel en la lucha liberadora en América Latina // Andrés Bello /Ed. by Gayol Mecías M. – La Habana: Casa de las Américas, 1989. – P.87.

Одна из самых известных книг Сило так и называлась – «Гуманизировать жизнь на Земле» (“Humanizar la Tierra”)¹⁰³.

В трудах первых латиноамериканских мыслителей периода независимости была сформулирована одна из ключевых проблем того времени, в которой отразилось классическое противоречие между либералами и консерваторами. Это был вопрос об отношении к колониальному прошлому, к испанской политической и религиозной традиции, испанскому наследию в целом. Для латиноамериканских интеллектуалов важно было определить свою позицию в спорах о том, каким должно быть будущее развитие новых государств – с признанием всего ценного, что дала своим колониям Испания, или без него?

Философская и политическая позиция Боливара была слишком многоплановой, чтобы выработать какое-то однозначное понимание прошлого: признавая европейские ценности, он размышлял и о важности индейских традиций в создании латиноамериканского мира; А. Бельо видел в исторической традиции незаслуженно отверженные позитивные, воспитательные моменты; Э. Эчеверрия связывал с «испанской идеей» образ косности и застоя. Чилийский либерал Хосе Викторино Ластаррия, как и Эчеверрия, представлял характерную для классического либерализма позицию развенчания отжившего исторического багажа (монархизма, католицизма, испанизма). С его точки зрения, Испания, в отличие от Северной Америки, которой Ластаррия восхищался, принесла своим колониям лишь религиозный фанатизм, рабство, «корысть и ложь». Примером же распространения республиканских ценностей могут служить

¹⁰³ Silo. Humanizar la Tierra. – Madrid: Ediciones León Alado, 2013. – 159 p.; Подробнее об этом: Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Латинской Америке: мировоззрение и социально-политическая практика // Латинская Америка. – 2014. – № 8. – С. 16-23; № 9. – С.4-15.

США, где расцвели свобода личности и мнений, рационализм, культ независимости и суверенитет народа¹⁰⁴. Являясь одним из основоположников концепции гражданского общества на латиноамериканской почве, Ластаррия выступал за создание общественных институтов на локальном уровне, развитие муниципальной власти, местного самоуправления, что сближало его взгляды с идеями французского политического мыслителя Алексиса де Токвиля («О демократии в Америке»).

Одной из разновидностей латиноамериканского подхода к дилемме «прошлое-настоящее» можно считать концепцию, в которой первостепенную роль играет конфликт цивилизации и варварства. Проблема прошлого как исключительно испанского наследия здесь не рассматривается, однако это принципиальный для Латинской Америки вопрос о соотношении универсального и локального, современного и патриархального, о совместимости ценностей Модерна (к которым, безусловно, относится и демократия), с консерватизмом традиции, со стилем жизни и взглядами «не вписывающихся в современность» социальных групп.

Аргентинский политический философ и президент страны в 1868-1874 гг. Доминго Фаустино Сармьенто поставил этот вопрос в качестве принципиального в латиноамериканской общественной мысли. При всей очевидной жесткости его позиции, размышления о том, что цивилизация (особенно для больших государственных образований) означает сочетание республиканской формы правления и федеративного устройства, представляются актуальными и сегодня¹⁰⁵. Сармьенто отвергал значимость культуры аргентинских гаучо, олицетворявших, с его точки зрения, отсталость, варварство и дикость, для будущего национального развития,

¹⁰⁴ Щелчков А.А. Последний романтик Хосе Викторiano Ластаррия // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. – С. 279.

¹⁰⁵ Сармьенто Д.Ф. Фаундо // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – С.138-139.

писал об их «врожденной» ненависти к образованию и городу – символу просвещения и культуры (мы бы добавили – современности). Эти утверждения, безусловно, носят спорный характер – но, если абстрагироваться от темы гаучо, мысль о том, что цивилизованная политика требует определенного уровня политической культуры общества, а этот уровень невозможно достигнуть, не преодолев «внутреннего варварства» (для каждой нации и каждого времени – своего), звучит исключительно современно.

Во второй половине XIX в. тема освобождения и республиканизма была продолжена (и, можно сказать, закончена для своего времени) в политической философии выдающегося кубинца Хосе Марти. Лейтмотив его мировоззрения – идея единства латиноамериканских народов, представление о «Нашей Америке» как едином историческом и культурном целом, обладающем уникальной цивилизационной спецификой. Х. Марти считал, что основа будущего Латинской Америки – в восстановлении доиспанских, индейских культурных традиций, в свободе быть самой собой, в уважении к своему прошлому, преодолении недостойного «стыда» за свою родину – «мать, которая нас вырастила»¹⁰⁶. Идея свободы, культурного своеобразия и латиноамериканского единства дополнена в его творчестве идеей романтического патриотизма в отношении одной страны – Кубы, освобождения которой от Испании он добивался всеми возможными способами (политическими и литературными), в том числе и ценой собственной жизни. Освобожденная Куба представлялась ему республикой, основанной на социальной справедливости и равенстве: «В освобожденной родине нужно будет защищать народную политику, к которой должны будут путем взаимного признания приспособиться части населения, могущие

¹⁰⁶ Martí J. Ideas políticas y sociales. – La Habana: Ediciones Nuevo Mundo, 1960. – Tomo I. – P.148.

столкнуться друг с другом из-за какого-нибудь пустяка»¹⁰⁷. Социальное равенство он понимал в первую очередь как равенство людей независимо от происхождения и этнической принадлежности, «как почтительное и справедливое обращение без ограничений в уважении... друг с другом людей того или иного цвета кожи»¹⁰⁸. Утопия Марти, в которой сочетались мечты о свободе, равенстве, латиноамериканском единстве и республиканизм, по своему «завершает» в общественно-политической мысли региона XIX век, начавшийся с осознания итогов Войны за независимость, и закончившийся размышлениями о судьбе Кубы.

На протяжении этого периода в работах латиноамериканских политических философов шел поиск некоего универсального идеала демократического правления; при этом реальные исторические проблемы, требуя решения, обогащали и наполняли этот идеал практическим содержанием. Среди поставленных в то время важнейших тем – вопрос об управлении и сильной государственной власти; об отношении с прошлым и осознанном конструировании будущего; о ценностях локальной самобытности, местных традиций, их взаимодействии с Современностью; о смысле и пределах свободы; о роли просвещения и образования в развитии общества; о равенстве гражданских прав; об отношении к коренному населению. С особой остротой уже в ранних работах латиноамериканских политических мыслителей была поставлена проблема социальной справедливости и социальной политики как важнейшей части государственной стратегии по развитию общества, преодолению его наиболее страшных пороков – бедности, преступности, невежества, отсталости. Демократический идеал, составленный из нравственно-этических просветительских норм и социальных требований, был направлен в будущее

¹⁰⁷ Марти Х. Испанская республика перед лицом Кубинской революции // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – С.232.

¹⁰⁸ Там же. – С. 235.

и противостоял стихии и варварству окружающей жизни, а латиноамериканские авторы настолько хорошо представляли реальность своих стран, что могли адресовать волнующих их вопросы не только настоящему, но и будущему.

В начале XXI в. некоторые важнейшие элементы сформированного в прошлом демократического идеала в значительной степени стали реальностью Латинской Америки. Пережив XX в. с его военными переворотами и диктатурами, а также сложные периоды демократизации, регион к началу текущего столетия превратился в пространство повсеместного (за некоторыми исключениями) распространения демократии – отмеченной регулярными и конкурентными выборами, политическим равенством и плюрализмом, активностью гражданских организаций. Тем не менее, демократическая практика в каждой стране отличается своими особенностями, связанными со спецификой исторической традиции и сложившейся политической культуры. Это противоречие – между относительной общностью политических тенденций и уникальностью национально-исторического опыта каждой страны – по-прежнему остается одним из наиболее значимых для Латинской Америки и получает соответствующее отражение в политических исследованиях.

Современные латиноамериканские (и близкие им по особенностям интерпретации испанские) авторы отвергают обобщенно-теоретический подход, свойственный части европейской и североамериканской науки и получивший наименование «англосаксонского», в соответствии с которым Латинская Америка рассматривается преимущественно как единое целое, а все латиноамериканские страны, по образному выражению чилийского исследователя Мануэля Антонио Гарретона, «сложены в один мешок»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Garretón M.A. Política y Sociedad entre dos épocas. América Latina en el cambio de siglo. – Rosario: Homo Sapiens Ediciones, 2000. – P.80-82.

Подчеркивая многовариантность моделей демократического развития в рамках региона, они, в то же время, выделяют из многослойного понятия демократии принципиальные моменты, оказавшие особое влияние на формирование общих, универсальных черт латиноамериканского общественного сознания и политической мысли.

Сегодня одним из наиболее актуальных противоречий демократии, как и в XIX в., остается конфликт идеала (к этическому содержанию которого по-прежнему предъявляются высокие нравственные требования), и политической реальности¹¹⁰. Принципиальное различие состоит в том, что разочарование и недовольство вызывают уже не устаревшие формы правления, тормозящие становление новых демократий, а внутренние проблемы самой демократической модели и конкретные недостатки повседневной демократической практики. Как подчеркивает чилийский политолог, профессор Университета Комплутенсе (Испания) Маркос Ройтман Розенманн, наибольшая исследовательская опасность на современном этапе состоит в том, чтобы «рассматривать демократию как соединение универсальных ценностей, без связи с социальными конструкциями реальности»¹¹¹.

Ведущие ибероамериканские специалисты по изучению региона (Карлос Маламуд, Даниэль Соватто, Марта Лагос, Мануэль Алькантара, Артуро Валенсуэла, Федерико Стейнберг, Симон Пачано и др.) акцентируют внимание на противоречиях и слабостях реальных демократий, которые способны провоцировать серьезные протестные настроения и конфликты.

¹¹⁰ Дьякова Л.В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // МЭиМО. – 2016. – № 3. – С.101-109.

¹¹¹ Roitman Rosenmann, M. Teoría y práctica de la democracia en América Latina // La democracia en América Latina: Actualidad y perspectivas. /ed. por Gonzalez Casanova P., Roitman Rosenmann, M. – Madrid: Universidad Complutense; México: UNAM, 1992. – P. 59-89.

Принципиальное значение приобретает критический анализ деятельности важнейших политических институтов (что существенно отличает современный подход от традиции XIX века). Речь идет, прежде всего, о рассмотрении роли и перспектив развития государства, на которое возлагается большая ответственность за совершенствование демократии. Неуважение к закону, формализм, коррупция, неэффективность и слабость государства в реализации его важнейших задач, в том числе – в обеспечении безопасности граждан и выполнении социальных обязательств, чреватые обострением конфликтных ситуаций и разрастанием зоны насилия, что воспринимается как реальная угроза общественным мнением большинства стран – отмечает аргентинский политолог Д. Соватто¹¹².

В каждой стране региона эти темы имеют свои специфические характеристики, в каждой – свой уровень гражданской культуры, своя ситуация с безопасностью, коррупцией, эффективностью государственного управления. Однако, по мнению испанского исследователя К. Маламуда, очевидным является тот факт, что в принципе «Латинской Америке необходимо больше государства. Чтобы оно могло эффективно выполнять свои функции, оно должно сопровождаться соответствующими законами и институтами и должно перестать быть простым орудием в руках президентов»¹¹³. Под расширением пространства государства понимается не усиление исполнительной власти, а повышение качества государственных структур, ответственных за соблюдение законов и реализацию политического курса. В целом же достаточно распространенным и успешно подтверждаемым на практике является убеждение исследователей в том, что гражданское сознание в Латинской Америке растет быстрее, чем качество

¹¹² Zovatto D. El Estado de la democracia en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/09/15/> (fecha de acceso 19.02.2015).

¹¹³ Malamud C. La lucha por el Estado en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/23/> (fecha de acceso 20.12.2015).

политических институтов. Бывший генеральный секретарь ОАГ, чилийский политик и дипломат Хосе Мигель Инсульса заметил, что «в Латинской Америке много «стихийной» демократии и мало институциональности»¹¹⁴. Подъем стихийных уличных движений против устаревших, отставших от требований времени, бюрократизированных политических институтов, рассматривается как один из основных факторов роста политической нестабильности демократических систем.

Период падения влияния и трансформации переживают традиционные политические партии. В Латинской Америке им присущи те же самые проблемы, что и партиям стран развитой европейской демократии – бюрократизация, сокращение электората, падение интереса со стороны широких слоев населения, кризис представительства. Например, чилийский политолог А. Валенсуэла (профессор Университета Джорджтауна) считает, что латиноамериканские партии, основанные на «мобилизационной модели», предполагающей определенную идеологию, активное участие и «субкультуру поддержки», быстро теряют влияние и популярность. Они не готовы адекватно реагировать на вызовы времени, изменять привычный дискурс, выдвигать из своих рядов талантливых ярких лидеров, разрабатывать новые идеологии и программы, привлекать в свои ряды новых членов. Согласно его оценке, партиям, прежде всего, необходимо усилить свою активность на локальном уровне, открыто апеллировать к избирателям в ходе предвыборных кампаний, отказаться от идеологических клише и «узкокорпоративистских стратегий» прошлого¹¹⁵.

¹¹⁴ Malamud C. Latinobarómetro y el estado de la democracia en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/10/03/> (fecha de acceso 19.02.2015).

¹¹⁵ Valenzuela A. Los partidos políticos y la gobernabilidad democrática en América Latina // Reforma de los partidos políticos en Chile / Ed. by Fontain A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. – Santiago: PNUD, 2008.

Кризис партий является существенной проблемой, так как партии в условиях демократии несут ответственность за важнейшую характеристику этого режима – за участие и политическую вовлеченность граждан. Тем не менее, в настоящее время «старые» классические партии, к которым относится большинство умеренно-центристских партий региона (и «левых», и «правых»), нередко оцениваются как консервативные, застрявшие в прошлом, не отвечающие запросам общества, которое становится все более заинтересованным в новых ценностях и моделях поведения, олицетворяющих собой и новый стиль жизни. Это относится к таким понятиям, как качество жизни, защита окружающей среды, экологическое воспитание, гендерное равенство, культурная и этническая толерантность. О новых явлениях социальной жизни, которые не принимаются в расчет стареющими латиноамериканскими партиями, неоднократно писали известные испанские исследователи М. Алькантара и Флавия Фрейденберг¹¹⁶.

Важнейшим проявлением этого кризиса является неспособность традиционных партий представлять интерес для молодежи и учитывать новые формы молодежной политической активности. Конвенциональное политическое поведение, предполагающее членство в партиях, участие в выборах и избирательных кампаниях, стремление легитимным путем занять лидерские позиции, всегда считалось одним из показателей прочности демократической политической культуры, жизнеспособности и силы гражданского общества. Однако молодежь все больше демонстрирует равнодушие и недоверие к «системной» политике и политикам, отвергает дисциплину и иерархическую структуру классических партий, воздерживается от участия в выборах и традиционных формах политической жизни.

¹¹⁶Alcántara Sáez M., García Díez F. (eds.) Elecciones y política en América Latina. Madrid, 2008. – 388 p.; Alcántara Sáez M., Freidenberg F. Los partidos políticos en América Latina. // América Latina Hoy. – 2001. – Vol.27. – P.17-35.

В начале XXI в. такое поведение оценивалось исследователями как свидетельство упадка не только привычных моделей политического участия и устаревших форм лидерства, но и гражданского общества в целом, как явления современной жизни. Отмечалась его трансформация из объединений солидарности и взаимопомощи, отличавшихся устойчивостью к любым, в том числе и самым неблагоприятным, воздействиям, в пассивное «общество просвещенных потребителей». Нисходящая тенденция в развитии гражданского общества, рост политической апатии и упадок «культуры гражданственности» связывались с утверждением неолиберальных ценностей, успешно заменивших солидарность и практику коллективных действий. Это явление, отличавшееся разной степенью укорененности в каждой стране, особо выделяли многие чилийские политологи применительно к Чили, где сформировалась наиболее законченная неолиберальная модель (этот аспект подробно рассматривается в следующем разделе).

Однако в последние годы получила развитие и другая тенденция, связанная с новыми явлениями политической жизни. Массовые студенческие и молодежные выступления 2010-2017 гг. в Бразилии, Чили, Мексике и других странах показали, что гражданская активность современного молодого человека в развитом рыночном обществе не исчезает, но проявляется не так, как в конце XX и даже самом начале XXI века. Годы второго десятилетия стали периодом бурного роста популярности новых социальных движений, неформальных молодежных объединений, созданных при поддержке социальных сетей на основе общих идеалов и ценностей. Молодежь, принимавшая активное участие в протестных движениях, выражала недовольство не отдельными недостатками существующих правил политической жизни, но качеством управления в целом и сложившейся системой ценностей. Политологи стали писать о появлении нового действующего лица политики – «борющегося поколения» (*“generación*

militante”, по образному выражению бразильского исследователя Родриго Нунеса)¹¹⁷. Этому поколению уже не свойственны конформизм и пассивность начала неолиберальной эпохи, но ему также чужды терпение, толерантность, способность к компромиссам и готовность соблюдать действующие правила игры. Влияние этого нового фактора на политическую стабильность демократических режимов, на перспективы развития демократии пока еще не оценено в полной мере и может оказаться весьма противоречивым, – считает аргентинец Пабло Воммаро¹¹⁸.

Латиноамериканские политологи отмечают двойственную роль современного гражданского общества, его «теневую сторону», связанную со способностью создавать новые риски, усиливать протестные настроения, провоцировать конфликты, увеличивать степень неуправляемости и радикализма протестных движений. Гражданское общество уже не может рассматриваться как статичная категория, зона, гармонизирующая социальные противоречия. Это динамичное, противоречивое пространство, в котором находят свое отражение и сталкиваются разнообразные социальные интересы, где проявляются не только демократические, но и авторитарные тенденции, появляются группы, объединенные, в том числе, и антисоциальными идеями¹¹⁹. Неоднозначную роль играют также избыточные надежды широких социальных слоев, связывающих с протестным движением свою мечту о социальной справедливости и всеобщем благе.

Изучение взаимодействия новых общественных ценностей, настроений повышенных социальных ожиданий, разделяемых, прежде всего, молодежью, усиливающейся активно-протестной позиции гражданского общества – с

¹¹⁷ Nunes R. Generación, acontecimiento, perspectiva. Pensar el cambio a partir de Brasil // Nueva Sociedad. – 2014. N. 251. – P.42-54.

¹¹⁸ Vommaro P. La disputa por lo público en América Latina. Las juventudes en las protestas y en la construcción de lo común. // Nueva Sociedad. – 2014. – N 251. – P.55-69.

¹¹⁹ Bobes V.C. De la revolución a la movilización. Confluencias de la sociedad civil y la democracia en América Latina. // Nueva Sociedad. – 2010. – N 227. – P.32-50.

одной стороны, и государства – структурирующего, управляющего начала – с другой, представляется важной задачей современных аналитических материалов¹²⁰.

Одну из актуальных и в то же время традиционно острых тем представляет собой анализ современной роли военных и Вооруженных Сил как особого института в политической жизни стран региона. Их участие в государственных переворотах и авторитарных режимах XX века, их ответственность за акты насилия и нарушения прав человека, за реализацию антидемократической тенденции, заложенной в латиноамериканском политическом коде – эти вопросы имеют прямое отношение к оценке конфликтного потенциала военно-гражданских отношений и перспектив демократического развития в целом. (Данная проблема представляет особую актуальность и для Чили).

Латиноамериканскими исследователями отмечается, что в начале XXI века военно-гражданские отношения в Латинской Америке стали более стабильными и политически наименее напряженными, чем когда-либо в ее истории. В большинстве стран региона ВС утратили свои прежние ресурсы и влияние, и уже не могут, как раньше, использовать угрозу военного переворота – ввиду высоких профессиональных и политических рисков, связанных с подобной акцией. За годы демократического развития достигнуто равновесие и взаимное уважение между гражданской властью (демократически избранными президентами и министрами обороны, с одной стороны, и руководством ВС – военными профессионалами, с другой), которое, фактически, делает минимальной опасность прихода к власти военных. Как заключает исследователь этой темы калифорнийский

¹²⁰ Дьякова Л.В. Латиноамериканская политология о природе конфликтов: исследовательские интерпретации // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2017. – С.56-84.

профессор Дэвид Пион-Берлин, «латиноамериканское сообщество защищает демократию с такой решимостью, как никогда»¹²¹, и ей ничто не угрожает со стороны военных – при условии, что политики не вмешиваются в узкопрофессиональные вопросы военного ведомства, а гражданские министры обороны обладают необходимыми способностями для общего руководства ВС.

Чилийский политолог Франсиско Рохас Аравена подчеркивает, что в условиях отсутствия внешних военных угроз самым серьезным вызовом для демократии в регионе является не опасность прямого вмешательства военных в политическую жизнь, а рост насилия и преступности, риски терроризма, расширение наркотрафика. В противодействии этим угрозам как раз и должны принимать самое активное участие ВС каждой страны¹²².

Особый акцент делается на демократической роли министерств обороны, возглавляемых, как правило, гражданскими лицами (во многих странах – женщинами), а также на способности ВС не только обеспечивать национальную безопасность, но и участвовать в поддержании общего порядка, связанного с развитием инфраструктуры, строительством дорог и мостов в труднопроходимых местах, помощью населению во время стихийных бедствий, и т.д. Эта новая – социальная, вспомогательная, вызывающая доверие общества – функция армии активно подчеркивается рядом исследователей и специальных сайтов, посвященных формированию современного имиджа ВС в ряде стран региона, особенно переживших периоды авторитаризма¹²³.

¹²¹ Pion-Berlin D. Militares y democracia en el Nuevo siglo. // Nueva Sociedad. 2008. – N 213. – P. 53.

¹²² Rojas Aravena, F. El riesgo de la superposición entre las políticas de defensa y seguridad // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P.36-49.

¹²³ Milet P.V. Desafíos externos e internos a la política de defensa en Chile. // Nueva Sociedad. 2008. – N 213. – P.147-155.

В то же время, некоторые авторы выделяют и другую сторону военно-гражданских отношений, обусловленную традиционно высоким положением военных в латиноамериканском обществе, их приверженностью кастовому сознанию, в соответствии с которым быть военным – это не временная занятость, а пожизненный социальный статус. Профессиональный военнослужащий при уходе на пенсию не превращается в гражданское лицо: сохраняя специфическое самосознание, он продолжает пользоваться привилегированной пенсионной и медицинской системой, поддержкой специальных фондов, особым отношением в обществе. Мексиканский исследователь Карлос Баррачина считает, что, даже при условии взаимного уважения и военно-гражданского «равновесия» говорить о полноценном гражданском контроле над военными структурами в латиноамериканском контексте надо с большой осторожностью. Во многом это пока «нормативная идея» будущего, а не состоявшаяся реальность сегодняшнего дня¹²⁴.

Тем не менее, несмотря на объективную сложность этой сферы, отличительной характеристикой современных отношений демократической власти и ВС в регионе стал тот факт, что латиноамериканские военные в большинстве стран уже не являются носителями антидемократических идей, подчеркивают свою готовность служить для защиты правового государства. Определенную опасность представляет ситуация в Венесуэле, однако открытая апелляция гражданской власти к избранным военным частям, которую демонстрирует в последние годы президент Николас Мадуро, является скорее отклонением от тенденции, преобладающей в остальной части региона. Сложившийся в других странах (в том числе в Чили) военно-гражданский консенсус, опирающийся на фундаментальные

¹²⁴ Barrachina C., Rial J. Los Ministerios de Defensa en América Latina y las consecuencias de la multidimensionalidad de las amenazas. // América Latina Hoy. – 2006. – Vol. 42. – P.131-159.

демократические ценности и соблюдение закона, можно назвать значительным достижением этапа консолидации латиноамериканских демократий.

В современных условиях опасность для латиноамериканских демократий представляют уже не отношения с ВС, а другие факторы, усиливающие свою значимость: социальное неравенство, вызывающее глубокие протестные настроения; кризис традиционных политических институтов и форм политической активности; общественное разочарование в функционировании реальных демократий.

Важнейшим инструментом укрепления стабильности существующих демократических режимов, смягчения противоречий и конфликтов, повышения доверия общества к действующей власти обоснованно считается эффективная социальная политика, представляющая также одно из важнейших направлений анализа функционирования современных демократий в Латинской Америке.

Необходимо отметить, что результаты латиноамериканских стран в решении социальных проблем, в сокращении бедности и неравенства, достигнутые на протяжении «золотого десятилетия» 2003-2013 гг. (высокого экономического роста и высоких социальных расходов) наглядно свидетельствуют о преимуществах демократической власти, а эксперты подчеркивают, что без демократии эти успехи были бы просто невозможны¹²⁵.

Практически все государства региона использовали период экономического благополучия для разработки и проведения в жизнь адресной социальной политики, направленной на развитие социальной

¹²⁵ Los logros sociales de Latinoamérica se deben a la democracia, según expertos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/05/04/> (fecha de acceso 19.05.2015).

сферы, увеличение занятости, совершенствование систем образования и здравоохранения. Но большинство самых успешных социальных проектов было в основном посвящено решению наиболее острой и болезненной проблемы латиноамериканских обществ – бедности, которую удалось сократить с 44% населения (221 млн человек) в 2002 г. до 28% (164 млн) в 2013 году¹²⁶. Около 50 млн. латиноамериканцев (8% населения региона) за этот период вышли из бедности и стали частью среднего класса, существенно улучшив свое материальное положение.

В то же время, оценивая результаты социальной политики этого периода, исследователи (М. Лагос, С. Пачано, Д. Соватто, П. Воммаро, Ф. Стейнберг и др.) считают, что государством было сделано далеко не все возможное, чтобы предотвратить наиболее тяжелые социальные последствия грядущего экономического кризиса¹²⁷. Особенно это касалось создания равных возможностей для всех групп общества, формирования реальных условий, позволяющих сохранить уверенность в будущем. Успешная работа по преодолению бедности должна была дополняться постоянными и эффективными усилиями по кардинальному сокращению социального неравенства, созданию новых рабочих мест, увеличению вложений в инфраструктуру и социальную сферу, образование и здравоохранение. Эти сложнейшие задачи остались нереализованными. «Регион становился с каждым днем все более процветающим, более богатым и требовательным, но сохранял, вместе с тем, высокий уровень неравенства. Это процветание несло

¹²⁶ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2013. – Santiago de Chile, 2014. – P.17.

¹²⁷ Steinberg F. La economía en América Latina se frena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/14/> (fecha de acceso 19.04.2015);

Núñez R. América Latina: vuelven las vacas flacas? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/30/> (fecha de acceso 30.04.2015);

Zovatto D. Está América Latina preparada para un cambio de ciclo? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/06/> (fecha de acceso 19.04.2015).

в себе и новые диспропорции», – отмечала, анализируя период 2003-2013 гг., чилийский социолог М. Лагос¹²⁸.

Не случайно окончание «золотого десятилетия» совпало с активизацией массовых протестных движений, охвативших в 2013-2017 гг. многие страны региона и ставших особенно заметными на фоне кризиса политических партий и традиционных форм политической активности.

При всем различии конкретных обстоятельств и мотивов недовольства (от экономических до политических), важнейшей характеристикой новых социальных движений стали общие требования, предъявляемые гражданами к качеству политических институтов и политики в целом. Эти требования касались: выполнения демократических процедур, этичного и ответственного поведения политических лидеров, глубоких и результативных реформ, честности и прозрачности выборов. Принципиальное значение приобрела тема недопустимости коррупции и экономного расходования бюджетных денег, значительная часть которых, по мнению протестующих, должна была направляться на решение действительно приоритетных для общества задач: обеспечение безопасности, совершенствование систем здравоохранения и образования, строительство жилья, развитие городской инфраструктуры.

Отличительной особенностью протестных выступлений стало то, что активное участие в них, помимо молодежи, принимал «новый средний класс» – группы населения, вышедшие из бедности за годы экономического подъема и оказавшиеся, с одной стороны, перед лицом новых возможностей, а с другой – ощутившие тяжесть новых проблем, связанных с плохим качеством доступных им услуг. При этом наибольшее раздражение деятельностью своих правительств и разочарование в возможностях демократии

¹²⁸ Latinobarometro. Informe 2013. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2013.pdf (fecha de acceso 19.04.2015).

демонстрировали жители успешных «модельных» стран, в которых демократические принципы во многом давно уже стали политической нормой¹²⁹.

Можно констатировать, что целенаправленная социальная политика государства сыграла в формировании позитивного отношения к демократии значительную роль, однако не смогла, даже за длительный период интенсивного экономического роста, решить все накопившиеся проблемы. Сегодня неблагоприятные экономические факторы нового периода развития, и ошибки, допущенные за длительный период благополучия, могут замедлить и даже повернуть вспять начавшиеся процессы социального возрождения ряда стран региона.

На III Международном форуме в Санто Доминго (Доминиканская республика, январь 2015 г.), организованном Международным институтом демократии и электоральной поддержки (*Instituto Internacional para la Democracia y la Asistencia Electoral*), и посвященном проблемам и перспективам демократии, на первый план выдвигалась необходимость создания новой модели социально-экономического развития, в которой приоритетное внимание должно уделяться вложениям в образование и инфраструктуру, в совершенствование налоговой системы, повышение качества человеческого капитала. Как отмечал испанский исследователь Рохелио Нуньес, важнейшей задачей государственной политики на новом этапе должна стать поддержка не только беднейших слоев, но и нового среднего класса, выросшего за годы социальных реформ и экономического благополучия и ставшего символом успехов демократического развития¹³⁰.

¹²⁹ Nuñez R. ¿ Por qué se generalizan las protestas en América Latina? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/18/> (fecha de acceso 19.06.2015).

¹³⁰ Nuñez R. El III Foro Internacional da a luz la “Agenda de Santo Domingo”. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/01/31/> (fecha de acceso 21.04.2015).

Таким образом, особую актуальность приобретают размышления о возможности формирования модели «улучшенной демократии», в которой большую роль играла бы социальная политика, нацеленная на преодоление не только бедности, но и социального неравенства, на создание эффективных социальных лифтов для молодежи из бедных слоев общества.

Конфликт этических норм, нравственных ценностей демократии как комплекса политико-философских идей, и далекой от этих норм реальности, является проблемой развитого современного общества. Современные латиноамериканцы ожидают от реальных демократий не только эффективной экономической политики, своевременно проводимых реформ, но также соблюдения политической элитой нравственных ориентиров, успешной реализации публично декларируемых ценностей, и, самое главное – большей социальной справедливости, что представляет особую сложность для любого правительства.

Внутренние проблемы, с которыми сталкиваются страны региона сегодня, известный мексиканский политолог Хорхе Кастаньеда назвал «пугающими слабостями» демократии¹³¹. Речь идет о недостаточном, запаздывающем развитии политических институтов, кризисе модели едва сформировавшегося «социального государства» и росте настроений социального пессимизма, распространившихся в последние годы в различных слоях латиноамериканского общества, о расширении зоны межгосударственных и внутривнутриполитических противоречий в регионе в целом¹³². У латиноамериканских стран (по мнению Х. Кастаньеды), несмотря на общую цивилизационную идентичность и отношения добрососедства, все

¹³¹ Castañeda J. Democracia y expresidentes. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://elpais.com/elpais/2014/05/21/opinion/1400697586_225656.html. (fecha de acceso 1.09.2015).

¹³² Подробнее об этом: Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 452 с.

меньше «общего голоса» по ряду ключевых вопросов мировой и даже региональной политики, все больше принципиальных расхождений. Сумеет ли демократия в регионе адаптироваться к этим новым вызовам? Насколько развернувшаяся волна общественных протестов может в принципе способствовать выработке конструктивной политической стратегии, улучшению, а не расшатыванию сложившихся политических систем? Не станет ли она причиной возрождения радикального популизма в масштабах региона? Эти вопросы пока остаются без ответа в латиноамериканской общественной мысли.

Вместе с тем, наряду с критикой и акцентом на теме «разочарования» и общественного «раздражения» политикой, приоритетной в латиноамериканской исследовательской среде является точка зрения, что отстаивать либеральную демократию необходимо вопреки всем ее недостаткам и слабостям (несовершенству политических институтов, хрупкости демократических принципов, противоречивости, конфликтности и избыточной толерантности действующих демократических практик). Бороться за демократию необходимо даже вопреки ее очевидной неспособности справиться с рядом серьезных вызовов (не только в Латинской Америке, но также в Европе и США). Как отмечает кубинский аналитик и журналист (работающий в США) Карлос Альберто Монтанер, отстаивать ценность несовершенного, но демократического правления необходимо всегда, особенно последовательно – в периоды разочарований и кризисов¹³³. Бывают моменты, когда даже формальное выполнение определенных политических правил и норм, соответствующих этапу развитой демократии, способно вывести государство и общество из критической ситуации. У исследователей Латинской Америки нет единого

¹³³ Montaner C.A. La hora de los monstruos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/02/15> (fecha de acceso 16.02.2015).

мнения на этот счет, но есть понимание того факта, что вызовы, которые предъявляет демократии развитие современного общества, какими бы серьезными они ни были – это именно вызовы, проверка ее перспектив и возможностей, а не свидетельства несостоятельности избранного пути.

Эти общие, универсальные вопросы, волнующие ибероамериканскую общественную мысль, особенно наглядно отразились в дискуссиях о специфике чилийской модели политического развития.

I.4. Политическая теория о модели демократического транзита и особенностях поставторитарного развития Чили.

В фокусе современных политических исследований, посвященных непосредственно Чили – особенности чилийской модели демократического транзита (1990-2000) и проблемы современного этапа демократического развития, вопросы совершенствования сложившейся консолидированной демократии (2000-2017). Интерпретации этой темы, несмотря на их многообразие и высокую степень детализации материала, располагаются в рамках двух основных подходов, которые условно можно обозначить как «умеренно-объективистский» и «радикально-этический» (или «леворадикальный»).

Первый подход предполагает прагматичный функциональный (институционально-теоретический) анализ процесса демократического транзита, его особенностей и специфических черт, сделавших возможным мирное восстановление демократии, а также объективную оценку современных достижений и проблем (включая, в том числе, и те элементы, которые можно назвать глубокими «изъянами» чилийской модели). В этой парадигме присутствует интерес к сопоставлению чилийского опыта с общими, универсальными закономерностями транзита; характерно

выделение позитивной роли экономических предпосылок демократизации, связанных с устойчивым экономическим ростом – следствием реформ, проведенных в период авторитаризма; здесь присутствует в целом отстраненная исследовательская позиция.

Второй подход основан на стремлении оценить чилийскую модель в русле морально-этических категорий, с точки зрения «справедливости» и «несправедливости», увидеть в противоречиях современного развития расплату за ошибки и компромиссы, совершенные в период демократического транзита. Этот взгляд сопровождается негативной оценкой неолиберальной экономической модели и ее социальных последствий, скепсисом в отношении качества современной чилийской демократии; характеризуется обостренно-идеологическим восприятием внутривнутриполитических проблем и глубокой эмоциональной вовлеченностью исследователей в анализируемые процессы.

Первый подход свойственен в основном зарубежным политологам, оценивающим чилийскую модель «сверху», в контексте общемировых процессов, видящим в ней один из нескольких ярких страновых вариантов перехода к демократии. Этот взгляд разделяют также некоторые видные чилийские исследователи, работающие в русле англо-американской политологической традиции. Второй подход характерен в бóльшей степени для чилийских авторов, особенно придерживающихся левых взглядов (и латиноамериканцев, занимающихся Чили). Его востребованность обусловлена несколькими обстоятельствами: трагизмом целого этапа национального исторического опыта, ставшего личным переживанием для многих современных чилийцев (в том числе работающих в зарубежных университетах); высокой степенью политизации предмета исследования; сохраняющимися (а в последние годы – все более обостряющимися) политическими и идеологическими разногласиями в интеллектуальной среде.

Выделение ключевых моментов, позволяющих дать обобщающее концептуальное определение чилийской модели транзита на основе комплексного анализа различных факторов, является приоритетным направлением исследований, посвященных Чили.

Согласно классическим транзитологическим концепциям, чилийская модель соответствует общим, универсальным закономерностям и этапам демократического перехода, но имеет свою специфику. Еще Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер, занимаясь проблемами транзита, выделяли в качестве наиболее предпочтительного для дальнейшей успешной консолидации демократии и наиболее безболезненного для общества «пактированный» переход, основанный на системе договоренностей и компромиссов, достигаемых в результате переговоров между оппозицией и авторитарным режимом¹³⁴. Чили представляет собой классический вариант этой модели.

Обосновывая (на примере Аргентины, Бразилии и Перу) свою концепцию «делегативной» демократии (см. раздел 1.2), Г. О'Доннелл, в частности, отмечал, что в Чили условий для подобного типа демократии (популистской, связанной с эмоциональным восприятием определенного типа лидерства), нет. Эта страна является редким для Латинской Америки примером политической преемственности и сохранения политических институтов, а также культуры заключения соглашений, унаследованной от прошлой демократической традиции, что, по мнению автора, повлияло на успешный переход к демократии¹³⁵.

¹³⁴ O'Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2013. – P. 42-44.

¹³⁵ O'Donnell G. Delegative Democracy. // Journal of Democracy. – 1994. – № 1. – P.55-69.

В уже упоминавшемся фундаментальном исследовании Х. Линца и А. Степана¹³⁶ Чили (в ряду других стран Южного конуса) рассматривается как особый вариант «контролируемого» демократического транзита, для которого характерны чрезвычайно жесткие границы, поставленные уходящим авторитарным режимом, сохранившим поддержку значительной части общества. Анализируя эти обстоятельства (сильные позиции военных, закрепленную юридически неполноту власти демократического правительства), авторы отмечали проблематичность консолидации демократии. На момент подготовки исследования, опубликованного в 1996 г., транзит оценивался ими как незаконченный, а перспективы дальнейшего демократического развития – как весьма неопределенные¹³⁷.

С. Мэйнворинг, анализируя общие закономерности транзита и подчеркивая принципиальные различия между стадиями либерализации и демократизации¹³⁸, особое внимание уделял либерализации как фазе внутриэлитных расколов и переговоров, расширения сферы гражданских свобод в рамках авторитарного режима, заключения пактов, когда решается судьба следующего этапа демократического перехода. Важнейшим для анализа чилийской модели является мнение С. Мэйнворинга об обреченности военного режима в тот момент, когда он решает вынести вопрос о продлении своих полномочий на общенародное голосование (в форме референдума или выборов), не имея для этого ни влиятельных партий, ни популярных политических фигур.

¹³⁶ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London, 1996.

¹³⁷ Ibid. – P. 206-211.

¹³⁸ Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Working Paper of Kellogg Institute. – 1989. – N 130. – Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (Accessed 09.11.2017)

Чилийский политолог Хулио Сэмюэл Валенсуэла (Университет Нотр-Дам), дополняя общую теорию демократических транзитов¹³⁹, основное внимание уделяет противоречиям процесса демократизации, тем условиям и факторам, которые облегчают или затрудняют консолидацию, поскольку даже для минималистской демократии необходим определенный набор политических институтов, восстановление которых требует усилий и соблюдения демократических правил игры. Чилийский опыт, с точки зрения Х.С.Валенсуэлы, служит наглядным примером присутствия «неправильных», проблемных (обусловленных авторитарным наследием) элементов в процессе демократизации. Этими элементами являются следующие: «опекающие» власти (*tutelary powers*), не избираемые демократически, но способные навязывать свои правила; «авторитарные анклав», сохраняющиеся в институциональном устройстве государства; дискриминационное электоральное законодательство, игнорирующее политические меньшинства и предполагающее наличие неизбираемых фигур в парламенте. По мнению автора, сохранение недемократических анклавов вызвано стремлением прежних групп элиты обезопасить свои позиции; ситуация меняется тогда, когда эти силы видят новые способы защиты своих интересов демократическим путем (в результате создания своих партий и участия в выборах). Таким образом, укрепление демократии должно идти по пути распространения преимуществ демократической системы на все общество, включая и те политические группы, которые взаимодействовали с авторитарным режимом.

Чилиец Мануэль Антонио Гарретон относил Чили к тому типу латиноамериканских стран, где транзит состоялся без революционного

¹³⁹ Valenzuela J.S. Democratic Consolidation in Post-Transitional Settings: Notion, Process and Facilitating Conditions // Working Paper of Kellogg Institute. – 1990. – N 150. – Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/150_0.pdf (Accessed 2.10.2017)

разрыва с прежним режимом («военно-институциональным», по его определению)¹⁴⁰. Важнейшими факторами этого процесса М.А. Гарретон считал субъективные (процедурные), связанные с активностью политических акторов¹⁴¹. Действия элиты «сверху» в сочетании с низовым социальным движением против диктатуры, воздействующим на военное руководство и принуждающим его к переговорам, дали автору основание определить чилийский переход к демократии как *«соединение переговоров и мобилизаций»*. Основными характеристиками модели стали: отсутствие тотального разрушения прежней системы, сохранение так называемых «авторитарных анклавов», в том числе важнейшего из них – пиночетовской Конституции 1980 г., а также «парадоксальный», по мнению политолога, эффект «демократии наиболее незавершенной [на конец 1990-х гг.] при режиме наиболее консолидированном»¹⁴².

Систему *элитарных договоров* как принципиальный элемент транзита рассматривали Пол Дрейк (профессор Калифорнийского университета) и Иван Джаксич (Университет Нотр-Дам), обосновывая необходимость объективного подхода и взвешенной оценки – как достижений, так и недостатков чилийского опыта демократизации. Признавая влияние отдельных выдающихся лидеров, они отстаивали ключевую роль коалиции оппозиционных партий и политических компромиссов, заключенных между основными участниками событий¹⁴³. Этот подход имеет существенную концептуальную значимость, поскольку выделяет *элитарный пакт* в

¹⁴⁰ Garretón M.A. Revisando las transiciones democráticas en América Latina // Nueva Sociedad. – 1997. – N 148. – pp.20-29.

¹⁴¹ Garretón M.A. La posibilidad democrática en Chile. – Santiago de Chile: FLACSO, 1989 – 72 p.

¹⁴² Garretón M.A. Revisando las transiciones democráticas en América Latina. – P. 26.

¹⁴³ Drake P., Jaksic I. El “Modelo” Chileno. Democracia y Desarrollo en los Noventa // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / ed. By Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – pp.11-38.

качестве несущей конструкции демократического транзита, а саму модель определяет как «*модель элитарных компромиссов*».

Петер Сиавелис (Университет Уэйк-Форест, США) подчеркивал влияние переговоров и компромиссов, сформировавших «умеренность» (“*moderación*”) как принципиальную характеристику чилийского перехода, приведшего к «*консенсусной демократии*», в которой, тем не менее, изначально была заложена большая неопределенность и внутренняя конфликтность¹⁴⁴. П. Сиавелис, обосновывая особое значение политических партий и коалиций (как лево-, так и правоцентристских), отмечал их способность к идеологической трансформации, к заключению компромиссов и выполнению достигнутых договоренностей. Эти качества были восприняты чилийскими партиями из политической традиции, сформированной до авторитарным периодом в развитии страны¹⁴⁵. Называя чилийский переход к демократии «модельным», автор, в то же время, предупреждал о возможности возникновения непредвиденных рисков – связанных уже с этапом консолидации, когда на первый план выходят высокие требования к качеству новой политической системы.

Особое место в политических исследованиях и выделении ключевых характеристик перехода занимает фигура Аугусто Пиночета, его реальное присутствие в чилийской политике на протяжении всего периода демократизации (1990-х гг.) и в начале 2000-х годов. Это явление получило название «*фактор Пиночета*» и неоднократно отмечалось практически всеми исследователями как важнейший элемент национальной модели демократического транзита, определивший ряд его принципиальных особенностей (М.А. Гарретон, П. Дрейк, И. Джаксич, Т. Моулиан, П. Сиавелис, Патрисио Силва, Алваро Сото Кармона, Карлос Унееус и др.).

¹⁴⁴ Siavelis P.M. Continuidad y Transformación del Sistema de Partidos en una Transición “Modelo”// El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. – Op. cit. – pp. 223-239.

¹⁴⁵ Ibid. – P. 226-227.

Например, Джонатан Бартон (Университет Восточной Англии) подчеркивал, что характерной чертой политики первых демократических правительств Чили было отсутствие резкого разрыва (“ruptura”) с авторитарным прошлым, кардинального разрушения важнейших политических конструкций, созданных прежней властью¹⁴⁶. Сохранение так называемого «continuismo» – *институциональной преемственности*, обусловило мирный переход к демократии, но оставило предпосылки для социального недовольства и критики со стороны ультралевых политических сил. Социальное раздражение усугублялось развитием неолиберальной экономической модели и ростом социальных диспропорций на протяжении всего поставторитарного периода.

Вариант демократического перехода, в котором сохранялась устойчивая преемственность с авторитарным прошлым и длительное влияние А. Пиночета, также получил определение «*защищаемого*» или «*охраняемого*» транзита (буквально – «*опекаемого*», “la transición tutelada”). В данной интерпретации (которую обосновывает ряд исследователей, в частности, испанский политолог А. Сото Кармона)¹⁴⁷, основной акцент сделан на фактор контроля, регулирования, управления всем процессом транзита со стороны уходящего авторитарного режима и непосредственно самого экс-диктатора. «Режим не рухнул, он просто закончил свое существование», – писал известный чилийский историк и политолог К. Унееус¹⁴⁸, близкий правоцентристским позициям. Анализируя проблемы и риски «демократии компромисса», вынужденной считаться с теми общественными группами, которые поддерживали военный режим и не были отстранены от политики в

¹⁴⁶ Barton J.R. *State Continuismo and Pinochetismo: The Keys to the Chilean Transition* // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – pp. 358-374.

¹⁴⁷ Soto Carmona A. *La transición tutelada* // “L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.63-73.

¹⁴⁸ Huneus C. *El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino* // Anuario Iberoamericano 2008. – Madrid: Real Instituto Elcano, 2008. – P. 87.

период демократизации (сотрудничавшие с военным правительством консервативные элиты, предпринимательский класс, а также часть беднейших слоев населения), К. Унееус признавал, что эта модель является переходной, но не соответствует этапу развитой демократии, с ее неотъемлемыми принципами оппозиционной борьбы партий и правом на политический конфликт.

Значительное место в этой системе «управляемого транзита» и институциональной преемственности было отведено правым партиям, идеологическая позиция и роль которых оценивается неоднозначно¹⁴⁹. В частности, К. Унееус отмечал глубокую эволюцию правых, особенно – радикально-правой партии Независимый демократический союз (UDI), созданной в период авторитаризма в целях легитимации военного режима, в начале перехода к демократии превратившейся в инструмент влияния сторонников бывшего диктатора, затем ставшей цивилизованным участником всех демократических процедур¹⁵⁰. Этот кейс наглядно демонстрирует основной тренд демократического перехода в Чили: избегая открытых массовых разоблачений и процесса люстрации, сохранить мирный характер трансформации и включить в политическую жизнь все элементы прежней системы, способные к изменению и принятию новых правил.

В то же время, некоторые исследователи (например, Артуро Валенсуэла [Университет Джорджтауна] и Лусия Даммерт [Латиноамериканский факультет социальных наук, FLACSO]) считают, что чилийский транзит не предусматривал никаких пактов демократической

¹⁴⁹ См., например: Avendaño O. La oposición política en Chile durante el período 1990-2011. Una aproximación conceptual y empírica // CS. Instituciones: tensiones y equilibrios sociales. – 2011. – N 8. – P.147-186.

¹⁵⁰ Huneeus C. La derecha en Chile después de Pinochet: el caso de la Unión Demócrata Independiente. // The Helen Kellogg Institute for International Studies. Working Paper # 285 – July 2001. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/285.pdf> (fecha de acceso 12.11.2012).

оппозиции с авторитарным режимом, что демократы никогда не скрывали своей цели – покончить с авторитарными анклавами, навязанными Пиночетом. Успех модели был обусловлен не ее компромиссным характером, а созданием и приходом к власти самой эффективной в чилийской истории левоцентристской партийной коалиции. Этот пример успешного и длительного коалиционного руководства, по мнению авторов, не удалось повторить ни одной стране Латинской Америки¹⁵¹.

Известный чилийский социолог Томас Моулиан¹⁵², близкий духу «радикально-этического» подхода, признавая систему компромиссов, взаимных уступок и преемственности с пиночетизмом, напротив, подчеркивает трагическую невозможность для «встроенной в систему» демократической оппозиции избежать этого пути, который привел, в итоге, к многочисленным противоречиям «неолиберальной демократии»¹⁵³. В данной интерпретации мирный характер перехода, точное соблюдение договоренностей демократическими лидерами рассматривается как вынужденное отступление от этических принципов в пользу «жесткого реализма», навязанного Пиночетом и военными для соблюдения своих интересов. (В то же время, и прямолинейная радикально-протестная позиция ультралевых, ориентированная на неприятие любых соглашений и массовое восстание, не могла привести к успеху на новом историческом этапе, признает Моулиан)¹⁵⁴.

Вопрос о длительном влиянии Пиночета на политику в условиях уже демократизирующегося общества тесно связан с исследованием специфики *военно-гражданских отношений* в Чили и роли ВС в истории страны.

¹⁵¹ Valenzuela A., Dammert L. Problems of Success in Chile // Journal of Democracy. – 2006. – Vol. 17. – N 4. – pp. 65-79.

¹⁵² Moulian T. Chile actual: anatomía de un mito. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – 363 p.

¹⁵³ Ibid. – P. 319.

¹⁵⁴ Ibid. – P. 310-312.

Исследователи этой темы отмечают глубокие исторические предпосылки особого самосознания чилийских военных, позволявшего им рассчитывать на сохранение своего политического влияния даже в годы демократизации.

Например, Грегори Викс (Университет Северной Каролины), анализируя предпосылки политического вмешательства военных в 1973 г., а также их воздействия на власть в период 1990-х, делал вывод о необходимости проведения в будущем глубоких структурных реформ, считая, что только обновление политических институтов, электоральной и партийной системы способно привести к полной ликвидации авторитарного наследия и упрочению демократии «без прилагательных»¹⁵⁵. Известный политолог П. Силва (профессор Лейденского университета), анализируя политику первых демократических правительств, делал акцент на причинах, вынуждающих законно избранных президентов считаться с институциональным дизайном, оставленным авторитаризмом, самим экс-диктатором, правыми партиями и реальным влиянием армии, подчеркивая, что, если в начале демократического перехода военно-гражданские отношения носили прежде всего политический характер, то на этапе его завершения касались вопросов исключительно профессионального совершенствования ВС¹⁵⁶.

Одной из наиболее острых, дискуссионных и незавершенных тем, связанных с эволюцией военно-гражданских отношений, остается *проблема прав человека*: трагедия «пропавших без вести», массовые нарушения гражданских прав в годы авторитарного режима, вопрос о наказании военных, с которым ассоциируется драма высокой моральной цены мирного перехода к демократии. Эта тема была подробно и многосторонне

¹⁵⁵ Weeks G.B. The “Lessons” of Dictatorship: Political Learning and The Military in Chile // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – pp. 396-412.

¹⁵⁶ Silva P. Searching for Civilian Supremacy: The Concertación Governments and the Military in Chile // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – pp. 375-395.

исследована; именно в ее интерпретации особенно наглядно проявился «радикально-этический» подход к анализу чилийского опыта.

Наиболее распространенная точка зрения состоит в признании факта нерешенности указанной проблемы. Например, Марио Агилар (Сент-Эндрюсский университет, Шотландия)¹⁵⁷, рассматривая деятельность первой специальной Комиссии по восстановлению правды и справедливости в отношении пропавших без вести (в 1990-е гг.), подчеркивает очевидную незаконченность этой работы и, соответственно, незавершенность всего процесса демократизации. Вывод о том, что демократия останется неполной до тех пор, пока не будут обнародованы все случаи политических репрессий, не изучены все судьбы пропавших без вести, не наказаны все виновные, является типичным для широкого круга публикаций. Например, социологи Элизабет Лира и Брайан Лавман (Университет Сан-Диего, Калифорния), изучив политику первых демократических правительств в этом вопросе, отмечают: «так называемый чилийский транзит не смог решить самую злободневную тему, которая носит название “прав человека”. Это название, с которым ассоциируются ненависть и насилие, принесенные трагедией 1973 года... Поэтому исследователей, которые видят в чилийском кейсе “модель”, следует спросить: какую модель? Модель для чего? Модель для кого?»¹⁵⁸.

Такая постановка вопроса актуализирует традиционную тему соотношения политики и этики, обязательного присутствия этического компонента в демократической практике, в том числе – в реалиях демократического транзита. Чилийский опыт во всей его сложности,

¹⁵⁷ Aguilar M.I. The Disappeared end the *Mesa de Diálogo* in Chile 1999-2001: Searching for Those Who Never Grew Old // *Bulletin of Latin American Research*. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – pp. 413-424.

¹⁵⁸ Lira E., Loveman B. Derechos humanos en la transición “Modelo”: Chile 1988-1999 // *El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa* / ed. By Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – pp. 339-374.

относящийся не только периоду авторитаризма, но и к периоду восстановления демократии, с неизбежными компромиссами этого политического этапа, дает обширный материал для анализа и рассмотрения альтернативных точек зрения¹⁵⁹.

Анализируя результаты чилийского транзита, Мариано Торкаль (Университет Помпеу Фабра, Барселона) и С. Мэйнворинг¹⁶⁰ видели главную проблему в существовании раскола, «кливажа», оставшегося в наследство от авторитарного режима – между сторонниками военных и демократии, условно «правыми» и «левыми», теми, кто выступает за оправдание прошлого и теми, кто призывает к наказанию виновных. Реализация «управляемого перехода» привела к возникновению «*расколотого общества*», однако Торкаль и Мэйнворинг полагали, что раскол уйдет в прошлое вместе с новым поколением, вступающим в жизнь в новых, демократических, условиях (что не оправдалось на практике).

Характерно, что авторы, придерживающиеся противоположных точек зрения в отношении этической цены «опекаемого перехода», признают, что преодоление авторитарных анклавов, оставленных Пиночетом, было необходимым условием завершения демократического транзита и дальнейшего развития демократии. Различия заключаются в том, что одни считают само их присутствие в 1990-е годы роковой ошибкой демократической власти, согласившейся на компромисс, признаком ущербности чилийского пути, в самой основе которого была заложена глубокая конфликтность, противоречивость, социальное напряжение, другие – жизненной необходимостью, позволившей осуществить процесс.

¹⁵⁹ Veloso P. *Ética y política en el Chile de los noventa // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / Op. cit. – pp. 485-500.*

¹⁶⁰ Torcal M., Mainwaring S. *The political recrafting of social bases of party competition: Chile, 1973–95 // British Journal of Political Science. – 2003. – Vol.33. – N 1. – pp. 55-84.*

Сочетание указанных факторов (преемственности, управляемости «сверху», роли пактов и компромиссов, эффективной деятельности демократической оппозиции) дает основание некоторым авторам выделять чилийскую модель как уникальную. Например, Андрес Альяманд (чилийский политик и публицист)¹⁶¹ подчеркивает «единичность» чилийской модели в виду специфичности политических обстоятельств, предшествующих демократическому транзиту, и характерных именно для Чили особенностей «совмещения» элементов авторитаризма и демократии, решения ряда принципиальных проблем. Тем не менее, многие из отмеченных ключевых элементов были проанализированы, а процессы, реальные обстоятельства и их последствия частично предсказаны в общетеоретических исследованиях, посвященных транзитам (С. Майнворингом, Г. О’Доннеллом и Ф. Шмиттером, Х. Линцем, Х.С. Валенсуэлой и др.), что отмечалось в соответствующих разделах. Это позволяет рассматривать чилийскую модель, с одной стороны, как специфическую, отличающуюся рядом особенностей, с другой – как наглядный и убедительный пример, иллюстрирующий общие закономерности теории транзитов.

Для исследований, посвященных темам *политического и социального совершенствования демократической модели после 2000 г.*, характерен интерес как к ее достижениям, так и к новым, все более четко обозначаемым проблемам.

Необходимо отметить, что социально-политическая ситуация первого и второго десятилетий начала XXI в. представляла собой разные этапы в развитии страны, что нашло отражение в приоритетах, расставленных исследователями. В начале 2000-х гг. некоторые наиболее острые вопросы политической модернизации, при всей их важности, отступили на второй

¹⁶¹ Allamand A. Las paradojas de un legado // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. – Op. cit. – pp. 169-190.

план, возрос исследовательский интерес к анализу социального среза политических процессов, изучению состояния общества в целом, государственному управлению, социальной политике, общим оценкам эффективности чилийской модели.

Интерпретация этих тем также развивается в рамках двух основных (обозначенных выше) подходов, но с некоторыми особенностями, вызванными спецификой современности.

Внимание к качеству политического управления, достигнутым результатам, новым задачам и возможностям, связанным с совершенствованием сложившейся политико-социальной модели, динамике современного политического процесса в целом, характерно для сторонников «умеренно-объективистского» направления, склонных преимущественно к позитивной оценке деятельности демократических правительств и чилийского опыта совершенствования демократии. Классическим примером может служить коллективная работа чилийских политологов и социологов «Чили идет»¹⁶², одним из соредкторов которой выступил экс-президент Рикардо Лагос. В центре внимания авторов (Энцо Аббаглиати, Клаудио Фуэнтеса, Кристиана Беллеи, Даниэля Охмана, Оскара Ландерретче, Данте Контрераса и др.) – сфера государственного управления и обсуждение уже состоявшихся и предстоящих реформ, направленных на совершенствование демократических институтов, социальная политика, сокращение социальных диспропорций и достижение большего равенства возможностей, развитие молодежной и гендерной политики, и т.д. Отличительной чертой этого исследования является акцент на реальной политической практике, ее успехах и недостатках, на тех нерешенных проблемах, которые необходимо преодолеть, чтобы добиться процветания, характерного для развитого

¹⁶² El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed.by Lagos R.E y Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011.

демократического общества. Здесь присутствует отношение к чилийской демократии как к эффективно работающей модели, имеющей не только противоречия и трудности, но также и очевидные достижения.

Стремление подчеркнуть эти достижения, связанные с многолетней деятельностью демократических правительств, характерно для многих известных чилийских политологов и экспертов, в том числе принадлежащих к политической элите. «Двадцать лет спустя... мы являемся другой страной. Есть те, кто этого не признает из-за умственного помрачения, личной пристрастности или кратковременных интересов; но очевидно, что очень немногие страны смогли продвинуться также, как мы, всего за двадцать лет», – пишет, например, видный деятель Социалистической партии и яркий публицист Камило Эскалона в книге «Чили: 20 лет спустя, 1988-2008», оценивая результаты поставторитарного развития Чили в различных сферах (от политической и социальной до мультикультурной)¹⁶³.

В то же время, достаточно распространенным в анализе чилийской модели является подход, который в самом начале раздела был условно обозначен как «радикально-этический». Мировоззрение его сторонников (представленных в основном чилийскими исследователями) сложилось, с одной стороны, под влиянием общих концепций демократии, с другой – в русле латиноамериканской исследовательской традиции, с ее акцентом на этико-нормативных моментах, социальности и справедливости. В Чили эта традиция имеет также свою национальную специфику, обусловленную трагизмом пережитого исторического опыта, глубокой личной вовлеченностью исследователей в политические реалии, связанные как с периодом авторитаризма и процессом перехода к демократии, так и с современными событиями. Общей отличительной особенностью их взглядов является то, что вопросы современного этапа развития демократии во многом

¹⁶³ Escalona C. Chile, 20 años después. 1988-2008. – Santiago: Diagrama, 2008. – 151 p.

рассматриваются в контексте нерешенных (или решенных не до конца) фундаментальных противоречий переходного периода.

Важнейшими характеристиками интерпретации социальной-политической реальности в рамках этого направления являются:

- Негативная оценка воздействия принципиальных особенностей чилийского транзита («фактора Пиночета», институциональной преемственности с авторитарным режимом, роли военных), на качество современной чилийской демократии;
- Акцентирование внимания на нерешенности, с точки зрения массового общественного сознания, этических вопросов транзита (наказания военных и «проблемы исторической памяти»);
- Критика «избыточного неолиберализма» экономической модели, ее социальной цены; негативных последствий «общества потребления»; акцент на сохраняющемся, несмотря на все усилия государства, социальном неравенстве и социальной несправедливости.

Одним из основных постулатов данного подхода является мнение о незавершенном характере транзита и неполноценности, ущербности сформированной политической модели, о сохраняющемся влиянии авторитарного наследия и институциональных особенностей элитарной «опекаемой демократии», вплоть до «правоконсервативного» содержания экономической и социальной политики демократических правительств¹⁶⁴.

В качестве одной из главных проблем применительно к первому десятилетию XXI в. выделяется противоречие между эффективностью экономической модели, созданной, в том числе, благодаря неолиберальным

¹⁶⁴ Vergara Estévez J. La “democracia protegida” en Chile // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21. – P. 45-52.

реформам военного правительства и развитой в поставторитарный период, и социальными диспропорциями, очевидными в 1990-е годы и непреодоленными, несмотря на последовательную социальную политику, в 2000-е. Неолиберальный характер экономики, по мнению ряда авторов, навязал свои ценности обществу, оказал влияние на социальное поведение, на упадок гражданского общества, что выразилось в растущем равнодушии к политике, абсентеизме, стремлении участвовать «в рынке» и достижении экономического успеха любой ценой.

«Мифом» назвал чилийскую модель развития Т. Моулиан, анализируя результаты социальных процессов 1990-х и их эффект в начале 2000-х. Особый критический взгляд автора был направлен на массовый характер потребления, ставший доступным низшим слоям населения благодаря широко распространенной системе кредитов, с одной стороны, и поддержанный навязчивой пропагандой постоянного спроса на новые товары и услуги – с другой. При этом виртуальная «дружелюбность» сферы потребления была призвана скомпенсировать все возрастающую жесткость сферы занятости и работы по найму. В условиях неолиберализма «работающий индивид на зарплате, не имеющий связей с профсоюзом, становится идеалом рабочих отношений, а индивид-потребитель – реальностью рыночных отношений». Эти несущие опоры современного общества, по мнению автора, формируют тип «гражданина кредитной карты», для которого торговый центр – и территория охоты, и высшая культурная ценность¹⁶⁵.

Весьма распространенной в определенной среде стала негативно-критическая точка зрения о сформировавшемся в 1990-е гг. и перешедшем в 2000-е универсальном «рынке лицемерных ценностей», навязывающем не только свои экономические стандарты, но и социально-политические идеи

¹⁶⁵ Moulian T. Chile actual: anatomía de un mito. – P.100, 103, 110.

(такие как: свобода слова и информации, свобода личности, индивидуализм, прагматизм, качество образования, качество жизни, толерантность и т.д.). Эти новые культурные догмы, разделяемые как широкими слоями общества, так и его элитой, стали предметом дискуссии, в которой особая значимость придавалась понятиям «индивидуальное» (личное, собственное, отдельное) и «общественное» (коллективное, коммунитарное, солидарное). В возрастании влияния первой группы ценностей и сокращении второй заключалась драма утверждения иных, по сравнению с прошлым, приоритетов.

По мнению социолога и журналиста Серхио Марраса¹⁶⁶, за период поставторитарного развития была успешно создана система формальной демократии (с элементами правового государства), но многие из подлинно демократических идей при этом утратили свое истинное содержание, вошли в категорию «двойных стандартов», приобрели другой смысл или отстали от времени. Модернизация экономики и больший доступ к потреблению благ не сопровождались соответствующей идеологической модернизацией, но привели к подмене («пересадке», по терминологии автора) значимых общественных ценностей индивидуальными интересами, самыми важными из которых стали культ успеха и страх неудачи¹⁶⁷.

Признавая выдающиеся успехи демократических правительств в улучшении уровня жизни чилийцев, развитии образования и здравоохранения, Карлос Пенья Гонсалес (политический философ, ректор Университета Дьего Порталеса), отмечал критические диспропорции между ростом материальных благ и падением качества общественного сознания, способности видеть и понимать себя и других в мире, ответственно

¹⁶⁶ Marras S. Chile, el Mercado del disimulo (Los valores en la década de los noventa) // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. Op.cit. – P. 499-526.

¹⁶⁷ Ibid. – P.525.

участвовать в политике¹⁶⁸. Эти последствия не смогла предвидеть демократическая власть, оказавшаяся «потерянной» перед растущим эффектом политического равнодушия масс.

«Недемократическим процветанием» считает особенности поставторитарного развития Чили социолог Марта Лагос, указывая на расхождение между уровнем экономических достижений, общим увеличением доходов населения, расширением зоны индивидуальных прав и свобод, и отсутствием реальной социальной мобильности в обществе, а также стремления отстаивать коллективные интересы. Модернизация государства и целенаправленная социальная политика сопровождались не преодолением социальных барьеров, а консервацией социальной отсталости беднейших слоев, превратившихся в постоянных реципиентов государственных дотаций¹⁶⁹. Процветание возросло, не увеличив степень демократичности общества, не приведя к модернизации социальных отношений и формированию «субъектного» сознания низших слоев.

Сохранение жестко-дискриминационной структуры общества и социального неравенства отмечал, предсказывая будущие конфликты, чилийский социолог Мануэль Каналес¹⁷⁰. Основную ущербность чилийской модели он видел в неспособности преодолеть социальную исключенность целых групп, которые, выйдя из бедности благодаря масштабным программам, не стали полноценной, активной частью общества и сохранили полную зависимость от государственных субсидий. Со временем эти группы, в которых значительное место занимала молодежь, могли бы, по мнению

¹⁶⁸ Peña Gonzalez C. Chile actual: El proyecto político de la Concertación // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21.– P. 33-45;

¹⁶⁹ Lagos M. Una prosperidad no democrática // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21.– P. 139-163;

¹⁷⁰ Canales M.C. Ni pobres ni incluidos: ¿nueva cuestión social? // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. N 21. – P.193-208.

автора, превратиться в самостоятельного политического актора, выступающего уже не за пособия, а со свои социальные права, стать базой для новых протестных движений; но применительно к периоду начала 2000-х гг. их отличали пассивность и патерналистская ориентация.

Новый социальный феномен, сформировавшийся под влиянием рыночной идеологии, чилийский политолог Хуан Карлос Гомес Лейтон (сторонник радикально-левых взглядов) назвал «фрагментированным неолиберальным обществом в состоянии риска», членам которого не свойственны ни политическая ответственность, ни социальная солидарность, ни активная гражданская позиция. Этот тип общества – гедонистического и конкурентного – отличает высокая степень адаптации к рыночным ценностям, низкая гражданская культура в сочетании с растущей политической апатией, индивидуализм и «бегство» в частную жизнь с ее частным пространством, противоположным «уличной» солидарности и активности прошлого. По мнению автора, неолиберализм в Чили стал господствующей формой культуры, в том числе и политической, и основной ценностью «рыночно-центричного государства»¹⁷¹. Анализируя процессы конца 1990-х – начала 2000-х гг., Гомес Лейтон пришел к выводу о низком уровне гражданственности, общественного участия и коллективных ценностей в стране, для которой «культура солидарности», соседская взаимопомощь и низовая практика «малых дел» традиционно играли огромную роль, но постепенно утратили свое значение. Это оказало особенно серьезное влияние на психологию и поведение молодежи¹⁷².

¹⁷¹ Gómez Leyton J.C. Movimientos sociales, proyectos populares y democracia. Escenarios políticos latinoamericanos:1998-2011 // América Latina 11. Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago: Universidad ARCIS, 2011. – P. 60.

¹⁷² Gómez Leyton J.C. Chile 1990-2007. Una Sociedad Neoliberal Avanzada. // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. N 21. – P.57-59.

Отмечая растущий абсентеизм и равнодушие к политике среди молодежи, ставшие знаковыми явлениями времени, ряд авторов более умеренных взглядов связывали это не с утверждением рыночной идеологии и потребительских ценностей, а с ослаблением регулярной практической работы политических партий. Например, А. Валенсуэла и Л. Даммерт¹⁷³ указывали на упадок популярности правящей левоцентристской коалиции в Чили, находившейся у власти слишком продолжительное время и упустившей, в какой-то момент, механизм постоянно действующей обратной связи с новым поколением.

Этими же причинами объяснял феномен политической апатии молодежи и К. Унееус (в остальном разделяющий умеренно-центристские взгляды). В статье «Молодежь? – На расстоянии» (2007 г.) он писал о том, что «в прежние времена партии уделяли значительное внимание студентам. Сейчас ... этого не происходит, что создает негативную дистанцию между партиями и студенчеством. Молодежь больше не участвует в выборах и не голосует за системные партии»¹⁷⁴. Выходом из ситуации могла бы стать более активная позиция партий и партийных лидеров, основанная на желании заинтересовать молодое поколение, среди которого не никогда не исчезала вовлеченность в добровольную работу на низовом уровне (по защите окружающей среды, помощи бедным и т.д.) Этот тип поведения всегда использовали неправительственные организации, особенно религиозные. Тем не менее, гражданское общество в его традиционном понимании, по мнению

¹⁷³ Valenzuela A., Dammert L. Op. cit. – P. 71.

¹⁷⁴ Huneus C. ¿Los Jóvenes? A distancia. // La Tercera. – 20.11.2007. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.cerc.cl/cph_upl/Los_jovenes...a_distancia, 20 de Noviembre de 2007.pdf (fecha de acceso 05.03.2015).

автора, продолжало оставаться крайне слабым и неспособным дать новый импульс для возрождения практики полноценного политического участия¹⁷⁵.

Таким образом, применительно к первому десятилетию XXI в. лейтмотивом чилийской политической мысли (в значительной степени лево-ориентированной) стали идеи о господстве «неолиберальной демократии», «недемократическом процветании», социальной апатии, утверждении анти-солидарных рыночных ценностей «среднего класса» в ущерб более высокому («коллективистскому») уровню общественного сознания, свойственному предыдущим периодам. Эти явления особенно выделялись на фоне консервации социального неравенства и жестко-дискриминационной структуры общества.

Несмотря на многочисленные и убедительные выводы о нисходящей тенденции в развитии гражданской активности, начало второго десятилетия XXI в. стало периодом активизации противоположного тренда и обозначило следующий этап в развитии страны. Студенческое протестное движение 2010-2017 гг. опровергло утверждения о воцарившейся социальной апатии, торжестве индивидуализма, демонстрируя высокую политическую вовлеченность и солидарность наиболее образованных групп молодежи¹⁷⁶. Как отмечалось в п.1.3, эти явления, ставшие частью общего латиноамериканского процесса нарастания турбулентности, находятся в центре современных исследований, заставляя задуматься о предпосылках и последствиях «молодежной революции». Одна из основных причин этого явления связана с объективным процессом «смены вех». Как отмечает социолог Моника Варгас Агирре, во взрослую жизнь вышло поколение,

¹⁷⁵ Huneus C. Problemas de la participación política en América Latina. Una mirada desde Chile // Contribuciones. – 2000. – № 1. – pp. 97-107.

¹⁷⁶ Torres Gutiérrez O. La ruptura de un sueño. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://nuso.org/articulo/la-ruptura-de-un-sueno/> (fecha de acceso 12.11.2017).

никогда не знавшее военного режима и не пережившее той исторической драмы, которая привела к упадку левого движения и связанных с ним радикальных форм протеста на предыдущем этапе¹⁷⁷. В сознании этого нового поколения ценности открытой политической борьбы не были девальвированы, а страх репрессий навсегда остался в прошлом.

Таким образом, возникновение современного «борющегося поколения» в Чили было обусловлено как успехами демократии (утверждением свободы, права на самовыражение и протест), так и ее слабостями: обострением чувства социальной несправедливости, заложенной в саму структуру чилийской модели развития и непреодоленной, несмотря на масштабную социальную политику двух первых десятилетий поставторитарного периода.

В этом смысле показательно мнение известного чилийского политика и публициста Серхио Битара, написавшего об амбивалентности достижений демократического развития: «Мы построили свободную страну, более равную и справедливую, чем когда бы то ни было, оставив в прошлом страх, ненависть и нищету». Тем не менее, «Чили не является страной с реальным равенством возможностей. В ней все еще сохраняются большие экономические и социальные различия»¹⁷⁸. Сохранение глубокого социального неравенства остается тем фактором, который усиливает стремление исследователей (в том числе находящихся на достаточно центристских позициях) подчеркнуть противоречивость и потенциальную конфликтность сложившейся модели. Например, К. Унееус, М.А. Гарретон, М. Лагос, признавая безусловную ценность демократии, отмечали, что основная слабость политики демократических правительств состояла в

¹⁷⁷ Vargas Aguirre M.A. La nueva explosion de las mayorías: protestas sociales en el gobierno de Michelle Bachelet // América Latina 11. Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago: Universidad ARCIS, 2011. – pp. 69-92.

¹⁷⁸ Bitar S. Chile: Lecciones aprendidas a 40 años del golpe militar. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/09/10/> (fecha de acceso 05.03.2015).

неспособности принципиально сократить социальные диспропорции, сделать Чили страной, в которой «экономика и политика не находятся по разные стороны процесса»¹⁷⁹. Демократия (как и политика в принципе) не может нести ответственность за все, что происходит в обществе – подчеркивал Гарретон; однако именно демократия является тем режимом, который эффективнее других способен решать социальные проблемы – и поэтому обоснованно провоцирует высокие общественные ожидания¹⁸⁰.

Несмотря на декларируемые социальные приоритеты правительства, феномен «молодежной революции» показал неготовность молодого поколения ориентироваться на постепенную эволюцию и ждать отложенных результатов общественного прогресса. По мнению ряда известных современных аналитиков (Патрисио Навии, Эктора Сото, Хосе Хоакина Бруннера, Консуэло Исарт, Рауля Фигероа, Фелипе Моранде и др.), социально-политическая турбулентность современного этапа может иметь неоднозначные последствия для развития страны. Особую опасность представляет высокий уровень социальных ожиданий, не всегда согласующийся с реальными политическими и экономическими возможностями. Требования кардинальных и, что самое важное, быстрых реформ в сфере образования, трудовых отношений, пенсионной системы, существенно радикализируют политическую ситуацию и обостряют тон политологической дискуссии, что заставляет и участников событий, и авторов жестче определять свою позицию, не смягчать, а подчеркивать идеологические различия.

Усиливает молодежную нетерпимость и трагический, так и не получивший окончательного разрешения «конфликт ценностей», связанный с

¹⁷⁹ Huneeus C. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino // Anuario Iberoamericano 2008. – Madrid: Real Instituto Elcano, 2008. – P. 85.

¹⁸⁰ Garretón M.A. Política y Sociedad entre dos Épocas. – Rosario: Homo Sapiens Ediciones, 2000. – P.75.

нерешенностью вопроса о наказании военных. Общественная дискуссия по этому поводу получила новый импульс в связи с годовщиной переворота 11 сентября 1973 года, отмеченной в 2013 году. В идейное противостояние были вовлечены известные политики, общественные деятели, публицисты, активисты молодежного движения. «Чили – все еще не примиренная страна», поскольку в ней «до сих пор остаются отдельные участники событий и даже целые группы, которые так и не продемонстрировали своего раскаяния... перед лицом такой боли и таких преступлений» – писал, например, С. Битар о правой части общества, сторонниках мнения о «спасительной миссии» военных¹⁸¹.

С другой стороны, ряд исследователей считает, что не стоит преувеличивать опасности неизжитых переживаний прошлого для дальнейшего развития страны, особенно при успешном решении повседневных задач и проблем. Сегодня победить или проиграть на президентских выборах, опираясь только на факт «участия» или «неучастия» (прямого или косвенного) в событиях военного периода, уже невозможно – считает, например, П. Навиа¹⁸². Любому политику, как левому, так и правому, необходимо представить обществу перспективу будущего, продемонстрировать свое соответствие задачам времени.

Таким образом, если применительно к периодам 1990-х и 2000-х преобладающей была тенденция констатировать особенности процесса, успехи и недостатки сложившейся модели, преемственность политики, не зависящую от «левых» или «правых» у власти, то современное десятилетие актуализирует вопросы и альтернативы, как будто подвергая сомнению все достижения предыдущих лет. Куда идет страна? Что для нее важнее –

¹⁸¹ Bitar S. Chile: Lecciones aprendidas a 40 años del golpe militar. Available at: <http://www.infolatam.com/2013/09/10/> (accessed 05.03.2015).

¹⁸² Navia P. Un once intenso de efectos pasajeros. Available at: <http://www.infolatam.com/2013/09/09/> (accessed 15.04.2015).

экономическая эффективность или социальная справедливость? Что выбирает молодежь, общество в целом – реформы или стабильность? Будет ли сохранена последовательность, преемственность развития (“continuidad”) при следующем президенте (пришедшем к власти после выборов 2017 г.), и новом правительстве? Этими вопросами без ответов, альтернативными прогнозами насыщены новейшие публикации вне зависимости от идеологических предпочтений авторов¹⁸³.

«Кризис модели» – так можно обозначить лейтмотив большинства актуальных размышлений и дискуссий исследователей и публицистов, посвятивших свои работы Чили. «Идея, внедренная в общественное сознание, согласно которой Чили является современной постоянно растущей страной, с элитой, представляющей образец по уровню своих взглядов и согласованности, сумевшей решить свои социально-политические конфликты благодаря прочным институциональным каналам “демократии консенсуса”, – эта идея вступила в кризис», – пишет историк и социолог Освальдо Торрес Гутьеррес¹⁸⁴, выражая преобладающую в национальной интеллектуальной среде и наиболее популярную в настоящий момент точку зрения.

Выводы

Концепции демократии имеют глубокую и разнообразную традицию политико-философской ревизии – от постулатов классической либеральной теории, отдающей приоритет идеям представительства и конституционализма, до принципов партиципаторной демократии и

¹⁸³ См., например: Torres Gutiérrez O. La izquierda chilena ante sus dilemas históricos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://nuso.org/articulo/la-izquierda-chilena-ante-sus-dilemas-historicos/> (fecha de acceso 05.12.2017).

¹⁸⁴ Torres Gutiérrez O. ¿El Fin del milagro chileno? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://nuso.org/articulo/el-fin-del-milagro-chileno/> (fecha de acceso 12.11.2017).

идейных споров конца XX – начала XXI века, с их критическим пафосом, акцентом на важности альтернативных вариантов развития, признанием возрастающей значимости человеческого фактора в политике. Характерная для общей демократической теории тенденция к постоянному переосмыслению и обновлению находит полноценное выражение в современной политической мысли, ставящей все новые вопросы и проблемы. Эта тенденция характерна и для латиноамериканских (а также близких к ним ибероамериканских) подходов к исследованию демократии.

В то же время, латиноамериканские подходы, как классические, так и современные, возникнув и развиваясь в универсальном идейном контексте, отличаются при этом рядом существенных особенностей, которые необходимо учитывать при рассмотрении как общетеоретических вопросов, так и реалий конкретной страны.

- Прежде всего, особые нравственные требования традиционно предъявляются латиноамериканской политической мыслью к этическому содержанию демократии, с которой ассоциируются такие понятия, как «социальная справедливость», «социальное равенство», «общественное благо», нравственное поведение политических лидеров; комплексу демократических идей придаются черты «идеального типа».

- Представители ибероамериканской исследовательской традиции выступают против жесткого институционально-объективистского «англо-саксонского» подхода к региону, в соответствии с которым приоритет отдается теоретическим моделям, а англо-американская («протестантская») политическая культура рассматривается как наиболее благоприятная для построения и функционирования демократии.

- В подходе современных исследователей усиливается глубокое понимание гетерогенности латиноамериканского политического

ландшафта, признание того факта, что все страны региона, объединенные общим латиноамериканским пространством, глубоко различны по уровню развития, историческим и даже культурным традициям. В стремлении сохранить равновесие между общим и особенным, при приоритетном внимании к особенному, состоит одна из специфических черт современного латиноамериканского взгляда на политическое развитие, в том числе и на понятие демократии.

- В современной политической мысли региона сохраняется и укрепляется сформированный в XIX в. приоритет «социального» над «политическим»: эффективность политической демократии рассматривается в комплексе с социальной политикой, предполагающей интерес власти к эффективному социальному развитию, трансформации и модернизации общества. Важнейшим вопросом остается преодоление бедности: без учета роли и многостороннего влияния этого фактора невозможно понять отношение к демократии в Латинской Америке.

- Усиливается гуманистический подход в его наиболее широком понимании – как интереса к «человеческому фактору» и его возрастающей (и неоднозначной) роли в политике. (В конце XX в. в регионе выросла популярность идеологий и движений, выдвигающих на первый план проблему человека, его влияния на развитие современного мира). Латиноамериканцам особенно близки идеи демократии участия, прямой демократии, в которой значительную роль играет сам человек – что находит отражение и в общественной мысли, акцентирующей внимание на необходимости «гуманизировать» политику.

- Возрастает внимание к реальной демократической практике, функционированию реальных демократий, с их проблемами и недостатками; усиливается политический прагматизм. Характерно выделение особой роли государства и политических институтов, на

которые возлагается большая ответственность за совершенствование и развитие демократии и с которыми связаны высокие социальные ожидания.

- Возрастает роль споров и дискуссий об альтернативности развития, о возможности формирования новой модели, «улучшенной демократии», основанной на вложениях в человеческий капитал, в гуманистические ценности, нацеленной на преодоление социального неравенства и создание новых возможностей для молодежи из бедных слоев общества.

Все эти размышления становятся особенно актуальными применительно к анализу конкретной страновой демократической модели – чилийской. Эта модель, представляя собственный путь развития, органично вписывается и в универсальный, и в региональный латиноамериканский контекст, с его соответствием универсальным закономерностям и широкой палитрой локального своеобразия.

Для исследований, посвященных Чили, характерны следующие принципиальные моменты:

- Важнейшим этапом в становлении современной модели демократии в Чили признается успешный демократический транзит от правоавторитарного военного режима А. Пиночета, завершившийся политической консолидацией.

- Чилийская модель демократического транзита рассматривается как специфическая, обладающая рядом принципиальных особенностей, получивших наибольшее развитие именно в Чили (таких как: роль элитарных компромиссов, фактор преемственности, значимость военно-гражданских отношений, нерешенность проблемы наказания военных, «проблема памяти», и др.).

- С начала 2000-х гг. в исследовательских подходах усиливается леворадикальный взгляд на события поставторитарного развития, сопровождаемый тенденцией «вернуться в прошлое», «восстановить справедливость», «решить «проблему памяти».

- Применительно к современности все большее значение приобретает социальная проблематика, возрастает интерес к возможностям государства, высокие требования предъявляются к его роли в сфере социальной политики, преодоления бедности и социального неравенства.

- В новейших исследованиях современной чилийской демократии актуализируется критическая составляющая, стремление к пересмотру и переоценке достижений, тема кризиса сложившейся модели развития и поиска нового общественного консенсуса.

Глава II. ЧИЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.

II. 1. Формирование политических партий и традиции социального реформизма.

Влиятельные политические партии и развитая многопартийная политическая система в сочетании с практикой парламентской борьбы, признанием конституционных правил и норм складывались в Чили постепенно, начиная с первой половины XIX века.

После Войны за независимость (1810-1818) здесь оформились традиционные (как и в других государствах Латинской Америки) элитарные течения консерваторов и либералов – первоначально жесточайших политических и идейных оппонентов. Условно консерваторы считались защитниками отживших колониальных традиций, социальной иерархии, особой роли католической церкви и «католического общества», противились рыночным экономическим реформам и представляли, соответственно, земельную аристократию, высшее духовенство, интересы крупного торгового предпринимательства. Либералы (новый формирующийся предпринимательский класс) были сторонниками экономической и политической свободы, прав человека, светского государства, решительных экономических реформ (прежде всего в аграрной сфере), стимулирующих развитие частной собственности, что в реальных условиях того времени нередко делало их гораздо более последовательными проводниками интересов высшего слоя общества. Оба течения постепенно пришли к компромиссу, в 1850-е годы им удалось создать альянс и контролировать власть на протяжении всего XIX века, в целом защищая, несмотря на определенные разногласия, позиции элитарных социальных групп. В последней трети XIX в. в Чили практически беспрерывно правили либералы.

Этой системе консервативно-либерального альянса вполне соответствовала Конституция 1833 г., разработанная при участии

выдающегося политического деятеля, умеренного консерватора Дьего Порталеса (1793-1837) и установившая режим «аристократической республики», с сильной президентской властью. Формально это была демократия, однако демократия элитарная, ограниченная, кризис которой стал очевиден с появлением в обществе новых социальных интересов и связанных с ними новых политических сил.

В конце XIX века, на фоне бурного экономического развития страны и промышленного роста, происходит формирование новых средних слоев – связанных с растущими потребностями экономики, а не с обслуживанием традиционных олигархических групп. Как отмечают в своем исследовании Е.Ю. Богуш и А.А. Щелчков¹, это были инженеры, управляющие предприятиями, госслужащие, учителя, творческая интеллигенция, мелкие и средние собственники, высокая социальная мобильность которых позволяла им стремиться к активному участию в политической жизни и к более полному выражению своих интересов на уровне политической власти.

Развитие этих процессов привело к образованию в 1863 г. Радикальной партии (Partido Radical), опиравшейся на широкие (в основном небогатые) средние слои населения, интеллигенцию, в том числе провинциальную, студенчество, мелких служащих, которым были близки идеи «духовного освобождения» в религиозном, моральном и социальном плане, обеспечения реального равенства всех граждан. В различных городах страны образовывались радикальные кружки и группы, издававшие свои журналы. Помимо защиты идеалов общественной справедливости, они стали выдвигать политические требования: введения всеобщего избирательного права, реформы конституции, усиления роли парламента, децентрализации власти, обязательного начального образования, сокращения влияния церкви. Это

¹ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. – М.: Высшая школа, 2009. – С.9.

была позиция нового формирующегося общественного слоя, настроенного на расширение пространства демократии и политической свободы².

В 1887 г. из левого крыла радикалов выделилась Демократическая партия (*Partido Demócrata*), близкая к уже формирующемуся рабочему и профсоюзному движению, с его забастовками и протестными акциями, признававшая общие идеи классовой борьбы, популярная среди рабочих и низших городских слоев. И радикалы, и демократы активно участвовали в выборах в Конгресс, наряду с консерваторами и либералами, осваивали тактику парламентской борьбы и конкуренции, а также союзов и коалиций³. Взлет политической деятельности радикалов и демократов пришелся уже на 30-е годы XX века.

В 1891 г. чилийское общество пережило серьезный гражданский конфликт, связанный с именем президента-либерала Хосе Мануэля Бальмаседы (1886-1891) и противостоянием сторонников президента и Конгресса. Стремившийся к усилению президентской власти Х.М. Бальмаседа попытался национализировать ведущую в тот момент отрасль чилийской экономики – селитрянную промышленность, традиционную сферу влияния иностранного (главным образом английского) капитала. Этот шаг, как и вся политика Бальмаседы, вызвал недовольство консервативной части общества, владельцев богатейших месторождений селитры, британских горнодобывающих компаний⁴. Выразителем их интересов на уровне власти был Конгресс, который, опираясь на поддержку флота, спровоцировал антиправительственный мятеж морских офицеров и гражданскую войну между сторонниками и противниками Бальмаседы. Поддержавшие президента сухопутные войска были разбиты, сам Бальмаседа покончил

² Guisasti Tagle S. *Partidos políticos chilenos*. – Santiago de Chile: Ed. Nascimento, 1964. – P.156-158.

³ Vicuña C. *La tiranía en Chile. Libro escrito en el exilio*. – Santiago de Chile: Ed. Aconcagua, 1989. – P. 31-33.

⁴ *Ibid.* – P. 33-36.

жизнь самоубийством. Сторонники президентской республики и проекта национализации горнодобывающей промышленности потерпели поражение.

Установившийся после этих событий режим так называемой «парламентской республики» просуществовал до 1925 г. и привел к серьезному изменению политической системы. Президент превратился, фактически, в формальную фигуру на фоне Конгресса, усилилась самостоятельность муниципальных властей, исполнительная власть стала контролироваться парламентом. Эта система была создана для Конгресса и партий, а не для ярких политических лидеров на президентском посту. Следствием изменений явились постоянные риски политической нестабильности, связанные с частой сменой правительственных кабинетов, и кризисы управляемости, особенно заметные в моменты прихода к власти президента, нацеленного на реформы и заблокированного парламентской оппозицией (как, например, в ситуации с А. Алессандри в 1920-1925 гг.)

С другой стороны, в этот период существенно возросла роль политических партий, вовлеченных в парламентскую борьбу, значение выборов, прессы, всевозможных политических клубов и ассоциаций, - т.е. сети организаций гражданского общества, которые постепенно привыкали жить по правилам либеральной демократии: участвовать в предвыборных кампаниях, расширять свое влияние, выступать в прессе, отстаивать идейные принципы, работать в рамках существующей политической системы. Это был богатейший политический опыт, который впоследствии пригодился чилийским партиям в самые сложные исторические моменты XX века.

В 1912 г. типографским рабочим Луисом Эмилио Рекабарреном, вышедшим из рядов левых демократов, была создана Социалистическая рабочая партия, отстаивавшая идеи марксизма, классовой борьбы, диктатуры пролетариата, общественной собственности на средства производства. Л.И. Рекабаррен был незаурядной фигурой. Активист и организатор рабочего и профсоюзного движения, издатель рабочих газет, талантливый оратор, самостоятельно освоивший идеи социалистов-утопистов и марксизм,

создатель крупнейшей профсоюзной организации – Рабочей федерации Чили (Federación Obrera Chilena, FOCH), он пользовался широкой популярностью среди рабочих, особенно горнодобывающих предприятий на севере страны, в селитряной зоне. По его инициативе в 1922 г. партия была переименована в Коммунистическую партию Чили (Partido Comunista de Chile, PC) и присоединилась к Коминтерну, заняв идейные позиции марксизма. В 1922-1923 гг. Рекабаррен совершил поездку на съезд Профинтерна в Москву, о чем написал специальную брошюру.

Однако в реальной политике лидер чилийской компартии был скорее прагматиком, чем борцом за прямолинейно понимаемые идеалы классовой борьбы. В 1922-1924 гг. Рекабаррен избирался депутатом Конгресса, считая основной целью своей парламентской работы не столько пропаганду коммунистических взглядов, сколько критику существующей социальной системы, вместе с необходимостью требовать улучшения положения рабочих, отстаивать право на забастовочное движение – то есть добиваться того, «чтобы их голос был услышан»⁵. (Несмотря на неоднократные попытки лишить его депутатского мандата, это удалось сделать только в 1924 г. – до этого адвокаты, к которым обращался Рекабаррен, доказывали законность его права отстаивать свои убеждения). Во многом эта политическая линия – не изменяя своим принципам, использовать возможности сложившейся системы, участвовать в парламентской деятельности, отстаивать права трудящихся, доносить до общества всю остроту социальных проблем – была близка скорее к тактике европейской социал-демократии, чем к революционному сектантскому утопизму мирового комдвижения. Возможно, Рекабаррену удалось заложить традицию, которой PC в определенной степени будет следовать, вступая в широкие правительственные коалиции и в 1938-м (Народный фронт), и в 1970 году (Народное единство).

⁵ Очерки истории Чили. / под ред. Лаврова Н.М., Альперовича М.С., Ермолаева В.И., Кудачкина М.Ф. – М.: Наука, 1967. – С. 262.

В 1924 г. Рекабаррен, по неясным до конца причинам (изгнание из парламента, раскол в профсоюзном движении, личная усталость) покончил жизнь самоубийством, однако созданной им компартии предстояла долгая политическая жизнь и неоднозначная роль в ключевых политических событиях на протяжении всего XX века.

Собственно Социалистическая партия Чили (Partido Socialista de Chile, PS) сформировалась позднее – в 1933 г., и объединила разрозненные левые группы и мелкие партии, от умеренных до радикальных, которым были близки социалистические взгляды. Принимая марксизм как общий метод интерпретации действительности, партия допускала его «обогащение и дополнение» применительно к специфическим особенностям каждой страны⁶. Здесь всегда пользовалось большим влиянием леворадикальное течение, и в реальной политике PS отстаивала свои собственные принципы, во многом даже более доктринерские, чем позиции чилийских коммунистов, нередко готовых к прагматическому сотрудничеству с умеренными, центристскими партиями (например, радикалами). Социальную опору социалистов составили достаточно широкие слои населения: обедневшие городские низы, часть образованного среднего класса, студенческая молодежь (в то время как РС опиралась в основном на рабочих крупных промышленных предприятий и горнодобывающих отраслей севера). Впоследствии социалисты неоднократно становились и союзниками, и соперниками, и оппонентами коммунистов

Первым лидером партии стал полковник Мармадуке Грове – человек большой личной смелости и авантюрного склада характера, харизматик, популярный в определенных, сочувственно настроенных к социализму группах общества, в молодежной студенческой аудитории, в бедных слоях населения, а также среди младших армейских офицеров, разделявших левые взгляды и протестный пафос своего руководителя. Во время авторитарного правления генерала Карлоса Ибаньеса дель Кампо (1927-1931), запретившего

⁶ Guilisasti Tagle S. Op. cit. – P.258.

все левые течения, М. Грове скрывался в Аргентине, но в 1931 г. на военном самолете совершил перелет в г. Вальпараисо, чтобы поднять гарнизон города на антиправительственный мятеж. Был сослан властями на о-в Пасхи (в то время – место политической ссылки и колонии прокаженных), где прожил несколько месяцев, затем, после отставки Ибаньеса, вернулся в столицу и был назначен командующим военно-воздушной базой. В чилийской истории М. Грове известен также своей попыткой совершить, опираясь на верные ему части, в июне 1932 г. военный переворот и установить «социалистическую республику», которая просуществовала 12 дней, успела принять закон об амнистии политзаключенным и обнародовать свою программу революционных мер (в том числе – распределение продуктов питания для борьбы с голодом, конфискацию пустующих аграрных владений, ликвидацию иностранного капитала, усиление государственного контроля над экономикой).

Вскоре «социалистическая республика», продемонстрировавшая свой абсолютно авантюристический стиль, была свергнута правой группировкой военных (под руководством Карлоса Давилы), установивших кратковременный, но жесткий военный режим. Однако все эти события не означали изгнания М. Грове из политики – он принял активное участие в создании в 1933 г. PS.

Возможно, личность и взгляды М. Грове, а также происхождение PS, повлияли и на ее историческую судьбу, которая оказалась особенно сложной и трагической: эту партию ожидали большие политические взлеты, тяжелые испытания и трудный путь эволюции от левого радикализма и политического сектантства к идеям умеренного, взвешенного, выстраданного социал-демократизма в конце XX века.

Таким образом, создание полноценных политических партий – радикалов и демократов в конце XIX, коммунистов и социалистов, обладавших выраженной идеологической идентификацией – в начале XX века, свидетельствовало о достаточно высоком уровне вовлеченности в

политику широких слоев населения, о постепенной трансформации элитарной политической системы, организации реальной оппозиции партиям либералов и консерваторов. Шел процесс формирования устойчивой демократической традиции, создания конкурентной политической среды, при участии новых политических игроков, идей и лидеров.

В начале XX в. роль новых политических партий состояла также в том, чтобы, опираясь на свои группы поддержки, используя нарастающее снизу протестное движение, принуждать политическую элиту страны к решению одной из самых сложных задач развития – преодолению бедности и реформированию социальной сферы.

Сложность и тяжесть социальных проблем стали осознаваться чилийским обществом как серьезное препятствие на пути национального развития в конце XIX - начале XX века, когда вместе с интенсивным промышленным ростом возникли и «проклятые классовые вопросы», масштаб и драматизм которых стали неотъемлемой частью нового времени. С этого момента и на протяжении всего XX века (за исключением пиночетовского периода) значительную роль в развитии страны играла социальная политика, неразрывно связанная с укреплением представления об особой миссии и ответственности политического класса за благополучие всего общества. Начиная с либерально-реформистской деятельности президента Артуро Алессандри (1868-1950), политическая элита в большей или меньшей степени ставила и стремилась решать социальные задачи, постепенно подготавливая почву для исключительного подъема социального реформизма на рубеже 1960-1970-х годов.

Население Чили к 1920 г. составляло 3 млн 755 тыс. человек; при этом в аграрных районах жило около 2 млн, остальную часть представляли жители интенсивно растущих городов⁷.

В этот период значительную роль в чилийской экономике начинают играть крупные предприятия, особенно в ведущих отраслях

⁷ Очерки истории Чили. – С. 234.

горнодобывающей промышленности – селитряной, меднорудной, угольной. Из 1 млн всех наемных работников к 1920 г. 300 тыс. составляли промышленные рабочие; из них 43,2% было занято на 3,3% предприятий, хотя количественно и преобладали мелкие конторы с числом работающих не более 5 человек⁸. Необходимость принятия социального законодательства и формирования основ социальной политики была связана в первую очередь с тяжелыми условиями труда и жизни рабочих, занятых в промышленном и обслуживающем промышленность производстве – в шахтах, на железнодорожном транспорте, в морских портах.

Растущие социальные проблемы: бесправие наемных рабочих, отсутствие элементарной системы страхования и охраны их здоровья при высокой продолжительности рабочего дня, смертности и травматизме на работе, недоступность полноценного отдыха и свободного времени – волновали не только демократически настроенную часть общества, интеллигенцию, студенческую молодежь, активистов социалистических кружков, многочисленных ассоциаций и комитетов взаимопомощи. Наиболее дальновидные представители правящей элиты также осознавали необходимость серьезных перемен.

В начале XX века в Чили интенсивно развивалось профсоюзное и забастовочное движение рабочих. Были созданы промышленные и транспортные профсоюзы, региональные рабочие федерации (например, Рабочая федерация Антофагасты), а также Рабочая федерация Чили (FOCH), основу которой первоначально составили рабочие селитряной промышленности. Постепенно FOCH превратилась в крупнейший профсоюзный центр страны, открытый для всех наемных работников (в 1920-1922 гг. насчитывала до 150 тыс. членов). Эти организации выдвигали требования повышения зарплат и улучшения условий жизни, введения пенсий по инвалидности, создания касс социального обеспечения, участия правительства в урегулировании трудовых конфликтов и защите прав

⁸ Богущ Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. – С. 8

наемных работников (рабочий подписывал с нанимателем индивидуальный контракт, дававший право работодателю уволить его в любой момент). Деятельность рабочих организаций поддерживалась РС и ее лидером Л.Э. Рекабарреном, принявшим также непосредственное участие в создании ФОСН и в издании нескольких рабочих газет, в которых обсуждались насущные проблемы трудящихся.

В протестное движение были активно включены не только профсоюзы, рабочие и левые партии, но также радикально настроенные представители средних слоев населения, студенты и студенческие организации – в частности, созданная в 1906 г., одной из первых в регионе, Федерация студентов Университета Чили (*Federación de Estudiantes de la Universidad de Chile, FECH*), в которых особое распространение получили социалистические и демократические взгляды. Совместные акции протеста, собиравшие в крупных городах (Сантьяго, Вальпараисо, Консепсьоне) тысячи участников, стали характерной чертой времени. Например, в 1918 г. профсоюзы и широкие слои населения организовано выступали против роста цен на продовольственные товары⁹. Возможно, именно в этот период стала оформляться традиция активного участия гражданского общества – от крупных ассоциаций и политических объединений до небольших соседских организаций локального уровня – в решении социальных проблем, в привлечении внимания властей к самым большим общественным темам.

К 1920 г. социальные вопросы стали частью общественно-политической жизни, настойчиво требовали новых подходов и новой политики.

Реальный шаг на пути создания системы социального законодательства был сделан в годы первого правительства крупного политика-реформиста, представителя Либеральной партии Артуро Алессандри Пальмы (1920-1925), с деятельностью которого были связаны большие общественные надежды¹⁰.

⁹ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Ук. соч. – С. 20.

¹⁰ Viciña C. Op. cit. – P. 120-169.

Несмотря на сопротивление консервативной оппозиции, правительству Алессандри удалось провалить принятие Конгрессом социального законодательства. Социальные законы Алессандри предусматривали введение 8-часового рабочего дня и воскресного отдыха, возмещение ущерба за профессиональный риск и травмы на работе, пенсии по болезни, старости или смерти кормильца (т.е. обязательное социальное страхование), а также право заключать трудовые договоры с работодателем. Разрешалась организация профсоюзов в городах, на шахтах и в рабочих поселках. По свидетельствам современников, эти меры не всегда выполнялись, нередко носили формальный характер, однако их можно считать началом формирования основных принципов целенаправленной социальной политики. Сам Алессандри считал, что «общество не может и не должно бросать на произвол судьбы тех, кто своими усилиями способствует его прогрессу и развитию»¹¹.

Важнейшей просветительской мерой стало принятие в 1921 г. закона об обязательном бесплатном начальном образовании, заложившего традицию приоритетного внимания государственной власти к сфере образования. Если в 1915 г. грамотность распространялась только на 46% чилийцев, а половина детей не имела возможности посещать школу, то к 1930 г. практически три четверти населения страны было грамотным, опережая по этому показателю другие латиноамериканские страны¹².

Самым серьезным политическим шагом правительства, потребовавшим огромных усилий и противодействия оппозиционному большинству в конгрессе, стало принятие в 1925 г. новой Конституции, которая вновь установила в Чили президентскую республику с сильными полномочиями исполнительной власти. Президент, избираемый на шесть лет, получал право

¹¹ Cannobbio M. *Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política 1920-1994*. – Santiago de Chile, 1995. – P. 9.

¹² Kirkendall A.J. Paulo Freire, Eduardo Frei, Literacy Training and the Politics of Consciousness Raising in Chile, 1964 to 1970 // *Journal of Latin American Studies*. – 2004. – N 36. – P. 694.

контролировать правительство, назначать и смещать министров и представителей местных органов власти, становился главкомом ВС. Эта Конституция просуществовала до военного переворота 1973 года и объективно способствовала политической стабилизации, повышению управляемости политической системы с сильной президентской властью. Однако ее обсуждение и принятие в 1925 г. обострило внутривластную обстановку в стране, активизировало все радикальные силы от ультраконсерваторов, сторонников всевластия Конгресса, до коммунистов и анархистов, противников любой власти в принципе¹³. В атмосфере всеобщего недовольства и разочарования Алессандри вынужден был уйти в отставку, фактически оставив поле боя своему военному министру, полковнику (затем – генералу) Карлосу Ибаньесу дель Кампо, и ряду незначительных и слабых политиков. В 1927 г. К. Ибаньес, используя политический кризис и поддержку достаточно широких слоев населения, уставших от нестабильности, установил свою диктатуру.

Несмотря на неоднозначные итоги деятельности либерального кабинета Алессандри, связанные с объективной невозможностью в полной мере выполнить все программные обещания, безусловной заслугой этого правительства стало то, что социальные проблемы были признаны сферой государственной заботы и ответственности. Новые законы стали первым этапом на долгом и трудном пути реализации политики социального реформизма. В истории не только Чили, но и всей Латинской Америки фигура А. Алессандри выделяется наряду с такими известными политиками-реформистами начала XX века, как И. Иригойен (1852-1933) в Аргентине и Х. Батлье-и-Ордоньес (1856-1929) в Уругвае.

В то же время, необходимо отметить, что реформизм, с таким трудом пробивавший себе дорогу, не стал монополией исключительно правительств либерально-демократического толка, привлекая на этот путь и политиков авторитарного склада.

¹³ Vicuña C. Op. cit. – P.260-317.

Установление военной диктатуры К. Ибаньеса в 1927 г., пришедшей на смену либеральному курсу Алессандри, не означало отказа власти от социальных начинаний предшествующего периода. Генерал Ибаньес, один из наиболее известных и спорных персонажей чилийской истории, авторитарный лидер, националист, сторонник «жесткой руки» и сильного государства, симпатизировавший итальянским фашистам, ввел цензуру, ограничил политическую свободу и выслал из страны своих политических противников. Однако в социальной сфере он был сторонником государственного патернализма и во многом продолжил реформы либералов. В 1931 г. был принят Трудовой кодекс, дополнивший законы Алессандри, введены трудовые суды для решения производственных конфликтов, в которых государство могло выступать арбитром, признано право всех трудящихся на профсоюзы и забастовки (сам Ибаньес активно поддерживал проправительственные профсоюзы, свободные от влияния социалистов и коммунистов). В условиях экономического подъема в 1927-1929 гг. правительству удавалось эффективно бороться с безработицей, поддерживая национальную промышленность и создавая новые рабочие места.

К. Ибаньес первым попытался начать аграрную реформу, издав в 1928 г. закон о колонизации пустующих и необрабатываемых земель (большинство таких земель находилось на юге страны), которые должны были покупаться государством по рыночной цене, а затем перепродаваться крестьянам на льготных условиях. Для реализации реформы было создано Министерство сельского хозяйства. Несмотря на то, что данный проект остался незаконченным, явившись лишь первым шагом в решении одной из самых сложных социальных и политических проблем, сама попытка реформировать аграрную сферу, ограничить латифундизм, уже была смелым и ответственным поступком.

Тем не менее, правление К. Ибаньеса закончилось достаточно бесславно – вместе с наступлением в 1929 г. мирового экономического

кризиса он был вынужден постепенно свернуть социальный патернализм, а в 1931 г. в обстановке массовых протестов ушел в отставку.

После недолгого, но тяжелого периода внутренней нестабильности и смуты (всплесков политического авантюризма под видом «социалистической республики» М. Грове в июне 1932 г., последующего за этим установления 100-дневной военной диктатуры К. Давилы летом и осенью 1932 г.) на исходе экономического кризиса к власти вновь вернулся А. Алессандри. Однако второе правительство под его руководством (1932-1938) носило уже гораздо более жесткий, консервативный, охранительный, по сравнению с первым, характер.

Тем не менее, даже в этих условиях не все социальные инициативы были заморожены: был принят закон о минимальной заработной плате и прожиточном минимуме, начато строительство дешевого жилья для рабочих. Для поддержки социального строительства в 1936 г. был создан Банк народного жилья¹⁴.

Следующим наиболее масштабным социальным проектом этого периода была программа и деятельность правительства Народного фронта (Frente Popular, 1938-1942). Народный фронт был создан в 1935 г. по инициативе РС и представлял собой широкую и политически неоднородную коалицию оппозиционных второму правительству Алессандри левых и центристских партий – радикалов, социалистов, коммунистов и демократов. Накануне президентских выборов 1938 г., в обстановке усиления в молодежной среде профашистских настроений, которые ловко использовал экс-диктатор, генерал К. Ибаньес, их объединила идея сопротивления перспективе установления в стране консервативного ультраправого режима. Этот режим был возможен и в случае нового прихода к власти К. Ибаньеса, опиравшегося на группы молодых нацистов, и, в случае победы единого кандидата правых сил (либералов и консерваторов), Густаво Росса.

¹⁴ Cannobbio M. Op. cit. – P.128.

Банкир, владелец селитряных копей и угольных шахт, министр экономики во втором правительстве Алессандри, Г. Росс в своей программе предлагал неолиберальные рецепты – в том числе, минимизировать социальные расходы государства для повышения эффективности экономического развития.

В ситуации острой политической борьбы, колебания общественных настроений, после неудачной попытки молодежного нацистского путча 5 сентября 1938 г., Народному фронту удалось одержать победу и сформировать правительство под руководством президента-радикала Педро Агирре Серда (1938-1941). Опытный политик, представитель умеренного крыла Радикальной партии, неоднократно избиравшийся депутатом Конгресса, работавший министром в первом правительстве Алессандри, П. Агирре Серда был убежденным сторонником укрепления государственного сектора экономики, социальных реформ, улучшения положения трудящихся, введения обязательного медицинского обслуживания рабочих, и, особенно – развития народного образования. В своей программе он заявлял: «Мы стремимся дать народу хлеб, жилье и одежду, и считаем, что управлять – значит также просвещать»¹⁵.

Несмотря на сопротивление оппозиционного Конгресса, в котором большинство принадлежало правым, правительству удалось провести ряд социальных реформ.

Была увеличена зарплата промышленным рабочим, служащим государственных предприятий, учителям, медицинским работникам, расширено строительство школ, больниц, жилых домов, народных столовых, особенно в бедных и удаленных районах страны.

В сфере образования большое внимание уделялось профессиональной подготовке и повышению квалификации взрослых, в удаленных провинциях создавались специализированные технические школы, нуждающимся студентам были предоставлены государственные стипендии, стала

¹⁵ Ibid. – P.123.

востребованной учительская профессия¹⁶. В 1938 г. было организовано профилактическое медицинское обслуживание для рабочих и их семей, особенно женщин и детей¹⁷. Согласно оценкам современников, рабочие и мелкие служащие стали тогда лучше одеваться, использовать выходные дни для культурного «городского» отдыха, жизнь традиционно бедных слоев населения изменилась к лучшему.

Целенаправленная социальная политика являлась частью общей национально-экономической стратегии правительства, направленной на усиление роли государства в экономике, на развитие импортзамещающих отраслей промышленности, создание крупных национальных предприятий под контролем государства. Важнейшим шагом на этом пути стало создание в 1939 г. Корпорации промышленного развития (*Corporación de Fomento de la Producción, CORFO*), в состав которой входили ведущие министры правительства, предприниматели, представители профсоюзов. Эта структура, сохранившая свое влияние вплоть до современного этапа, представляла собой инструмент государственного контроля над экономикой и была предназначена для определения стратегии экономического развития страны.

Тем не менее, правительство Народного фронта преследовали постоянные трудности экономического и внутривластного характера, борьба с оппозицией, разочарование сторонников и сочувствующих среди широких слоев населения, ожидавших более решительных преобразований. К этим проблемам добавилось разрушительное землетрясение 1939 г. и неожиданная смерть в 1941 г. президента и лидера Фронта П. Агирре Серды, единственной объединяющей фигуры для остальных участников коалиции.

В 1942 г. Народный фронт, раздираемый внутренними противоречиями, главным образом – разногласиями между сторонниками более умеренного, взвешенного подхода (коммунистами и радикалами, с

¹⁶ Ibid. – P.128.

¹⁷ Arellano J.P. Políticas sociales y desarrollo: Chile 1924-1984. – Santiago de Chile: CIEPLAN, 1985. – P. 31.

одной стороны) и занявшими самую непримиримую позицию социалистами (с другой), распался. На следующем этапе, в 1940-1950-е гг., намеченная социальная стратегия не была продолжена столь же целенаправленно и последовательно.

Помимо социальных проектов, деятельность Народного фронта оставила в чилийской политической традиции ценный, несмотря на его противоречия, опыт существования широкой коалиции левых и левоцентристских сил, который сыграл важную позитивную роль уже в конце 1980-х гг., в процессе сопротивления режиму А. Пиночета и формирования оппозиционного объединения демократических партий.

В итоге необходимо отметить, что на протяжении всего периода 1920-1930-х годов в Чили, независимо от политических разногласий и предпочтений, постепенно расширялось пространство социальной деятельности государства, росли расходы на образование, строительство жилья, социальное обеспечение. И, хотя вплоть до начала 1960-х годов шел процесс поиска модели социального реформизма, его первые примеры подготовили почву для более масштабных и глубоких проектов.

II. 2. Христианско-демократический проект. «Революция в условиях свободы» (1964-1970).

Принципиально новым этапом и в политическом развитии страны, и в стратегии социального реформизма стал период, связанный с деятельностью правительства Эдуардо Фрея и идеологией созданной им Христианско-демократической партии (Partido Demócrata Cristiano, PDC).

К началу 1960-х годов важнейшими в партийно-политической системе Чили являлись: на левом фланге – PC и PS (коммунисты и социалисты), имевшие серьезные политические разногласия, а также некоторые лево-ориентированные группировки центристской PR (Радикальной партии), в значительной мере утратившей прежнее влияние.

Правую часть политического спектра представляли либералы и консерваторы, после 1966 г. – образованная выходцами из этих течений Национальная партия (Partido Nacional, PN), отстаивающая либерально-рыночную идеологию.

Пространство же политического центра, оттесняя теряющих популярность радикалов, стремительно занимала новая, возникшая в 1957 г. партия христианских демократов – PDC, которой суждено было стать не только одной из самых влиятельных партий Чили, но и важнейшим участником всех драматических событий, которые пережила страна во второй половине XX века.

Позиция PDC сыграла определяющую роль и в приходе к власти социалистического правительства Народного единства, и, во многом, в установлении в 1973 г. военного режима. Пережив все последствия этого события, PDC стала также одной из главных, наряду с социалистами, партий, которым предстояло возглавить в 1987 г. антипиночетовскую коалицию и самый сложный процесс перехода к демократии. Политический опыт христианских демократов, с его безусловными достижениями и трагическими ошибками, в 1990-е годы перерос в стратегию и тактику огромной политической ответственности перед обществом, что позволило преодолеть многие риски переходного периода.

Основателем PDC был выдающийся политический деятель Эдуардо Фрей Монтальва (1911-1982). Адвокат, получивший образование в Католическом университете в Сантьяго, Э. Фрей с юности занимался политикой, участвовал в молодежной организации консервативного направления, в 1936-1938 гг. стал одним из организаторов Национальной фаланги (Falange Nacional) – общественно-политического движения, объединившего по преимуществу католическую молодежь и являвшегося прообразом PDC.

В политической жизни 1940-х годов Falange Nacional занимала неоднозначные позиции: значительная группа внутри этого течения

сочувствовала профашистским настроениям в обществе, поддерживала К. Ибаньеса. Э. Фрей же представлял другое крыло – идейных противников Ибаньеса и нацистской идеологии в любых ее формах, сторонников развития демократии на основе новой социал-христианской доктрины. С середины 1940-х годов он приобрел реальное политическое влияние в рядах фалангистов и приступил к формированию широкого христианско-демократического движения и созданию на его основе политической партии¹⁸.

В основу философии нового движения были положены принципы христианского гуманизма и социальной доктрины Католической церкви, воспринятые и развитые впоследствии идеологами западноевропейской христианской демократии. Как отмечает в своем исследовании философии бедности Б.И. Коваль¹⁹, идея о социальном предназначении государства, о необходимости заботиться не только о богатых и процветающих, но обо всех группах общества, восходит к знаменитой энциклике папы Льва XIII *Regrum Novarum* (1891). Этот исторический документ, повлиявший на позицию Католической церкви и заложивший, по сути, основы новой доктрины, был целиком посвящен «рабочему вопросу» и социальным проблемам, преодолению нищеты и несправедливости в распределении богатства без уничтожения частной собственности и разжигания классовой ненависти (что предлагали последователи марксизма).

На мировоззрение Э. Фрея значительное влияние оказали идеи европейских теософов-гуманистов и теоретиков христианского социализма – Ж. Маритена, Э. Мунье, А. де Манна. Они размышляли о месте и предназначении человека в современном мире, о свободе и ценности человеческой личности, об особой миссии политики в развитии реального милосердия и решении фундаментальных проблем цивилизации (бедности,

¹⁸ Семенов С.И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. – М.: Наука, 1971. – С. 58-59.

¹⁹ Латинская Америка XX века: Социальная антропология бедности /отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2006. – С. 62.

неравенства, экономической и культурной отсталости низших социальных слоев)²⁰. Критикуя крайние проявления как индивидуалистического либерализма, так и марксизма, Э. Фрейд выступал за третий путь развития – между «индивидуализмом и коммунизмом», который даст возможность перейти к возрождению, «реконструкции» человека.

Он считал, что причиной кризиса цивилизации является кризис самого человека, а единственным выходом для современного мира остается христианская духовность, способная придать смысл всей жизни. «Человек не является материальной индивидуальностью, растворяющейся в массе; это духовная ценность, которая имеет свое начало и свое предназначение. Человеческая личность первична по отношению к государству и обществу, и ее права неотъемлемы... Только так можно добиться перемен в политической и социальной областях»²¹. Принципиальное место в его концепции занимала идея о мирной социально-политической трансформации общества, которая была названа «революцией в условиях свободы».

Гарантию свободы личности перед лицом государства Фрейд видел в развитии муниципального и трудового самоуправления, в котором каждая личность – «трудящийся предприниматель» – будет чувствовать себя ответственной за общее благо, участвовать в выработке, принятии и проведении в жизнь управленческих решений. Этот подход Фрейд намеревался реализовать и в экономике, и в социально-политической жизни, что должно было привести к глубокой мирной трансформации общества, росту социальной солидарности²².

То внимание, которое уделяли христианские демократы развитию коммунитаризма, низовых организаций гражданского общества, вовлечению в социальную жизнь бедных и маргинальных групп населения, проистекало

²⁰ Зорина И.Н. Революция или реформа в Латинской Америке. Критика реформизма чилийской христианской демократии. – М.: Наука, 1971. – С. 52-54.

²¹ Фрейд Монтальва Э. Будущее Чили внушает мне надежду. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 36.

²² Семенов С.И. – Ук. соч. – С. 74.

из этого глубокого принципиального убеждения в возможности преобразовать социальную среду мирным путем, делая акцент на совершенствовании самого человека в его отношениях с государством и обществом.

Другим полюсом в концепции Фрея являлась демократия. Отвечая на принципиальный вопрос политической философии о том, как возможно установить социальный порядок, если он по каким-то причинам нарушен или находится под угрозой распада, Э. Фрей придавал первостепенное значение просвещенной политической воле и демократии. Он не идеализировал принципы формальной демократии, признавал, что «на пути к ней неизбежны ошибки и жертвы, особенно в наших условиях», но главным для него была способность демократической власти творчески конструировать новую социально-политическую реальность, предотвращать хаос, «подчинять происходящие процессы своей воле»²³.

Как философ, Э. Фрей считал, что в конкретных условиях Чили PDC вместе с церковью должна была воспитывать духовную энергию и волю личности, развивать гуманистические христианские ценности и «прививать» их политической практике. Однако, будучи в первую очередь политиком, он стремился к реальной деятельности, к решению проблем, которые он видел в экономике, политике и социальной сфере – т.е. к проведению преобразований в соответствии со своими идейными принципами.

Для осуществления этих целей необходимо было прийти к власти, и практически сразу после своего создания PDC стала принимать активное участие в политической борьбе, отстаивая независимую позицию и быстро набирая популярность. На президентских выборах 1958 г. Э. Фрей занял третье место, получив 20,7% голосов избирателей. Президентом в итоге стал представитель правых Х. Алессандри (1958-1964), получивший 31,6%; за кандидатуру С. Альенде (от социалистов и коммунистов) проголосовало 28,9%. Радикалов, представлявших традиционный центр, поддержало всего

²³ Фрей Монтальва Э. Ук. соч. – С. 90, 175.

15% избирателей, что означало утрату их самостоятельной роли в чилийской политике²⁴. Роль партии центра уверенно взяли на себя христианские демократы, от позиции которых теперь зависел успех как левых, так и правых партий.

Причиной роста влияния нового движения стал удачный призыв к сочетанию христианских гуманистических принципов и реальной политики на фоне разочарования части элиты, образованных средних слоев, молодежи в идеологии и практике традиционных светских партий, их неспособности предложить что-то новое, соответствующее задачам и духу времени. Учитывая историческую роль и просветительскую активность Католической церкви, распространенность в Чили частных католических школ и университетов, тот факт, что 89% населения страны в 1950-1960-е годы исповедовали католицизм²⁵, можно сказать, что провозглашенная доктрина неизбежно должна была найти поддержку в широких слоях населения.

На выборах 1964 г. Э. Фрей одержал внушительную победу, завоевав абсолютное большинство голосов (56%)²⁶, и был избран президентом страны, возглавив одно из самых знаковых, социально-ориентированных, реформистских, но в то же время неоднозначных и противоречивых правительств в чилийской истории (1964-1970).

Необходимым условием дальнейшего развития страны Э. Фрей считал преодоление нищеты, невежества и отсталости беднейших слоев общества, включение крестьянства, бедных групп городского населения в активную общественно-политическую жизнь. Христианские демократы рассчитывали на развитие взаимной солидарности и личной ответственности каждого члена общества, так как только социальная инициатива, по их мнению, была

²⁴ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Ук. соч. – С.109.

²⁵ Семенов С.И. Ук. соч. – С.120.

²⁶ Elecciones presidenciales de 1964. 04.09.1964. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63762&periodo=1925-1973. (fecha de acceso 19.07.2015).

способна преодолеть исключенность и маргинальность беднейших слоев, привести к большей социальной справедливости без ограничения политической и экономической свободы.

В связи с провозглашенной целью «революции в условиях свободы» путем постепенного, продуманного реформирования социально-экономической системы и мировоззрения народа, важнейшими направлениями правительственной деятельности стали: аграрная реформа; развитие образования; жилищное строительство; поддержка низовых социальных организаций.

Одним из самых серьезных мероприятий правительства Э. Фрея явилась аграрная реформа. К началу 1960-х годов сельское хозяйство не обеспечивало всех потребностей страны и нуждалось в серьезной модернизации, прежде всего – в эффективном использовании необрабатываемых и пустующих земель. (В 1964 г. из 29 млн га пригодной для аграрного производства земли использовалось только 5,9 млн, причем половина – для производства зерновых, остальные земли были отданы владельцами под пастбища). При этом 83% мелких и средних собственников владели 11% сельскохозяйственной земли, а на долю 0,7% крупных латифундистов приходилось 61,6% земельных угодий²⁷. Государство вынуждено было импортировать продовольствие, обладая всеми возможностями для развития собственной аграрной отрасли.

Реформа, закон о которой был принят в 1967 г., предполагала сокращение крупных латифундий (свыше 80 га) и перераспределение освобожденной земельной собственности, на которой создавались сельскохозяйственные кооперативы (*asentamientos*), с правом коллективной земельной собственности (в духе идей христианского социализма), или небольшие частные фермы.

Конечной целью аграрной реформы была комплексная модернизация всего сельскохозяйственного сектора, повышение его экономических

²⁷ Очерки истории Чили. – С. 397, 430.

показателей и, по словам самого Э. Фрея, «долгосрочное вложение в человеческий капитал»²⁸. Аграрная реформа должна была привести к созданию многочисленного слоя современных и динамичных сельскохозяйственных собственников, к принципиальному улучшению жизни и сокращению сельской бедности. «Мы хотим провести аграрную реформу ... для людей, которые работают на земле, любят ее и знают. Хотим открыть для них возможность стать собственниками. Не теми собственниками, которые умирают от голода на клочке земли, но собственниками в рамках экономического объединения, которое отвечало бы потребностям региона», – считал Фрей²⁹.

Методы осуществления предлагались осторожные и постепенные. Землевладельцам давалось право выбора земли, выплачивались компенсации, создание мелких ферм происходило в течение 3-5 лет, крестьяне могли сохранить свои кооперативы, если не хотели становиться фермерами.

Реформа принесла определенные плоды: рост продукции земледелия и животноводства за 1965-1970-е годы составил около 5% в год (по сравнению с 2% в начале 1960-х годов)³⁰. В то же время, экономика нуждалась в других темпах роста, и аграрная реформа была рассчитана на существенно более высокие результаты.

В итоге, несмотря на стремление Э. Фрея осуществить аграрную реформу цивилизованным путем, балансируя между интересами мелких земельных собственников и правами крупных землевладельцев, она вызвала разочарование крестьян, испытавших эффект обманутых ожиданий, недовольство части землевладельческой элиты, потерявшей экономическую

²⁸ Kirkendall A.J. Op. cit. – P. 693.

²⁹ Garrido R.J., Guerrero Y.C, Valdés S.M. Historia de la reforma agraria en Chile. – Santiago de Chile: Editorial Universitaria, 1988. – P.117.

³⁰ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Ук. соч. – С.118.

опору, ожесточенную критику в политических кругах, и не привела к принципиальному росту сельскохозяйственного производства³¹.

За годы реализации своей аграрной политики правительство предполагало изменить условия жизни 100 тыс. крестьян, но к 1970 г. только 20 тыс. сумели воспользоваться результатами реформы, а количество отобранных земель не превышало 15% всего земельного фонда страны³². Лишь немногие из созданных 900 крестьянских кооперативов превратились в рентабельные хозяйства: социокультурные принципы коммунитарного управления плохо соответствовали задачам повышения экономической эффективности. В итоге усилилась миграция в город сельского населения, не нашедшего себя в новых условиях, что обострило, соответственно, и проблему жилья, и проблему занятости.

Таким образом, христианским демократам не удалось решить аграрный вопрос, сочетая несовместимые подходы. В итоге аграрная реформа, задуманная как часть более масштабной политики по «социокультурному развитию и укреплению достоинства человека земли»³³ стала, возможно, самым очевидным доказательством слабости реальной политической практики PDC.

Важнейшим направлением деятельности правительства Э. Фрея явилась также реформа образования. Несмотря на то, что в 1930 г. практически все взрослое население Чили было грамотным, в начале 1960-х годов положение ухудшилось, уровень неграмотности в сельской местности вырос до 36%³⁴. Это было связано с ростом населения, нехваткой школ и учителей, а также с недостатками самой системы образования. В то же время, с точки зрения христианских демократов, развитие образования должно было стать важнейшим шагом на пути модернизации общества и преодоления

³¹ Garrido R.J., Guerrero Y.C, Valdés S.M. Op. cit. – P. 123-125.

³² Oppenheim. L.H. Politics in Chile. Democracy, Authoritarianism, and the search for development. – Boulder: Westview press, 1993. – P.26.

³³ Garrido R.J., Guerrero Y.C, Valdés S.M. Op. cit. – P.118.

³⁴ Kirkendall A.J. Op. cit. – P. 694.

социальной несправедливости. При этом особое внимание уделялось базовому, начальному образованию, его распространению «вширь» и совершенствованию на местах. Если авторитет и качество университетов были традиционно высокими в чилийском обществе, то с доступностью базового начального обучения было связано представление и христианских демократов, и широких слоев населения о социальной справедливости и прогрессе. «Я пришел, чтобы дать образование всем чилийским детям, – говорил президент в своей инаугурационной речи, – ...ибо убежден, что народ, победивший невежество, победит нищету и рабство»³⁵.

В ходе реформ продолжительность бесплатного базового начального обучения была увеличена с 6 до 8 лет, а среднего – сокращена с 6 до 4 лет. Такой подход соответствовал условиям жизни большинства чилийцев, поскольку многие дети получали только начальное образование, не доходя до «среднего» уровня. Одновременно средняя школа стала более специализированной, большее внимание уделялось подготовке и профессиональному совершенствованию учительских кадров. Было построено около 3 тыс. новых школ и образовательных учреждений в сельской местности и в отдаленных районах страны. В результате этих мер к 1970 г. 95% детей школьного возраста получили образование, неграмотность сократилась с 16,4% до 11%³⁶. Развивалось университетское образование, была расширена университетская автономия, увеличилось количество студентов. Особое внимание уделялось профессиональной подготовке молодежи в связи с потребностями развития страны и планами новых реформ³⁷.

Совершенствование системы базового образования, повышение его доступности для бедных групп общества стало одним из самых больших достижений правительства Э. Фрея.

³⁵ Фрей Монтальва Э. Ук. соч. – С.160.

³⁶ Cannobbio M. Op. cit. – P. 206-207.

³⁷ Строганов А.И. Новая и новейшая история стран Латинской Америки. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 205.

Другим важнейшим направлением социальной политики было жилищное строительство. В своей предвыборной программе Э. Фрей обещал добиться того, «чтобы все чилийские семьи жили пусть в скромном, но собственном доме, чтобы их дети росли в здоровом и достойном окружении»³⁸. В 1965 г. было создано Министерство жилья, а также принята специальная программа для привлечения правительственных структур, бизнеса, низовых социальных организаций к участию в доступном жилищном строительстве. Кроме того, в 1965-1970 годах многочисленные “poblaciones marginales”, бедные городские кварталы и отдаленные поселки были приближены к современным санитарным нормам, обеспечены питьевой водой и системой канализации. Политика Э. Фрея в этой области оказалась достаточно эффективной: если в 1953 г., например, было построено всего 4 тыс. единиц «народного жилья», то к 1971 г. – 76 тысяч. Около 2,5 млн человек получили возможность в той или иной степени улучшить условия своей жизни, а дома, построенные правительством Э. Фрея – “viviendas populares” – сохранились до сих пор. Тем не менее, проблема доступного жилья для бедных не была решена окончательно³⁹.

Особую роль в годы президентства Э. Фрея стали играть низовые социальные организации, развитию и поддержке которых уделялось огромное внимание. В соответствии со своей концепцией «революции в условиях свободы», Э. Фрей считал, что создание всевозможных объединений по инициативе самих жителей – центров взаимопомощи в бедных районах, культурно-просветительских клубов, соседских общин, жилищных кооперативов, микропредприятий и мастерских – приведет к включению беднейших групп населения в ответственную общественную жизнь, требующую активности, самостоятельности и солидарности. В итоге это повысит человеческий потенциал и культуру общества в целом, поможет решить многие проблемы без участия государства.

³⁸ Фрей Монтальва Э. Ук. соч. – С.161.

³⁹ Cannobbio M. Op. cit. – P. 205.

С одной стороны, Э. Фрей оказался прав. Впоследствии, в годы военного режима, эти низовые организации гражданского общества сыграли огромную роль, снижая остроту социальных проблем и уровень депрессии в обществе, помогая выжить в жестких условиях рыночных реформ.

В то же время, в конце 1960-х годов высокая массовая активность и общественный подъем, вовлекшие в политическую жизнь широкие слои населения, в том числе и городские маргинальные низы, привели к неоднозначным последствиям. Повысился «градус» протестных настроений, оборотной стороной процесса общественной активизации стал массовый рост потребительских, патерналистских настроений в отношении власти, акцент на сиюминутных краткосрочных результатах, что губительно для любой долговременной программы. Социальная деятельность правительства христианских демократов привела к повышению уровня ожиданий этих слоев, к росту давления на правительство с целью увеличения объема предоставляемых государством благ. В своем последнем послании Конгрессу Э. Фрей вынужден был признать, что система социального обеспечения превратилась в невыносимое бремя для чилийской экономики⁴⁰.

Итоги президентства Э. Фрея были неоднозначны. С одной стороны, он заложил основы комплексной социальной политики в интересах широких слоев населения, а социальная философия христианских демократов стала примером просвещенного подхода политической элиты, стремящейся к преодолению отсталости, нищеты и невежества низших классов, сознающей свою ответственность за дальнейшее развитие страны. Стали более доступными образование и здравоохранение; аграрная реформа положила начало определенным изменениям в социально-экономической структуре сельского общества, в развитии сельского хозяйства. Возникла и укрепилась разветвленная сеть низовых социальных связей.

С другой стороны, именно противоречия социальной политики христианских демократов (итоговая нерешенность аграрного вопроса,

⁴⁰ Фрей Монтальва Э. Ук. соч. – С. 174.

проблем бедности и социального неравенства, часто безответственная активизация массовых движений и организаций) во многом подготовили почву для дальнейших событий чилийской истории, обострив скрытые до определенного момента конфликты.

Правительство Э. Фрея стремилось к решению политико-социальных и экономических проблем, делая ставку на просвещенный реформизм власти, с одной стороны, и на развитие культуры, повышение человеческого потенциала, социальной самодеятельности и инициативы всего общества – с другой. В мировоззрении христианских демократов и социальной практике Э. Фрея большую роль играл именно «коммуникативной» аспект, морально-этические принципы, идеи социальной солидарности, стремление к убеждению оппонентов и поиску взаимопонимания с различными слоями общества и политическими силами.

Эта социальная философия была рассчитана на длительную, кропотливую многолетнюю работу, требующую мирных условий, преемственности и сознательного диалога между властью и обществом. Проблема смягчения социальных диспропорций, преодоления бедности, создания более справедливого общества занимала в этом проекте важное место, однако главным было не перераспределение собственности, а постепенное, долговременное «обустройство» и развитие страны. Драматизм реализации этих идей заключался в том, что самые болезненные вопросы в ходе преобразований оказались затронуты, но не преодолены, – и это явилось трагической ошибкой правительства PDC. Кроме того, и сама партия христианских демократов была лишена необходимого единства, переживала серьезные внутренние разногласия, которые в 1969 г. вылились в открытый конфликт левого крыла и сторонников «официальной», центристской линии, близких позиции Э. Фрея. Левые, неудовлетворенные постепенностью процесса реформ, порвали со своей партией и создали Движение единого народного действия (Movimiento de Acción Popular Unitaria, MAPU).

В итоге массовый политический подъем, во многом сознательно разбуженный христианскими демократами их активным содействием низовым социальным организациям, вышел за рамки постепенной реформистской трансформации и требовал ускорить и углубить все социальные начинания. В стране стремительно складывалась новая политическая и социальная ситуация, нарастало протестное движение, подогреваемое многочисленными леворадикальными группами. В конце своего президентства, под огнем критики «слева», Э. Фрей в отчаянии писал: «Они борются не против диктатуры [т.е. сближения PDC и правых], они борются против страны, где существует полная, даже чрезмерная свобода»⁴¹. Слова оказались пророческими. Однако фундаментальные принципы, которые он всегда защищал как политик и как идеолог – постепенность, баланс сил, уважение к политическим противникам, продуманность и взвешенность решений – уже казались слишком осторожными и недостаточными в новый исторический период.

Этот период был связан с приходом к власти в 1970 г. правительства коалиции левых партий Народное единство (Unidad Popular, UP), и попыткой реализации нового проекта политического развития.

II. 3. Социалистический проект Народного единства (1970-1973).

В 1970 г. социалист Сальвадор Альенде Госсенс (1908-1973) был избран президентом, получив на выборах лишь относительное большинство голосов – 36,6%, в то время как за его оппонентов – представителя правых Хорхе Алессандри и кандидата от PDC Радомиро Томича (стоявшего на левоцентристских позициях) проголосовало, соответственно, 34,9% и 27,8% избирателей. От главного соперника Х. Алессандри, сторонника рыночной экономики и неолиберальной модернизации, С. Альенде отделяло менее 2% голосов. Судьба президентского поста в итоге решилась в Конгрессе,

⁴¹ Королев Ю.Н. Чили: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил (1956-1970). – М.: Наука, 1973. – С. 162.

который при поддержке христианских демократов, склонившихся в тот момент на сторону левых партий, избрал президента-социалиста⁴².

Пришедшая к власти коалиция включала шесть левых партий и организаций, среди которых самыми влиятельными были PS и PC. К ним присоединились также: радикалы, отколовшаяся от PDC левая фракция MAPU, и две небольшие партийные группировки. Ультрарадикальное Левое революционное движение (Movimiento Izquierda Revolucionario, MIR), стоявшее на позициях нелегальной, вплоть до вооруженной, партизанской борьбы с существующей властью, не вошло в коалицию, но поддержало в тот момент кандидатуру С. Альенде. Создание и приход к власти столь широкой коалиции можно было считать крупным политическим успехом. Однако новое правительство было намерено реализовать совершенно иной, по сравнению с планами христианских демократов, проект общественного развития, что оживило и усилило многочисленные риски внутреннего и внешнего характера.

Программа Народного единства ставила своей главной задачей построение социализма мирным путем. Размышления о возможности реализации социалистического проекта в Чили, с учетом национальных особенностей страны, о сочетании социалистических и демократических ценностей, в конце 1960-х гг. «витали в воздухе», являясь неременной частью общественно-политической, университетской и научной дискуссии в кругах, разделяющие широкий спектр левых взглядов⁴³.

Начиная реальные социалистические преобразования, правительство С. Альенде ожидало серьезного сопротивления главным образом со стороны правоконсервативной части общества. Однако вскоре не меньшую опасность стали представлять собственные разногласия внутри коалиции и

⁴² Elecciones presidenciales de 1970. 04.09.1970. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63763&periodo=1925-1973. (fecha de acceso 19.07.2015).

⁴³ Foxley A., Muñoz G.O., Parra A.B. Chile: búsqueda de un nuevo socialismo. – Santiago de Chile: CEPLAN: Ediciones Nueva Universidad, 1971. – 266 p.

возрастающее давление «соратников» по левому движению, как в стране, так и в масштабах всего региона. Победившие радикалы в рядах самой PS, во главе с ее генеральным секретарем Карлосом Альтамирано, революционные экстремисты международного уровня, преследовавшие в чилийской ситуации свои интересы (распространения идеалов Кубинской революции, борьбы с «мировым империализмом»), подталкивали правительство к ускорению темпов и расширению масштабов преобразований, не считаясь ни с какой объективной реальностью. Особенно зловещую роль сыграли в этом процессе активисты MIR.

Эта первоначально очень немногочисленная леворадикальная организация была создана в 1964 г. на базе университетского студенческого движения г. Консепсьон, ее лидерами стали исключенные из PC и PS Мигель Энрикес, Баутиста ван Шоуэн и Лусиано Крус. Их план борьбы за идеалы социальной справедливости включал: организацию городской и сельской герильи, террор и диверсии, налеты на банки для создания «революционных фондов», а также формирование подпольного правительства, способного в нужный момент взять власть⁴⁴. Провокационные действия «миристов», рост их популярности среди студенческой молодежи, в рабочем движении, в левых фракциях PS и PC, оказывали усиливающееся давление на правительство.

Характерно, что позиция коммунистов под руководством Луиса Корвалана в целом была более умеренной и прагматичной, нацеленной на единство всех демократических сил, на союз с широкими слоями среднего класса и даже выражающей их интересы христианской демократией. Л. Корвалан оставил многочисленные документы и выступления, позволяющие вполне объективно представить его точку зрения, которая с самого начала состояла в понимании сложности ситуации и необходимости сохранения единства – в первую очередь, социалистов и коммунистов, которые не могут «позволить себе роскошь из-за так называемой “революционной чистоты”»

⁴⁴ Королев Ю.Н. Ук. соч. – С. 130-135.

или узости мышления дарить противнику союзников»⁴⁵. Он считал также, что ни PS, ни PC «в отдельности не могут претендовать на руководство судьбами страны», а его написанное 6 февраля 1973 г. «Письмо к Карлосу Альтамирано» пронизано трагическим пониманием грядущей опасности и призывает забыть о своих разногласиях, сплотиться вокруг фигуры президента и правительства⁴⁶. Но в итоге судьбу коалиции решили революционные догматики, взявшие верх в PS.

С. Альенде не был ни сторонником диктатуры пролетариата, ни апологетом революционного насилия и ожесточенной классовой (тем более партизанской) борьбы с ее неизбежным расколом общества и риском гражданской войны. Тем не менее, занимаясь в молодости вопросами социальной медицины, он считал, что социальные проблемы, наиболее драматической из которых является бедность, порождены всей экономической системой современного общества, несправедливостью распределения национального богатства. Преодоление бедности, согласно его концепции, было возможно только в результате кардинального изменения этой системы, глубокой, но мирной трансформации общества, в которой главная роль отводилась максимальному усилению государственного сектора в экономике⁴⁷.

В своей программе правительство обещало народу мирную социалистическую революцию с «хлебом и вином», в ходе которой государство, поддержанное политической активностью масс, станет главным актором социально-экономических изменений и примет на себя всю ответственность за реализацию идеи социальной справедливости.

Следует отметить, что к 1970 г. в Чили уже существовал достаточно влиятельный государственный сектор в сфере услуг, транспорта, сельском хозяйстве, а государственный протекционизм являлся неотъемлемой и

⁴⁵ Там же. С. 84-85.

⁴⁶ Corvalan L. Tres períodos en nuestra línea revolucionaria. – Dresden: Verlag Zeit im Bild, 1982. – P.127-128.

⁴⁷ Лаврецкий И.Р. Сальвадор Альенде. – М.: Молодая гвардия, 1974. – С.44.

привычной частью как национальной экономики, так и системы социального обеспечения. Государственное обеспечение играло ведущую роль в здравоохранении, где доля частного сектора была достаточно ограниченной, и в образовании, где государственное финансирование распространялось на ряд университетов и большинство учреждений начального и среднего уровня. Государственной была также система социального страхования и пенсионного обеспечения, основанная на принципе административного распределения пособий и пенсий.

Традиционно большим влиянием в социально-политической жизни и широкими полномочиями пользовались профсоюзы, защищавшие права рабочих, особенно в случае забастовок и увольнений. Действовала разветвленная сеть низовых социальных организаций, активность которых повысилась в годы президентства Э. Фрея. Таким образом, к моменту прихода к власти правительства С. Альенде чилийское общество пользовалось многими плодами «социального государства».

Однако новое правительство не ставило своей целью улучшение уже существующей системы и постепенное преодоление ее недостатков. Лейтмотивом деятельности было принципиальное изменение отношений собственности в чилийском обществе, максимальное усиление организаторской, управляющей и контролирующей роли государства.

В соответствии с этой стратегией главными направлениями преобразований в 1970-1973 гг. стали: принципиальное увеличение доли государственного сектора в ведущих отраслях экономики, национализация меднорудной промышленности (закон о национализации меди был принят в 1971 г.), ускорение темпов и расширение масштабов аграрной реформы, начатой предшествующим правительством Э. Фрея. В социальном плане предполагалось унифицировать и распространить на всех трудящихся систему государственного социального страхования и бесплатного здравоохранения, расширить сеть профсоюзов. Правительство намеревалось

также развивать низовые социальные организации различного профиля, стремясь к политической активизации широких слоев населения⁴⁸.

Эти планы были направлены на существенное улучшение условий жизни большинства чилийцев и построение более справедливого общества. Тем не менее, революционный реформизм правительства Альенде привел не к выравниванию, а к обострению глубоких социальных противоречий, что имело трагические последствия.

Огосударствление экономики страны за период 1970-1973 гг. происходило с колоссальным размахом: доля государства в транспортной отрасли составила 70%, в финансовой сфере – 85%, в СМИ – 70%, в сфере услуг – 100%. Общее количество государственных предприятий в промышленности увеличилось с 14% в 1965 г. до 40% в 1973 году⁴⁹. Рабочие и профсоюзы, находившиеся под влиянием MIR и левых радикалов в Народном единстве, требовали ускорения темпов и расширения масштабов национализации. Однако без необходимых подготовительных шагов управление стремительно разраставшимся госсектором оказывалось неэффективным, влекло за собой падение производства (особенно в меднорудной промышленности), рост задолженности предприятий.

Важнейшее место в реализации намеченной программы занимала аграрная реформа. В течение первых шести месяцев ее проведения правительство С. Альенде экспроприировало 1,5 млн га земли - т.е. половину того, что успело правительство Э. Фрея за все 6 лет пребывания у власти. При этом вопреки первоначальным обещаниям правительства, размер земельного участка, не подлежащего изъятию, был уменьшен вдвое (с 80 га до 40 га)⁵⁰. Быстрые темпы экспроприации, отказ от выплаты компенсаций и поддержка ультралевых крестьянских организаций (созданных MIR при

⁴⁸ Sosa I. *Conciencia y proyecto nacional en Chile (1891-1973)*. – Mexico: UNAM, 1981. – P. 231.

⁴⁹ Morandé F. *Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile*. – Buenos Aires: CIEDLA, 1993. – P. 11.

⁵⁰ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Ук. соч. – С.138.

попустительском отношении властей), спровоцировали многочисленные акции насилия и самозахваты земли, которые после 1971 г. приобрели массовый характер и во многом оттолкнули от правительственных начинаний не только крупных, но и средних земельных собственников⁵¹.

Основные принципы аграрной реформы, намеченные в годы президентства Э. Фрея – постепенность, выплата компенсаций, контроль – были нарушены, и процесс приобрел радикальный, неуправляемый характер. В итоге аграрная проблема не была решена, а непродуманность мер привела к эскалации насилия и декапитализации сельского хозяйства⁵².

В социальном плане правительство предприняло ряд шагов, которые первоначально способствовали улучшению условий жизни бедных слоев и росту популярности Народного единства. Увеличилась доступность услуг образования и здравоохранения для беднейших групп населения⁵³; была повышена зарплата рабочим госпредприятий, которую правительство обязывалось индексировать; сократилась безработица; был установлен государственный контроль над ценами на основные продукты питания⁵⁴.

В то же время, резкое увеличение государственных расходов на социальные проекты, на фоне начавшегося с 1972 г. резкого ухудшения экономических показателей, падения мировых цен на медь, сокращения ВВП (на 5,6% в 1973 г.), привели к росту дефицита госбюджета. Финансовая помощь крупнейших американских и мировых банков Чили была практически прекращена, что означало экономический бойкот страны⁵⁵.

Серьезной проблемой стали перебои в снабжении населения основными товарами широкого потребления, очереди и формирование незнакомого чилийцам дефицита и «черного рынка». Вместо политики

⁵¹ Garrido R.J., Guerrero Y.C, Valdés S.M. Historia de la reforma agraria en Chile. – P. 139-140.

⁵² Bitar S. Chile. Experiment in Democracy. – Philadelphia: ISHI Publications, 1986. – P. 118-119.

⁵³ Bitar S. Op. cit. – P. 124.

⁵⁴ Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. – М.: Дрофа, 2002. – С. 255; Morandé F. Op. cit. – P. 9.

⁵⁵ Bitar S. Op. cit. – P. 92.

сокращения социальных расходов правительство было вынуждено прибегнуть к денежной эмиссии, и в сентябре 1973 г. инфляция составила 605%, (по сравнению с 29% в 1969 г.), а цены на некоторые товары выросли на черном рынке на 750%⁵⁶.

Экономический кризис, катастрофическая инфляция, нехватка продуктов питания совпали с ростом массового недовольства действиями правительства, многочисленными забастовками и маршами протеста, в которых принимали участие рабочие национализированных предприятий, мелкие собственники (например, владельцы грузовиков), средние слои чилийского общества («марши пустых кастрюль», организованные домохозяйками).

Огромные социальные ожидания населения оказались не реализованы, обещание мирной и быстрой революции обернулось политическим хаосом, а идея социальной справедливости – попытками самовольного захвата земельной собственности и промышленных предприятий, а также глубоким экономическим кризисом. Радикальные меры, быстрые темпы преобразований не только не принесли ни большего равенства, ни позитивных экономических изменений, но окончательно оттолкнули от социалистического проекта средние слои. Во многом именно разочарование и недовольство широких слоев общества, а не только вероломство военных при поддержке правых партий, предопределили трагический финал правительства С. Альенде.

Крах социалистического проекта и политики Народного единства был обусловлен целым комплексом причин: экономической несостоятельностью и неэффективностью, неблагоприятным влиянием мировой экономической конъюнктуры (особенно – падением мировых цен на медь), жесткой реакцией внутренних оппозиционных сил, от ультраправых до умеренно-демократических, готовых (к лету 1973 г.) пожертвовать правительством и пойти на «интервенцию военных». Неспособность Народного единства

⁵⁶ Morandé F. Op. cit. – P. 7.

адаптироваться к новой ситуации (в условиях явной угрозы военного переворота, отмечаемой многими), найти приемлемый компромисс с умеренной частью оппозиции, пойти на переговоры тогда, когда это было еще возможно, позднее называли одной из трагических ошибок Альенде даже его соратники (например, экс-министр Серхио Битар)⁵⁷.

Безусловно, серьезную роль в судьбе Народного единства сыграл и внешний фактор: международная обстановка «холодной войны» и позиция США, стремившихся любой ценой не допустить повторения кубинского примера, прибегнувших к помощи ЦРУ и политике экономического и финансового бойкота Чили (что было известно современникам, близким к кругам Альенде⁵⁸, и о чем свидетельствуют позднейшие документы, рассекреченные и проанализированные уже после 1973 года)⁵⁹.

Американские спецслужбы постоянно, особенно интенсивно с начала 1960-х годов., отслеживали внутреннюю обстановку в стране, настроения в армии и различных слоях общества, в высшем военном командовании⁶⁰. Чилийские офицеры (в том числе Пиночет) проходили спецподготовку на военных базах США в зоне Панамского канала, американские советники работали в чилийских ВС. Наличие психологической, пропагандистской, финансовой, а при необходимости, и военной поддержки, укрепляло уверенность организаторов государственного переворота⁶¹.

Тем не менее, спор о соотношении внутренних и внешних факторов в чилийской трагедии не завершен до сих пор.

Представляется, что при всей значимости внешних обстоятельств, наиболее трагическую роль сыграл раскол внутри самих левых сил,

⁵⁷ Bitar S. Op. cit. – P. 169.

⁵⁸ Ibid. – P. 134, 170.

⁵⁹ Блум У. Убийство демократии. Операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. – М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», 2013. – 706 с.; Kornbluch P. Pinochet: los archivos secretos. – Barcelona: Ed. Crítica, 2013 – 395 p.

⁶⁰ Блум У. Ук. соч. – С.318-325; Kornbluch P. Op. cit. – P. 69-111.

⁶¹ González E.F. Dual transitions from authoritarian rule. Institutionalized regimes in Chile and Mexico. 1970-2000. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2008. – P.22-23.

политическая рассогласованность, отсутствие взаимопонимания и общности позиций по ключевым вопросам – о масштабах, темпах и последствиях проводимых преобразований. Именно ультралевые позиции «своих», вместе с возрастающим давлением и недовольством «снизу», со стороны политизированных беднейших слоев, требовавших ускорения темпов реформ, стали основной причиной политического коллапса и кризиса власти, общей неудачи «социалистического проекта» и, во многом – той трагедии, которую пережила страна в 1973 году. К разряду важных, но не всегда отмечаемых внутренних причин можно добавить и укорененность в широких слоях чилийского общества своеобразной трудовой этики, с ее традиционными принципами уважения к частной собственности, труду и заработку, экономии и предпринимательству – то есть именно к тем жизненным основам, разрушение которых явилось катастрофической ошибкой политики Народного единства.

Но точнее и правдивее всего о собственных трагических просчетах рассказали впоследствии, уже находясь в эмиграции, сами чилийские коммунисты. На страницах известного журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в советские годы в Праге, лидеры РС – В. Тейтельбойм и Л. Корвалан – не снимая с себя личной ответственности, подвергли беспощадной критике свои иллюзии, неверную оценку ситуации, губительный сектантский радикализм ближайших соратников. Многие из их размышлений заслуживают пристального внимания и актуальны до сих пор – особенно в том, что касается проблемы рисков современной демократии.

«Действия блока [Народное единство] были парализованы, руки его связаны, он вел нескончаемые, бесполезные дискуссии»⁶² – писал В. Тейтельбойм в 1974 г., отмечая «отсутствие единой и последовательной стратегии и тактики, четкого плана полного завоевания власти в стране». Неудачное государственное руководство, толкнувшее на сторону реакции

⁶² Тейтельбойм В. Прелюдия грядущих побед // Проблемы мира и социализма. – 1974. – № 3. – С.58.

средние слои в условиях нарастающего общественного недовольства и подготовки переворота, называл главной ошибкой политики Народного единства и Л. Корвалан⁶³.

Лидеры РС вынуждены были признать, как губительно недооценивались руководством Народного единства некоторые особенности собственной страны, как глубоко укоренилась в сознании вера в незыблемость прежних политических институтов (об этом же писал еще до 1973 г. и Э. Фрей, рассуждая о «стабилизирующей» роли политических партий). Но одним из главных исторических просчетов всех центристских сил (представленных как PDC, так и умеренными в рядах РС и PS), стало, как подчеркивал В. Тейтельбойм⁶⁴, избыточное доверие к военным: «надежды на профессионализм вооруженных сил, их верность Конституции. Считалось, что хотя бы часть их останется на стороне законного правительства», они не выйдут за конституционные рамки (что было принципиальным для Альенде), или совершат «кратковременную интервенцию», но быстро вернуться на «позицию арбитра» (как считали христианские демократы). Трагедия же ситуации 11 сентября заключалась том, что армия практически монолитно, за небольшими исключениями, поддержала военный переворот и установление военного режима, почти не встретив активного сопротивления со стороны других политических сил и широких социальных слоев (что во многом объяснялось растерянностью общества перед демонстративной жестокостью самой акции).

Примечательно, что первые сигналы, свидетельствующие о будущей опасности, появились в самом начале деятельности Альенде, задолго до сентябрьских событий 1973 года.

22 октября 1970 г., накануне итогового голосования в Конгрессе по кандидатуре президента С. Альенде, был убит главнокомандующий

⁶³ Корвалан Л. Невооруженный путь революции: как он сложился в нашей стране. Об уроках событий в Чили // Проблемы мира и социализма. – 1978. – № 1. – С.22.

⁶⁴ Тейтельбойм В. Ук. соч. – С.58.

сухопутными силами генерал Рене Шнейдер, сторонник политического нейтралитета ВС, верности Конституции и демократическим традициям. («Я буду защищать конституционный порядок до конца», - заявил генерал незадолго до своей смерти)⁶⁵. Его убийство организовали близкие ультраправым группам военные круги, стремившиеся дестабилизировать ситуацию и не допустить прихода к власти Народного единства. В тот момент заговорщики добились обратного результата, а преемником Р. Шнейдера на посту главкома сухопутных войск стал генерал Карлос Пратс – одна из самых достойных фигур в истории чилийских ВС.

Убежденный последователь «доктрины Шнейдера», К. Пратс отстаивал позиции демократии, лояльности конституционному порядку и невмешательства военных в политическую жизнь. В ноябре 1972 г. С. Альенде, стремясь расширить социальную базу Народного единства и заручиться поддержкой военных, ввел в правительство командующих тремя родами войск; генерал Пратс получил важнейший пост министра обороны. В качестве министра К. Пратс, представлявший масштабы надвигающейся опасности, высказывался против политики бесконтрольной экспроприации и огосударствления, за ограничение масштабов аграрной реформы, за переговоры и союз с христианскими демократами⁶⁶. Эта позиция встретила резкое неприятие левых радикалов в PS во главе с К. Альтамирано, которые потребовали выхода военных из правительства. С. Альенде был вынужден пойти на этот шаг, а затем принять отставку К. Пратса, считавшего себя дискредитированным и в армии, и в обществе, с поста командующего сухопутными войсками. На этот пост по его рекомендации в августе 1973 г. был назначен 58-летний генерал А. Пиночет.

К моменту своего назначения Аугусто Пиночет Угарте (1915-2006) прошел все ступени службы обычного сухопутного офицера, преподавал в 1954-1968 годах в Военной академии, был автором учебников по географии

⁶⁵ Ramírez Necóchea H. Op. cit. – P. 73.

⁶⁶ Bitar S. Op. cit. – P. 139-141

нескольких латиноамериканских стран и военной истории. Трижды проходил стажировку в американском центре военной подготовки в зоне Панамского канала, тесно общался с представителями спецслужб.

Во время своей службы на посту начальника столичного гарнизона (на который он был назначен правительством Народного единства в 1971 г.), затем – на посту начальника генштаба, А. Пиночет зарекомендовал себя как человек, лояльный конституционному строю, и пользовался личным доверием президента Альенде. 29 июня 1973 г. вместе с К. Пратсом он участвовал в подавлении первой, неудачной, попытки восстания военных, недовольных экономической политикой Народного единства (носившей мирный характер и получившей название «tanquetazo»). Президент простил мятежников, но это протестное выступление в обстановке непрекращающихся забастовок и демонстраций среднего класса было предвестником серьезной угрозы. Вопрос о возможности настоящего военного переворота перестал казаться абсурдным, о чем неоднократно предупреждали президента наиболее дальновидные соратники, в том числе и К. Пратс.

Трагизм момента заключался в том, что в сложившейся опасной ситуации именно генерал Пиночет представлялся и Пратсу, и Альенде наиболее надежной фигурой для важнейшего в ВС поста главнокомандующего сухопутных войск. Через 18 дней после своего назначения А. Пиночет возглавил государственный переворот, который был осуществлен как продуманная, хорошо спланированная военная операция, предполагавшая взаимодействие всех родов войск – армии, ВВС и флота, главнокомандующими которых генерал и адмирал Г. Ли и Х. Ториббио Мерино в значительной степени являлись и основными разработчиками этого шага. (Впоследствии они вошли в состав сформированного Пиночетом правительства).

С. Альенде застрелился при штурме президентского дворца Ла Монеда, успев обратиться по радио к соотечественникам с прощальной речью, в которой говорил о своем отказе покинуть президентский пост. Понимая

масштаб военной операции и неизбежность колоссальных жертв в случае вооруженного конфликта, президент не призывал сограждан к восстанию и до конца сохранил верность своим принципам мирной политики.

Итоги и опыт правительства С. Альенде, а также его личность и собственная позиция, вызывали и продолжают вызывать различные оценки и мнения – от увлечения революционным романтизмом со стороны убежденных сторонников до жесткой критики за волюнтаризм со стороны идейных противников, а также за наивные надежды и просчеты – со стороны бывших соратников. «После переворота стало ясно: Чили нуждается в более демократическом правовом государстве, нежели то, которое было уничтожено хунтой. Такое государство должно уметь защищаться», – констатировал, размышляя об уроках социалистического проекта, В. Тейтельбойм⁶⁷.

Если рассматривать политическую практику и результаты деятельности Народного единства в более широком, мировом и временном, контексте, то становится еще более очевидно, что демократическое государство очень уязвимо, особенно со стороны своих собственных внутренних критиков и оппонентов. Но главный вывод из событий 1970-1973 гг. заключается в том, что ставка на революционный радикализм в политико-социальной сфере, стремление изменить все быстро и кардинально, односторонний взгляд на сложившиеся социальные и экономические отношения нередко приводят к трагическим ошибкам. Этот взгляд свойственен в основном сторонникам политических крайностей (как левым, так и правым), не желающим или не умеющим считаться со сложностью, противоречивостью и многогранностью общественной жизни. Как правило, неудача революционных проектов активизирует ультраправые, антидемократические силы, которые стремятся утвердить в обществе

⁶⁷ Тейтельбойм В. Ук. соч. – С . 57.

жесткий порядок, восстановить нарушенную консервативную традицию, но делают это, уже не считаясь ни с какими потерями.

Тем не менее, самые противоположные взгляды в отношении Народного единства совпадают все-таки в одном: каким бы радикальным ни оказался на практике социалистический проект, какие бы просчеты ни сопутствовали деятельности социалистов и коммунистов, но конец длительного периода чилийской демократии оказался избыточно трагичен, а человеческая и политическая цена «восстановления порядка» – слишком высока.

II. 4. Правоавторитарный военный режим А. Пиночета (1973-1990). Проект неолиберальной модернизации.

11 сентября 1973 г. генерал Аугусто Пиночет, при поддержке высшего командования всех родов войск, совершил государственный переворот, сместил правительство Народного единства и установил один из самых репрессивных и жестоких – даже для Латинской Америки – военных режимов. Современникам в момент переворота трудно было осознать, что вместе с падением правительства Народного единства и гибелью президента С. Альенде закончился благополучный и стабильный, несмотря на все противоречия, демократический период в истории страны, и начался новый – 17-летнего «пиночетовского» правления.

Военный переворот 11 сентября и предательство вооруженных сил, пошедших (вопреки надеждам многих современников) на свержение законной демократической власти, продолжают вызывать размышления и дискуссии о внутренних причинах, подтолкнувших военных к нарушению многолетней демократической традиции и выходу за рамки Конституции.

Необходимо отметить, что, помимо очевидных, рационально-объяснимых обстоятельств (поддержка ЦРУ и правоконсервативных групп, раздражение политикой Альенде и т.д.), важнейшую роль сыграло глубокое

внутреннее убеждение военных в своем *праве* на подобное вмешательство, являвшееся частью определенного самосознания. В этом смысле военный переворот А. Пиночета был для Чили явлением глубоко трагическим, но, тем не менее, в каком-то смысле «вписывающимся» в политическую традицию.

Специфика этой традиции состояла в том, что наряду с описанной выше демократической, гуманистической составляющей, предполагавшей многопартийность, политический плюрализм, умение политических игроков договариваться и достигать компромиссов, здесь всегда существовало признание особой роли, даже «особой исторической миссии» армии в сохранении общественного порядка. Формированию идеи «особой миссии армии» в чилийской политической культуре способствовал целый комплекс исторических обстоятельств⁶⁸.

Чилийские вооруженные силы были созданы в ходе Войны за независимость от Испании (1810-1818). В XIX в. чилийская армия и флот, организованные и обученные по наиболее современным для своего времени образцам, не знали поражений, не проиграли ни одной военной кампании, а девизом сухопутных сил стали слова «Всегда победитель и никогда – побежденный». В результате победы в кровопролитной Тихоокеанской войне против Перу и Боливии (1879-1883) Чили приобрела 120 тысяч квадратных км новых земель, богатых селитрой и медью, и стала лидером на Тихоокеанском побережье⁶⁹. Победа содействовала консолидации чилийской нации и одновременно заложила основы многолетнего конфликта с Боливией, навсегда потерявшей выход к морю⁷⁰.

В конце XIX в. сухопутные силы под руководством специально приглашенных в Чили немецких офицеров были реорганизованы по

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2013. – С.60-72. Она же. Роль вооруженных сил Чили в политике страны // Экспорт вооружений. – 2009. – № 1. – С.7-15.

⁶⁹ Guzmán A. Historia de Bolivia. – Cochabamba-La Paz: Los amigos del libro, 1981.– P. 222; Томас А.Б. История Латинской Америки. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С.351-359.

⁷⁰ Подробнее об этом см.: Diyakova L. Conflicto marítimo boliviano-chileno: antecedentes y perspectivas de arreglo // Iberoamérica. – 2017. – N 2. – P.124-147.

прусскому образцу⁷¹, была создана сеть высших и средних военных учебных заведений. В чилийской армии, подготовленной немецкими офицерами, насаждался культ германской военной дисциплины, был принят германский церемониал, усиленно культивировалось представление о принадлежности офицеров к особой исключительной касте, служащей обществу, но находящейся, в то же время, несколько «над» ним. К концу XIX в. это была одна из самых многочисленных и дисциплинированных армий Латинской Америки, но ее специфический корпоративный менталитет в чилийских условиях стал основой неоднозначной традиции, перешедшей и в XX век⁷².

Примечательно, что «германизация» коснулась только сухопутных сил. Флот же со времен Войны за независимость, в которой принимали участие английские морские офицеры, был организован по британскому образцу. Здесь и в последующие годы сохраняла свое влияние английская морская традиция (с ее акцентом на специальной символике, особом церемониале и не менее сильным, чем в германском варианте, культом кастового сознания)⁷³.

На фоне успешного формирования хорошо обученной, четко структурированной армии, одержавшей ряд военных побед, стала проявляться и вторая – внутренняя – роль чилийских ВС. Возникла и укрепилась идея «особой миссии военных» по защите внутренней безопасности страны, «спасению конституционного порядка» в критические моменты национального развития. Насаждавшаяся кастовость и элитарность самосознания военных, подкрепленная ореолом победителей в Тихоокеанской войне, высокое положение офицеров в социальной структуре чилийского общества, сформировали убеждение в их естественном праве периодически вмешиваться в политику, выступая в роли «арбитра».

⁷¹ Apuntes sobre la historia del Ejército de Chile. – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales, 1988. – P.18, 21.

⁷² Ramírez Necóchea H. Fuerzas Armadas y política en Chile (1810-1970): Antecedentes para una historia. – Mexico: Casa de Chile, 1984. – P. 47.

⁷³ Ibid. – P. 57.

Формально ВС подчинялись президенту, который являлся их главнокомандующим, но в спорных случаях ВС имели право апеллировать и к Конгрессу, который мог наложить вето на решение президента⁷⁴. Такое двойственное положение, закрепленное в Конституции 1833 г. и перешедшее впоследствии в Конституцию 1925 г., давало ВС определенную автономию, право ориентироваться на высшую палату Конгресса, если их не устраивала политика президента.

Частью исторического опыта страны стала память о жестоком гражданском конфликте 1891 г., антипрезидентском мятеже морских офицеров, опиравшихся на поддержку Конгресса, и гибели президента-реформатора Х.М. Бальмаседы. Сухопутные части, сохранившие верность правительству, потерпели поражение. Этот сюжет, включая самоубийство президента, во многом повторился и в 1973 г., однако у С. Альенде уже не было поддержки сухопутных войск.

Еще в конце XIX в. проявились значительные противоречия (социальные, а впоследствии идеологические и политические), между офицерским составом сухопутных сил, представляющим достаточно массовые слои общества, и офицерами флота – выходцами из чилийской аристократии, влиятельных и богатых семей страны. Это обстоятельство во многом объясняет жесткую позицию флота в самые трагические моменты чилийской истории, в конфликте 1891 г. и в подготовке военного переворота 1973 г., когда реформистская политика президентов расшатывала (с точки зрения военных и их сторонников) сложившиеся отношения собственности, политический порядок и стабильность. В то же время, морские офицеры, даже занимая антиправительственную позицию, впоследствии стремились отмежеваться от репрессивных полицейских действий в отношении общества и политических противников, считая это недостойным их предназначения.

В рядах сухопутных офицеров (особенно младших и средних, выходцев из широких слоев общества) постепенно в большей степени

⁷⁴ Ibid. – P. 61.

укоренилась демократическая тенденция поддержки социалистических идей, особенно заметная в период 1924-1932 гг., характеризующейся общей неустойчивостью политической системы, внутренними кризисами и подъемом протестного движения, в котором участвовала и часть революционно настроенных военных.

В 1932 г., вместе с повторным избранием на пост президента либерала А. Алессандри (1932-1938), был восстановлен конституционный порядок, и до 1973 г. в Чили утвердился стабильный демократический режим, в ходе которого был взят курс на постепенную деполитизацию вооруженных сил и превращение их в нейтральный профессиональный институт, защищающий законно избранную власть.

Чилийским политикам, даже самым проницательным и дальновидным, подобно Э. Фрею, казалось, что этот курс, вместе с традицией политического плюрализма, многообразной и активной деятельностью политических партий, развитым социальным реформизмом и активностью гражданского общества – надежная защита от военной диктатуры. Однако реальная политическая практика 1970-х годов оказалась иной.

Таким образом, к началу прихода к власти А. Пиночета в чилийской политической культуре сосуществовали две важнейшие особенности. Одна была обусловлена успехами и достижениями демократического развития, парламентаризмом, политическим плюрализмом, социальным реформизмом, активной ролью политических партий, регулярными выборами, к которым всегда возвращалось общество, пережив периоды авторитарного правления. Неотъемлемой частью этого пространства являлось гражданское общество, с его разветвленной сетью низовых социальных связей, культурой взаимопомощи и солидарности, практикой обустройства повседневной жизни своим собственным трудом.

Другая особенность была связана с высоким социальным статусом и специфическим самосознанием военных, их глубоко укоренившимся представлением о своем особом предназначении быть «защитниками порядка

и внутренней безопасности». Чилийские военные никогда не были сторонними наблюдателями хода национальной истории. Напротив, на протяжении длительного периода они являлись активным и самостоятельным действующим лицом на политической сцене, выдвигали из своих рядов яркие, сильные фигуры, занимали политические посты, участвовали в создании партий, предлагали собственные, иногда – весьма обоснованные и прагматичные (К. Ибаньес), при всей их директивности, иногда – радикально-утопические (М. Грове), проекты развития.

В этом контексте военный переворот А. Пиночета не являлся абсолютно неожиданным и бессмысленным мятежом отдельных армейских частей, вызванным лишь трагическим стечением обстоятельств. Со своим протестом и проектом развития выступила сила, всегда считавшая себя неотъемлемой частью общества, его защитницей и опорой в условиях, когда все другие институты, призванные поддерживать равновесие и порядок – государство, политические партии, элиты и лидеры, – оказывались беспомощны или пассивны.

Однако принципиальная новизна момента состояла в том, что в этот раз военные вмешались в политическую жизнь не только предельно жестко и бескомпромиссно, не только абсолютно безжалостно по отношению к гражданскому населению, но пришли надолго. Никогда до 1973 г. «политические интервенции» ВС не приводили к столь жестокому авторитарному режиму, не влияли так кардинально на общество, не расправлялись так последовательно и цинично со своими политическими противниками. Военные прошлых лет всегда действовали в рамках сложившейся и характерной для данного временного этапа системы ценностей (и политических, и общечеловеческих), не выходя за определенную грань «допустимого» насилия, не приводя к трагическому расколу общества.

11 сентября 1973 г. армия также, казалось бы, сыграла привычную роль арбитра – но, в отличие от прежних «интервенций», традиция

демократического развития Чили была прервана на целых 17 лет, и задаче ее восстановления вместе с возрождением нормальной политической жизни было подчинено целое десятилетие деятельности постпиночетовских правительств.

Внутренний смысл правоавторитарного военного режима А. Пиночета (1973-1990) – самой трагической страницы в истории Чили – можно определить как осуществление неолиберальной экономической модернизации в условиях беспрецедентного для национальной традиции ограничения общественной свободы.

В то же время, на протяжении 17 лет своего существования военный режим не был абсолютно однородным ни в политическом, ни в экономическом плане⁷⁵. На первом, наиболее репрессивном, этапе (1973-1980) его главной целью было не допустить возможного сопротивления политических противников, нейтрализовать оппозицию, убрать наиболее опасные фигуры левого движения.

Военный переворот приостановил деятельность либеральной Конституции 1925 г. и передал всю власть хунте (состоявшей из командующих родами войск и главы корпуса карабинеров). Однако реальное лидерство и вся полнота власти принадлежали генералу Пиночету, а конституционную роль до 1980 г. (принятия новой Конституции) выполняли специально издаваемые под его личным контролем законы и декреты («Конституционные акты»).

Позиция хунты была изложена в многочисленных речах и выступлениях самого Пиночета. Обвиняя либеральную демократию в слабости, неумении защищать свои ценности, терпимости к популистской демагогии своих злейших противников, генерал стремился обосновать и

⁷⁵ Дьякова Л.В. Чилийская модель развития. Демократия и авторитаризм // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С.78-94. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. – С. 73-100.

легитимировать в глазах общества жестокость военного переворота и последующих политических репрессий. Он утверждал, что «традиционная демократия несет в себе самой зародыш собственного разрушения», а политическая система, созданная либеральной Конституцией 1925 г., оказалась уязвима и бессильна перед лицом «тоталитарного марксизма» и радикального политического насилия, приходящего под лозунгами мирной социальной революции и всеобщего равенства. С точки зрения Пиночета, «экономический, политический, социальный и моральный хаос», к которому привел страну режим С. Альенде, наглядно продемонстрировал крах не только правительства Народного единства, но всей системы традиционных либеральных ценностей⁷⁶.

Одновременно новый режим стремился продемонстрировать, что пользуется поддержкой не только правоконсервативной части общества, оказавшейся под угрозой в годы правления Альенде, но и широких социальных групп – в том числе городских средних слоев (мелких собственников, служащих, домохозяек), уставших от гиперинфляции, забастовок и товарного дефицита. Тяга к охранительной тенденции обывателей, традиционно умеренно или индифферентно настроенных групп населения, означала, что военные, особенно в начале, имели существенную социальную опору, которая подкреплялась идеологически. «Настоящая стабильность политического режима, – писала в 1974 г. правая газета “Эль Меркурио”, – зиждется на убеждении, что нет лучшей альтернативы, чем та, которую нам предлагает правительство»; что «наилучший консенсус состоит в том, чтобы поддерживать существующий порядок», основанный на «единстве людей в форме и гражданских организаций»⁷⁷.

Апеллируя к христианским ценностям, необходимости «восстановления порядка» и спасения родины от «марксистской угрозы»,

⁷⁶ Pinochet: Patria y Democracia. – Santiago de Chile: Ed. Andres Bello, 1983. – P. 13.

⁷⁷ Zelman H.M. Chile: el regimen militar, la burguesía y el estado. (Panorama de Problemas y situaciones 1974-1987). – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales AVANCE, 1987. – P.12.

военные в самые короткие сроки подавили всю традиционно богатую и многообразную политическую жизнь страны. Особое раздражение новой власти вызывали партии с их плюрализмом мнений, приверженностью политической свободе, способностью вступать в коалиции и союзы.

В 1973-1977 гг. была запрещена деятельность всех политических партий и движений, хотя бы частично выступающих против политики военного правительства. Сторонники бывшего президента С. Альенде, видные левые и левоцентристские политические деятели, все представители оппозиционных сил, жестоко преследовались. Вне закона оказались в первую очередь PS и PC, близкие им левые организации; их лидеры и активисты были арестованы, подвергнуты пыткам, многие погибли. (Радикально-революционная организация MIR в 1973-1980 годах потеряла 250 своих наиболее активных участников, а ее генеральный секретарь Мигель Энрикес погиб в 1974 году)⁷⁸. Преследования затронули профсоюзных деятелей, журналистов левой ориентации, университетских преподавателей и студентов. Те, кто могли спастись, эмигрировали вместе со своими семьями. Всего из Чили в этот период уехало до 1 млн эмигрантов (при населении около 10 млн человек)⁷⁹.

Масштаб и жестокость репрессий в стране с глубокими демократическими традициями повергли в шок даже не сочувствующих Народному единству современников не только в Чили, но и в других странах, особенно в Западной Европе⁸⁰. Специальные расследования, проведенные уже после восстановления демократии, к 1993 г. официально подтвердили гибель 3 тыс. человек; к 2011 г. общее число пострадавших – пропавших без вести, арестованных, подвергшихся пыткам и другим актам насилия –

⁷⁸ Moulian T. Chile actual: anatomía de un mito. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.174-176.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Evidence on the Terror in Chile /Comp. by Raul Silva. – London: Merlin Press, 1974. – 139 p.

выросло до 40.289 человек⁸¹. По данным некоторых современников, жертв было во много раз больше – до 155 тыс. человек⁸². Однако подтвердить эти цифры с помощью документов уже практически невозможно. (Неясность в решении этой проблемы является одним из наиболее трагических противоречий постпиночетовского развития страны)⁸³.

Особенно жестокими были нарушения прав человека в 1973-1976 годах. Военным режимом была создана специальная служба безопасности – Dirección de Inteligencia Nacional (DINA), под руководством генерала Мануэля Контрераса⁸⁴, одной из задач которой было уничтожение известных оппозиционных политиков и военных не только внутри, но и за пределами Чили, в эмиграции. Преследования политических эмигрантов-антипиночетистов осуществлялись в рамках операции «Кондор», проводившейся совместно спецслужбами Чили, Аргентины и Уругвая. (Значительный международный резонанс получило убийство в США бывшего министра иностранных дел в правительстве Альенде – Орландо Летельера, убийство в Буэнос-Айресе бывшего командующего сухопутными силами генерала Карлоса Пратса и его жены; покушение в Риме на лидера левых христианских демократов, известного политика Бернардо Лейтона). Подробности осуществления внешнеполитических операций DINA (в том числе и менее известных), к которым привлекались секретные агенты-киллеры, впоследствии были восстановлены по документам⁸⁵.

В 1977 г. была запрещена PDC, долго занимавшая осторожно-противоречивую позицию в отношении военного режима. Первоначально

⁸¹ Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (fecha de acceso 20.11.2012).

⁸² Canobbio M. Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política 1920-1994. – P. 288

⁸³ Stern S.J. Reckoning with Pinochet. The Memory Question in Democratic Chile. 1989-2006. – London: Duke Univ. Press, 2010. – 548 p.

⁸⁴ Под этим названием организация существовала до 1977 г., когда была переименована в CNI – Национальный информационный центр (Centro Nacional de Informaciones).

⁸⁵ Kornbluch P. Pinochet: los archivos secretos. – P. 129-133; 215-240.

центристское и правое крыло христианской демократии во главе с Э. Фреем поддержало военных, считая их приход кратковременной мерой, и призвало общество с пониманием отнестись к необходимости выхода из критической ситуации, в которой оказалась страна в результате безответственной политики левой коалиции. Как отмечает Т. Моулиан, PDC надеялась, что «военные быстро сделают всю грязную работу и оставят дом в чистоте»⁸⁶.

Выступая перед международной общественностью во время поездки по европейским странам, Э. Фрей, вопреки идейным принципам ненасилия и свободы, фактически оправдывал политику Пиночета, отстаивая право военных на восстановление порядка перед лицом хаоса⁸⁷. Несмотря на то, что в конце жизни он вынужден был признать ошибочность надежд на краткосрочную «политическую интервенцию» армии, стал писать о необходимости союза всех оппозиционных сил ради спасения демократии, двойственная позиция партии христианских демократов в момент переворота будет впоследствии неоднократно ставиться в вину и самой партии, и лично Э. Фрею. (Лидер PDC скончался в 1982 г., не дожив до начала демократизации. Впоследствии было доказано, что он по приказу Пиночета был убит в больнице).

Вместе с укреплением нового политического порядка во всех сферах жизни неизмеримо возросла роль военных, получивших исключительные полномочия и льготы, а также особый юридический и политический статус.

В 1978 г. был издан специальный «Закон об амнистии», согласно которому военные освобождались от ответственности за нарушения гражданских прав (т.е. за преследования, убийства и пытки политических противников), совершенные с 1973 по 1978 годы. Закон был подготовлен при непосредственном участии министра юстиции в 1977-1983 гг. Моники Мадариаги, ближайшей родственницы Пиночета, и впоследствии был квалифицирован Межамериканской комиссией по правам человека как акт

⁸⁶ Mouliau T. Op. cit. – P. 241.

⁸⁷ Богуш А.А., Щелчков Е.Ю. Ук. соч. – С.172.

самооправдания военных. Фактически «право на амнистию» распространялось на весь период существования режима. По ряду законов, внесенных в Кодекс военной юстиции в 1984 г., военные стали практически неподсудной кастой, получили привилегии в случае нахождения под следствием и широкие возможности для досрочного освобождения. Военные суды могли разбирать дела гражданских лиц, не считаясь ни с какими правилами судебного процесса, в то время как покушение на жизнь военного каралось смертной казнью. В период демократического транзита этот закон будет представлять важнейшее препятствие для достижения гражданского согласия в обществе.

В годы правления Пиночета значительно увеличились также материальные затраты на вооруженные силы, которые финансировались по специально установленным статьям бюджета и получали государственные дотации⁸⁸.

Особая роль военных, подтвержденная юридически, право контролировать власть на всех уровнях и регламентировать общественную жизнь, наряду с запретом политических партий и «зачисткой» политического пространства, стали основным итогом первого, наиболее репрессивного и жесткого, этапа пиночетовского режима.

С начала 1980-х гг. наблюдается постепенная ограниченная либерализация пиночетизма, поиск новых механизмов легитимации и новых инструментов взаимодействия с обществом⁸⁹.

В этот период озабоченный укреплением общественной поддержки Пиночет стал говорить о постепенном переходе к гражданскому правлению под контролем военных, и предпринимать меры для законодательного оформления «охраняемой», «защищенной» демократии (“*democracia protegida*”, согласно определению главного идеолога режима, юриста Хайме

⁸⁸ Зайонц А.А. Вооруженные силы Чили при Пиночете: самодостаточный организм? // Латинская Америка. – 2005. – № 5. – С. 30-31.

⁸⁹ González E.F. Dual transitions from authoritarian rule. Institutionalized regimes in Chile and Mexico. 1970-2000. – P.39-46.

Гусмана). В то время как либеральная демократия, «незащищенная от тоталитарных идеологий»⁹⁰, по-прежнему представлялась Пиночету исключительно ненадежной и вредной для общества конструкцией, медленные, очень осторожные, зачастую формальные и декларативные изменения свидетельствовали о начале этапа постепенного смягчения чилийского авторитаризма.

Важнейшим шагом на этом пути стало принятие в 1980 г. новой Конституции, проект которой начал разрабатываться с 1978 г. при участии Х. Гусмана. (Конституция была одобрена на национальном плебисците 67% голосов).

В соответствии с Конституцией Чили объявлялась президентской республикой с сильной исполнительной властью⁹¹. Гражданам формально предоставлялись основные демократические права, но деятельность политических партий и СМИ оставались под жестким контролем государства. Вне закона были объявлены левые партии и организации, вступившие на путь вооруженной (или открыто оппозиционной) борьбы с режимом. Кроме того, Конституция впервые предоставила военным право голоса и закрепила исключительную политическую роль армии в качестве гаранта институционального порядка. Предусматривалось создание Совета национальной безопасности как контрольного органа при президенте, без согласия которого он не может назначать и смещать главкомов родов войск и командующего Корпусом карабинеров. Совет обладал правом широко трактовать вопросы национальной безопасности и влиять на любой другой орган государственной власти, что означало законодательное закрепление особой роли ВС в политической системе страны. Для ближайших соратников Пиночета оговаривалось право после отставки становиться назначенными сенаторами с депутатской неприкосновенностью.

⁹⁰ Zemelman H.M. Op. cit. – P.14.

⁹¹ Constitución política de la República de Chile. Texto promulgado por el Decreto Supremo N1.150 del Ministerio del Interior 21 de octubre de 1980. – Santiago: Ed. Jurídica de Chile, 1981. – 96 p.

Сам же Пиночет назначался президентом страны еще на 8 лет (до 1988 г.), оставаясь одновременно главнокомандующим вооруженными силами. В случае отставки (как предполагалось, в далеком будущем) генералу предназначался пост пожизненного сенатора. Таким образом, авторитарный военный режим был законсервирован до 1988 года. По окончании этого срока, который считался достаточным для укрепления новой модели государства с сильной президентской властью («охраняемой демократии»), предполагалось провести референдум о продлении полномочий Пиночета и, в случае отрицательного результата (который казался в 1980 г. практически невозможным), – президентские выборы.

Конституция 1980 г. носила нелиберальный, авторитарный характер, была проникнута идеей защиты «государственного порядка» от «издержек» демократии⁹². Ее самые одиозные положения (Совет национальной безопасности, институт назначаемых и пожизненных сенаторов), названные впоследствии, уже в ходе демократизации, «авторитарными анклавом», ограничивали не реальную власть военной хунты, а деятельность будущего демократического правительства.

В то же время, принятие Конституции означало, что военный режим формально стремится действовать в рамках закона и постепенно, мирным путем, подчиняясь разработанной им самой логике компромисса, может уступить место гражданскому правительству. В 1980 г. этот путь был намечен лишь гипотетически: оставшиеся в живых оппозиционные лидеры находились либо в тюрьме, либо в изгнании, партии были под запретом, а сам режим еще не утратил ресурсов жизнеспособности. Однако сигнал,

⁹² Discurso presidencial 11 de marzo de 1981, pronunciado por el Presidente de la República, General del Ejército Don Augusto Pinochet Ugarte, con ocasión del inicio del período presidencial establecido en la Constitución Política de la República de Chile del año 1980. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-8100.html> (fecha de acceso 15.09.2016).

данный обществу, означал, что военное правление является все-таки *этапом* в развитии страны и, как всякий этап, не может длиться бесконечно.

Репрессивная политическая составляющая была одной из сторон деятельности военного правительства. Другой, важнейшей, стороной стали глубокие экономические реформы, заложившие основы новой модели национального развития и позволившие стране не только преодолеть тяжелейший кризис 1973 г., но и в относительно короткие исторические сроки органично вписаться в современную мировую экономику. Это противоречие – между репрессивной политической сущностью диктатуры, насильственными методами реформирования, и созданием в итоге успешной эффективной экономики – стало главным противоречием пиночетовского периода.

Для реализации новой экономической стратегии были привлечены эксперты-профессионалы, молодые чилийские экономисты, последователи чикагской школы М. Фридмана. Суть их программы заключалась в кардинальном отказе от государственного протекционизма и создании рыночной экономики открытого типа, развивающейся «вовне», как составная часть мирового хозяйства. Это был отказ не просто от неудачной социалистической практики Народного единства, но от всей предшествующей концепции развития, импортзамещающей индустриализации, основанной на идее максимальной поддержки национальной промышленности с помощью мер государственного протекционизма⁹³. В условиях Чили, при узости внутреннего рынка, импортзамещающая модель существенно ограничивала возможности потенциально конкурентоспособных отраслей производства, готовых выйти на внешний рынок. Проявления кризиса этой модели, необходимости выбора дальнейшего пути развития отмечались еще в годы правления Э. Фрея, который пытался предложить свою программу модернизации – «революцию

⁹³ Симонова Л.Н. Финансовая либерализация: чилийский вариант. – М.: ИЛА РАН, 2003. – С. 13.

в условиях свободы» – однако был ограничен как собственной идеологией, ориентированной на осторожную и мирную демократическую трансформацию, так и реальными экономическими условиями страны.

Таким образом, проблема модернизации, определения новой стратегии развития была поставлена не Пиночетом – она возникла значительно раньше. С программой рыночных реформ выходил на выборы 1970 г. один из соперников С. Альенде – правый политик Х. Алессандри (получивший 34,9% голосов избирателей). Однако до экономической и политической практики Народного единства предложения экономистов-рыночников не могли встретить существенной поддержки ни в обществе, ни в рядах политической элиты, колебавшейся между различными проектами развития.

Катастрофическое падение экономики в 1973 г., глубокий социальный кризис, усталость и растерянность общества после переворота 11 сентября правительство Пиночета рассматривало как своего рода индульгенцию на проведение кардинальных преобразований в сжатые сроки, и буквально на следующий день – 12 сентября 1973 г. – получило от команды «чикагских мальчиков» обширную программу новой экономической политики⁹⁴.

Это была программа неолиберальных реформ. В соответствии с ее рекомендациями потенциал роста чилийской экономики был поставлен в прямую зависимость от развития самых конкурентоспособных, динамичных экспортных отраслей. Соответственно, важнейшим звеном экономической политики стало стимулирование производства тех товаров и услуг, которые могли наиболее успешно конкурировать на мировых рынках, целенаправленная и диверсифицированная поддержка производителей-экспортеров, ставка на активность и творческий подход в продвижении своих торговых брэндов. Отраслями, в развитии которых Чили обладала естественными преимуществами, были: горнодобывающая промышленность (в первую очередь – меднорудная, так как Чили является крупнейшим в мире

⁹⁴ Fontaine Aldunate A. Los economistas y el Presidente Pinochet. – Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988. – P. 45-57; 59-86.

поставщиком меди), и производство сельскохозяйственных продуктов (главным образом - вина, фруктов, рыбы и морепродуктов). Стратегия развития, заданная этим отраслям, предполагала превращение страны в ведущего мирового экспортера, поставщика лучших на рынке товаров в названных отраслях.

Однако для реалий 1973 г. это была долговременная цель, достижение которой предполагало: преодоление экономического кризиса, финансовую стабилизацию, проведение либеральных экономических преобразований⁹⁵. Характерной особенностью чилийской модели стали: одновременность, целенаправленность и быстрота в решении этих задач, что применительно к периоду 1974-1981 гг. получило название «шоковой терапии» (по терминологии М. Фридмана).

Неотъемлемой частью новой модели развития явилась политика приватизации, охватившая масштабный государственный сектор чилийской экономики. При этом, если в 1974 г. процесс денационализации носил еще скорее политический, чем экономический, характер и предусматривал в первую очередь возврат конфискованной государством собственности прежним владельцам, то уже в 1975 г. была провозглашена массовая продажа основной части госпредприятий (преимущественно средних и мелких в промышленной, транспортной, торговой, финансовой сфере). Сотни компаний и банков были переданы в частные руки (наиболее неэффективные просто ликвидировались). Если в 1973 г. в Чили более 5 тыс. предприятий и банков находилось под контролем государства, то в 1980 г. – всего 25⁹⁶. Тем не менее, крупнейшие компании в жизненно важных для страны, стратегических отраслях (меднорудной, горнодобывающей и

⁹⁵ Vasconi A.T., Arancibia S. Chile: economía y política (1983-86). – La Habana: CEA, 1988. – P. 83-91; González E.F. Op. cit. – P.29-30.

⁹⁶ Morandé F. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. – P. 15.

нефтеперерабатывающей промышленности, энергетике и транспорте), все-таки не были приватизированы⁹⁷.

В сельском хозяйстве ставка была сделана на новый предпринимательский класс земельных собственников, готовых производить конкурентоспособную аграрную продукцию. Экспроприированные при С. Альенде земли не полностью возвращались прежним владельцем (чего можно было бы ожидать от простого реставрационно-консервативного режима), а передавались крестьянам в виде участков с правом продажи, что быстро привело к скупке неэффективных хозяйств и формированию новых, ориентированных на экспорт, производств. В итоге уже к 1977 г. 36% земель (наиболее пригодных для ведения сельского хозяйства), переданных крестьянам с 1965 г., оказались в руках новых собственников⁹⁸.

Комплекс жестких мер включал также оздоровление финансовой сферы и преодоление колоссальной инфляции. «Шоковая» финансовая стабилизация предусматривала: сокращение бюджетного дефицита путем максимального урезания государственных расходов (в том числе и социальных); ускорение приватизации; проведение налоговой реформы для увеличения налоговых поступлений; установление твердых лимитов на денежную эмиссию; ограничение роста заработной платы; дальнейшую либерализацию рыночной деятельности, снижение таможенных пошлин и снятие государственного контроля над экспортно-импортными операциями⁹⁹.

Большинство этих рекомендаций были четко выполнены военными, но результаты оказались неоднозначными. В 1974-1976 гг. правительство резко сократило бюджетные расходы, провело налоговую реформу (1974), введя универсальный 10% налог на прибыль (вместо диверсифицированного) и устранив всевозможные льготы для госпредприятий, усилило налоговую

⁹⁷ Rozas P., Marín G. 1988: El “Mapa de la Extrema Riqueza”. 10 años después. – Santiago de Chile: Edición SECOS, 1989. – P.61.

⁹⁸ Bitar S. Chile: liberalismo económico y dictadura política. – Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1980. – P.116

⁹⁹ Vasconi A.T., Arancibia S. Op. cit. – P. 82-83.

дисциплину. В итоге бюджетный дефицит действительно сократился с 10,5% ВВП в 1974 г. до 2,6% в 1975 году¹⁰⁰.

Однако в целом первые годы после перехода к неолиберальной модели принесли еще большее, по сравнению с предыдущим периодом, падение экономического роста, резкое сокращение внутреннего спроса и ухудшение всех экономических показателей, особенно в наиболее тяжелом 1975 году. Инфляция также продолжала оставаться катастрофической и составила в 1974 г. 369%¹⁰¹.

Кроме того, процесс масштабной приватизации и модернизации экспортных отраслей экономики сопровождался сокращением госслужащих и упадком предприятий, ориентированных только на внутренний рынок, что привело, вместе с ростом безработицы, к падению потребительской активности населения и обострению социальных проблем.

Некоторые положительные сдвиги проявились только в 1980-1981 годах. В результате структурных преобразований, технической модернизации перспективных промышленных предприятий, наряду с повышением производительности труда в наиболее конкурентоспособных экспортных отраслях, чилийский экспорт сельскохозяйственной продукции вырос за период 1974-1982 гг. почти в 6 раз. Доходы от экспорта продуктов питания, лесопереработки, целлюлозно-бумажной промышленности к 1982 г. увеличились почти в 4 раза (в то время как экспорт меди остался на том же уровне, демонстрируя успехи наиболее модернизированных, связанных с внешней торговлей, отраслей экономики)¹⁰².

Инфляция в стране к 1980 г. постепенно снизилась до 9,5%. Экономический рост составил 7,8% (после цифры в 1% в 1974 г. и падения на 12,5% в 1975 году). Уровень же безработицы, поднявшись с 9,5% в 1974 г. до 15% в 1975 г., опустился в 1980 г. до 10%. Интересно, что расходы

¹⁰⁰ Симонова Л.Н. Ук. соч. – С. 30, 33.

¹⁰¹ Morandé F. Op. cit. – P. 23.

¹⁰² Ibid. – P.27.

домохозяйств, упав на 21% в 1975 г. по сравнению с 1960 г., к 1981 г. выросли на 11,6%¹⁰³.

Однако эти свидетельства оздоровления национальной экономики оказались временными: в 1982-1983 гг. страну потряс мировой финансово-экономический кризис, влияние которого на Чили, с ее рыночной ориентацией и полным отсутствием государственного регулирования, оказалось наиболее разрушительным. В 1982 г. произошло падение всех экономических показателей ниже уровня самого тяжелого 1975 года (глубочайший экономический спад, сокращение ВВП на 15%, рост безработицы до 19,6% [по некоторым данным – до 35%], более 1500 обанкротившихся предприятий, разрушение банковской системы)¹⁰⁴. Чилийская ситуация усугублялась тем, что военное правительство, надеясь на устойчивость финансовой системы страны, долго действовало в соответствии классическими неолиберальными рецептами, которые были уже неприемлемы в новых, критических, условиях.

Последствия кризиса заставили Пиночета внести коррективы в жесткую рыночную модель «чикагской школы» и пересмотреть ее рекомендации, что привело, в итоге, к серьезному переосмыслению всей экономической политики и переходу с 1982 г. ко второму этапу реформ¹⁰⁵. Этот этап характеризовался отказом от наиболее жестких либеральных схем и формированием нового курса, основанного на сочетании рыночных механизмов и методов государственного регулирования.

Для разработки и проведения новой экономической политики была привлечена другая команда экономистов. В частности, министром финансов был назначен 40-летний Э. Бихи, которому, при активной поддержке государства, фактически взявшему на себя огромный банковский долг,

¹⁰³ Ibid. – P.23, 25, 27.

¹⁰⁴ Rozas P., Mañín G. 1988: El “Mapa de la Extrema Riqueza”. – P. 29-30; Богуш Е.Ю., Ульянова О.В. Чили: Альтернативы национальной истории // История Латинской Америки. Вторая половина XX века / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2004. – С.210.

¹⁰⁵ Fontaine Aldunate A. Op. cit. – P. 154-177.

удалось относительно быстро восстановить финансовую стабильность и доверие инвесторов¹⁰⁶. Был проведен второй этап приватизации, к которому активно привлекался иностранный капитал. Денационализации подверглись, в том числе, электроэнергетика и связь, ранее остававшиеся под контролем государства¹⁰⁷. В то же время, государство стало более активно вмешиваться в экономику, поддерживая ряд отраслей, испытывающих наибольшее давление кризиса. Были разработаны специальные программы помощи малым и средним предприятиям, производящим товары нетрадиционного экспорта (например, в области инновационных технологий), введена система льготных кредитов и других мер поддержки для сельскохозяйственных предприятий (в том числе – госзакупки для компаний, работающих на внутренний рынок).

В 1984 г. была принята новая налоговая реформа, нацеленная на стимулирование внутренних сбережений и инвестирование в производство, снижена ставка налогообложения для физических лиц (что предполагало увеличение личных накоплений).

Новая стратегия включала гибкие и разнообразные инструменты государственного вмешательства в экономику при сохранении решающей роли рыночных отношений. Положительные результаты этой политики стали заметны уже в 1984 г.: экономический рост составил 6% в год и в дальнейшем постоянно увеличивался (до рекордных 10% в 1989 году)¹⁰⁸.

Следует отметить в то же время, что реализацию чилийской экономической политики в значительной степени профинансировали иностранные банки и МВФ, предоставившие Чили в 1983-1985 гг. ряд крупных кредитов на преодоление кризиса и оздоровление экономики.

Совокупность предпринятых мер привела к тому, что к концу 1980-х годов Чили превратилась в одну из самых экономически эффективных,

¹⁰⁶ Fontaine Aldunate A. Op. cit. – P. 178-193; Rozas P., Marín G. Op. cit. – P. 62-63.

¹⁰⁷ Vasconi A.T., Arancibia S. Op. cit. – P.107-111.

¹⁰⁸ Morandé F. Op. cit. – P. 25, 41.

конкурентоспособных, динамично развивающихся стран Латинской Америки, которая стремилась не противостоять процессу глобализации, а, используя его возможности и перспективы, поспорить со своим провинциальным предназначением «страны на краю света»¹⁰⁹. Активному продвижению на мировой рынок чилийских товаров способствовала специально созданная в 1974 г. организация – «ProChile», являвшаяся структурным подразделением чилийского МИДа¹¹⁰. В ее задачи входила поддержка экспортной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса, продвижение национальных торговых брэндов, а также организация международных промышленных выставок и проведение рекламных кампаний. Эта организация, деятельность которой в постпиночетовский период только расширилась, внесла огромный вклад в развитие и укрепление экспортно-ориентированной чилийской модели, в создание имиджа чилийских товаров как наиболее качественных и передовых в своей отрасли.

Таким образом, в экономике чилийская модель, внедренная методами «проб и ошибок», прошедшая несколько этапов реформирования, все-таки доказала свою эффективность. Была создана база для поступательного развития страны в 1990-е и в 2000-е годы, для реализации масштабных социальных проектов постпиночетовского периода.

Однако характерной чертой чилийской экономической модернизации явился тот факт, что неолиберальная модель была фактически навязана обществу жесткими, диктаторскими методами при практически полном игнорировании традиции государственной поддержки и социальных реалий. Модернизация была оплачена не только политической несвободой, но и высокой социальной ценой, увеличением бедности и нищеты (до 38,6% к 1989 г.), ростом социального неравенства. Вся предшествующая традиция социального реформизма, поэтапного улучшения жизни бедных слоев

¹⁰⁹ Lavín J. Chile: revolución silenciosa. – Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988. – P.27-42.

¹¹⁰ См. подробнее: Дьякова Л.В., Травкин В.Е. Чили не перестает удивлять // Латинская Америка. – 2007. – № 12. – С. 18-34.

населения с помощью целенаправленных мер государства, была прервана и заменена новым – рыночным – взглядом на социальные отношения, в рамках которого право на благополучие и успех признавалось только за самыми предприимчивыми, сильными, образованными и богатыми.

В ходе реализации новой модели социальной политики государственный сектор полностью утратил ведущее положение не только в экономике, но и в социальной сфере, уступив место частному капиталу и предельно жесткому подходу, в соответствии с которым на минимальную, крайне ограниченную помощь могли рассчитывать только беднейшие и наиболее уязвимые категории населения.

Принципиальные изменения в традиционной системе государственного протекционизма и социальной защиты привели к глубоким переменам в массовом общественном сознании. Если для части общества неолиберальная ориентация на успех, предпринимательство, активную деятельность означала приобщение и к новым жизненным стандартам¹¹¹, то для широких слоев населения это был болезненный и сложный процесс, первоначально сопровождавшийся резким падением уровня жизни вместе с утратой иллюзий и надежд на государственную поддержку.

Впервые после 1920 г. и принятия «социальных законов» А. Алессандри государство делегировало свою протекционистскую роль в области трудовых отношений, образования, здравоохранения, социального обеспечения частным фондам и децентрализованной системе управления. Преодоление бедности перестало считаться одним из приоритетов государственной социальной политики и превратилось в вопрос добровольной благотворительности рыночных институтов и частных лиц. При этом сам Пиночет не отрицал необходимости повышения уровня жизни бедных слоев населения, выступая перед народом, говорил о тяготах нищеты. «Мы, солдаты, считаем своей важнейшей миссией искоренить бедность,

¹¹¹ Об этом убедительно пишет Хоакин Лавин: Lavín J. Chile: revolución silenciosa. – Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988. – 155 p.

вручая нашим соотечественникам источники труда, которые позволят им вести достойное человека существование в социальном строе, управляемом Богом, Родиной и Справедливостью»¹¹². Однако ставка была сделана на экономический рост и создание новых рабочих мест, а не на социальные программы. В прагматизме, жесткости и рационализме новой модели не осталось ниши не только для экономически невыгодных проектов и недостаточно эффективных идей, но и для социального реформирования в духе Э. Фрея.

Помимо политических репрессий в отношении левых активистов, новый трудовой кодекс 1979 г. серьезно ослабил в прошлом хорошо организованные и политически активные профсоюзы, существенно ограничив их право на стачки и защиту рабочих в случае увольнений и одновременно расширив возможности предпринимателей. Новые профсоюзы, разрозненные и аполитичные, в обстановке роста безработицы (до 19,6% в 1982 г.) не могли оказать существенного противодействия жесткой экономической политике властей¹¹³.

Реформы образования (1981) и здравоохранения (1981) усилили роль рыночных механизмов, частного капитала и практически уничтожили государственный протекционизм в сферах, с которыми традиционно связывалось представление о просвещенном реформизме власти и которые в годы деятельности правительств Э. Фрея и С. Альенде стали предметом особого внимания и покровительства государства.

Особенно большие изменения коснулись системы образования, в первую очередь школьного. До 1981 г. Министерство образования определяло планы, программы и финансирование 80% всех школ страны (кроме 20% частных). В ходе реформы управление школьным образованием

¹¹² Pinochet: Patria y Democracia. – P. 133.

¹¹³ Oppenheim L.H. Politics in Chile. Democracy, Authoritarianism, and the Search for Development. – Boulder, 1993. – P. 156; Haagh L. Citizenship, Labour Markets and Democratization. Chile and the Modern Sequence. – N-Y: Palgrave, 2002. – P. 64-76; González E.F. Op. cit. – P.33-38.

и его финансирование было децентрализовано, передано от Министерства образования к муниципалитетам (как богатым, так и бедным), что заложило основу для последующего развития глубокой сегрегации и неравенства в системе образования, отражавшего нарастание этих тенденций в самом обществе¹¹⁴. Все завоевания предыдущего политического периода, связанные с расширением пространства равенства и демократии в этой сфере, были уничтожены.

С глубокими изменениями столкнулись и университеты. Если на первом этапе, в 1973-1980 гг., военные активно вмешивались в жизнь и управление высшим образованием: входили в администрацию университетов, преследовали политическую оппозицию, увольняли демократически настроенных преподавателей и студентов, но не занимались структурными преобразованиями, то с 1981 г. начался новый этап. Ведущую роль в высшем образовании, традиционно представленном как государственными, так и частными учебными заведениями, стали играть рыночные механизмы, с неизбежным акцентом на сокращении и дифференциации всей системы государственной поддержки – в зависимости от соответствия высшего учебного заведения объективным показателям качества предоставляемых услуг.

Все высшее образование стало платным. Государство продолжало осуществлять прямое финансирование государственных вузов (*Aporte Fiscal Directo – AFD*), размеры которого зависели от численности студенческого контингента, числа преподавателей, занимающихся исключительно учебной работой, доли докторов и магистров наук. Косвенное финансирование (*Aporte Fiscal Indirecto – AFI*) предоставлялось частным университетам, студенты которых показывали лучшие учебные результаты. Кроме того, некоторые частные вузы получали

¹¹⁴ El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed. by Lagos R.E y Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011. – P. 92.

благотворительные пожертвования, а организации, выделяющие их, частично освобождались от налогов¹¹⁵.

Таким образом, недостаточно констатировать, что при Пиночете ключевую роль в системе образования стал играть частный сектор, которого прежде не было. Специфика состояла в том, что доля государства в общем финансировании высшего образования не была уничтожена совсем, но подверглась принципиальному пересмотру и сокращению. Основная нагрузка в системе оплаты за обучение была переложена на плечи самих студентов, получивших доступ к образовательным кредитам, специальным фондам студенческой поддержки, или на плечи семьи, готовой покупать образование.

Одновременно достаточно быстро выросло количество новых частных вузов, а восемь старейших и самых престижных университетов страны (2 государственных и 6 частных), существовавших до 1981 г., а также их филиалы, образованные позднее, были объединены в особую группу «традиционных»¹¹⁶. Управление ими осуществлял Совет ректоров (Consejo de Rectores), созданный еще в 1954 г. для координации и представления интересов университетов на государственном уровне. Это разделение также являлось элементом сегрегации, поскольку для поступления в «традиционные» университеты требовалось набрать высокие баллы на вступительном экзамене¹¹⁷, что было доступно только выпускникам хороших средних школ – то есть детям из семей с высоким уровнем доходов.

¹¹⁵ Ibid. – P. 116.

¹¹⁶ В эту группу входили: государственные Чилийский университет (Universidad de Chile, создан в 1842 г.) и Университет Сантьяго (Universidad de Santiago de Chile, 1848), а также крупнейшие частные университеты – Католический университет (Pontificia Universidad Católica de Chile, 1888), Университет Концепсьон (Universidad Católica de la Santísima Concepción, 1919), Католический университет Вальпараисо (Pontificia Universidad Católica de Valparaiso, 1928) и др.

¹¹⁷ Prueba de Aptitud Académica (с 1966 г. по 2003 г.), с 2003 г. - Prueba de Selección Universitaria (PSU).

Государственные финансовые поощрения (как прямые, так и косвенные) также в первую очередь относились к данной группе вузов.

Таким образом, в обществе утвердился принцип неравного доступа к университетскому образованию, для получения которого талантливой молодежью из семей с низкими доходами правительство предоставляло специальные кредиты и стипендии. Однако в реальности это не могло смягчить ситуацию нарастающей социальной дискриминации, при которой качественное высшее образование было доступно только выпускникам хороших и дорогих частных школ¹¹⁸.

Основные положения пиночетовской реформы в сфере образования были закреплены специальным («органическим», т.е. конституционным) Законом об образовании, который военный режим успел принять в последний день своего существования – 10 марта 1990 года¹¹⁹. Этот закон надолго расколол общество, оставив демократическим постпиночетовским правительствам серьезную социальную и политическую проблему.

Система здравоохранения также была децентрализована и фактически приватизирована, ее финансирование стало осуществляться как государственными, так и крупнейшими частными фондами, а объем и качество обслуживания были поставлены в прямую зависимость от оплачиваемой страховки, размер которой давал право на определенный набор медицинских услуг.

Таким образом, сложившееся в обществе и закрепленное на протяжении первой половины XX в. представление о естественном праве каждого на базовое образование и здравоохранение, которое гарантирует государство, уступило место рыночному принципу свободы индивидуального выбора и необходимости платить за этот выбор, сознавая

¹¹⁸ Oppenheim L.H. Op. cit. – P. 160.

¹¹⁹ Ley Orgánica Constitucional de Enseñanza № 18.962 de 10 marzo de 1990. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.uchile.cl/portal/presentacion/normativa-y-reglamentos/8386/ley-organica-constitucional-de-ensenanza> (fecha de acceso 19.04.2015).

меру своих возможностей и полную личную ответственность. Образование и здравоохранение стали продуктами рынка, приобретение которых не может быть ни бесплатным, ни общедоступным.

Реформа системы социального обеспечения (1981), важнейшим элементом которой стала пенсионная реформа (ее автор – известный неолиберальный экономист Хосе Пиньера), заменила принцип «солидарной пенсии», ответственность за которую принимает на себя государство и общество, принципом индивидуальных личных накоплений. Предполагалось, что каждый работающий в течение своей трудовой деятельности отчисляет определенный процент заработка в частные пенсионные фонды, осуществляющие управление этими вкладами, и несет полную ответственность за свое благосостояние в преклонном возрасте. На минимальные государственные пособия (по факту бедности, а не старости) могли рассчитывать только беднейшие категории населения, которые в силу своих низких доходов были неспособны производить регулярные отчисления в пенсионные фонды¹²⁰. Следует отметить в то же время, что государство строго контролировало деятельность частных фондов, распоряжавшихся средствами населения, и брало на себя всю ответственность перед вкладчиками в случае их банкротства.

Таким образом, социальная политика этого периода была направлена на то, чтобы приватизировать важнейшие сферы жизни общества – систему образования, здравоохранения, социального обеспечения, максимально децентрализовать управление этими сферами, передав его в частные фонды, и поставить количество и качество предоставляемых услуг в жесткую зависимость от платежеспособности каждого. Правительство сделало ставку на частный капитал, на богатый класс, который был заинтересован в интенсивном экономическом росте. Деньги социальной сферы, вложенные в

¹²⁰ Arellano J.P. Políticas sociales y desarrollo: Chile 1924-1984. – Santiago de Chile: CIEPLAN, 1985 – P.140-144.

частные фонды, работали в итоге на экономическое развитие и модернизацию страны, но результаты этого процесса могли увидеть только следующие поколения.

Были урезаны или прекращены масштабные социальные программы начала 1970-х годов, а государственные расходы на образование, здравоохранение, социальное обеспечение только за период 1984-1989 гг. сократились более чем на 20%¹²¹. Общие социальные затраты государства упали с 4% ВВП в 1975 г. до 2% ВВП в 1989 году¹²².

В то же время, некоторые ограниченные социальные программы, направленные на помощь беднейшим слоям, которые перестали восприниматься как единая группа, продолжали действовать (пособия семьям, находящимся в ситуации крайней бедности, дополнительное питание для женщин с малолетними детьми и детей-дошкольников, школьное питание в государственных школах, что привело к сокращению процента недоедающих детей с 7% в 1977 до 5% в 1984-м)¹²³. Военный режим, предельно ограничив социальные расходы и масштабные проекты прежних правительств, оставил некоторые направления целенаправленной, адресной помощи самым бедным группам населения. Это вполне соответствовало основным принципам неолиберальной идеологии.

В итоге чилийское общество на протяжении 1973-1989 гг. претерпело масштабную, сложную и многоплановую трансформацию, которая вызывала и продолжает вызывать как преувеличенно позитивные оценки («чилийское экономическое чудо», «витрина успеха»), так и крайне негативную, критическую реакцию, подчеркивающую отрицательные последствия рыночных реформ.

Одновременно с процессом экономических преобразований утверждались новый стиль жизни и новые, неолиберальные, ценности:

¹²¹ Morandé F. Op. cit. – P. 51.

¹²² Ranis G. y Stewart F. Crecimiento económico y desarrollo humano en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2002. – N 78. – P. 18.

¹²³ Ranis G. y Stewart F. Op.cit. – P.18.

экономическая свобода, индивидуализм, культ работы и успеха, прагматизм, рационализм, личная ответственность человека за свои достижения и неудачи. Постепенно прежняя ориентация определенных общественных групп на поддержку государства уступила место расчету только на свои силы, упорный труд и личную предприимчивость. Проблема заключалась в том, что рыночным стандартам не соответствовало около 40% населения, не охваченных ни соответствующей государственной поддержкой, ни помогающей выжить идеологией. Их единственной надеждой и опорой являлись организации гражданского общества, которые в условиях авторитарного режима стали выполнять исключительные по своей значимости, многоплановые функции.

II. 5. Роль гражданского общества в сопротивлении авторитаризму

Проводя политические репрессии, запрещая партии и движения, режим Пиночета так и не смог подчинить своим правилам, законсервировать жизнь гражданского общества, которое стало основным инструментом общественного сопротивления его власти. С другой стороны, необходимо отметить, что сами чилийские военные, безжалостные к политическим противникам, в отношении пространства частной, повседневной жизни все-таки вынуждены были действовать с некоторой оглядкой на прочные демократические традиции страны, не разрушая сложившиеся социальные связи, не претендуя на *все общество* в целом.

Традиция развитого гражданского общества формировалась в Чили на протяжении всего XX в. и включала: принципы социальной солидарности, взаимопомощи, гражданской активности, стремление участвовать в решении муниципальных проблем.

Начало процесса массовой активизации гражданского общества относится к периоду 1960-х годов и президентству Э. Фрея, с его политикой сознательного вовлечения бедных и маргинальных слоев населения в

общественную жизнь, приведшей к бурному росту низовых организаций. Эта политика была пронизана идеями солидарности и взаимопомощи, убежденностью в том, экономическая система современного общества не может удовлетворить потребности всех слоев населения, но ее можно усовершенствовать благодаря усилиям самого общества (созданием всевозможных микропредприятий, сообществ, клубов)¹²⁴. При С. Альенде низовая социальная активность, разбуженная христианскими демократами, оказалась связана с усиленной политизацией широких масс населения и привела, в итоге, к эскалации насилия.

После установления военного режима в развитии гражданского общества наступил новый этап: «культура солидарности» в буквальном смысле слова помогала людям выживать в жестких условиях кардинальных экономических реформ и ограничения политической свободы¹²⁵.

Одними из первых после 1973 г. стали создаваться правозащитные организации и движения, стремившиеся хотя бы частично изменить политическую ситуацию в стране, смягчить положение политзаключенных, выяснить судьбы пропавших без вести, помочь их родственникам, оставшимся на свободе. Огромное количество этих объединений формировалось «по семейному принципу» – вокруг родных, друзей и знакомых кого-то из пострадавших. В большинстве своем их деятельность носила личный, волонтерский характер и не была связана с понятием формальной правозащитной работы. Однако, наряду с этой низовой мобилизацией, возникали и профессиональные структуры, имевшие собственные кадры и широкое поле деятельности.

Исключительную роль в создании и развитии неправительственных организаций, нацеленных на сопротивление преступлениям военного режима, сыграла Католическая церковь Чили, сразу и однозначно принявшая

¹²⁴ Фрей Монтальва Э. Ук. соч. – С. 98-99, 146-147.

¹²⁵ Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. – С.100-111.

сторону общества, а не государства. (Это обстоятельство существенно отличало Чили от Испании периода франкизма, где церковь, как отмечают отечественные исследователи С.М. Хенкин и И.В. Данилевич, особенно на первом этапе, была как раз на стороне Франко, с его национал-католицистской идеологией, принципами единства нации и веры в построение иерархического традиционалистского порядка)¹²⁶.

В Чили рядовые священники и епископат, с момента прихода к власти Пиночета возмущенные многочисленными нарушениями прав человека и жесткой социально-экономической политикой режима, вели целенаправленную комплексную работу, как на низовом, так и на более высоком уровне. Архиепископ Сантьяго, кардинал Рауль Сильва Энрикес, был одним из организаторов первых объединений по поддержке жертв политических репрессий и их семей, а также чилийских политэмигрантов за рубежом. Практически сразу инициативу католической церкви поддержали представители лютеранской, баптистской и греческой православной церквей, их общими усилиями были созданы две крупных правозащитных организации – Фонд Социальной помощи христианских церквей (Fundación de Ayuda Social de las Iglesias Cristianas – FASIC) и Комитет содействия миру в Чили (Comité de Cooperación para la Paz – COPACHI)¹²⁷, деятельность которых продолжалась все годы режима Пиночета и имела самую широкую общественно-благотворительную направленность (от защиты репрессированных иностранцев, оказавшихся в стране, помощи политическим заключенным и их родственникам, до выступлений против насилия вообще).

Занимая независимую позицию, церковь в годы военного правления превратилась в центр социальной и благотворительной помощи, центр

¹²⁶ Данилевич И.В. Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии (Чили, Португалия, Испания). – М.: ИСП РАН, 1996. – С.20; Хенкин С.М. Испания после диктатуры (социально-политические проблемы перехода к демократии). – М.: Наука, 1993. – С.10.

¹²⁷ Una puerta que se abre: Los Organismos no Gubernamentales en la Cooperación al Desarrollo. – Santiago: Taller de Cooperación al Desarrollo, 1989. – P. 148-154.

правозащитного движения, и, можно сказать, стала одним из стержней сохранения общественной жизни, занимаясь не только «наблюдением» за текущей политикой и абстрактной критикой режима (что само по себе требовало смелости), а реальной конкретной работой. В 1975 г. по инициативе кардинала Р. Сильвы Энрикеса была создана Академия христианского гуманизма (*Academia del Humanismo Cristiano*) – гуманитарно-благотворительная и исследовательская организация, развивавшая ряд научных и учебных проектов, призванных дать «христианский ответ» на активное вмешательство военных в университетскую жизнь, закрытие ряда университетов и исследовательских центров, репрессии в отношении студентов и преподавателей¹²⁸.

При поддержке *Academia* развивались самые разнообразные направления деятельности целой сети неправительственных организаций. Одной из главных задач стало смягчение последствий тяжелой экономической ситуации для жителей бедных городских районов. Для решения этой задачи были разработаны и реализованы так называемые «стратегии выживания» – специальные программы дополнительного образования и повышения квалификации, строительства дешевого жилья, создания семейных и соседских микропредприятий¹²⁹.

Постепенно, уже в 1980-е годы, по мере некоторой эволюции режима, создавались более независимые от церкви правозащитные организации широкого общественно-политического характера, имевшие связи с различными оппозиционно настроенными и правозащитными группами в других городах страны, с «левой» и нерелигиозной частью общества. В число их задач входили: юридическая поддержка политзаключенных, просвещение, работа с родственниками, а также сбор информации и публикация специальных журналов и информационных листков. Например: Чилийская

¹²⁸ Ibid. – P.31-33, 149-152.

¹²⁹ Ibid. – P. 175-196.

комиссия по правам человека (Comisión Chilena de Derechos Humanos); Служба мира и справедливости (Servicio de Paz y Justicia, SERPAJ)¹³⁰.

Вклад правозащитных организаций и движений в процесс внутреннего сопротивления общества военному режиму, сохранения некоторого пространства свободы и самостоятельности, невозможно переоценить.

В то же время, работа правозащитных организаций свидетельствовала о зрелости чилийского гражданского общества, но не исчерпывала всего его содержания. Необходимо отметить, что, наряду с правозащитными, в Чили очень быстро стали формироваться и другие объединения гражданского общества. Их деятельность была связана, прежде всего, с необходимостью решать проблемы растущей бедности и маргинализации широких слоев населения, обнищание которых в результате жестких экономических реформ шло ускоренными темпами.

Именно в 1973-1980-е годы в бедных районах чилийских городов появляются сотни «народных экономических организаций», работавших на локальном уровне и ставивших своей целью не получение прибыли, а обеспечение занятости и улучшение экономического положения жителей. Подобный вид деятельности начал развиваться при Э. Фрее, но после 1973 г. был продолжен уже в более жестких условиях роста безработицы и бедности.

Основу этих мелких объединений составляли небольшие группы соседей или родственников, посещавших, как правило, один церковный приход и испытывавших одинаковые экономические трудности. Они создавали самодеятельные столовые и общественные кухни, закупочные объединения, жилищные комитеты, мастерские, а также всевозможные центры и соседские советы, для решения самых разнообразных бытовых, хозяйственных, а также психологических вопросов повседневной жизни¹³¹.

¹³⁰ Ibid. – P.154-158.

¹³¹ Кузнецова Э.Е. Народное городское движение и проблемы гражданского общества в Латинской Америке (на примере Чили и Перу) // Латинская Америка 80-х годов. – М., 1989. – С. 147.

Все эти организации, как правило, были озабочены не столько идеологией или задачей политического сопротивления режиму, который не стремился контролировать сферу частной, бытовой жизни людей, сколько проблемой повседневного выживания. Политические партии, запрещенные военным правительством и серьезно ослабленные событиями 1973 г. и репрессиями, не проявляли интереса к проблеме бедности. Более того, разочарование широких слоев общества в политических партиях, девальвация многих политических ценностей и страх перед наказанием за «политическую активность» при А. Пиночете привели к тому, что даже намек на решительную антиправительственную позицию под прикрытием низовой социальной организации отпугивал рядовых участников. Основой этой гражданской деятельности стала практика «малых дел», налаживания обычной жизни в первую очередь силами самих жителей.

Низовые христианские общины (в том числе и протестантские), традиционно связанные с бедными слоями населения, стали активными участниками и организаторами борьбы с бедностью в маргинальных кварталах, оказывали благотворительную помощь, находили финансовые средства, оборудование, продукты для «народных столовых», занимались образованием и воспитанием детей и подростков из бедных семей. Практика низовой социальной работы была близка идеям взаимопомощи, солидарности и социальной ответственности, которые всегда развивала христианская этика.

Огромную роль в этих организациях играли женщины, которые быстрее, чем мужчины, адаптировались к тяжелой экономической ситуации и готовы были любыми возможными способами защищать благополучие своих семей. Кроме того, подобная деловая активность (не связанная с формальной занятостью и социальным статусом) традиционно считалась «женской» в латиноамериканском обществе. Именно женщины из бедных районов в момент кризиса оказались способными, не рассчитывая на помощь государства, найти пути для выживания. Они были организаторами пунктов

общественного питания, закупочных объединений, развивали сеть самодеятельных детских учреждений, создавали кружки взаимопомощи, налаживали связи с другими городскими кварталами. Особенно эффективной оказалась практика борьбы с голодом, основанная на организации совместных столовых («соседских кухонь») и закупочных центров «Покупаем вместе»¹³². Впоследствии такие кухни работали 6 дней в неделю и позволяли выживать десяткам семей, в которых хотя бы один человек был вовлечен в общий производственный процесс.

Всего за 1973-1986 гг. в Сантьяго, согласно официальным данным, было создано около 1380 таких самодеятельных объединений экономического характера (*Organizaciones económicas populares*), в которых работало 46759 активистов, большинство из них составляли женщины¹³³. Всего к 1987 г. более 200 тыс. человек столичного округа были так или иначе связаны с предприятиями «народной экономики». Кроме того, эта деятельность распространилась и на другие чилийские города – Арику, Антофагасту, Консепсьон, Темуко, Пуэрто Монте и Пунта Аренас, что дало повод чилийским исследователям предположить, что около четверти всего трудоспособного населения Чили к 1987-1988 гг. было занято в неформальном секторе экономики¹³⁴.

Существенную помощь в организации подобных предприятий оказывали международные гуманитарные организации, например, Комиссия по правам человека, представители которой работали в Чили в 1980-е годы. Характерно, что эта помощь носила и финансовый, и хозяйственный характер: сотрудники международных организаций наравне со всеми работали в *prolaciones* – бедных городских кварталах, помогали решать

¹³² Social Policy from the Grassroots: Nongovernmental Organizations in Chile. – Boulder-San Francisco-London: UNICEF, 1989. – P. 108-109.

¹³³ Una puerta que se abre... – P. 334.

¹³⁴ Ibid. – P. 278.

проблемы жизнеобеспечения, налаживали связи и взаимодействие между различными районами, создавали координационные центры¹³⁵.

На базе этой низовой активности и в постоянном взаимодействии с нею в 1975-1977 гг. развивались и крупные чилийские неправительственные организации, создававшие собственные программы, собственную сеть влияния, имевшие международные контакты и финансирование.

Если в соседских общинах основными участниками и организаторами были, как правило, сами жители, то состав активистов неправительственных организаций (НПО) достаточно неоднороден. Среди них были и профессионалы высокого класса, университетские преподаватели и сотрудники, школьные учителя, бывшие государственные служащие, потерявшие работу после 1973 г., а также студенты, молодежь, вообще все, кто стремился к активной гражданской деятельности, но не имел возможности в новых условиях заниматься политикой или государственной службой, быть членом партии или политического движения. Поэтому неправительственные организации стали своего рода отдушиной для активных членов общества, «территорией свободы» в условиях военного режима. Работа волонтеров, непосредственно занимавшихся низовой социальной практикой, как правило, не оплачивалась. Однако в крупных неправительственных организациях, исследовательских центрах и объединениях, были и штатные сотрудники.

Деятельность неправительственных организаций осуществлялась в различных областях общественной жизни.

Одним из важнейших направлений было совершенствование системы образования для взрослых в бедных районах Сантьяго. Эту деятельность курировали две крупные организации – Центр исследования и развития образования (Centro de Investigación y Desarrollo de la Educación, CIDE), созданный в 1965 г., и Латиноамериканский факультет социальных наук (Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales, FLACSO), созданный еще в

¹³⁵ Social Policy from the Grassroots... – P. 109-110.

1957 году. Обе организации были связаны с христианской Academia и ставили своей задачей поднять образовательный и культурный уровень молодежи и взрослого населения бедных районов с помощью разветвленной сети специальных центров, в которых работали активисты и волонтеры НПО. Они использовали адаптированные программы и учебные пособия, организовывали небольшие группы учащихся или работали в уже созданных объединениях – соседских столовых, мастерских, микропредприятиях. Большая роль отводилась техническому образованию, которое должно было повысить возможности трудоустройства, а также обсуждению общих социальных тем – положению женщин из бедных слоев общества, отношениям внутри семьи.

Помимо общих и специальных образовательных программ для взрослых, в бедных районах действовали и центры начального обучения для детей и подростков, а также просветительские курсы в области здравоохранения для молодежи и женщин, имеющих малолетних детей.

Особое внимание уделялось программам «повышения возможностей» (сarasitación), которые развивала крупная неправительственная организация, имевшая филиалы и в других латиноамериканских странах – Центр образования и технологии (Centro de Educación y Tecnología – CET). Эти программы включали обучение так называемой «экономике бедности», и были предназначены в основном для женщин из бедных городских и сельских районов¹³⁶.

В литературе нет единых данных о том, сколько таких образовательных центров и программ существовало в Чили в 1973-1989 годах. По данным FLACSO, в 1983 г. городских и сельских районах страны действовало более 60 неправительственных организаций образовательного профиля, которые работали по 100 различным программам. Из 90 неправительственных организаций широкого гуманитарного направления, которые действовали в Сантьяго в 1988 г., 40% считали развитие образования одной из важнейших

¹³⁶ Ibid. – P. 218.

своих задач. Следует отметить, что речь идет о достаточно крупных организациях, действующих как минимум два года, – более мелких было гораздо больше (около 500)¹³⁷.

Особое направление деятельности представляла собой финансовая, организационная и идейная поддержка предприятий «народной экономики». Центром координации и развития этой деятельности стала Программа экономики труда (Programa de Economía del Trabajo, PET)¹³⁸, созданная под эгидой Academia кардинала Сильвы Энрикеса. Эта организация ставила своей целью всевозможное содействие развитию экономических инициатив низовых социальных объединений. PET проводила конкретные исследования, посвященные положению женщин, детей, жителей бедных районов в неблагоприятных экономических условиях, разрабатывала проекты и программы развития неформальной экономической деятельности, проводила работу с активистами неправительственных организаций. Она обеспечивала технологическую и финансовую поддержку микропредприятий. В 1986 г., например, по ее инициативе был создан небольшой банк «Освобождение», чтобы выдавать кредиты мастерским и другим микропредприятиям, имеющим не менее двух работников¹³⁹.

Действовали неправительственные организации и в области жилищного строительства, которое еще с инициатив Э. Фрея во многом развивалось на негосударственной основе: невозможность решить эту проблему исключительно усилиями государства создавала широкое поле для деятельности жилищных комитетов, соседских советов и объединений самодеятельного строительства в бедных городских районах.

При Пиночете кардинально изменилась точка зрения на проблему жилья, которое перестало рассматриваться как неотъемлемое право человека, а превратилось в товар, который необходимо приобретать на рынке по

¹³⁷ Una puerta que se abre... – P. 181-182.

¹³⁸ Ibid. – P.279.

¹³⁹ Ibid. – P. 280.

рыночной цене. Соответственно, разветвленная социальная позиция государства уступила место неолиберальным принципам, а нишу социальной помощи и взаимосвязи общества и правительства заняли неправительственные организации. Именно они занимались организацией строительных проектов, искали финансирование, поддерживали жилищные комитеты и самостоятельное коллективное строительство домов в бедных районах, налаживали специальные курсы для обучения жителей строительным специальностям, создавали магазины и склады дешевых стройматериалов для самостоятельных построек и т.д. Согласно данным Латиноамериканского факультета социальных наук, в 1988 г. в чилийских городах действовало около 123 НПО, занятых в жилищной сфере. В то же время следует отметить, что жилищная проблема всегда была в Чили одной из самых острых и трудно решаемых, даже при участии государства. Самостоятельное же строительство оказалось сопряжено с большими трудностями, и деятельность неправительственных организаций в этой области оказалась менее эффективной и заметной, чем в сфере образования или создания предприятий микроэкономики¹⁴⁰.

Таким образом, и в 1960-е, и в 1970-е, и 1980-е годы характерной чертой общественной жизни Чили была возрастающая активность гражданского общества. В разные периоды она имела различные направления и приоритеты, от защиты прав политзаключенных и репрессированных до разветвленной социальной практики, связанной с решением конкретных вопросов жизнеобеспечения, и постепенно эволюционировала до уровня крупных неправительственных организаций, распространявших свое влияние на важнейшие сферы общественной жизни.

Своеобразную хозяйственную деятельность гражданского общества неоднократно критиковали (в первую очередь сами чилийцы) за некоторую аполитичность, даже равнодушие к политическим проблемам, слабую связь с ведущими политическими партиями (уже в конце 1980-х годов). Однако в

¹⁴⁰ Una puerta que se abre... – P. 359-383.

условиях авторитаризма независимое от власти пространство частной жизни приобрело исключительно важную роль, а традиция взаимопомощи, опоры на свои силы и самостоятельного решения локальных проблем помогала поддерживать жизнь не только бедных слоев населения, но и всего общества в целом в самые трудные годы военного режима и неолиберальных рыночных реформ.

Выводы

Подводя итоги длительного исторического периода, связанного с формированием чилийской демократической модели и предшествовавшего этапу ее восстановления в 1990-е гг., необходимо отметить следующее.

- Политико-культурная традиция Чили, сложившаяся к началу XX в., определялась особенностями длительного исторического развития политических партий и организаций гражданского общества, особой социальной ролью Католической церкви, выступающей на стороне общества против власти, высокими профессионально-этическими качествами национальной политической элиты.

- Значительную роль в этой традиции с самого начала XX в. играла политика социального реформизма, нацеленная на последовательное улучшение условий жизни беднейших слоев населения, на построение более гармоничного, равноправного общества. Это сочетание – активности политических партий и гражданского общества, с одной стороны, и проявление социал-реформистской идеологии – с другой, привело к формированию определенного типа политической культуры, в которой большую роль всегда играли демократические ценности.

- Помимо этой демократической, социальной, гражданской традиции, в политической истории Чили существовала и другая – традиция периодического вмешательства военных в политическую жизнь. Характерной особенностью «военных интервенций» прошлого была их кратковременность, которая не оказывала существенного влияния на эволюцию демократической в целом политической системы.

В этом смысле установление правоавторитарного военного режима А. Пиночета стало разрывом демократической традиции, восстановление которой потребовало серьезных усилий со стороны всех участников событий.

- Важнейшей особенностью режима А. Пиночета явилось то обстоятельство, что жестокость и репрессии по отношению к политическим оппонентам, контроль за политической жизнью сочетались в его практике с высокой степенью экономической свободы, интенсивным процессом приватизации, эффективностью проводимых реформ, приведших к реальному оздоровлению экономики. Постепенно Чили превратилась в одну из самых рыночных, конкурентоспособных, удобных для предпринимательской активности стран Латинской Америки, а экономический рост после выхода из кризиса 1981-1983 гг. составил в среднем 7% в год. Обратной стороной всего процесса стали социальное неравенство и бедность значительной части населения страны, за счет которой, во многом, и создавалась чилийская модель ускоренного экономического развития.

- В то же время, авторитарной власти не удалось распространить свое влияние на гражданское общество. Исключительную роль в сохранении и укреплении этого пространства частной жизни, с его социальными отношениями, низовыми самодеятельными организациями и связями, в защите прав политзаключенных и их родственников, сыграла Католическая церковь Чили, принявшая сторону общества, а не военного режима.

- Характерной чертой чилийской ситуации явилось и то обстоятельство, что сопротивление авторитаризму, начинаясь «снизу», состояло не столько в правозащитной деятельности (часто предельно опасной), сколько в стремлении выжить, опираясь на свои собственные силы, создавая собственные микропредприятия и соседские общины. Именно в этой сфере общество, имевшее развитую традицию

гражданской активности, солидарности и внутренней свободы, продолжало сохранять свои демократические ценности.

- Военный режим, оставаясь правоавторитарным, на протяжении 17 лет своего существования испытывал определенную эволюцию, постепенно включал формально-демократические элементы, прибегая к идеологическим оправданиям, и с 1980-х годов стремился избегать прямолинейного силового воздействия на общество.

- Чем успешнее шел процесс экономической модернизации, тем очевиднее становилась его высокая политическая и человеческая цена. В какой-то момент военные должны были передать власть гражданскому правительству. Понимая неизбежность этих изменений, но обладая в то же время реальной властью, А. Пиночет стремился контролировать каждый этап предстоящего демократического транзита.

Глава III. «УПРАВЛЯЕМЫЙ» ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ (1987-2000).

Чилийская модель демократического транзита от правоавторитарного военного режима Аугусто Пиночета (1973-1990) представляла собой инициированный «сверху», «управляемый» процесс, важнейшей особенностью которого стали жесткие временные рамки развития событий и строгий баланс политических сил, основанный на системе компромиссов между различными группами элиты.

Эта модель может считаться хрестоматийной. Она включала все необходимые этапы: либерализацию прежнего режима (1987-1989 гг., когда авторитаризм постепенно утрачивал ресурсы и терял жизнеспособность, разрабатывая компромиссные варианты), демократизацию (т.е. собственно переходный период, становление демократических институтов в 1990–2000 гг.), консолидацию и совершенствование новой политической модели (2000-2010 гг.). В 2010-2017 гг. стабильная развитая демократия столкнулась с новыми вызовами, которые наиболее ярко проявились как в период президентства представителя коалиции правых партий С. Пиньеры (2010-2014), так и в последующей деятельности левоцентристского правительства под руководством М. Бачелет (2014-2018 гг.).

Неотъемлемой частью и принципиальной характеристикой процесса демократического транзита в Чили стал политический феномен, получивший название «фактор Пиночета», который терял свое влияние постепенно, по мере демократизации политической системы и общественной жизни в целом. Но на всем протяжении периода с конца 1980-х до конца 1990-х годов (т.е. на этапах либерализации и демократизации), Пиночет оставался важнейшей фигурой, способной диктовать условия и правила политической жизни, влиять на настроения в обществе, расстановку политических сил и во многом – на позицию демократических правительств по ряду принципиальных вопросов транзита. Роль Пиночета была особенно значима

и противоречива в ключевые моменты либерализации режима, в «точках бифуркации», когда решался вопрос о будущем чилийской демократии.

III.1. Либерализация авторитаризма и формирование модели «элитарных компромиссов» (1987-1989).

В обширной научной литературе, посвященной вопросам транзита, общепризнанной точкой зрения является утверждение о принципиальной важности самой первой, начальной стадии демократического перехода – либерализации прежнего режима, его постепенного «смягчения» и медленной, не всегда заметной для общества, но неотвратимой трансформации¹. Именно на этом этапе многократно возрастают политические риски, усиливаются негативные тенденции, связанные со стремлением наиболее консервативных групп добиться «отката назад», включив силовой сценарий развития событий. Политический раскол общества, в который оказываются вовлечены представители правящей элиты и оппозиция, лидеры и активисты политических партий, простые люди, становится неблагоприятной реальностью, диктующей свои условия, ограничивающей возможности для маневра и поиска компромисса между основными участниками драмы.

В Чили формальной границей «пиночетовского» и «постпиночетовского» периода стали первые свободные выборы 14 декабря 1989 г. и приход к власти демократически избранного президента. Однако эта дата была тесно связана с теми политическими процессами, которые постепенно развивались внутри самого военного режима и предопределили начало его осторожной, «управляемой» либерализации, приведшей в итоге к

¹ См., например: Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Working Paper of Kellogg Institute. – 1989. – N 130. – Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (Accessed 09.11.2017); Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London, 1996. – P.205-207.

историческому событию – общенациональному референдуму о продлении полномочий Пиночета 5 октября 1988 года.

Первая попытка умеренной оппозиции заключить договор с военным правительством состоялась в 1985 г., когда 11 центристских партий (среди них были представители PDC, лидеры различных социалистических групп, а также поддерживающие режим правые) при посредничестве архиепископа Сантьяго Хуана Франсиско Фресно подписали «Национальное соглашение о переходе к полной демократии» (“Acuerdo Nacional para la Transición a la Plena Democracia”)². Соглашение предусматривало пактированный переход, но выступало за признание политических партий, проведение всеобщих конкурентных парламентских выборов и избрание Конгресса с правом изменения Конституции 1980 г., прекращение политических репрессий и немедленное возвращение полтиэмигрантов, что означало бы начало процесса национального примирения. Пиночет эти требования не признал и от переговоров отказался³: оппозиция в тот момент не представляла единой политической силы, была фрагментирована и слаба, левые партии обескровлены и деморализованы событиями 1973 г., их деятельность запрещена, а лидеры погибли или вынуждены были бежать из страны. Военный режим еще сохранял жизнеспособность, но внутри авторитарного пространства уже зрели новые тенденции.

С середины 1980-х годов авторитаризм начинает испытывать нарастающее давление – внутреннее, со стороны гражданского общества, оппозиции, правозащитных организаций, части бизнеса, стремящегося к

² El Acuerdo Nacional: significados y perspectivas. – Diálogos de Justicia y Democracia. – Santiago de Chile: Corporación Justicia y Democracia, 1995. – p. 9-17. – [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0053699.pdf> (fecha de acceso 11.10.2017); González E.F. Dual transitions from authoritarian rule. Institutionalized regimes in Chile and Mexico. 1970-2000. – Baltimore: Johns Hopkins Univ.Press, 2008. – P. 91.

³ Pinochet rechaza el acuerdo nacional propuesto por la oposición. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://elpais.com/diario/1985/12/22/internacional/504054014_850215.html (fecha de acceso 11.10.2016).

цивилизованной политике, и внешнее, со стороны международного сообщества, возмущенного трагизмом репрессий и долгим правлением военных. США, сыгравшие столь значительную роль в падении правительства Народного единства, осуждали ситуацию с правами человека в Чили и с середины 1980-х гг. все активнее выступали против продления полномочий Пиночета, за возвращение к гражданскому правлению, информируя его об этом через своего посла Г. Барнса. Помощник госсекретаря по вопросам межамериканских отношений Л. Мотли, убежденный сторонник идеи мирной трансформации режима с опорой на умеренную оппозицию, в 1985 г. совершил визит в Чили для личной беседы с Пиночетом⁴.

Помимо этого фактора, не могли оставаться незамеченными и процессы во франкистской Испании, которая после смерти Франко в 1975 г. успешно осуществила мирный демократический транзит, воспринятый в других странах, в том числе и оппозиционной частью чилийского общества, как «модель».

Но наиболее важную роль играли внутривнутриполитические процессы, постепенно изменившие политический климат в стране. Протесты (забастовки, уличные пикеты и митинги), начатые рабочими меднорудной промышленности на севере Чили в 1983 г., в 1984-1986 гг. распространились на другие регионы и столицу, приобрели общенациональный характер⁵. Их поддержали студенты, представители среднего класса, интеллектуальной среды, малый и средний бизнес, женщины из бедных и низших средних слоев общества, недовольные ухудшением условий жизни в результате

⁴ Kornbluch P. Pinochet: los archivos secretos. – Barcelona: Ed. Crítica, 2013. – P.275-280.

⁵ 11 de mayo de 1983: primer paro protesta contra la dictadura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.laizquierdadiario.com/11-de-mayo-de-1983-primer-paro-protesta-contra-la-dictadura> (fecha de acceso 20.11.2016);

Zelman H.M. Chile: el regimen militar, la burguesía y el estado. (Panorama de Problemas y situaciones 1974-1987). – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales AVANCE, 1987. – P. 24-28.

неолиберальных рыночных реформ. Эти протесты, первоначально организованные рабочими профсоюзами (самым первым, 11 мая 1983 г., руководила Конфедерация рабочих меди (Confederación de Trabajadores del Cobre, CTC), были активно поддержаны и левой оппозицией – Демократическим народным движением (Movimiento Democrático Popular, MDP), выступавшим за массовое восстание против режима как основную форму политической борьбы⁶. После событий 1984 г. MDP был запрещен Высшим конституционным судом Чили и перешел на нелегальное положение.

Неудачное покушение на Пиночета, осуществленное 7 сентября 1986 г. членами леворадикальной группы Патриотический фронт Мануэля Родригеса (Frente Patriótico Manuel Rodríguez, FPMR)⁷, являвшейся боевым отрядом компартии, усилило позиции сторонников мирного перехода и создания широкой демократической коалиции в рядах оппозиции, показало бесперспективность вооружено-террористических методов. С другой стороны, уличные протесты и попытка покушения продемонстрировали власти опасность дальнейшего давления на общество⁸. Под влиянием различных факторов на протяжении 1983-1986 гг. позиция Пиночета становилась все более компромиссной, нацеленной на поиск диалога с той частью общества, которая стремилась к политическим переменам, но рассчитывала на мирный путь перехода.

Важнейшим моментом, повлиявшим на либерализацию режима и решение Пиночета о проведении референдума, явился тот факт, что внутри самого военного правительства к 1987 г. также назрели серьезные разногласия.

⁶ Manuel Almeyda: “No somos la fachada del PC”. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055372.pdf> (fecha de acceso 20.11.2016).

⁷ Frente Patriótico Manuel Rodríguez. Atentado a Pinochet: a treinta años de una acción heroica. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.fpmr.cl/> (fecha de acceso 20.11.2016).

⁸ Kornbluch P. Op. cit. – P. 277.

В среде высшего офицерства после 1980 г. стали распространяться оппозиционные настроения и выделяться фигуры, способные противостоять Пиночету, настаивая на постепенном смягчении и трансформации режима, а также на диалоге с умеренными представителями оппозиции.

В конце 1980-х годов по удаленным армейским частям прокатилась волна увольнений оппозиционно настроенных генералов, по приказу Пиночета был ужесточен контроль контрразведки в сухопутных войсках. Тем не менее, глава Корпуса карабинеров – одной из опор военного режима – генерал Родольфо Станхе заявлял о необходимости вести переговоры с центристскими партиями демократической оппозиции. Командующий ВВС генерал Фернандо Маттей еще в 1984 г. предложил вариант перехода к демократии путем избрания на пост президента «гражданского человека, консерватора» с незапятнанной политической репутацией⁹. Сильные оппозиционные настроения присутствовали и в рядах морских офицеров, сыгравших важнейшую роль в подготовке переворота 1973 года. Это объясняется тем, что флот пользовался значительной автономией и привилегированным положением в вооруженных силах, имел особый менталитет. Морские офицеры считали своим долгом быть «спасителями нации» в ситуации кризиса, но не хотели быть замешанными в политических репрессиях и других карательных акциях военного режима. В первые же месяцы после установления военной хунты командующий ВМС адмирал Х. Торибио Мерино приказал офицерам флота прекратить какое бы то ни было участие в деятельности тайной пиночетовской полиции. (Несмотря на этот приказ, широко известен факт использования военно-морских баз для содержания политзаключенных). Впоследствии Х. Торибио Мерино неоднократно выступал за пересмотр самых жестких статей Конституции 1980 г., против переизбрания Пиночета на пост президента в 1989 г., чем заслужил уважение лидеров демократической оппозиции.

⁹ González E.F. Op. cit. – P. 104.

Давление этих различных факторов (прежде всего – внутреннего характера) свидетельствовало об истощении политических ресурсов военного режима и подталкивало Пиночета к принятию решения о проведении в 1988 г. обещанного референдума о продлении своих полномочий.

В 1987 г. (провозглашен 11 марта, опубликован 23 марта)¹⁰ был принят Закон о политических партиях, который предоставил право регистрироваться и легально действовать всем партиям, обязующимся соблюдать Конституцию 1980 года. Это был значительный шаг в направлении либерализации, однако условия, заданные разрозненным силам демократической оппозиции, были предельно жесткими, требовали формального согласия с авторитарными ограничительными статьями Конституции, и, на первый взгляд, исключали возможность свободной политической конкуренции и какого-либо серьезного сопротивления вообще. Партии, стоящие на позициях марксизма, лишались права на легализацию.

Одними из первых зарегистрировались партии правого спектра – Независимый демократический союз (Unión Demócrata Independiente, UDI) и партия Национальное обновление (Renovación Nacional, RN).

Консервативный UDI, созданный в 1983 г. Х. Гусманом с целью объединения всех сторонников режима, был самой мощной идеологической опорой пиночетизма, главным защитником и интерпретатором его политики в обществе. В его идеологии большую роль играли католические ценности, идеи «консервативного популизма», национал-патриотизма, принцип

¹⁰ Ley N°18.604 de 11 de marzo 1987, promulga la formación de los partidos políticos. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=29995> (fecha de acceso 19.04.2015);

Pinochet promulga la ley de Partidos Políticos y reafirma su calendario para la transición. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://elpais.com/diario/1987/03/12/internacional/542502024_850215.html (fecha de acceso 19.04.2015).

корпоративной преданности, жесткая дисциплина. Партию поддерживали традиционно правые круги высшего общества, сочувствующие военным, некоторые представители предпринимательского класса, консервативно настроенные группы католической молодежи и часть низших слоев, которым импонировали религиозные идеи, «порядок» в стране и имидж самого Пиночета. Кроме того, представители UDI в годы военного режима были алькальдами крупных городов и активно работали с беднейшим населением.

Партия RN была создана в 1987 г. также при участии Х. Гусмана, который, являясь убежденным противником либеральной демократии и парламентаризма, был в то же время прагматиком и понимал необходимость расширения правого крыла политического спектра за счет более умеренной, толерантной, более привлекательной для общества, но при этом подчиненной ему структуры. Эта партия, созданная в преддверии перемен, накануне возможных демократических выборов, объединяла молодых профессионалов из состоятельных семей, выпускников частных университетов, имевших политические планы, но не связанных с военным режимом. Избегая открытой ангажированности и клерикализма UDI, члены RN старались осторожно дистанцироваться от фигуры Пиночета, даже позволяли себе критику военных, подчеркивали свою связь с традиционными историческими течениями умеренного чилийского либерализма. Партия не имела четкой структуры и жесткой корпоративной дисциплины, рассчитывая на привлечение более спокойной политической аудитории.

В 1988 г. обе правые партии пережили серьезный конфликт, связанный с выработкой общей позиции по отношению к фигуре Пиночета и большими политическими амбициями самого Х. Гусмана, стремившегося создать единую партию поддержки военного режима под своим личным руководством. В итоге Х. Гусман и его сторонники вынуждены были покинуть RN и сосредоточиться на UDI. Таким образом, к началу процесса демократизации правый фланг был представлен двумя партиями,

сохранившими внутреннее разногласия и различный политический имидж. Впоследствии, уже после убийства Х. Гусмана в 1991 г.¹¹, правым удалось найти компромисс и, не отказываясь от принципиальных идейных различий, создать устойчивую и эффективную правоцентристскую коалицию.

Частичная легализация партий, новый этап отношений военного режима с обществом ускорили оформление и активизировали демократическую оппозицию, оказавшуюся перед непростым выбором: действовать в навязанных рамках «управляемой» демократии или вступить на путь бескомпромиссного, полуподпольного сопротивления, чреватый неопределенными перспективами и огромными политическими рисками. Различные демократические силы по-разному оценили этот исторический шанс.

Коммунистическая партия Чили (РС) в этот период, переживая глубокий кризис, отказалась от своей умеренно-прагматичной («пацифистской») линии 1970-1973 гг. и перешла на позиции непримиримой, вплоть до вооруженной, борьбы с режимом, отстаивая принципы «революционного консерватизма» (по выражению социолога Т. Моулиана) в духе Кубинской революции. Наиболее подходящим будущим для Чили коммунисты продолжали считать марксистско-ленинский вариант социализма (уже вступивший в тот момент в стадию истощения ресурсов и кризиса в других странах)¹². Главными методами сопротивления авторитаризму они признавали массовое восстание или партизанскую войну. Открытое массовое восстание, в силу специфических особенностей чилийского режима, имевшего значительную социальную поддержку, было невозможно; неадекватность же точечных террористических мер была продемонстрирована в ходе неудачного покушения на Пиночета, осуществленного FPMR 7 сентября 1986 года.

¹¹ Х. Гусман был убит в 1991 г. членами леворадикальной террористической группировки.

¹² Moulian T. Chile actual: anatomía de un mito. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P. 210.

Что же касается социалистов, представленных к 1988 г. двумя основными партиями – старейшей PS и созданной в 1987 г. для подготовки демократических перемен Партией за демократию (Partido por la Democracia, PPD), то они, пережив после 1973 г. существенную эволюцию взглядов и переоценку ценностей, пришли к более центристским, реалистическим, умеренным позициям. Эти взгляды, связанные с признанием роли и важности парламентской деятельности, по духу были близки скорее христианским демократам, чем идейным принципам недавних союзников – коммунистов. Во время пребывания в эмиграции в Европе на многих чилийских политиков-социалистов оказали влияние идеи евро-коммунизма, социал-демократизма, парламентский успех европейских социалистических и рабочих партий, а также мирный переход к демократии в Испании¹³. В их рядах усилились обновленческие настроения, связанные с новым подходом к своей собственной роли в событиях 1970-1973 годов. Спустя 17 лет, пережив трагическую гибель своего президента и многих соратников, преследования и тюрьмы, изгнание, они готовы были использовать все политические шансы, который предоставлял новый этап, связанный с медленной эволюцией военного режима, все возможности для восстановления демократии. Эти возможности были связаны с легальной партийной конкуренцией, повседневной работой с населением и организацией оппозиционной деятельности в узких рамках «разрешенной» Пиночетом политики.

В итоге демократическая оппозиция, в состав которой вошли разнородные политические силы, согласилась на такой путь демократического перехода, который предусматривал преемственность и политический компромисс с военным режимом. Коммунисты, представленные РС, расставшись со своими историческими союзниками – социалистами – предпочли «собственный путь» и оказались в стороне от

¹³ González E.F. Op. cit.– P. 91.

этого процесса, превратившись на длительный период в незначительную, маргинальную политическую структуру.

Согласно Конституции 1980 г., обществу в 1988 г. было обещано проведение референдума о дальнейшей судьбе военного правления, и Пиночет рассчитывал, что большинство населения выскажется в его поддержку. В то же время, сам факт референдума ставил некоторую формальную границу авторитарной власти и давал оппозиционным партиям уникальный исторический шанс, который можно было использовать для начала демократического процесса. Пиночету не удалось предусмотреть того, что оппозиция сконцентрирует максимальные усилия на подготовке к референдуму и сможет, используя разрешенные им самим способы, организовать масштабную и успешную кампанию под лозунгом «Нет». (Было ясно, что «Нет» адресовано диктатуре, однако этого слова, как и имени генерала, официально никто не произносил).

В январе 1988 г. 17 оппозиционных партий, различных по масштабу, влиянию и идеологической ориентации, от умеренно-реформистских до левых – PDC, PS, PPD, Гуманистическая партия (Partido Humanista, PH), MAPU¹⁴ и ряд других, вступили в коалицию – Объединение партий за демократию (Concertación de Partidos por la Democracia) – Консертасьон¹⁵. Ведущими силами этого объединения стали исторические оппоненты – христианские демократы и социалисты (представленные несколькими течениями), пришедшие к пониманию жизненной необходимости любой ценой одержать победу на предстоящем референдуме¹⁶. Как сложится судьба

¹⁴ В 1994 г. к коалиции присоединилась преемница Радикальной партии – Радикальная социал-демократическая партия (Partido Radical Social Demócrata - PRSD), стоявшая на позициях социал-демократии. Гуманистическая партия, напротив, в 1993 г. вышла из Консертасьон, сблизившись с более альтернативными течениями.

¹⁵ В дальнейшем в тексте используется это наименование, как уже вошедшее в отечественную литературу и отражающее характерную специфику данной коалиции.

¹⁶ Declaración de los partidos políticos por el NO // La Concertación desconcertada? Reflexiones sobre su historia y su futuro / Ortega R.E., Moreno B.C. (comp.) – Santiago de

Консертасьон в дальнейшем, станет ли она действительно коалицией партий-единомышленников, опорой, важнейшим актором самого процесса демократизации – было неизвестно.

В тот момент это было лишь рамочное соглашение оппозиционных сил с неясными перспективами, основанное на признании нескольких общих для всех принципов: Пиночет должен уйти; военная хунта должна начать переговоры с демократическими силами, чтобы в максимально короткий срок провести демократические президентские и парламентские выборы и подвести общество к гражданскому правлению; оппозиция имеет право выдвинуть единого кандидата на пост президента. Оппозиция требовала также реформировать наиболее одиозные статьи действующей Конституции и выпустить из тюрем видных лидеров социалистов и других левых (в частности, генерального секретаря PS с 1979 г. Клодомиро Альмейду, арестованного в 1987 г. за нелегальное возвращение в страну)¹⁷.

Базовой ценностью для всех участников объединения являлись понятия демократии и правового государства, ради которых они готовы были примирить собственные позиции и принять все трудности предстоящего «управляемого» перехода, а текущей политической задачей стала организация широкой агитационной кампании под лозунгом «Нет!». Обществу было ясно, что «Нет!» адресовано лично Пиночету и военному режиму накануне общенационального референдума.

В развернутой Консертасьон за короткие сроки масштабной политической кампании огромную роль сыграли СМИ и телевидение. Как отмечают в своем исследовании Е.Ю. Богуш и А.А. Щелчков, телепрограммы оппозиции создавались лучшими чилийскими экспертами в области коммуникаций и немало способствовали ее победе¹⁸. С другой

Chile:LOM, 2002. – 287 p. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055342.pdf> (fecha de acceso 12.05.2013).

¹⁷ Gurriarán J.A. Chile: El ocaso del General. – Madrid: El País, 1989. – P.83.

¹⁸ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. – М.: Высшая школа, 2009. – С. 190.

стороны, недооценка роли СМИ и легальной политической агитации, самонадеянность, изолированность от реальных общественных настроений подвели военных. Оказалось, что даже формального, внешнего соблюдения демократических правил может быть достаточно для кардинальных политических изменений, что небольшое расширение пространства демократии за счет простого допуска оппозиции к политической игре является началом системной трансформации.

5 октября 1988 г. состоялся общенациональный референдум о судьбе режима, на котором, вопреки ожиданиям Пиночета, уверенного в своей победе, 54,7% избирателей высказались против его кандидатуры («Нет»). «Да» сказали 43 % (за вычетом испорченных и незаполненных бюллетеней)¹⁹. Таким образом, за прекращение военного режима и восстановление демократии выступило большинство населения, хотя перевес сил абсолютных цифрах в тот момент был небольшим.

На исход референдума повлиял и тот факт, что в ночь после его проведения и подсчета голосов именно группа высокопоставленных офицеров, среди которых были главкомы ВВС и ВМС (генерал Ф. Маттеи и адмирал Х. Торибио Мерино) объявила в СМИ о поражении Пиночета, не позволив ему аннулировать результаты и ввести комендантский час, обратившись к поддержке армейских подразделений и флота²⁰. Они считали, что время правления военных истекло, «особая миссия армии» выполнена и необходимо, пока не поздно, передать власть гражданскому правительству.

Референдум имел принципиальное значение для дальнейшего развития демократического транзита²¹. Это была первая безусловная победа оппозиции и непосредственно коалиции Консертасьон, подтверждение правильности избранной ею тактики. Следующим шагом демократических

¹⁹ El plebiscito de octubre de 1988. Antecedentes electorales y reflexiones. – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales AVANCE, 1988. – P.9.

²⁰ Kornbluch P. Op. cit. – P. 288.

²¹ Barton J.R. The End of Transition? Chile 1990-2000 // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3 - P. 332.

сил после победы на референдуме должно было стать выдвижение единого кандидата от оппозиции на предстоящих через год президентских выборах.

В то же время, исторический отрезок времени между референдумом 5 октября 1988 г. и общенациональными выборами 14 декабря 1989 г. вместил малоизвестный, но важный момент: конфиденциальные переговоры А. Пиночета и демократической оппозиции о конкретных условиях перехода (т.е. личных гарантиях безопасности для него самого и его соратников) и внесении поправок в Конституцию²². Проект Пиночета, в разработке которого активное участие принимала партия UDI, а также RN, включал 54 конституционных поправки. Наиболее существенными, внесенными уже под давлением оппозиции, были всего несколько: о признании демократического характера чилийского государства и его ответственности за соблюдение прав граждан; о расширительном толковании понятия «политический плюрализм» (вместо ограниченного); о ликвидации самых одиозных статей Конституции (в том числе – о «защищаемой демократии», одном из ключевых идейных постулатов пиночетизма). Полномочия Пиночета продлевались до 11 марта 1990 г., – момента передачи власти демократически избранному президенту.

Остальные условия жесткого компромисса, предложенного Пиночетом демократической оппозиции, предусматривали²³:

- Сохранение за самим А. Пиночетом до 1998 г. важнейшего в армии поста командующего сухопутными силами (фактически – поста главкома ВС).

²² González E.F. Op. cit. – P. 106-113.

²³ Andrade Geywitz C. Reforma de la Constitución política de la República de Chile de 1980. – Santiago de Chile: Editorial Jurídica de Chile, 1991. – P. 13-19 [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-82390.html> (fecha de acceso 21.10.2016).

- Сохранение Закона об амнистии военных (1978 г.), согласно которому они получали иммунитет от судебного преследования за репрессии и нарушения прав человека, совершенные в годы военного режима.

- Соблюдение Конституции 1980 г., с ее важнейшими «авторитарными статьями», а именно:

- Сохранение Совета национальной безопасности (СНБ) при президенте, ограничивающего его полномочия;

- Сохранение статуса 9-ти назначаемых сенаторов в верхней палате парламента (сенате), которые назначались: СНБ, Верховным судом и лично президентом;

- Сохранение статуса пожизненных сенаторов с правом сенаторской неприкосновенности (для бывших президентов, находившихся у власти с 1980 г. более 6 лет – т.е. в первую очередь для самого Пиночета, чтобы он мог воспользоваться этим правом после 1998 г.).

В процессе переговоров (которые заняли период с конца октября 1988 г. по 31 мая 1989 г.) посредником (медиатором) со стороны военных выступил министр внутренних дел Карлос Касерес, сторонник компромисса и перехода к гражданскому правлению, назначенный на этот пост (вместо жесткого предшественника Серхио Фернандеса) только в 1988 году²⁴. Гарантами выполнения договоренностей со стороны оппозиции стали христианские демократы Патрисио Эйлвин и Эдгардо Боенингер²⁵. Социалисты считали конституционные изменения и уступки, на которые пошла команда правых, недостаточными, однако вынуждены были согласиться и принять условия компромисса, понимая, что на данном этапе это максимум возможного. Переговоры завершились подписанием пакта – «Национального соглашения за демократию и конституционный консенсус»

²⁴ González E.F. Op. cit. – P. 106-108

²⁵ Arriagada G. Por la razón o la fuerza: Chile bajo Pinochet. – Santiago de Chile: Editorial Sudamericana, 1998. – P. 270. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-82388.html> (fecha de acceso 21.10.2016).

(1 июня 1989 г.), что стало важнейшим шагом в формировании модели «элитарных компромиссов».

30 июля 1989 г. был проведен «промежуточный» референдум, на котором 85,7% принявших участие в голосовании выступил за внесение согласованных поправок в Конституцию, что означало преодоление последнего препятствия на пути к демократическим выборам²⁶.

В процессе формирования политического движения в поддержку «Нет!» в рядах оппозиции выделились яркие фигуры – социалист Рикардо Лагос, один из организаторов и лидеров PPD, христианские демократы Андрес Сальдивар, Габриель Вальдес, Эдуардо Фрей Руис-Тагле (сын президента, основателя PDC). Социологические опросы не давали полной картины общественных настроений в отношении того или иного кандидата: эмоциональный подъем, нараставший в связи с победой на референдуме, мешал объективной оценке деловых качеств предполагаемых президентов. Р. Лагос оценивался как выдающийся лидер-организатор, борец с режимом, но социалист (что могло оттолкнуть часть избирателей); Г. Вальдес, представлявший левое крыло PDC, рассматривался внутри своей партии как слишком близкий по духу социалистам и коммунистам; Э. Фрей-младший был пока малоизвестным представителем своей знаменитой семьи, едва вышедшим на арену публичной политики²⁷. В итоге единой, наиболее подходящей и объединяющей всех кандидатурой на высший политический пост в условиях переходного периода был признан 70-летний христианский демократ Патрисио Эйлвин Асокар.

Его выдвижение объяснялось рядом обстоятельств. К 1989 г. П. Эйлвин (р. в 1918 году), уже был известным и опытным политиком. Юрист и адвокат по образованию, он начал свою политическую карьеру на рубеже 1940-1950-х годах, являлся одним из основателей PDC, соратником

²⁶ El Plebiscito de 1989. Memoria chilena. Biblioteca Nacional de Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-3398.html#presentacion> (fecha de acceso 01.11.2016).

²⁷ Gurriarán J.A. Op. cit. – P. 107.

выдающегося президента Э. Фрея (старшего), и возглавлял умеренно-правое крыло христианской демократии, выступавшее против политики Народного единства. В 1965 г. избирался сенатором, в 1971-1972 гг. занимал пост председателя Сената. Являясь убежденным оппонентом как ультралевых, так и ультраправых идей, в самых критических ситуациях П. Эйлвин отличался стремлением выработать взвешенную позицию, избежать радикальных мер и непродуманных шагов.

П. Эйлвин стал очень популярен в результате предшествовавшей референдуму кампании, в ходе которой он лично провозгласил лозунг «Пусть уходит» (в адрес Пиночета, которого ненавидел). В то же время, его предыстория как одного из организаторов и лидеров умеренного крыла PDC не ассоциировалась с правительством Народного единства, с линией Альенде. Будучи убежденным демократом, но противником радикальных, революционных мер, он выступал против социалистических преобразований в 1970-1973 гг., и в этом смысле оказался с теми членами PDC, которые поддержали приход военных, рассчитывая на кратковременность этой меры.

Благодаря личным человеческим качествам, П. Эйлвин пользовался уважением не только в своей партии, но и в широких общественных кругах, в том числе среди левоцентристов (за него выступил признанный лидер оппозиции Р. Лагос). С другой стороны, его избрание не пугало ту часть общества, которая боялась возвращения социалистов больше, чем продолжения военного режима. Наконец, он говорил и действовал, по свидетельству очевидцев, скорее как лидер всех демократических сил, чем как представитель PDC²⁸. Таким образом, жизненный и политический опыт, выстраданный центризм взглядов, порядочность и честность, а также стремление действительно восстановить в стране демократию, делали П. Эйлвина наиболее подходящей фигурой на пост президента применительно к началу 1990-х годов. Современники отмечали, что это был первый случай

²⁸ Ibid. – P. 110.

в политической истории Чили, когда социалисты и христианские демократы выдвинули общего кандидата²⁹.

14 декабря 1989 г. в стране состоялись президентские и парламентские выборы, в результате которых П. Эйлвин стал первым после 17 лет военного правления демократически избранным президентом страны (1990-1994). Он одержал победу уже в первом туре, получив 55,2% голосов.

Правые не пришли к соглашению и не смогли выдвинуть единого претендента. Их независимые кандидаты Э. Бихи (ставленник Пиночета, один из творцов чилийского «экономического чуда») и предприниматель Ф. Эррасурис получили, соответственно, 29,4% и 15,4% голосов избирателей.

В результате парламентских выборов большинство мест в палате депутатов – 72 из 120 – также принадлежало Консертасьон. Эти результаты свидетельствовали о стремлении большей части общества к демократическим переменам при сохранении, в то же время, значительного авторитета и влияния правых сил.

Таким образом, 14 декабря 1989 г. режим А. Пиночета прекратил свое существование. Начался период демократизации, восстановления прерванной политической традиции в развитии страны, а также решения связанных с этой задачей серьезных проблем.

Характерной особенностью этапа либерализации явилось то, что переход к демократии стартовал мирным путем, без гражданского противостояния и кровопролитных столкновений с армией, в результате общественного подъема и активизации социальных протестов, целенаправленной и ответственной деятельности оппозиции, вступившей в переговоры с военным режимом.

Важнейшим фактором в поступательном развитии демократического транзита явилось формирование оппозиционной партийной коалиции Консертасьон и восстановление традиции, включавшей активное участие

²⁹ Transición a la Democracia. Marco político y económico. – Santiago de Chile: CIEPLAN, 1990. – P. 22.

политических партий, готовность идти на компромиссы и заключать союзы³⁰. Оппозиция смогла выдвинуть из своих рядов ярких талантливых лидеров, способных использовать эту традицию в условиях реальной политической борьбы.

Значительную роль сыграли анти-пиночетовские настроения в среде самих военных, нарастающее понимание необходимости восстановления гражданского правления, а также постепенная внутренняя эволюция военного режима, исчерпавшего возможности жесткого контроля над обществом и вынужденного идти на компромисс с оппозицией. В данном случае сказалась и специфика авторитаризма как особого типа политического режима, который даже на этапе своего подъема может позволить себе многое, но не все: в частности, не вмешивается в жизнь гражданского общества, не оказывает влияния на церковь, не уничтожает до основания сам принцип партийной жизни, не способен полностью подавить оппозиционные настроения. Когда режим сдает свои позиции, общество оказывается жизнеспособным и относительно быстро восстанавливает прерванную политическую традицию.

В то же время, при всем многообразии влиятельных факторов, ключевую роль в чилийской ситуации сыграла личная готовность к компромиссу важнейших участников процесса – А. Пиночета и лидеров демократической оппозиции, пошедшей на объединение всех сил и принятие его (Пиночета) условий. Без этого последнего обстоятельства мирный переход был бы невозможен.

³⁰ Дьякова Л.В. «Пусть уходит!» Роль соглашений элит в трансформации военного режима Пиночета // Латинская Америка. – 2018. – № 9. – С. 5-16.

III.2. Демократизация: поиск гражданского согласия в деятельности правительств П. Эйльвина (1990-1994) и Э. Фрея (1994-2000).

Стадия демократизации, предполагающая восстановление (или создание) полноценных демократических институтов, утверждение демократических принципов политической жизни (общих для всех «правил игры») во всей их полноте и многообразии, является наиболее ответственной и содержательной частью всего процесса демократического транзита. В Чили этот этап был также связан с серьезными политическими рисками, обусловленными специфическими особенностями чилийской модели.

В соответствии с «графиком» демократизации, согласованным с А. Пиночетом, правительство П. Эйльвина (1990-1994) было объявлено переходным, рассчитанным на укороченный, 4-летний срок. Преемником П. Эйльвина на посту президента после выборов 1993 г. стал также христианский демократ и представитель правящей коалиции Э. Фрей-младший (1994-2000).

На первое правительство Консертасьон, с самого начала своей деятельности оказавшееся в строго ограниченном «коридоре возможностей», легла основная тяжесть демократического перехода. Избранный путь, в самый критический период избавляя общество от соблазнов занять радикальную позицию, в то же время исключал любую возможность резкого и демонстративного разрыва с авторитарным прошлым. Всю ответственность за неизбежные компромиссы и, в случае необходимости, всю вину за происходящее необходимо было принять на себя. «Авторитарные анклавы» Конституции, особое влияние военных и «фактор Пиночета» стали неотъемлемыми составляющими чилийской демократизации, а сам процесс приобрел выраженный элитарный характер, в котором исключительную роль сыграла политическая элита страны, в первую очередь – правящая левоцентристская коалиция Консертасьон.

Главные задачи, стоявшие перед первыми правительствами Консертасьон, заключались в следующем:

- избежать резкой политической конфронтации и серьезного гражданского конфликта в обществе;
- соблюсти поэтапность и последовательность демократического перехода;
- сохраняя компромисс с военными, приступить к постепенной деполитизации ВС и превращению их в нейтральный институт на службе демократического государства;
- принять вызов со стороны социальной сферы: сократить бедность, уменьшить социальное неравенство, продолжая при этом неолиберальную модернизацию экономики.

При всей важности сохранения высоких темпов экономического роста и развития принятой экономической модели, основные, наиболее тяжелые, проблемы были сконцентрированы в социально-политической сфере. Известный политик-социалист Камило Эскалона в своей работе «Чили: двадцать лет спустя» так описывает общественную ситуацию 1989-1990 гг.: «Систематическое нарушение прав человека повлияло на сознание страны; отрицание фундаментальных политических и социальных прав людей, семей и целых общественных групп, увеличение бедности и нищеты привели к формированию социально фрагментированного (*sociedad fracturada*), из-за острого неравенства, общества...»³¹. В этом «турбулентном», неустойчивом, расколотом политически и социально пространстве, приходилось начинать свою работу Консертасьон.

Институциональные рамки, полученные правительством П.Эйлвина в результате политического компромисса, заключенного с военным режимом, состояли в следующем.

³¹ Escalona C. Chile, 20 años después: 1988-2008. – Santiago de Chile: Diagrama, 2008. – P. 13.

В соответствии с Конституцией 1980 г. (и на основании внесенных после «промежуточного» референдума 30 июля 1989 г. поправок), Чили представляла собой президентскую республику, в которой и главой государства, и главой правительства являлся президент, избираемый всеобщим и тайным голосованием сроком на 6 лет без права переизбрания на второй срок подряд.

Законодательная власть осуществлялась Национальным конгрессом, состоящим из сената и палаты депутатов. Состав сената каждые четыре года должен был обновляться наполовину, одновременно с выборами в палату депутатов. 38 сенаторов избирались от каждого из 19 округов всеобщим прямым и тайным голосованием, а 9 сенаторов назначались Советом национальной безопасности из числа бывших главнокомандующих (четверо), членов Верховного суда (трое) и лично президентом (двое, из числа выдающихся деятелей политики и культуры). Для бывших президентов, находившихся у власти с 1980 г. более 6 лет, сохранялся статус пожизненных сенаторов.

Палата депутатов (120 человек) избиралась всеобщим прямым и тайным голосованием сроком на 4 года, по два представителя от каждого из 60 округов.

Для контроля за президентом и правительством был создан Совет национальной безопасности, состоявший из восьми членов. В него входили: генеральный директор Корпуса карабинеров, командующий ВВС, командующий ВМС, командующий сухопутными войсками, гражданские фигуры – глава сената, председатель Верховного суда и новый президент П. Эйлвин, а также генерал Пиночет, сохранявший до 1998 г. пост главнокомандующего сухопутными силами (фактически, пост верховного главкома ВС). Эти условия, как и институт пожизненных сенаторов, были частью жесткого каркаса, выстроенного Пиночетом для сохранения своего контроля над процессом демократического перехода.

При назначении новых командующих родами войск президенту предоставлялся выбор из пяти предложенных военными кандидатур. Совет мог быть собран по желанию трети его членов и имел право навязать президенту свое решение при согласии четырех военных и одного гражданского лица. При этом президент не мог снимать и назначать по своему усмотрению ни одного из командующих родами войск и главу Корпуса карабинеров; тем более он не мог принимать никаких решений относительно статуса генерала Пиночета. Таким образом, Совет национальной безопасности являлся реальной контролирующей демократическую власть структурой, и только глубокий процесс демократизации всего общества, включая вооруженные силы, мог изменить эту ситуацию.

Важнейшим элементом политической системы страны стала и так называемая биноминальная система (система двухмандатных округов), с голосованием по партийным спискам. Эта мажоритарная система квалифицированного большинства, разработанная в 1988-1989 гг. на основе ряда избирательных законов (при непосредственном участии Х. Гусмана)³², принуждала отдельные партии вступать в коалиции и обеспечивала раздел политического поля между двумя крупнейшими игроками: объединением левоцентристских сил (Консертасьон) и правой оппозицией. На практике при этой системе от каждого округа в Конгресс избирались два представителя. Во время выборов формировались списки из двух кандидатов, представляющих разные блоки. Избранным считался тот, кто набрал наибольшее число голосов в своем списке, даже если его результат в абсолютном значении был хуже, чем результат соперника из другого списка, оказавшегося на втором месте. Так, например, если два кандидата одного

³² Ley N°18.799 de 26 de mayo 1989, crea el sistema electoral binominal. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63197&periodo=1973-1990 (fecha de acceso 17.03.2015).

блока получали, соответственно, 35 и 25% голосов, а кандидаты другого блока – 20 и 15% , то избранными оказывались не представители первого списка, а каждый победитель в своем списке. Все остальные голоса считались потерянными, т.к. ничего не значили для результатов голосования, что было бы невозможно при пропорциональной системе, учитывающей все поданные голоса. Для того чтобы получить оба места от избирательного округа, список должен был получить вдвое больше голосов, чем список соперника, что оказывалось трудно достижимым в реальности.

Создание такой системы было глубоко продуманным шагом Пиночета: она способствовала устойчивости переходной политической системы в целом, заставляла партии договариваться, согласовывать свои интересы, вырабатывать общие позиции и стремиться к идеологии центризма в противовес конфронтации с военными. Эта система вытесняла радикальные партии (как левые, так и правые), не готовые сделать соответствующие шаги навстречу возможным союзникам и предпочитавшие путь внесистемной оппозиции и методы внепарламентской борьбы. (В начале 1990-х годов это главным образом касалось РС).

Структурируя и формализуя политическое поле, биномиальная система фактически создавала две мощные коалиции центра: более правого и более левого, которые должны были аккумулировать все политические голоса. Насажение умеренного центризма в поляризованном, расколотом обществе в тот исторический момент сыграло огромную позитивную роль³³. Однако, по мере дальнейшего развития и укрепления демократии, наибольшую критику данной системы стало вызывать то обстоятельство, что небольшие партии с самостоятельной независимой позицией, имевшие своего избирателя, но стоявшие вне блоков и получавшие на выборах 5-10% голосов, вообще оказывались на обочине политической жизни и практически не имели шансов попасть в парламент. Общество, становясь по мере своего

³³ О специфике этой модели см, например: Chile in the nineties / Ed. Toloza C., Lahera E. – Stanford: Stanford Univ. libraries, 2000. – 703 p.

развития все более современным, стало нуждаться в большем разнообразии политических оттенков и мнений, и постепенно его перестала устраивать примитивная (а потому особенно устойчивая) модель 2+2.

Тем не менее, в начале процесса демократизации бинаминальная система была одной из «несущих конструкций» перехода, обеспечивала баланс сил и заставляла правящую левоцентристскую коалицию договариваться по всем принципиальным вопросам с другими важнейшими участниками политического процесса – с военными и правыми партиями.

Таким образом, весь этот каркас, в котором приходилось действовать избранной власти – Совет национальной безопасности, бинаминальная система, присутствие Пиночета, постоянная необходимость искать компромиссы – оказали серьезное воздействие на демократическое правительство и повлияли на исход самой опасной ситуации переходного периода, связанной с политическим кризисом и гражданским противостоянием.

Проблема состояла в том, что чилийское общество подошло к рубежу 1990-х годов в состоянии острой политической конфронтации, которая, оставаясь в значительной степени задавленной в период авторитаризма, усилилась с началом демократизации. Это был конфликт между диаметрально противоположными оценками роли военных и всего «пиночетовского» периода в истории страны, между теми, кто выиграл от неолиберального экономического курса, и теми, кто оказался в числе проигравших, между правой и левой политической культурой, с присущими каждой из них различными политическими ценностями и принципами, различными представлениями о национальном будущем.

Границей, разделившей эти два лагеря, стал один из самых болезненных и трагических вопросов переходного периода – об отношении к массовым нарушениям прав человека в годы пиночетовского режима и о наказании военных, виновных в гибели 3 тыс. (по официальным данным) человек и трагической судьбе десятков тысяч переживших преследования,

аресты и пытки. От того, какое решение примет новое демократическое правительство, во многом зависела дальнейшая судьба страны и будущее чилийской демократии³⁴.

Как уже отмечалось, конец режима Пиночета в 1989 г. не означал прямого устранения армии из политической жизни, и к моменту начала демократизации военные продолжали играть важнейшую политическую роль в жизни страны. Представители вооруженных сил входили в специально созданный Совет национальной безопасности, а процесс демократизации по-чилийски приобрел характер жестко управляемой, ограниченной демократии. Важнейшей особенностью этого процесса стало, в том числе, и особое положение военных в обществе, и мощное многостороннее давление, которое оказывал «фактор Пиночета» на новую власть и все политические силы страны.

Согласно принятому в 1978 г. Закону об амнистии, военных невозможно было судить за нарушения гражданских прав в период военного режима, т.е. за преступления, совершенные по приказу командования в отношении политических противников (см. гл. II).

Незадолго до президентских выборов 1989 г. Пиночет откровенно предупредил демократическую оппозицию: «День, в который вы посмеете тронуть хотя бы одного из моих людей, будет последним днем правления закона»³⁵. (Сам Пиночет после ухода с поста главнокомандующего в 1998 г., как и планировал, получил пост пожизненного сенатора, обеспечивший ему депутатскую неприкосновенность). Но проблема заключалась не только в его политическом статусе и юридическом иммунитете военных.

Претензии Пиночета и армии на особую роль и в жизни страны, и в процессе политической трансформации, имели серьезные социально-политические и идейные основания. Их поддерживал традиционно сильный

³⁴ Stern S.J. *Reckoning with Pinochet. The Memory Question in Democratic Chile. 1989-2006.* – London: Duke Univ. Press, 2010. – 548 p.

³⁵ Silva P. *Searching for Civilian Supremacy: The Concertacion Governments and the Military in Chile* // *Bulletin of Latin American Research.* – 2002. – Vol.21. – N 3. – P. 380.

правый, консервативный сектор чилийского общества, часть средних и даже бедных слоев, с убеждениями которых изначально приходилось считаться правительствам Консертасьон. Апеллируя к поддержке и рассчитывая на понимание этой части общества, Пиночет мог позволить себе сказать: «Бог избрал нас для выполнения его задач, и облегчил нам путь, чтобы мы сделали то, что Он приказал»³⁶.

В политическом пространстве этот сектор был представлен основными партиями правой оппозиции – UDI и более умеренной партией RN. Самой консервативной, сохранившей преемственную связь с военным режимом партией оставался UDI. Впоследствии, особенно после гибели своего лидера Х. Гусмана в 1991 г., партия заметно эволюционировала в сторону умеренно-центристской, однако в начале 1990–х годов она была оплотом ультраправых и являлась удобной политической гаванью для высокопоставленных военных в отставке. В 1993 г. UDI и RN объединились в коалицию «Союз во имя Чили» (Unión por Chile) и на всех последующих выборах выступали уже в составе правоцентристского объединения под разными наименованиями: «Альянс за Чили» и «Коалиция за изменения» (Alianza por Chile, Coalición por el Cambio).

Несмотря на определенные внутренние разногласия, правые в целом разделяли основные положения Конституции 1980 г. и поддерживали ее «авторитарные анклавы». UDI и наиболее правое крыло партии RN энергично защищали институт назначаемых сенаторов, полномочия Совета национальной безопасности, особенно – принцип несменяемости главкомов ВС без его участия³⁷. Они поддерживали закон об амнистии 1978 г. и идею «патриотической миссии вооруженных сил», а программу демократизации принимали только при условии защиты своих политических и экономических интересов и сохранения жесткого политического каркаса,

³⁶ Oyarzún M.E. Augusto Pinochet: Diálogos con su historia. Conversaciones inéditas. – Santiago de Chile: Editorial Sudamericana, 1999. – P. 11.

³⁷ Avendaño O. La oposición política en Chile durante el periodo 1990-2011. Una aproximación conceptual y empírica // CS. Instituciones: tensiones y equilibrios sociales. – 2011. – N 8. – P. 162.

контролирующего каждый шаг правительства. Позиция правых начнет меняться только к концу периода 1990-х годов, под влиянием новых политических реалий и постепенного ослабления «фактора Пиночета». Однако в самом начале демократического перехода опасность левого радикализма пугала этот политический сектор и поддерживающую его часть общества значительно больше, чем возможность отката к авторитарному порядку.

В то же время, в Чили всегда существовала устойчивая традиция левой и левоцентристской политической культуры. Это, прежде всего, были сторонники идей социализма и исторического опыта Народного единства, погибшего президента С. Альенде, непримиримые противники и оппоненты военного режима. Многие из них, сами пережившие аресты, потерявшие близких и вынужденные бежать из страны после переворота, в конце 1980-х годов вернулись из эмиграции и вновь включились в политику. Представители этой группы, родственники, особенно повзрослевшие дети погибших и пропавших без вести, правозащитные организации требовали серьезного расследования и суда над военными, не желая идти ни на какие компромиссы.

Их поддерживали и менее радикально настроенные слои, не принявшие, тем не менее, ни реформ военного правительства, ни его методов, а также недовольные группы простого населения, оказавшегося в ситуации крайней бедности в результате рыночных реформ и неолиберальной пиночетовской модернизации. В вопросе о том, «судить или не судить» военных, сконцентрировался тогда весь политический протест, грозивший нарушить хрупкое равновесие «управляемой демократии». Поиск гражданского согласия, возможностей примирения политических противников ради ценностей национального единства и стабильности, стал основным содержанием переходного демократического правительства П. Эйльвина, и занял важное место в деятельности правительства Э. Фрея.

Казалось бы, идеалы справедливости предполагали начать открытые судебные процессы и демонстративно наказать виновных. Однако в реальности не громкие заявления и показательные суды, а трудный путь компромисса и поиск гражданского согласия стали основной стратегией демократических правительств на всем протяжении 1990-х годов. Можно сказать, что раздираемое противоречиями и нерешенными проблемами общество целенаправленно «принуждали» к примирению вопреки всем обстоятельствам, в том числе – ценой личного мужества и политической гибкости П. Эйльвина, сумевшего, ограничивая собственные политические предпочтения, взять на себя ответственность за ход демократического процесса.

Известно, что президент П. Эйльвин и А. Пиночет были не просто идейными противниками, они были политическими врагами, хорошо знавшими предысторию военного переворота 1973 г., причины поддержки христианскими демократами прихода военных в надежде на быстрое восстановление демократии. Э. Фрей-старший умер, не дожив до начала демократизации, но П. Эйльвин, признавая свои трагические ошибки и иллюзии, не снимал ответственности ни с себя лично, ни со своей партии. Однако и Пиночет не собирался забывать некоторых фактов его биографии, в которых выразилась вся сложность пережитой драмы, и пользовался случаем, чтобы о них напомнить – на протяжении всех 1990-х годов. Уже после ухода Эйльвина со своего поста он признавался в беседе с журналисткой М.Э. Ойярсун: «Не думаю, что нам, экс-президентам республики, стоит критиковать друг друга, даже если мы друг друга ненавидим... Считаю также, что господин [Эйльвин] слишком непостоянен: сначала он говорит одно, потом другое. В 1973 г. он безусловно положительно отзывался о Вооруженных силах и критиковал свергнутое правительство господина Альенде. А сегодня утверждает обратное»³⁸. Демократический президент также не скрывал своей неприязни лично к

³⁸ Oyarzún M.E. Op. cit. – P. 229.

Пиночету, которого считал военным преступником, не выполнившим, а, напротив, извратившим патриотический смысл «миссии военных». Для П. Эйльвина как человека не существовало дилеммы – судить или не судить виновных за совершенные преступления. Однако в 1991 г. он исполнял обязанности президента и думал не о личных пристрастиях, а о последствиях принимаемых решений для всего общества.

Необходимо отметить, что особую сложность в данном случае представляло отсутствие какого бы то ни было «правильного», общепринятого прецедента, устоявшейся модели или ориентира. В соседнем Уругвае, где процесс демократизации начался раньше (в 1985 г.), военные также были ограждены от судебного преследования специальным «Законом об утрате силы» («Ley de Caducidad»), принятом президентом страны Хулио Мария Сангинетти при поддержке ведущих партий страны³⁹. Этот шаг вызвал возмущение значительной части общества, особенно правозащитных организаций, в составе которых были матери и родственники пропавших и задержанных. Однако большинство населения все-таки высказывалось неоднозначно по отношению к военным, не решаясь назвать их преступниками и, несмотря на несколько референдумов, данный Закон не был отменен вплоть до 2011 года⁴⁰.

Чилийская элита в какой-то степени ориентировалась на опыт Испании, где подобный закон 1977 г. гарантировал неприкосновенность соратникам генерала Франко и в то же время обеспечивал безопасность и мирный характер демократического перехода.

В Аргентине, напротив, военные, виновные в нарушениях прав человека и репрессиях против гражданских лиц, были осуждены и понесли

³⁹ Allier Montaño E. Batallas por la memoria. Los usos políticos del pasado reciente en Uruguay. – Montevideo: Ed. Trilce, 2010. – 288 p.; Buriano A. Ley de Caducidad en Uruguay y esencia ético-política de la izquierda. // Perfiles latinoamericanos. – 2011. – Vol. 19. – N 38. – P. 173—203.

⁴⁰ Подробнее об этом см: Дьякова Л.В. «Этика протеста» против «этики ответственности: Чили и Уругвай – 2011 // Латинская Америка. – 2012. – № 5. – С. 32-41.

серьезное наказание (получив пожизненные сроки), что серьезно пошатнуло уважение к ВС в обществе.

Однако в чилийской ситуации начала 1990-х годов никто не мог знать наверняка, какой линии поведения придерживаться.

Помимо специфических условий демократизации, вопрос об отношении к военным в Чили, как и в Аргентине и Уругвае, имел еще и определенный этический оттенок, сосуществовавший наряду с признанием обществом крайней жестокости военных режимов. Этот момент связан с концепцией так называемой «симметричной вины», или «двух зол», предполагавшей равное распределение ответственности за приход авторитаризма как на самих военных, так и на леворадикальные силы, создавшие обстановку политического хаоса накануне трагедии. (Пиночет впоследствии так объяснял свою позицию: «Мы люди войны [“Somos hombres de Guerra”]. В 1973 году, когда мы увидели, что происходит в стране и отдали себе отчет в том, что перед нами вооруженный враг, который хочет гражданской войны, который готов уничтожить, по меньшей мере, миллион человек... мы действовали, как и положено военным, в соответствии с нашей доктриной и предназначением – чтобы спасти страну и цивилизацию»)⁴¹.

Соответственно, свою порцию вины должны были признать и традиционные демократические партии, не обеспечившие в свое время ни политический порядок, ни легитимность власти, ни отставку провалившегося правительства. Если в Уругвае пассивная позиция партий Бланко и Колорадо не смогла противостоять военно-партизанскому движению Тупамарос, то в Чили радикализация политики Народного единства развивалась на фоне «непротивления злу насилием» со стороны центристской PDC и мягкой поддержки умеренными партиями военного переворота.

Результатом целого этапа исторического развития стала политическая «ничья» ведущих игроков, разрушенные судьбы тысяч людей и

⁴¹ Oyarzún M.E. Op. cit. – P. 233.

необходимость заново начинать строительство цивилизованного политического пространства. В этой ситуации Закон об амнистии военных (подчеркивалось – выполнявших приказ) был подведением безрадостного, трагического для всего общества итога, который необходимо было принять, чтобы жить дальше.

Уже в начале 1990 г. президент П. Эйлвин создал «Национальную комиссию по правде и примирению» (Comisión Nacional de Verdad y Reconciliación), известную также по имени ее руководителя, юриста Рауля Реттига, как Комиссия Реттига, для расследования фактов политического насилия и преступлений против прав человека. Комиссия была призвана подтвердить гибель и узнать судьбы пропавших без вести, предложив варианты решения проблемы с наказанием виновных. За год работы комиссия расследовала около 3000 случаев гибели в результате нарушений прав человека военным режимом⁴², родственникам погибших были предоставлены денежные компенсации и льготы для получения образования⁴³. Однако с самого начала инициатива с расследованием и восстановлением правды стала объектом ожесточенной критики и справа, и слева. Правые упрекали президента и его сторонников за неуважение к конституции и закону об амнистии, для них историческая правда была очевидна; левые – за мягкость и половинчатость, за нейтральную позицию «арбитра» и неспособность к решительным действиям.

Многотомные материалы комиссии были только первым, начальным этапом работы в восстановлении справедливости, но даже этот шаг поставил отношения гражданского правительства и вооруженных сил на грань тяжелейшего кризиса. Работа комиссии Реттига, а также попытка парламента начать расследование финансовых махинаций старшего сына

⁴² Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (fecha de acceso 20.11.2012).

⁴³ Escalona C. Op. cit. – P. 79.

Пиночета, вызвали недовольство армии, которая почувствовала реальную угрозу своему положению и в декабре 1990 г. вышла на улицу под видом военных маневров. Высшие офицеры от имени трех родов войск апеллировали к правительству и обществу, отказываясь признать свою вину и настаивая на том, что военные, а не политики, честно выполнили свой долг перед лицом национальной катастрофы. («Оставьте в покое армию, вообще вооруженные силы... Не трогайте их больше, не играйте с ними; военные завершили свой цикл, и сделали это хорошо», – говорил Пиночет)⁴⁴.

В итоге, изучив отчет комиссии, П. Эйлвин в марте 1991 г., в обстановке многочисленных митингов с обеих сторон и обострения отношений с военными, обратился к нации и от лица государства принес извинения всем пострадавшим от репрессий и их близким. Одновременно президент обратился и к армии с призывом публично признать свою вину, однако это предложение было отклонено. Тем не менее, никаких массовых наказаний и массовых показательных процессов в отношении военных не последовало. Президент, понимая опасность дальнейшей конфронтации, фактически возложил ответственность за нарушения гражданских прав, серьезные социальные потрясения и человеческие жертвы, на всех чилийских политиков (как левых, так и правых, в том числе на себя и свою партию), которые допустили саму возможность военного переворота 1973 г. с его катастрофическими последствиями⁴⁵. Родственникам пострадавших и всему обществу публично были принесены извинения от имени государства, опустившегося на уровень государственного терроризма в отношении своего народа.

Оценивая этот поступок, который мог бы показаться недостаточным, когда речь идет о расследовании преступлений военного режима, необходимо иметь в виду значимость факта признания государством своей вины перед обществом, и ответственность президента, имевшего мужество

⁴⁴ Oyarzún M.E. Op. cit. – P. 236.

⁴⁵ Silva P. Op. cit. – P. 381-383.

публично озвучить этот факт. Как известно, отнюдь не все страны, пережившие период репрессий, были способны честно и сознательно, но при этом не разрушительно для национального менталитета, оценить свое прошлое.

Важнейшим политическим итогом деятельности П. Эйльвина и его правительства стало то, что демократия в стране устояла – вопреки серьезным угрозам и вызовам, вопреки поляризации общества, давлению справа и слева, вопреки влиянию Пиночета и реальной силе военных. Устояла, возможно, благодаря началу целенаправленной социальной политики по преодолению бедности, однако не последнюю роль сыграла здесь и осторожная, сдержанная, продуманная линия в вопросе о наказании военных.

В результате президентских выборов 1993 г. на следующий 6-летний срок был вновь избран представитель Консертасьон и христианский демократ – Э.Фрей Руис-Тагле (р. в 1942 г.). В ходе праймериз он опередил социалиста Р. Лагоса, претендовавшего на этот пост, но вынужденного уступить влиянию PDC внутри коалиции. Новый президент, сын экс-президента Э. Фрея Монтальвы, победил в первом же туре, получив 58% голосов. Этот результат, который впоследствии (на выборах 1999 и 2005 гг.) не удалось превзойти ни одному из значительно более ярких политиков Консертасьон, во многом был данью уважения прежнему президенту П. Эйльвину и свидетельствовал о поддержке обществом деятельности первого правительства левоцентристской коалиции и процесса демократизации в целом.

Кандидат от правых партий Артуро Алессандри (представитель не менее известной политической фамилии, внук знаменитого президента А. Алессандри) получил 24,4% голосов, что можно рассматривать как самый низкий результат представителя правой оппозиции на протяжении всего периода 1990-2010 годов. В этот момент – в середине 1990-х годов – отмечался наивысший уровень ориентации избирателей на партии левого

центра, на Консертасьон, и наименьшая степень идентификации общества с правыми силами, которые «отставали от времени», не добились взаимного консенсуса, а главное – не могли предложить достойных новаторских идей, сопоставимых с идеей продолжения и совершенствования процесса демократизации⁴⁶.

В то же время, личность самого Э. Фрея-младшего не отличалась харизматичностью: выходец из знаменитой политической семьи, христианский демократ «по происхождению и воспитанию», состоявший в партии отца со студенческих лет, он получил инженерное образование, занимался бизнесом, в политику пришел уже в преддверии демократических перемен – в ходе подготовки оппозицией кампании «Нет». В реализации своих президентских полномочий это был добросовестный и профессиональный чиновник, стремившийся продолжить начатую прежним правительством линию и выполнить, насколько возможно, все возложенные на него задачи – как в политической и экономической, так и в социальной сфере.

Важнейшим моментом его президентства стал тот факт, что отношения с военными приняли в этот период более формальный, конструктивный, менее ожесточенный характер⁴⁷.

Акцент был сделан на задачу модернизации и профессионального совершенствования армии, во главе которой после ухода Пиночета с поста главкома сухопутных сил в 1998 г. встал представитель нового технократического крыла генерал Рикардо Исурьета, никак не запятнавший себя карательными акциями в период военного режима. В своих публичных выступлениях Р. Исурьета неоднократно заявлял, что его волнует не политика, а вопросы обороны и общественный имидж вооруженных сил, их интеграция в жизнь страны.

⁴⁶ Avendaño O. Op. cit. – P. 165.

⁴⁷ García G. National Defense and the Armed Forces // Chile in the nineties / Ed. Toloza C., Lahera E. – P. 163-181.

На этом этапе серьезным испытанием для достигнутого политического компромисса стал арест А. Пиночета (в тот момент – уже пожизненного сенатора) в Лондоне в 1998 г., куда он выехал на лечение. К процессу преследования активно подключилась Испания в лице судьи Бальтасара Гарсона, специализировавшегося на ведении дел о нарушениях прав человека, и европейские правозащитные организации, требовавшие открытого международного суда над экс-диктатором за политические репрессии, которым подверглись в годы его правления не только чилийцы, но также многие иностранцы⁴⁸.

Правительство Чили оказалось под давлением различных сил. С одной стороны, правые партии и семья Пиночета настаивали на немедленном и кардинальном вмешательстве, вплоть до разрыва дипломатических отношений с обеими странами. С другой – оживились левые анти-пиночетистские движения и организации внутри Чили, заявлявшие в том числе о необходимости возмездия, и родственники видных политиков, пострадавших в годы режима. Дочь С. Альенде и известный адвокат-правозащитник Х. Бустос вылетели в Лондон, чтобы поддержать экстрадицию Пиночета в Испанию для судебного разбирательства.

В этой ситуации очень многое зависело от политической воли правительства, прагматизма проправительственных центристских партий и позиции самих ВС, в первую очередь – армии под командованием генерала Р. Исурьеты. Необходимо отметить, что впервые за много лет и военные, и демократическое правительство оказались по одну сторону баррикад, выступили как союзники, осознавшие опасность дальнейшего противостояния. Армия, поддерживая Пиночета, в то же время подчеркивала свою лояльность правительству, которое, в свою очередь, потребовало от Лондона и Мадрида освобождения бывшего диктатора и возвращения его на родину, считая суд над ним внутренним делом Чили⁴⁹.

⁴⁸ Kornbluch P. Pinochet: los archivos secretos. – P. 292-296.

⁴⁹ Silva P. Op.cit. – P. 387.

Характерно, что генерал Р. Исурьета, вопреки требованиям семьи Пиночета и правых лидеров, выехал в Лондон для урегулирования проблемы только в 1999 г., и, как отмечалось, в почти невыносимой для его статуса гражданской одежде⁵⁰.

В результате многосторонних переговоров и поездки официальной чилийской делегации в составе видных политиков вопрос был все-таки решен. Пиночет, проведя под арестом 503 дня, так и не был осужден международным судом и вернулся домой, что вызвало волну критики в международной прессе в адрес Чили. В то же время, не только дипломатические отношения, но и торговое партнерство, и договоры о закупке чилийской стороной военной техники в Испании сохранились; был понижен лишь ранг чилийских военных представителей в Лондоне и Мадриде⁵¹.

В последние месяцы правительства Э. Фрея, в конце 1999 г., по инициативе министра обороны Э. Переса Йомы начал свою работу «Стол диалога» («Mesa del Diálogo»), в котором участвовали представители организаций гражданского общества, религиозных кругов, видные военные и общественные деятели⁵². Целью переговоров было ускорить процесс гражданского примирения, снизить накал политических страстей из-за ареста Пиночета и наконец рассказать о судьбе «desaparecidos» – пропавших без вести. Несмотря на то, что инициатива не увенчалась ожидаемым успехом, вызвав взаимное разочарование сторон и определенное раздражение в обществе, само слово «диалог» применительно к политическим противникам свидетельствовало о поиске компромисса, о готовности избежать повторения пережитой драмы.

Таким образом, на протяжении 1990-х годов никому из демократических президентов не удалось найти однозначное решение,

⁵⁰ Huneus C. Las consecuencias del caso Pinochet en la política chilena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.cerc.cl/publicaciones%20academicas.htm> (fecha de acceso 10.11.2012).

⁵¹ Ibidem.

⁵² Silva P. Op.cit. – P. 388.

которое устроило бы все политические силы. В итоге в этот период наказание понес только ближайший помощник Пиночета в 1973-1977 гг., шеф секретной службы DINA генерал Мануэль Контрерас, осужденный первый раз в 1995 г. на 7 лет за организацию убийства О. Летельера, министра иностранных дел в правительстве С. Альенде, и еще несколько его ближайших помощников. Впоследствии, в период президентства Р. Лагоса, судебное преследование М. Контрераса – одной из самых зловещих фигур военного режима – было продолжено⁵³. Начало этого процесса имело важнейшее символическое значение, свидетельствуя о том, что изменился не только политический климат в стране, но и расстановка политических сил: юридически закрепленный Законом об амнистии иммунитет военных был поставлен под сомнение, а один из творцов репрессивной машины режима публично осужден.

Однако военные в целом так и не подверглись массовому судебному преследованию в той мере, в какой того требовали чилийские и международные правозащитные организации, избежали показательных процессов и сохранили свой авторитет и статус в глазах значительной части общества. Что это было? Высокая, но необходимая цена гражданского мира, позволившая демократическим правительствам в тот момент выполнить возложенную на них задачу – избежать необратимой политической радикализации общества, серьезного гражданского конфликта, обеспечить поэтапность трансформации и сохранить демократию, не скатываясь в пропасть взаимных обвинений? Или – принципиальная политическая уступка, опасность которой станет очевидной только спустя годы, когда вырастет поколение, не знавшее ни военного режима, ни страха перед арестами, ни опасений за хрупкость возрожденной демократии? На этот вопрос до сих пор нет прямого ответа – оценка зависит от идеологических и политических симпатий автора. Трагизм предложенного выбора состоял в

⁵³ Kornbluch P. Op. cit. – P. 329-330.

том, что, выигрывая тактически, демократическая власть могла проиграть стратегическую долгосрочную кампанию, поскольку общество, вовремя не наказавшее виновных в насилии, оставляет неразрешенной серьезную этическую проблему, которая может заявить о себе спустя годы, в самый неподходящий момент.

Тем не менее, рецепт сохранения гражданского мира и стабильности для начала переходного периода был выбран, и процесс политической демократизации к концу 1990-х годов завершился упрочением демократических институтов и ценностей. Постепенно «фактор Пиночета» стал играть все меньшую роль в чилийской политике; вооруженные силы вынуждены были признать новые правила политической жизни, принять свое место в демократической государственной системе. События 1998 г., особенно их международный резонанс и его влияние на имидж страны, сыграли решающую роль в изменении позиции правых партий. Сначала RN, затем и UDI все энергичнее дистанцировались от фигуры Пиночета и пиночетизма в целом, на выборах стали подчеркивать не консервативную приверженность стремительно устаревающим принципам, а вовлеченность в демократический процесс, понимание новых национальных задач, стремление и способность решать современные проблемы.

III.3. Социальная политика государства: преодоление драмы бедности.

Важнейшей составляющей процесса демократического транзита стало решение не только политических, но и социальных проблем, формирование эффективной социальной политики, способной реально скомпенсировать негативные последствия рыночных реформ. Серьезный вызов для правительств П. Эйльвина и Э Фрея представляла проблема бедности, от решения которой зависели не только качество, но и судьба новой демократии.

Необходимо отметить, что проблема бедности до сих пор – одна из самых трагических и трудноразрешимых во всей Латинской Америке. Правительству, приступающему к ее преодолению, неизбежно приходится делать выбор между двумя основными пониманиями самого феномена бедности – абсолютным и относительным⁵⁴.

Абсолютный подход, сформировавшийся в рамках западной социологии еще в конце XIX в., исходит из определения формальной «черты бедности», или «минимального прожиточного уровня», выраженного в конкретных цифрах, ниже которого существование практически невозможно. Термин «абсолютная бедность» или «нищета» относится к ситуации полного отсутствия средств, необходимых для минимального физического поддержания жизни (пищи, одежды, жилья). Это предельно узкое, инструментальное понимание бедности, предполагающее, что вне зависимости от времени, страны, климата, традиций существуют определенные и конкретные базовые потребности, без удовлетворения которых выживание человека просто невозможно. Так называемый «абсолютный подход» не учитывает другие потребности людей – социальные, эмоциональные, культурные и др. Его недостатками справедливо считаются ограниченность, жесткость, утилитарное и однозначное понимание проблемы бедности, которая рассматривается только в связи с невозможностью обеспечить физический уровень выживания человека. В то же время, абсолютный подход к анализу и измерению бедности имеет ряд преимуществ, если речь идет о формировании общей концепции социальной политики. Преимущества состоят в рациональности, предполагающей, что уровень бедности и количество бедных измеряются не в абстрактных теориях, а в конкретных цифрах, а также в определенности и прагматизме. Эти критерии необходимы для разработки и реализации эффективной социальной политики, которая

⁵⁴ Подробнее о феномене бедности см: Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности / Отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2006. – 287 с.

ставит цель хотя бы немного, используя адресные капиталовложения, компенсационные выплаты и т.д., повысить жизненный уровень беднейших групп населения и тем самым преодолеть абсолютную «черту нищеты».

В 1950-1960-е годы среди английских и американских социологов усилилась критика «абсолютного» подхода к анализу бедности⁵⁵. Повышение уровня жизни общества в Европе и США во второй половине XX в. заставило исследователей обратить внимание на такое понятие, как качество жизни населения, которое включает показатели «уровень дохода» и «черта бедности», но этим не ограничивается. Постепенно в научных, а затем и в политических кругах распространился так называемый «**относительный**» подход к бедности, связанный с психологическим самочувствием личности, с представлением о социальном неравенстве, о лишении человека социальных перспектив и возможности вести принятый в данном обществе образ жизни. Бедность с точки зрения этого подхода оказывается явлением значительно более трагическим и сложным, так как включение «человеческого измерения» и психологических факторов в рамки научного исследования требует глубокого и многостороннего анализа. В то же время, «относительное» понимание бедности лишено жесткой конкретности и вынужденного прагматизма абсолютного подхода, оно востребовано скорее в богатых и развитых обществах, для которых проблема физического выживания в принципе давно решена, и актуальной является проблема выравнивания социального блага и гармонизации социальных отношений в соответствии с принципом общественной справедливости⁵⁶.

Социальная политика первых правительств Консерваторов была нацелена на преодоление в первую очередь «абсолютной» бедности, так как жесткие экономические реформы, проведенные военным режимом, привели к обнищанию практически половины населения страны. Поднять, даже незначительно, уровень жизни этих групп населения, вывести их из

⁵⁵ Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Социология. – М.: АСТ, 1998. – С. 351-355.

⁵⁶ Дьякова Л.В. Бедность в Латинской Америке: основные подходы и интерпретации (Обзор выступлений на круглом столе) // Латинская Америка. – 2005. – № 3. – С.4-22.

состояния крайней бедности или нищеты, дать почувствовать преимущества экономического роста, было жизненно важной задачей.

К началу периода демократизации Чили была страной с одним из самых высоких даже для Латинской Америки уровней бедности и социального неравенства.

По данным Экономической Комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*), население, живущее за чертой бедности, в 1990 г. составляло 38,6%, а в условиях крайней нищеты, т.е. ниже черты прожиточного минимума (с доходом на человека менее 1 долл. в день) – 12,9%⁵⁷. (Национальные источники приводят и другие цифры по бедности, указывая цифру в 45%)⁵⁸. При этом в руках 10% наиболее богатых было сконцентрировано 40,8% национального дохода, а 10% наиболее бедных располагали 1,4% национального дохода, что по уровню социального неравенства ставило Чили на 54 место в мире⁵⁹. Таким образом, к 1989-1990 гг., несмотря на показатели устойчивого макроэкономического развития, практически половина населения страны оказалась на грани выживания.

В начале периода демократизации эта часть общества ожидала от нового правительства быстрого улучшения своего положения. Предпринимательские круги и новый средний класс выступали за экономический рост и продолжение неолиберального курса, начатого при Пиночете. Жесткие установки бизнес-элиты, опирающейся на поддержку влиятельных политических сил и армии, являлись фактором, препятствующим новым социальным начинаниям. Реализация социальной политики по преодолению бедности была невозможна без определенного идеологического обоснования в глазах всего общества, в том числе и его высшего слоя.

⁵⁷ CEPAL. *Panorama social de América Latina. 2001-2002.* – Santiago de Chile, 2003. – P.211; Arenas de Mesa A. y Gusman Cox J. *Política fiscal y protección social en Chile // Revista de la CEPAL.* – 2003. – N81. – P. 131-132.

⁵⁸ Escalona C. *Op. cit.* – P. 9.

⁵⁹ Moulian T. *Chile actual: anatomía de un mito. Op. cit.* – P. 95-96.

В этих условиях социалисты и христианские демократы предложили свою идеологию «рыночных реформ, но не рыночного общества», которая должна была способствовать проведению эффективных социальных преобразований без ущерба для экономического развития. Бизнесу было гарантировано соблюдение экономических правил, установленных в период правления военных. Уже в предвыборной программе Консертасьон бедность рассматривалась как главная и наиболее острая проблема страны, как свидетельство ее отсталости, для преодоления которой необходима общественная солидарность, согласие и диалог всех социально-политических сил. «Мы стремимся к динамичной экономике и к обществу, в котором господствует принцип социального равенства, в котором результаты производительного труда направлены на удовлетворение насущных потребностей беднейших слоев населения, таких, как питание, здоровье, образование, жилье и общественная безопасность», – отмечалось в этом документе⁶⁰.

Первое демократическое правительство под руководством П. Эйльвина, возлагало ответственность за ситуацию, при которой широкие слои населения живут в нищете, лишены образования, работы и медицинской помощи, не на какой-то конкретный класс, а на все общество в целом и в первую очередь – на политическую элиту, стоявшую у власти⁶¹.

Необходимо отметить, что личность и взгляды самого П. Эйльвина, христианского демократа, сыграли огромную роль в формировании правительственной позиции по отношению к бедности. Он считал, что вопиющее социальное неравенство является показателем незрелости, отсталости всего общества, а не отдельных его групп, и может превратиться в основной тормоз модернизации и демократизации. П. Эйльвин понимал, что судьба демократии во многом зависит от успешности и эффективности

⁶⁰ Cavieres E.F. Modernidad económica y atraso social. Los dilemmas de la experiencia chilena, 1960-2003. // "L'Ordinaire Latino-américain". – 2003. – N 193. – P. 84.

⁶¹ Дьякова Л.В. Социальная политика по преодолению бедности в Чили (1990-2004). // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С.15-29.

социальной политики, которая не должна в то же время препятствовать росту чилийской экономики и подвергать опасности непрочный политический компромисс, многократно усиливая роль государства в распределении экономических благ. В итоге никакая социальная группа не обвинялась в обогащении и жесткости рыночных реформ, проведенных за счет широких слоев населения. Напротив, акцент был сделан на новых надеждах по преодолению бедности в условиях современного высокоразвитого и экономически эффективного общества, готового соблюдать принципы всеобщего благосостояния и равных возможностей.

Правительство П. Эйльвина определило стратегический подход к проблеме бедности, исходя из христианской этики солидарности и взаимной ответственности различных слоев общества. Его важнейшим достижением стало проведение налоговой реформы (утвержденной Конгрессом в начале 1990 г.), в результате которой бюджетные поступления увеличились на сумму, эквивалентную 2% ВВП (700 млн долл. в год)⁶². Этот экономический ресурс позволил приступить к постепенному улучшению жизни беднейших слоев.

За годы президентства П. Эйльвина на 5% выросла реальная заработная плата, была приостановлена инфляция, а безработица, благодаря стабильно высокому экономическому росту (около 7% в год), сократилась до 4,5% (в 1985 г. она составляла 20%). В результате абсолютная бедность сократилась с 38,6% в 1990 г. до 27,5% в 1994 г., что можно считать большим социальным достижением для столь короткого периода⁶³.

В 1990-1994 гг. были начаты многие социальные программы, но их реализация и интенсивный рост капиталовложений в социальную сферу пришлось на середину 1990-х, когда президентские полномочия Эйльвина уже закончились. Роль первого демократического правительства состояла в том, что оно определило социальные приоритеты, поставило задачу

⁶² Morandé F. El Caso Chileno. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. – Buenos Aires: CIEDLA, 1993. – P. 53

⁶³ Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. – Op. cit. – P. 132.

преодоления бедности в качестве магистральной линии дальнейшего развития.⁶⁴

В начале президентства Э. Фрея была утверждена Национальная программа по преодолению бедности (Programa Nacional para la Superación de la Pobreza), основанная на многочисленных социальных инициативах и предложениях как правительственных комиссий, так и общественных организаций. Программа намерений включала несколько базовых направлений:

- обеспечение всего населения страны жизненно важными услугами по доступным ценам – питьевой водой, электроэнергией, канализацией и телефонной связью;
- создание в малодоступных и отдаленных областях страны дорог, образовательных и медицинских учреждений, преодоление изолированности от городских центров;
- развитие самостоятельности и инициативы муниципалитетов бедных районов, финансовое содействие их деятельности по поддержке нуждающихся домохозяйств;
- разработка с этой целью ряда конкретных проектов, рассчитанных на адресную помощь правительства и низовую активность жителей бедных районов; разработка специальной программы по поддержке женщин-глав домохозяйств, находящихся в ситуации крайней бедности;
- повышение профессионализма управленческих кадров, ответственных за осуществление программ на местах;
- пересмотр устаревших и неэффективных социальных программ⁶⁵.

Реализация намеченной социальной политики предполагала серьезное увеличение капиталовложений. На протяжении 1990-2000 годов возрастали

⁶⁴ Haagh L. Citizenship, Labour Markets and Democratization. Chile and the Modern Sequence. – N-Y: Palgrave, 2002. – P. 97-177.

⁶⁵ Maira L. Las políticas sociales en América Latina: enseñanzas recientes para tiempos difíciles // Comercio Exterior. – 2003. – Vol. 53. – N 7. – P. 645.

государственные расходы на социальную сферу. Если в начале 1990-х годов они составляли в среднем 12,5% от ВВП, в 1996-1997 гг. – 13% , то в 2000 – 15,6% от ВВП⁶⁶.

Выросли и среднестатистические показатели государственных социальных расходов на душу населения: в 1996-1997 гг. они составили 718 долл., в 1998-1999 гг. – 838 долл., а в 2000 г. – 936 долл. в год. Такие же показатели были только в Бразилии, а выше этого уровня в конце 1990-х годов – в Аргентине (1650 долл.) и Уругвае (1494 долларов). Для сравнения, в Колумбии расходы на душу населения в год в 2000 г. составили 337 долл., в Мексике – 456 , Венесуэле – 402, в Перу – 187 и в Боливии – 183 доллара⁶⁷.

Политика государства была сосредоточена на нескольких приоритетных направлениях – образовании, здравоохранении, строительстве жилья, совершенствовании системы социального обеспечения.

Повышение доступности образования, на этом этапе – в первую очередь начального и среднего, и повышение его качества для беднейших слоев населения всегда играло существенную роль в политике, направленной на преодоление бедности. После реформы 1981 г. и Закона об образовании 1990 г., система среднего образования в Чили являлась предельно децентрализованной и смешанной. В ней сосуществовали полностью частные, платные школы (*privadas*), бесплатные муниципальные (*municipales*), финансируемые и управляемые муниципалитетами, и так называемые «субсидируемые» (*subvencionadas*), или «смешанные», находящиеся в частном управлении, но финансируемые государством в зависимости от количества учеников, а также с помощью специальной образовательной субсидии (*subvención*). Эта субсидия выплачивалась на каждого школьника, при этом семье предоставлялась возможность свободного выбора школы (муниципальной или субсидируемой), которая вместе с ребенком получала и его субсидию, что должно было

⁶⁶ Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. – Op. cit. – P. 131.

⁶⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2002-2003. – Santiago de Chile, 2004. – P. 175.

стимулировать конкуренцию и способствовать повышению качества образования⁶⁸. Однако, если уровень образования в дорогих частных школах традиционно оставался высоким, а смешанные «субсидируемые» школы сильно различались по качеству обучения, составу преподавателей и учащихся (самые лучшие могли себе позволить выбирать учеников), то муниципальные школы, работавшие в бедных районах с небольшим муниципальным бюджетом, представляли серьезную социальную проблему. В них, как правило, обучались дети и подростки из самых бедных и неблагополучных семей (они составляли 85% учащихся этих школ и 58% смешанных)⁶⁹.

Считая школу, особенно начальную и среднюю, незаменимым культурным и психологическим центром для детей из бедных слоев, выполняющим функцию социализации и развития личности, правительство П. Эйльвина поставило задачу повысить качество образования в муниципальных школах и усовершенствовать всю систему школьной жизни, приблизив ее к общему уровню хороших школ. Огромную роль в реализации этой задачи сыграл министр образования в 1990-1992 гг. и будущий президент Р. Лагос. Он был одним из инициаторов и авторов реформы, направленной на углубленное развитие базового образования, повышение его доступности и качества для детей из бедных слоев общества.

В связи с этим в 1990 г. были разработаны и вступили в действие ряд специальных программ, направленных на качественное улучшение базового образования. Предполагалось не только увеличить время пребывания детей в школе, улучшить школьную инфраструктуру и систему питания, но также развивать современные методы преподавания, разрабатывать инновационные проекты, привлекать молодых и квалифицированных специалистов.

⁶⁸ El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed.by Lagos R.E y Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011. – P. 93.

⁶⁹ Ермольева Э.Г. Что есть сегодня чилийская модель образования? //Латинская Америка – 1996. – № 7-8. – С.78.

Одной из важных мер в осуществлении этой цели стала долгосрочная «Программа 900 школ» (“Programa de las 900 escuelas”, P-900), предусматривавшая ежегодную помощь 900 школам, большинство из которых находилось в удаленных сельских районах страны и в бедных кварталах городов⁷⁰. Это были школы, имевшие наиболее низкие показатели эффективности и качества учебной работы по результатам ежегодного общенационального тестирования SIMSE (Sistema de medición de la calidad de la educación). Помимо денежных субсидий, в эти школы направлялось современное оборудование, учебники и методические пособия, организовывались курсы повышения квалификации для учителей, с отстающими учениками на добровольной основе работали лучшие выпускники других средних школ. Проект был поддержан правительствами Дании и Швеции, выделившими Чили 12 млн долларов⁷¹. Эти меры привели к улучшению ситуации в большинстве школ-участников программы. За 1990-1996 гг. в проект были вовлечены более 2100 школ, самые успешные из них постепенно вышли из программы⁷².

Реализация программы P-900 характеризовала отношение правительства к проблеме доступности школьного образования в целом и к проблеме выравнивания социальных возможностей детей и молодежи из различных слоев общества. В 1990 г. была принята также программа «Питание» (“Alimentación”), предусматривавшая обеспечение дополнительным школьным питанием детей из бедных семей и действовавшая на протяжении последующих 20 лет⁷³.

За период 1990-1999 гг. доля расходов на образование в совокупных расходах государства выросла в среднем с 11,5% в 1987-1989 гг. до 14,1%; в 2 раза увеличились ежегодные субсидии, предоставлявшиеся школьникам, и в 2,5 раза – денежная помощь студентам из бедных семей. Выросла средняя

⁷⁰ Carlson B.A. ¿ Qué nos enseñan las escuelas sobre la educación de los niños pobres en Chile? // Revista de la CEPAL – 2000. – N 72. – P. 169.

⁷¹ Ермольева Э.Г. Ук. соч. – С. 79.

⁷² Carlson B.A. Op. cit. – P. 168-170.

⁷³ Escalona C. Op. cit. – P. 36.

зарплата школьных и университетских преподавателей (в муниципальных школах и госуниверситетах – более чем в 2 раза с 1990 по 1999 год)⁷⁴.

В то же время, процесс совершенствования всех уровней системы образования был только начат: в этой сфере оставались нерешенные, сложные вопросы, основной смысл которых был связан с неравным доступом к современному, качественному образованию детей и молодежи из различных слоев общества.

В развитии системы здравоохранения основной акцент был сделан на достижении равных возможностей в оказании медицинской помощи, на повышении уровня медицинского обслуживания беднейших категорий населения. После 1981 г. эта система в Чили финансируется как государственными, так и частными фондами, а объем и качество обслуживания напрямую зависят от оплаты, размер которой дает право на определенный набор медицинских услуг. В связи с этим важным моментом социальной политики стало дополнительное финансирование государственных медицинских учреждений, обслуживающих наименее обеспеченную часть общества. Несмотря на серьезные общие достижения (увеличение средней продолжительности жизни и сокращение детской смертности), самой острой проблемой продолжало оставаться глубокое социальное неравенство, недоступность квалифицированного медицинского обслуживания для населения удаленных территорий, неспособность беднейших категорий населения оплачивать даже тот минимум, который необходим для самого примитивного набора услуг, недостаточное внимание заботе о пожилom населении. Характерным примером может служить тот факт, что в 1990 г. 11% населения в возрасте старше 60 лет вообще не имела доступа к системе здравоохранения (к 1998 г. их число составило 7%)⁷⁵. Серьезные риски были связаны также с положением беременных женщин и

⁷⁴ Ibid. – P. 36, 27, 30, 34.

⁷⁵ Ibid. – P. 44.

детей из бедных семей, которые оказывались не в состоянии оплачивать медицинские услуги, а качество бесплатной помощи было низким.

Правительства Эйлвина и Фрея понимали необходимость кардинально менять ситуацию, однако для этого требовалось выйти на новый уровень социальной политики в целом, иметь для этого соответствующие ресурсы и решить ряд других, еще более насущных проблем, связанных с самим понятием «абсолютная бедность».

За 1990-1999 гг. социальные расходы на здравоохранение были несколько увеличены (их доля в общих расходах государства выросла в среднем с 9,8% в 1987-1989 гг. до 11,8%)⁷⁶. Однако основные трудности в этой сфере преодолены не были, что дало основание Всемирной организации здравоохранения в 2000 г. поставить Чили на 103 место в мире по уровню доступности медицинского обслуживания для бедных групп населения. (В то время как по общим успехам в области качества медицинских услуг, доступных богатому населению, страна находилась на 45 месте)⁷⁷. Таким образом, система здравоохранения на своем самом высоком уровне стала более модернизированной и современной, но утратила принцип социальной направленности в обслуживании низших слоев общества.

В системе социальной защиты и пенсионного обеспечения были продолжены преобразования, предпринятые еще в годы военного правления А. Пиночета. Смысл этих изменений сводился к тому, чтобы определить наиболее нуждающиеся категории населения и усилить в их отношении государственную поддержку, а также содействовать индивидуальным усилиям человека, стремящегося самостоятельно выйти из бедности. Очевидно, что наибольшие преимущества получили те группы населения, которые были уже включены в рынок труда, то есть имели постоянную официальную работу и регулярно платили налоги. Все эти годы инструментом социальной защиты беднейшей части служили денежные

⁷⁶ Ibid. – P. 43.

⁷⁷ Wallace St.P. Equidad en la atención médica del adulto mayor en Chile: papel de la previsión // Revista de la CEPAL. – 2002. – N 78. – P. 128.

субсидии государства, которые направлялись самым незащищенным и нуждающимся слоям населения, представляющим 1/5 часть общества («нижние» 20% – “quintil I”). Государственные субсидии включали дополнительные пенсии, пособия в случае крайней нищеты, семейные пособия и пр. выплаты. Все эти выплаты в 2000 г. составляли всего 8,6% семейного дохода беднейшего слоя. В денежном исчислении это были небольшие, но постоянные суммы, которые позволяли семьям, находящимся в ситуации крайней бедности, несколько улучшить свое положение.

В то же время, помимо прямой денежной поддержки, большое значение имела и целенаправленная социальная помощь, предоставляемая в виде услуг и льгот (в первую очередь они касались образования и здравоохранения, а также дешевого жилья). Пособия «льготами и услугами» составляли в 2000 г. в среднем 37,2% бюджета бедных домохозяйств и являлись важнейшим элементом улучшения их жизни⁷⁸. Расходы государства на строительство социального жилья и выплату жилищных субсидий выросли в 1990-1999 гг. в 2 раза, по сравнению с периодом 1987-1989 годов⁷⁹.

В сфере жилищного строительства в 1990 г. была принята долгосрочная программа «Чили-квартал» (“Chile-Barrio”), главной задачей которой являлось предоставление жителям, главным образом семьям в маргинальных кварталах и поселках (и в городах, и в сельской местности), специальных субсидий на приобретение современного жилья, оборудованного водоснабжением, канализацией, электричеством. (Дефицит таких домов в 1990 г. составлял 1 миллион). В разработке программы принимали участие ряд целевых министерств (Министерство жилья и градостроительства; Планирования и кооперации; Национального благосостояния), а реализация была возложена на местные органы власти. Долгосрочной целью программы было постепенное преодоление социальной

⁷⁸ Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. Op.cit. – P. 134.

⁷⁹ Escalona C. Op. cit. – P. 40-41.

исключенности бедных и маргинальных семей, приобщение их к более современному образу жизни, улучшение инфраструктуры в бедных кварталах и поселках (строительство школ, детских садов, больниц, создание обучающих курсов), повышение качества жизни сельского и индейского населения. Программа предусматривала также активное участие самих жителей. К 1996 г. дефицит жилья несколько уменьшился: в среднем около 20 тыс. семей в год охватывались этой программой, продолженной и в 2000-е годы⁸⁰.

Предпринятые в 1990-1999 гг. меры продемонстрировали, что адресность, конкретность и целенаправленность социальной помощи в определенных обстоятельствах и при продуманной политике может частично компенсировать ее недостатки, сократить нищету и поддержать жизнеспособность беднейших слоев, что и было осуществлено в рамках правительственных программ.

К решению проблемы бедности и социального неравенства активно подключились организации гражданского общества, имевшие социокультурную, психологическую и просветительскую направленность. Как и в годы военного режима, низовые гражданские инициативы продолжали играть огромную роль в улучшении повседневной жизни «своими силами». Помимо профсоюзов и трудовых коллективов, соседские комитеты, клубы, микропредприятия, основанные на взаимопомощи и солидарности, остались и по-прежнему выполняли большую социальную работу, занимаясь не только функциями жизнеобеспечения, но также психологической компенсации, поддержки и адаптации беднейших слоев населения в новом «обществе успеха» и неолиберальных ценностей.

В этой деятельности стали активно участвовать некоторые неформальные партии и движения, не имевшие серьезного политического

⁸⁰ Chile-Barrio: Un esfuerzo compartido. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.eclac.org/ddsah/noticias/paginas/5/11915/a_palrr (fecha de acceso 19.10.2012).

веса и влияния в большой политике, но стремившиеся проявить себя на муниципальном уровне. Характерным примером может служить работа активистов РН (Гуманистической партии) в бедных кварталах Сантьяго. Эта партия, созданная в 1984 г. рядом оппозиционеров военному режиму, в 1987 г. вошла в состав Консертасьон, из которой в 1993 г. вышла по идейным соображениям, перейдя на позиции левой внепарламентской оппозиции. В качестве независимой политической силы гуманисты успеха не имели⁸¹, но их практика низовой социальной работы, подкреплённая специфической идеологией ненасилия и жесткой критикой неолиберальной модели развития, представляла собой оригинальный вариант претворения в жизнь теории «малых дел» и разнообразных гражданских инициатив.

С начала 1990-х годов гуманисты стремились укрепиться на муниципальном уровне, получить поддержку беднейших слоев населения. В некоторых городских районах ими были организованы центры досуга, психологической поддержки и дополнительного образования для женщин («Дом женщин»), молодежи («Дом молодежи»), пожилых людей («Дом для всех»), а также сеть детских садов и специальных центров для недоедающих детей. Гуманисты занимались улучшением школьного образования в бедных кварталах (организацией курсов подготовки в высшие учебные заведения для молодежи при участии волонтеров – студентов, молодых университетских преподавателей). Для женщин при поддержке муниципальных и центральных властей (в частности, министра Национальной службы занятости Соледад Альвеар) в 1991-1993 гг. создавались курсы профессиональной подготовки и новые рабочие места в системе услуг (швейных мастерских, небольших магазинах, кондитерских)⁸².

Важную социальную роль играла психологическая и медицинская поддержка особо дискриминируемых социальных групп (носителей СПИДа,

⁸¹ Кандидат РН Кристиан Райтце на президентских выборах 1993 г. получил всего 1,17% голосов.

⁸² Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2014. – № 8. – С.16-23; Там же. – 2014. – № 9. – С.4-15.

наркоманов, сексуальных меньшинств, несовершеннолетних матерей-одиночек, женщин-жертв домашнего насилия). Этой деятельностью в рядах гуманистов активно занимались студенты-психологи и молодые специалисты, нуждавшиеся в практическом опыте, но в то же время обладавшие большим чувством социальной ответственности. Автора в 1994 г. поразила активность и самоотверженность именно рядовых участников Гуманистического движения (El Movimiento Humanista), их глубокая убежденность в том, что постоянная «низовая» работа в самых неблагополучных, бедных районах Сантьяго, «практика малых дел» рано или поздно приведет к качественным социальным переменам.

Они также вели серьезную просветительскую работу с населением бедных кварталов, не только воспитывая толерантность, взаимопонимание, чувство собственного достоинства, но и просто информируя жителей об их правах и возможностях в демократическом обществе. Особенно актуальной для начала 1990-х годов была социально-психологическая работа с женщинами из неблагополучных районов, практически не имевшими представления ни о своих правах внутри семьи, ни о способах защиты от домашнего насилия.

Гуманисты участвовали и в традиционно существующих формах социальной работы на местах – например, в «центрах прямого действия», созданных желающими построить собственное жилье, или решить какую-то иную проблему, связанную с городской инфраструктурой – от установки светофора напротив районной школы до ремонта детского сада или оснащения досугового центра.

Практика работы чилийских гуманистов в беднейших районах Сантьяго представляла собой характерный пример взаимодействия политической партии и низовой социальной деятельности. Прагматическая задача получения поддержки на муниципальных выборах, которую преследовали партийные функционеры, рассматривавшие муниципальный уровень как ступеньку для дальнейшего карьерного роста, сочеталась с

действительно эффективной работой на местах. Показательно, что гуманисты, как и другие политические течения, как низовые христианские общины, работающие в бедных районах, стремились решить или хоть как-то смягчить проблемы самых незащищенных групп общества, которые, как правило, не находили полноценного выражения в правительственных программах. Важнейшим моментом являлось то обстоятельство, что реализация большинства социальных проектов происходила, как правило, во взаимодействии с муниципальными властями, бизнесом, но на основе активной и целенаправленной позиции самих жителей.

В 1990-е годы продолжали действовать многие ранее созданные крупные неправительственные организации, например, Центр Исследования и развития образования (CIDE) и Латиноамериканский Факультет социальных наук (FLACSO), которые занимались масштабными научными и образовательными проектами. Они не только курировали низовую социальную деятельность, но и работали в постоянном контакте с международными и правительственными структурами, занимались реализацией важнейших правительственных программ.

Одной из таких организаций в Чили стал Фонд преодоления бедности (Fundación Superación de la Pobreza), созданный в 1994 г. как консультационный совет по проблемам бедности при правительстве. В последующие годы Фонд превратился в крупный аналитический и координационный центр, направляющий социальную работу по преодолению бедности, занимавшийся анализом сложившейся ситуации, систематизацией и совершенствованием существующей социальной практики и разработкой новых программ⁸³. В своей деятельности Фонд исходил из принципов социальной солидарности и ответственности благополучных общественных групп за уменьшение нищеты, отсталости и невежества, а также за вовлечение самих бедных в процесс улучшения

⁸³ Fondo Nacional de la Superación de la Pobreza. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.superacionpobreza.cl/trabaja-con-nosotros/?lang=en> (fecha de acceso 15.06.2017).

жизни. Активистами Фонда являлись студенты, молодые профессионалы разных специальностей, социальные работники, мелкие и средние предприниматели, учителя и университетские преподаватели. Развитие и укрепление социальных связей с жителями бедных кварталов, организация новых проектов, просветительская деятельность стали для них современной моделью поведения, требующей активности, демократичности, вовлеченности в жизнь гражданского общества.

Работа неправительственных организаций, объединений и движений, успешно действовавших в 1990-е годы в самых различных областях общественной жизни, была прагматичной и многофункциональной, тесно связанной с конкретными практическими делами, с четкой постановкой целей и задач⁸⁴. Возможно, здесь никогда не уделялось особого внимания «большим», «фундаментальным» проблемам социально-политического развития. Возможно, в этой деятельности не прослеживалась и «гражданская культура» в ее подлинном, европейско-американском, смысле, предполагающим обязательную и осознанную политическую вовлеченность гражданина. Однако философия и практика постепенного улучшения реальной жизни «снизу», с помощью постоянного труда, солидарности, экономии, активности, на протяжении длительного исторического периода – с 1960-х годов – являлась лучшим доказательством жизнеспособности гражданского общества, его глубокого соответствия национально-исторической специфике Чили.

Общие результаты социальной политики десятилетия 1990-х гг., несмотря на многочисленную и часто справедливую критику в их адрес, были значительны. Деятельность первых демократических правительств развивалась на фоне благоприятной экономической конъюнктуры 1990-1997 гг., которая позволила продолжить экономические реформы, сохранить

⁸⁴ Uggla F. *Disillusioned in Democracy: Labour and State in post-transitional Chile and Uruguay*. – Uppsala: Uppsala Univ., 2000. – P.221-255.

высокие темпы экономического роста (в среднем – 8% в год), и одновременно существенно сократить абсолютную бедность.

По данным CEPAL, общее число бедных сократилось практически в два раза - с 38,6% в 1990 г. до 20,6% в 2000 г., а количество нищих уменьшилось с 12,9% до уровня 5,7%, соответственно. Доля бедных домохозяйств сократилась за период 1990 - 2000 гг. с 33,3% до 16,6%⁸⁵. Существенно снизилась безработица (с 20% в 1985 г. до 5% в 1997 году)⁸⁶. Кроме того, к 2000 г. недоедающее население в Чили составляло не более 4 %, что является крайне низким показателем для Латинской Америки вообще, меньше – только в Аргентине (2%) и Уругвае (3%)⁸⁷.

Достижения в преодолении бедности, так же, как и политическая стабилизация общества, создали Чили международный имидж «страны-успеха», «витрины латиноамериканской демократии». Можно сказать, что социальный контракт между политиками блока Консертасьон, бизнесом и средним классом был выполнен. Тем не менее, ни правительству П. Эйльвина, ни правительству Э. Фрея не удалось преодолеть самую острую и болезненную проблему страны – глубокое социальное неравенство, которое осталось практически прежним.

Значительные инвестиции в социальную сферу привели к сокращению абсолютной, но не относительной бедности, поскольку улучшение качества жизни бедных слоев происходило одновременно с увеличением доходов наиболее богатых социальных групп. В то же время, как отмечали отечественные авторы-латиноамериканисты Э.Е. Кузнецова и Л.В. Пегушева, исследования, проведенные в последние годы международными и региональными организациями (ООН, МОТ, Всемирный банк и др.), «свидетельствуют, что даже незначительные сокращения неравенства имеют позитивное воздействие на уровень бедности. В тех немногих случаях, когда

⁸⁵ Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. – Op.cit. – P. 132.

⁸⁶ Frank V. The Elusive Goal in Democratic Chile: Reforming the Pinochet Labor Legislation // Latin American Politics and Society. – 2002. – Vol.44. – N 1. – P. 36,37.

⁸⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2002-2003. – P. 85.

страны добивались снижения неравенства, достигались лучшие результаты в борьбе с бедностью»⁸⁸.

В Чили же к 1999 г. самая преуспевающая часть общества (10% населения) владела 42,3% национального дохода, несколько увеличив свою долю за прошедшие 10 лет, а 10% наиболее бедных получали 1,1% (еще меньше, чем в 1989 году)⁸⁹.

Эта ситуация, казавшаяся вполне закономерной и терпимой при А. Пиночете, в конце президентства Э. Фрея вызывала массовое недовольство, сопряженное с разочарованием и в социальной политике конкретного правительства, и в деятельности самой коалиции Консертасьон. Известно, что фактор резкого имущественного и денежного неравенства «обостряет напряженность в обществе, дезинтегрирует его и усиливает у наименее обеспеченных слоев чувство отверженности и непричастности к результатам общественного прогресса»⁹⁰.

Уже в середине 1990-х, несмотря на очевидные экономические успехи и улучшения на рынке труда, опросы общественного мнения фиксировали нарастание пессимистических настроений, связанные с психологическим разочарованием общества в возможностях власти сформировать более справедливую социальную реальность. Серьезное ухудшение экономических показателей в 1999-2000 гг., вызванное мировым кризисом, многократно усилило эти настроения. Выросли инфляция (до 10%) и безработица (до 9%),⁹¹ что негативно отразилось на восприятии населением и своей личной, и общественной ситуации. Если в 1997 г. общим положением дел в стране были удовлетворены 21% чилийцев, то в 1999 г. – только 3%. Собственное благополучие устраивало в 1993 г. 35%, а в 1999 г. – лишь 15% населения. В результате на основной вопрос, являющийся индикатором

⁸⁸ Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности. – С. 110.

⁸⁹ Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. – Op.cit. – P.133.

⁹⁰ Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности. – С. 111.

⁹¹ Frank V. – Op.cit. – P. 60.

удовлетворенности качеством жизни – «Кто выиграл от экономических реформ?» – в 1999 году 79% чилийцев ответило: «В основном богатые»⁹².

Таким образом, социальную политику первых демократических правительств по преодолению бедности на этапе 1990-х годов трудно охарактеризовать однозначно. Она имела серьезные положительные результаты в том, что касалось повышения общего уровня жизни беднейших слоев населения, сокращения – в два раза – масштабов абсолютной бедности. Однако в целом эта политика, существенно улучшая бедственное положение обездоленных групп населения, носила характер целенаправленной социальной компенсации, так и не приблизив общество к решению одной из самых драматических для современной демократии проблем – возрастающего социального неравенства.

III.4. Индейский вопрос и формирование основ мультикультурной политики.

Основы политики демократической власти в отношении индейского населения страны были заложены в годы первых правительств Консертасьон (1990-2000). Эта проблема, имевшая давнюю историю, много лет находилась в латентном состоянии и обострилась в начале процесса демократизации, когда с окончанием военного правления индейцы получили реальные возможности заявить о своих правах и требованиях.

Специфика Чили по сравнению с более «индейскими» странами региона состоит в том, что индейские народы здесь сохранились, но представляют собой, по сути, небольшую группу населения, со своими особенностями, интересами и проблемами.

На территории Чили проживает 9 индейских народов, общая численность которых, применительно к периоду начала 1990-х гг.,

⁹² Ibid. – P. 37, 38.

составляла около 666 тыс. человек⁹³. Индейские общины существовали практически во всех областях страны – от Арики и Тарапаки на севере до области Магальянес – на крайнем юге⁹⁴. Однако основная часть коренного населения, представленная арауканами-мапуче, проживала в центральных и южных районах – Био-Био, Араукании, Лос Риос и Лос Лагос, а также в столичном округе Сантьяго. Мапуче, формально так и не покоренные испанскими конкистадорами, составляли наиболее многочисленную и политически активную группу – 570 тыс. человек, 85,6% от общего числа чилийских индейцев. На севере страны, в пограничных с Перу и Боливией районах, присоединенных к Чили после Тихоокеанской войны (1879 -1883), а также на побережье Тихого океана жили аймара (9%, 60 тысяч) и кечуа (2,3%, 15,2 тысяч). В пустыне Атакама - атакаменьос (8 тыс. человек, 1,2%) и койя (5325 человек, 0,8%). Остальные группы были еще малочисленнее, каждая из них составляла менее 1% от общего числа чилийских индейцев (в реальности это несколько сотен человек и даже меньше)⁹⁵. Острова и берега вдоль Магелланова пролива населяли кавашкар (3781 человек, 0,6%); в юго-западной части Огненной земли, а также на островах между проливом Бигл и мысом Горн обитали почти исчезнувшие ягáн (667 человек, 0,1%). На о. Пасхи проживают рапануи (2671 человек, 0,4%)⁹⁶. Различия в культуре, языке, традициях этих групп, в преобладающем типе хозяйства и уровне развития, а также разные истории их включения в состав чилийского

⁹³ Valenzuela Fernández R. Inequidad, ciudadanía y pueblos indígenas en Chile. // CEPAL. Serie Políticas Sociales. – Santiago de Chile, 2003. – P. 11.

⁹⁴ В настоящее время, согласно переписи 2017 г., это число выросло до 2.185.792 человек: т.е. 12,8 % населения страны идентифицирует себя с каким-либо индейским народом. – Día Nacional de los Pueblos Indígenas. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.gob.cl/noticias/dia-nacional-de-los-pueblos-indigenas-informate-sobre-esta-importante-festividad/> (fecha de acceso 16.06.2018).

⁹⁵ Valenzuela Fernández R. Op. cit. – P. 11.

⁹⁶ Некоторые отечественные исследователи, например, Ю.А. Зубрицкий, указывали, что мапуче составляют 99% коренного населения. Однако современные чилийские авторы отмечают рост самосознания и других индейских народов, что позволяет многим потомкам смешанного происхождения при опросах относить себя к таким почти исчезнувшим группам, как койя, кавашкар, яган.

государства, всегда представляли значительную сложность в процессе поиска адекватной и эффективной государственной стратегии. Однако общим и фундаментальным для всего индейского населения оставался вопрос признания их гражданских прав, культурной самобытности, а также права на природные ресурсы (землю, воду, прибрежные территории), исторически принадлежавшие коренным народам и отчужденные в процессе колонизации.

Предыдущие попытки государства решить «индейский вопрос» всегда имели трагические последствия, были тесно связаны с сиюминутной политической конъюнктурой и не носили характера продуманной и взвешенной политической линии, учитывающей как экономические интересы страны в целом, так и проблему выживания коренных народов. После «покорения Араукании» в 1880-х годах XIX в. и вытеснения мапуче в труднодоступные районы, в 1930 г. индейские вожди приняли решение о подчинении законам чилийского государства, т.е., фактически, признали частную собственность на землю. Это послужило началом очередного наступления на общины, но не привело к полноправному включению индейского населения в общественную и экономическую жизнь страны. Мапуче, имевшие давнюю традицию сопротивления чилийскому государству, перешли к созданию собственных организаций протестного характера.

Политический подъем периода С. Альенде охватил и индейское движение, однако стремление правительства Народного единства провести аграрную реформу, в том числе в районах проживания коренных народов, делая ставку на индивидуальное, а не на общинное землевладение, не встретило массовой поддержки. Что касается военного правления, то режим Пиночета специальным законом 1979 г. определил порядок интеграции индейцев в чилийское общество, наделив их формально теми же правами и обязанностями, что и остальных чилийцев. Однако на деле такой подход означал нарастание маргинальности и отсталости индейских территорий,

население которых не могло самостоятельно вписаться жесткий процесс неолиберальных преобразований. Как отмечает Т.В. Гончарова, уже в 1981-1988 гг., под предлогом включения коренных народов в общенациональную жизнь, началось дальнейшее наступление на земли общин, что вызвало марши протеста и активизацию индейского движения⁹⁷.

Таким образом, к началу демократического периода в истории страны «индейский вопрос» не только не был решен, но и представлял собой серьезный и опасный вызов будущему развитию, всей стратегии формирования процветающего современного общества.

Приступив к своим обязанностям в 1990 г., правительство П. Эйлвина оказалось перед лицом жесткого противоречия: как совместить ценности неолиберального рыночного общества с сохранением и даже развитием традиционных культур? Несмотря на драматизм подобного выбора и наличие многих других проблем, требующих от политического руководства не только профессиональных, но и незаурядных человеческих качеств и четкой личной позиции, в 1990-е годы были сделаны первые шаги в плане формирования основ политики мультикультурности, поиска взаимопонимания и диалога.

В 1989 г. между лидерами различных индейских организаций и П. Эйлвином, тогда еще кандидатом в президенты от демократических сил, было заключено соглашение о выработке нового закона, защищающего экономические, социальные и культурные права индейского населения. Главное требование индейцев касалось сохранения существующих и возвращения занятых общинных земель, реального соблюдения демократических правил и норм в отношении коренных народов. (Эти принципы были провозглашены в знаменитой Конвенции №169, принятой Международной организацией труда в 1989 г., от ратификации которой Чили в тот момент воздержалась).

⁹⁷ История Латинской Америки. Вторая половина XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 511.

В 1993 г. «индейский» закон (№ 19.253) был принят⁹⁸. В нем впервые в истории Чили индейские поселения были названы не просто «общинами», а этническими и культурными сообществами, имевшими право на свои исторические территории, на сохранение и развитие своих традиций, языков и культуры. После принятия этого закона на территориях компактного проживания индейцев (главным образом аймара, кечуа, атакаменьос и мапуче) по распоряжению правительства создавались «Области индейского развития» (Áreas de Desarrollo Indígena, ADIs). Предполагалось не только сохранить природу и экологическую чистоту этих районов, естественный цикл жизни индейцев и обусловленную веками зависимость от природных ресурсов, но и оптимизировать государственную политику, направленную на повышение уровня жизни, образования, медицинского обслуживания коренного населения, начать процесс передачи общинам части их исторических земель.

Для координации действий правительства и осуществления взаимосвязи между нуждами и требованиями индейцев, с одной стороны, и государственными проектами – с другой, была создана специальная неправительственная организация – Национальная корпорация индейского развития (Corporación Nacional de Desarrollo Indígena, CONADI). На эту организацию были возложены функции универсального посредника в сложных взаимоотношениях правительства и индейских сообществ. В ее задачи входило изучение реальных проблем, существующих в районах компактного проживания индейцев – ADIs, помощь исследовательским организациям в создании планов и программ развития, взаимодействие с

⁹⁸ Ley N°19.253 de 05 de octubre 1993, establece normas sobre protección, fomento y desarrollo de los indígenas y crea CONADI. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=30620> (fecha de acceso 11.05.2013).

местными властями, министерствами, различными НПО и фондами, университетскими кругами, государственными и бизнес-структурами.

Возник и ряд других (но менее значимых) неправительственных индейских организаций – Фонд Земли и Воды, Фонд содействия «Областям индейского развития» и др. Всего в 1990-е годы для защиты интересов коренных народов и развития индейской культуры было создано более тысячи независимых организаций, имевших статус НПО. Действовали специальные программы в области образования (главным образом – предоставление стипендий), жилья, занятости, оказания бесплатной юридической помощи. За период с 1994 по 2003 год индейским общинам было передано более 235 тыс. га земли, в развитие которых государство вложило значительные средства⁹⁹. Правительство неоднократно заявляло о необходимости социальной адаптации коренного населения, его более полного включения в жизнь страны при сохранении языка и культурных традиций.

Казалось бы, основные требования индейских народов на протяжении 1990-х годов были частично удовлетворены, шел процесс поиска компромисса, адекватной и эффективной политики «на основе уважения и справедливости», как отмечал впоследствии президент Р. Лагос¹⁰⁰. Однако, несмотря на все меры и усилия, предпринятые администрациями П. Эйльвина и Э. Фрея, конфликтность в отношениях между правительством и активистами индейских организаций не только не уменьшилась, но продолжала нарастать, что привело к активизации протестного движения мапуче.

Главная проблема, решения которой ожидали индейцы от демократической власти – остановить экономическое наступление на общины, вернуть им реальное право на землю, занятую сельскохозяйственными и лесоперерабатывающими предприятиями, – в

⁹⁹ Lagos R. E. *Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. Tomo V.* – Santiago de Chile: Ed. Gobierno de Chile, 2005. – P. 54-55.

¹⁰⁰ *Ibidem.*

условиях быстрой и успешной экономической модернизации страны обернулась невыполнимой утопией. Кроме того, сама идея «права на землю» нередко трактовалась индейцами расширительно, как «оплата исторического долга», что совершенно не соответствовало ни экономическим, ни политическим реалиям Чили. В 1997 г., при Э. Фрее, вспыхнул конфликт, связанный со строительством испанской компанией ENDESA на р. Био-Био гидроэлектростанции (Чили – энергозависимая страна, и в этом контексте экономическую значимость проекта было невозможно переоценить). Правительство было готово возместить жителям ущерб, однако многие индейские семьи отказывались переезжать, считая земли, предоставленные для переселения, чужими и поэтому непригодными для жизни. Это сопротивление поддержали экологические организации и CONADI, за что ее директор был смещен со своего поста. Сотни гектаров земель, входящих в зону исторического расселения мапуче, были затоплены в ходе строительства. Эти события усилили разочарование в действиях государства и подстегнули процесс самовольного захвата земель со стороны радикально-настроенных индейских организаций.

Таким образом, правительственная политика 1990-х годов, наряду с позитивной, нацеленной на конструктивный диалог и взаимодействие, активизировала и другую – разрушительную, конфликтную тенденцию в отношениях между государством и индейскими общинами, требовавшими полного восстановления своих прав на землю и природные ресурсы (леса и реки). Рост протестных настроений был связан с общим разочарованием в деятельности государства и организаций-посредников (в первую очередь CONADI), с утратой надежд и иллюзий, связанных с возможностью «вписаться» в стремительный процесс модернизации страны. С другой стороны, усилилась и жесткая позиция правых сил, особенно фундаменталистов из UDI, которые упрекали правительство в проведении политики «позитивной дискриминации» по отношению к индейцам и создании тем самым «псевдорасовой» проблемы, в то время как реальные

проблемы коренных народов – бедность и отсталость – отошли на второй план. Правых политиков беспокоила нарастающая активность индейских протестных организаций, увеличение случаев столкновений с полицией в районах проживания мапуче, а также радикализм взглядов и непримиримая позиция новых лидеров.

На этом этапе важнейшую роль в формировании индейского сопротивления стала играть политическая организация мапуче «Совет Всех Земель» (Consejo de Todas las Tierras), созданная в 1990 г., и ее лидер Аукан Уилкаман.

Первоначально это течение объединяло бывших социалистов-альендистов, отошедших от изменившейся PS, затем – всех сторонников радикального решения индейского вопроса, создания автономии и «параллельного правительства», которое покончило бы с ситуацией, когда «сенаторы решают судьбу мапуче». Сам А. Уилкаман, в прошлом – активист ультралевого крыла молодежного коммунистического движения, неоднократно призывал к непримиримой борьбе с правительством, к самовольному захвату земель, демонстрациям и маршам протеста, стычкам с полицией. «Индийский закон» 1993 г. он называл «чуждым народу мапуче, поскольку этот закон признает мапуче не нацией, а «этническим меньшинством», «коренным народом», что связано со стремлением снова подчинить индейцев»¹⁰¹.

Заявляя о радикально-альтернативной идеологии своего движения, основанной на критике всех попыток правительства решить проблемы индейцев легитимным путем, А. Уилкаман впоследствии стремился принять участие и в официальной «большой политике», в частности – в президентских выборах 2005 г., однако тогда его кандидатура была снята ввиду недостаточного количества собранных подписей.

¹⁰¹ Forester R., Vergara J.I. Los Mapuches y la Lucha por el Reconocimiento en la Sociedad Chilena // XII Congreso Internacional Derecho Consuetudinario y Pluralismo Legal. – Chile: Arica, 2000. – 194.

Тем не менее рост популярности радикальных индейских организаций, в первую очередь – «Consejo de Todas las Tierras» и ее лидера, начавшийся в 1990-е годы, и активизация протестных настроений, подкрепляемых провокационными и демагогическими лозунгами движения мапуче, стали неотъемлемой частью политического процесса и одним из факторов дестабилизации, который не сможет игнорировать ни одно из последующих правительств.

Таким образом, первым правительствам Консертасьон, в течение всего периода 1990-х годов проводившим целенаправленную политику по повышению уровня жизни, включению в современное общество, развитию возможностей индейских народов, несмотря на все усилия, удалось лишь приступить к решению того сложного и противоречивого комплекса этнических, политических и социальных проблем, которые принято называть «индейским вопросом». Одновременно с формированием общих подходов демократической власти и развитием позитивных тенденций в этой области наметились и другие – деструктивные, разрушительные процессы, связанные с неприятием протестным движением мапуче любых правительственных инициатив, любых попыток найти компромисс, предложить программы «интеграции» и «адаптации», что создало целый ряд впоследствии трудноразрешимых и потенциально опасных ситуаций.

Выводы

Подводя итоги периода, начатого в 1987 г., вместившего этапы либерализации и демократизации, следует отметить, что к концу президентского срока Э. Фрея (2000) основные стадии демократического транзита в Чили были успешно преодолены, что привело к изменению политической системы страны и установлению стабильного демократического режима.

Конституция, принятая в 1980 г. при Пиночете, была частично реформирована в 1989 г. в ходе всенародного плебисцита, а также в результате поправок, вносившихся на протяжении 1990-х годов. Окончательная конституционная реформа была еще впереди, однако действующие законы уже гарантировали обществу свободу волеизъявления и политический плюрализм.

В Чили свободно действовали политические партии и объединения, за исключением экстремистских террористических групп, провозглашающих насилие главным методом политики и угрожающих демократии. Регулярно проводились президентские и парламентские выборы, механизм которых был четко определен системой избирательных законов, а процесс и результаты контролировались Квалификационным избирательным судом, Электоральной службой, Избирательными и Регистрационными советами. В ходе предвыборных кампаний свободно проявлялось многообразие политических идеологий и мнений, борьба политических программ. В этих условиях проведение свободных и конкурентных президентских, парламентских и муниципальных выборов способствовало укреплению демократической политической культуры общества.

Важнейшим достижением этапа демократизации стало изменение роли армии в политическом процессе и минимизация воздействия «фактора Пиночета» на реальную политику. После ареста бывшего диктатора в 1998 г. и прекращения его деятельности в качестве главнокомандующего сухопутными силами, армия поддержала демократическое правительство, постепенно перейдя на позиции политического нейтралитета и лояльности режиму.

События 1998 г., предшествовавшие завершению политического влияния Пиночета (в 2000 г. Верховный суд страны лишил его сенатской неприкосновенности, а в 2001 г. признал неполноценным по состоянию здоровья, чтобы избежать экстрадиции и международного суда), кардинально повлияли на позицию правых партий. Правые, в том числе и

наиболее консервативный UDI, начали активно подчеркивать свою приверженность демократии и принципиальные расхождения с пиночетизмом, стремление оставить его в прошлом. Партии RN и UDI стали участниками демократического процесса, действующими строго в рамках установленных законов. Выступая на выборах, участвуя в политической борьбе, они уже не апеллировали к идеям «ограниченной и управляемой» системы, не подвергали сомнению само понятие демократии как фундаментальной, безусловной ценности для современного чилийского общества. Это можно считать серьезным политическим достижением периода демократизации.

Важнейшим направлением работы правительств Консертасьон на всем протяжении 1990-х годов явилась масштабная социальная политика, результатом которой стало двукратное сокращение числа бедных. Достижения в социальной сфере сыграли значительную роль в процессе политической консолидации чилийского общества, были важнейшей составной частью общей стратегии демократического развития, создания «чилийской модели». В то же время, эта политика, компенсируя высокую социальную цену рыночных реформ, оставила нерешенным вопрос о социальном неравенстве, который будет сопутствовать чилийской модернизации на всех ее дальнейших этапах.

По мере решения наиболее острых проблем, касавшихся перспектив национального развития в целом, наметился определенный кризис в рядах самой левоцентристской коалиции Консертасьон – важнейшего актора всего демократического процесса. Возрастали разногласия между христианскими демократами и социалистами, отложенные в начале демократического перехода, в том числе и по вопросу о дальнейших политических шагах, о методах реформы Конституции, об отношениях с правыми. Тем не менее, к началу 2000 г. политический консенсус удалось сохранить, и единым кандидатом от правящей коалиции на следующих президентских выборах стал социалист – Рикардо Лагос. Его правительству предстояло решать

проблемы следующего этапа демократического транзита – этапа консолидации и совершенствования демократии.

Размышляя над характерными особенностями чилийского опыта этого сложнейшего переходного периода, можно выделить основные факторы, сделавшие возможным мирный путь перехода к демократии и определившие специфику ключевых этапов в национальной модели демократического транзита – этапов либерализации и демократизации.

Этими факторами являлись:

- Демократическая политическая культура страны, в которой военные перевороты никогда не носили столь длительного и жестокого характера, а демократическая традиция, включавшая многопартийность, политический плюрализм, готовность партий идти на компромиссы и заключать союзы, существовала с XIX в.

- Активная роль партий демократической оппозиции и их лидеров, способных использовать эту традицию в условиях реальной политической борьбы.

- Истощение политических ресурсов режима, вынужденного идти на либерализацию, искать компромисс с оппозицией, смягчать свои позиции.

- Общественное давление (усиление социальных протестов, активности правозащитных организаций и структур гражданского общества).

- Позиция Католической Церкви Чили, с самого начала осуждавшей политические репрессии и нарушения прав человека, призывавшей к национальному примирению.

- Особая (исторически сформированная) профессиональная этика чилийских военных, стремившихся «сохранить лицо» в глазах общества и не позволивших аннулировать результаты референдума 5 октября 1988 г.

- Наличие политических фигур в рядах демократической оппозиции (П. Эйльвина, Р. Лагоса), уважаемых всеми сторонами конфликта и способных быть гарантами перехода.

- Ключевую роль сыграла личная готовность к компромиссу важнейших акторов – А. Пиночета и лидеров демократической оппозиции, пошедшей на объединение всех сил и принятие его (Пиночета) условий. Без этого последнего фактора мирный переход был бы невозможен.

- Важнейшим содержанием этапа 1990-1999 гг. стало развитие военно-гражданских отношений, в центре которых оказался конфликт, связанный с различным отношением в обществе к проблеме наказания военных и суда над ними; ценой сохранения гражданского мира стал вынужденный отказ демократической власти начинать массовые судебные процессы.

- Главным итогом этапа 1990-2000 гг. стало завершение первой фазы «управляемого перехода» и переход ко второй – к консолидации новой политической модели. Результаты, достигнутые на первом этапе, соблюдение демократических правил политической жизни, позволили следующим правительствам Консертасьон приступить к последовательному и целенаправленному демонтажу политического наследия пиночетизма.

Глава IV. КОНСОЛИДАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ (2000-2010).

IV.1. Размежевание с пиночетизмом: политические приоритеты правительства Р. Лагоса (2000-2006)

Для Чили 2000 год стал началом 10-летнего правления двух президентов-социалистов - Р. Лагоса и М. Бачелет – возможно, самого благополучного за всю постпиночетовскую историю страны. После драматического и трудного этапа 1990-х годов, насыщенного серьезными политическими рисками, острыми социальными проблемами, начался период консолидации и совершенствования демократии, уверенной и масштабной социальной политики, распространения преимуществ экономического роста на широкие слои населения.

В то же время, этот период характеризовался возникновением новых задач и проблем, связанных с более сложным уровнем социально-политического развития общества, вступлением в политическую жизнь нового поколения, иным представлением о современном государстве, его возможностях и степени ответственности за своих граждан. Это было время формирования более высоких требований общества по отношению к реальной демократии, более высоких ожиданий, связанных, прежде всего, с социальным благополучием и самочувствием человека, и, соответственно, время нарастания определенного разочарования в ее достижениях, появления ряда непредвиденных вызовов и рисков, требующих новых, нетрадиционных подходов и ответов.

Правительству социалиста Рикардо Лагоса, одному из ведущих политиков правящей коалиции Консертасьон, вступившему в должность президента в 2000 г., предстояло завершить процесс консолидации демократии, продолжить и развить основные направления социально-

политической стратегии 1990-х годов и выработать новые решения и проекты.

Президентские выборы 1999-2000 гг. проходили в два тура, в отличие от предыдущих, закончившихся избранием кандидатов на первом же этапе. Это свидетельствовало о первых признаках определенного разочарования общества в деятельности коалиции Консертасьон, связанных с ухудшением экономического положения страны в 1998-1999 гг., и явлениях социального пессимизма. С другой стороны, новый этап характеризовался возрастанием роли личностного фактора в политическом процессе, который переставал восприниматься как соперничество политических коалиций и становился все более «персонализированным», сфокусированным на ярких политических личностях¹.

Важнейшей характеристикой избирательной кампании явилось возросшее влияние и популярность правой оппозиции, выступившей в составе коалиции «Союз во имя Чили» (Unión por Chile)². Ее представитель Хоакин Лавин, лидер UDI, 46-летний мэр самого богатого района Сантьяго «Лас Кондес», получил в первом туре 47,5 % голосов. Р. Лагос опередил его менее чем на 0,5 %, получив 47,9 % – разрыв составил всего 31 тыс. голосов³. Это было расценено как большой успех правых и лично Х. Лавина, который проявил себя как незаурядный политик и серьезный противник Лагоса.

Предвыборной стратегией Лавина, разработанной на основе опросов общественного мнения, стала идея перемен. К этому моменту образ

¹ Ruíz Rodríguez L.M. Las elecciones presidenciales y parlamentarias de 2005-2006 en Chile // Elecciones y política en América Latina / ed. By Alcántara Sáez M. y García Díaz F. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2008. – P. 99.

² В 1996-2000 гг. носила название “Unión por Chile”, затем - “Alianza por Chile”.

³ Base de Datos Políticos de las Américas (1999). CHILE: Elecciones Presidenciales, 1999. Georgetown University y Organización de Estados Americanos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Chile/pres99_2.html. 6 de febrero 2001 (fecha de acceso 10.07.2006); Blomeier H.H. Elecciones presidenciales en Chile // Contribuciones. – 2000. - N 1. - P. 208.

Пиночета уже представлял собой тяжелый и неудобный груз для правой оппозиции. Стремясь максимально отойти от традиционно-консервативного имиджа своей партии, известной как самая «пиночетистская», Х. Лавин выступил за социальные реформы на основе дальнейшего экономического развития, что придало неожиданно гуманный, новаторский оттенок привычно-консервативному дискурсу правых и позволило объединить вокруг нового кандидата практически половину электората. Его поддержали консервативно настроенные представители среднего класса, богатые слои общества и женщины-домохозяйки, которым импонировал образ «хорошего семьянина», которым обладал Лавин. При этом, благодаря продуманным популистским заявлениям, апелляции к «насущным проблемам» простых жителей, Лавин получил поддержку и в ряде беднейших кварталов Сантьяго.

Остальные кандидаты на президентский пост от партий левой ориентации, не входившие в Консертасьон, не пошли на создание общего предвыборного блока и оказались фактически аутсайдерами. Лидер РС (коммунистов) Гладис Марин получила 3,1%, а Томас Хирш, кандидат от РН (гуманистов), близкой по идеологии к лево-социалистическим взглядам, – всего 0,5 %. Было очевидно, что борьба во втором туре развернется между Лагосом и Лавином, каждому из которых для избрания президентом следовало набрать простое большинство голосов⁴.

Лагоса поддерживали в основном широкие слои среднего класса и жители крупных городов, однако не всем импонировала его политическая предыстория убежденного социалиста и борца с военным режимом. Относительная неудача в первом туре объяснялась также тем обстоятельством, что многие сторонники христианских демократов, опасаясь «возвращения социалистов», вопреки призыву своей партии отдали голоса Х. Лавину, а чилийские эмигранты, живущие за границей (свыше 1,5 млн человек), не получили права голоса. Соответствующий закон, несмотря на

⁴ Ibidem.

постоянное обсуждение этой проблемы на протяжении 1990-х годов и ряд предложений в Палате депутатов, в тот момент так и не был принят. Большинство из эмигрантов, по проведенным тогда опросам, готовы были проголосовать за Лагоса⁵.

Предвыборный штаб Консертасьон оперативно отреагировал на опасность поражения. Была проведена эффективная реорганизация, в предвыборную команду включены влиятельные политики из числа ушедших в отставку христианских демократов, на время отложены все разногласия внутри коалиции⁶. Сторонники и активисты Консертасьон усилили работу среди своих потенциальных избирателей – как в бедных кварталах городов, так и в районах проживания высшего среднего класса, колеблющегося между перспективой избрания нового президента-социалиста, и «тенью Пиночета», связанной в их представлениях с имиджем UDI. Популяризаторская деятельность активистов, вместе с поддержкой левых партий-аутсайдеров, по определению не голосовавших за оппозицию, привела к победе: во втором туре президентских выборов Р. Лагос получил 51,32% голосов и был избран президентом⁷. Характерно, что Х. Лавин сразу признал результаты выборов и поздравил соперника, публично демонстрируя уважение к демократическим правилам политической жизни, а вновь избранный президент заявил, что будет представлять весь чилийский народ.

Эти выборы стали звездным часом Х. Лавина: несмотря на серьезный политический потенциал, молодость и способности публичного политика, впоследствии он так и не смог реализовать свои президентские амбиции и уступил место лидера оппозиции другой фигуре – Себастьяну Пиньере.

⁵ Modernización del Régimen Electoral Chileno / ed.by Fontaine A., Larroulet C., Viera-Gallo J.A., Walker I. – Santiago de Chile: CIEPLAN-Libertad&Desarrollo-CEP, 2007. – P.19.

⁶ Дабагян Э.С. Рикардо Лагос. Политический портрет. – М: ИНИОН РАН, 2006. – С.45-47.

⁷ Base de Datos Políticos de las Américas (1999). CHILE: Elecciones Presidenciales, 1999. Georgetown University y Organización de Estados Americanos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://pdba.georgetown.edu/Elecddata/Chile/pres99_2.html. 6 de febrero 2001 (fecha de acceso 10.07.2006).

Однако на рубеже 1999-2000 гг. растущая популярность правых партий, сопровождавшаяся формированием нового политического стиля, окрашенного идеологией умеренного центризма, стали важнейшим фактором, свидетельствующим о начале другого этапа в развитии страны. Этот этап был связан с завершением процесса демократического перехода и началом консолидации демократии.

Новый президент Рикардо Лагос Эскобар (род. в 1938 г.) к моменту вступления в должность уже был известным и опытным политиком, активным участником тех исторических событий, которые выпали на долю Чили в последней трети XX века.

Экономист и адвокат по образованию, он работал университетским преподавателем, экспертом в международных структурах, в 1971 г. был постоянным представителем Чили при ООН. Со студенческих лет участвуя в работе PS, в 1960-1970-х годах он прошел увлечение левыми идеями, однако никогда не разделял ни радикальных взглядов, ни методов подпольной вооруженной борьбы. Сочувствуя и поддерживая правительство С. Альенде, в плане методов практической политики он даже в молодости расходился с магистральной линией Народного единства. После 1973 г. Р. Лагос уехал в эмиграцию, сначала в Аргентину, потом – в США, где преподавал в Университете Северной Каролины. В 1978 г. возвратился в Чили как советник Региональной программы занятости ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (в которой работал до 1983 года).

С 1980-х годов, по мере постепенных шагов, предпринимаемых авторитарной властью в направлении легализации партий, Р. Лагос активно включился в политику и прошел тяжелую школу сопротивления военному режиму: участвовал в деятельности демократической оппозиции, был арестован (на короткий срок). В 1988 г. стал одним из организаторов и лидеров второй соцпартии – PPD, созданной для борьбы с пиночетизмом. Реалистично оценивая ситуацию и понимая необходимость объединения всех демократических сил, Лагос не боялся союза социалистов с христианскими

демократами и стал одним из создателей коалиции Консертасьон, сыгравшей столь важную роль в процессе демократизации; проявил незаурядные лидерские качества и личное мужество во время плебисцита 1988 г., призывая чилийцев сказать «Нет» Пиночету.

В 1990-1992 гг. Р. Лагос работал в правительстве П. Эйльвина на посту министра образования, придавая огромное значение базовому образованию, добивался повышения его качества и доступности в бедных районах страны. Перед выборами 1993 г. Р. Лагос был готов выдвинуть свою кандидатуру, однако большинство внутри коалиции отдало предпочтение Э. Фрею. В 1994-1998 гг. Лагос был министром общественных работ в новом правительстве, а с 1998 г. активно включился в подготовку президентской кампании. Можно сказать, что к 2000 г. его кругозор как профессионала и политика национального масштаба был необычайно широк, а личный жизненный опыт вполне соответствовал должности президента.

Огромное значение для процесса консолидации демократии, для нового этапа развития чилийского общества имели политические взгляды Р. Лагоса как умеренного социал-демократа, убежденного противника радикально-экстремистских методов и подходов.

Его социалистическое мировоззрение, сформировавшееся еще в молодости и углубленное на протяжении всей жизни, в основном соответствовало взглядам классической европейской социал-демократии. Проявляя уважение к человеческой личности, он ненавидел насилие, никогда и ни в малейшей степени не оправдывал Пиночета (что было свойственно многим его современникам). Будучи убежденным сторонником свободы и демократии, стремился развивать политический плюрализм, способствовать созданию более сложного, многообразного и современного общества. Он не был сторонником революции. Его привлекал процесс реформизма, конструирования социально-политической реальности, улучшения жизни путем медленных, постепенных и трудных изменений. Вслед за Э. Бернштейном, основателем европейской социал-демократии, Р. Лагос мог бы

повторить: «Конечная цель – ничто, движение – все», предполагая, что не лозунги и пустые обещания, а именно продвижение к реальной цели и является настоящей политикой. В конце своего президентского срока, вместо бравадных фраз, которые мог бы себе позволить, он сдержанно скажет: «Мы немного изменили Чили; мы сделали страну немного лучше»⁸.

Уже в самом начале работы президента и правительства стало очевидно, что надуманные тревоги и высказывания политических противников «о втором приходе социалистов», об опасности появления у власти «нового Альенде», оказались абсолютно несостоятельны. Вместе со своей страной Р. Лагос выстрадал мировоззрение политического центризма, основанное на принципах преемственности и компромисса, социальной ответственности и уважения к человеческой жизни. Эта прагматичная, взвешенная, честная позиция, свойственная большому политику, оказала влияние и на решение конкретных социально-политических задач и на всю деятельность правительства под его руководством.

Несмотря на очевидные достижения чилийской демократии к 2000 г., новое правительство получило в наследство ряд нерешенных общественно-политических проблем. Прежде всего, необходимо было поставить последнюю точку над «i» в процессе размежевания с пиночетизмом и завершить процесс консолидации демократии. Обществу была необходима реформа Конституции, которая, несмотря на ряд внесенных поправок, продолжала оставаться «пиночетовской».

Важной задачей являлось развитие диалога с правой оппозицией, успешно выступившей на президентских выборах, и сохранение с трудом достигнутого гражданско-военного компромисса. Сама коалиция демократических партий – Консертасьон – вступила в период внутренних разногласий между социалистами и христианскими демократами (их кандидат в президенты А. Сальдивар проиграл Лагосу в ходе праймериз).

⁸ Lagos R. E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. Tomo V. – Santiago de Chile: Ed. Gobierno de Chile, 2005. – P. 96.

Колебания внутри Консертасьон вызвали волну критики и справа, и слева и только активизировали соперников коалиции на выборах. Эта ситуация могла закончиться перегруппировкой сил или поиском нового соглашения. Серьезные риски были связаны также с растущей популярностью левых идей в масштабах региона, началом «левого поворота» в ряде латиноамериканских стран и потенциальной опасностью радикализации внутри социалистических партий, входящих в Консертасьон, что могло иметь катастрофические последствия для коалиции.

Кроме того, несмотря на поддержку населением основных демократических принципов, политического плюрализма и процедуры выборов, главным источником потенциальной нестабильности чилийской демократии, естественного разочарования части общества в реальном политическом процессе, продолжала оставаться социальная сфера и проблема бедности, которую, несмотря на приложенные усилия, не смогли разрешить правительства христианских демократов на протяжении 1990-х годов⁹.

Таким образом, президентство Р. Лагоса начиналось в обстановке нарастания проблем, вызванных необходимостью дальнейшей консолидации демократии, между требованиями экономической эффективности, продолжения начатого экономического курса и ростом социальных ожиданий, связанных с сокращением социального неравенства и дальнейшим расширением социальных инициатив государства. В новом правительстве шесть из 16 министерских портфелей получили представители христианских демократов, однако ключевая роль принадлежала социалистам. На два важных поста были назначены женщины: министром иностранных дел стала известный политик, христианский демократ Соледад Альвеар, а министром здравоохранения (в 2000-2002 гг.) – социалист Мишель Бачелет. Впоследствии она займет традиционно «мужской» пост министра обороны и

⁹ Lagos M. Latin America's Lost Illusions: A Road With No Return? // Journal of Democracy. – 2003. – Vol.14. – N 2. – P. 165.

станет одним из самых популярных глав этого министерства в новейшей истории Чили.

В результате парламентских выборов, состоявшихся в 2001 г., партии Консертасьон получили 62 места в палате депутатов (правые – 57, при одном независимом депутате). В сенате левоцентристская коалиция имела 20 мест из 38. Это небольшое парламентское преимущество позволило Р. Лагосу приступить к реализации намеченных политических задач.

Важнейшим демократическим достижением периода, его наиболее знаковым событием стало завершение реформы Конституции, которая проводилась постепенно, путем внесения, в итоге, 58 изменений и поправок. 18 августа 2005 г. Законом N°20.050 были включены 54 принципиальные поправки (был обнародован 26 августа)¹⁰, а 17 сентября на специальной церемонии президент подписал окончательный вариант текста Конституции. В измененной Конституции были полностью удалены «авторитарные анклав» пиночетовского наследия. Совет национальной безопасности из директивного превратился в формальный консультативный орган при президенте, утратив свои полномочия по назначению и смещению главнокомандующих: теперь главкомы ВС и глава Корпуса карабинеров могли быть смещены со своих постов до истечения срока их полномочий по решению президента и Сената. Был ликвидирован институт назначаемых и пожизненных сенаторов, обеспечивавший депутатскую неприкосновенность бывшим соратникам военного режима и поддержку правым партиям, что сократило состав верхней палаты парламента с 48 до 38 человек. При этом Палата депутатов (120 человек) избиралась на 4 года в ходе всеобщих парламентских выборов (теперь совпадающих по срокам с президентскими).

¹⁰ Ley N°20.050 de 26 de agosto 2005. Reforma Constitucional que introduce diversas modificaciones a la Constitución Política. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=241331> (fecha de acceso 20.04.2013).

Сенат, как и ранее, каждые 4 года должен был обновляться лишь наполовину, в то время как другая половина продолжала выполнять свои полномочия в течение следующего президентского срока (в итоге каждый сенатор избирался на 8 лет). В целом же полномочия парламента были расширены, сделан акцент на роли общенациональных парламентских выборов. Серьезным демократическим достижением стало сокращение президентского срока с 6 до 4 лет. Нижний предел возраста претендентов на президентский пост был снижен – с 40 до 35 лет. В новой Конституции подчеркивалось право всех граждан страны, достигших 18-летнего возраста, участвовать в голосовании (это касалось и чилийцев, живущих за рубежом). Однако голосование оставалось обязательным, как и механизм «предварительной приписки» избирателя к соответствующему округу¹¹. (Реализовать право голосования за рубежом на практике оказалось достаточно сложно из-за механизма «обязательной приписки» избирателя к соответствующему избирательному округу, существовавшему в Чили до 2009 г. Эта приписка могла не совпадать с реальным местом жительства, но избиратель имел право голосовать только в том месте, где его уже зафиксировали, а не по факту прихода на выборы. В связи с этим чилийским консульствам за рубежом предоставлялись соответствующие полномочия).

Единственным «авторитарным анклавом», не подвергшимся трансформации, продолжала оставаться бинаминальная избирательная система. Это вызывало серьезную критику в рядах Консертасьон, особенно со стороны социалистов, однако внести кардинальные изменения в эту сферу в 2005 г. было невозможно: все правые партии убедительно высказывались в поддержку существующего избирательного законодательства. Правым политикам было удобно разграничение политического поля между двумя крупнейшими силами – Консертасьон и правоцентристским альянсом. Кроме

¹¹ Modernización del Régimen Electoral Chileno / ed.by Fontaine A., Larroulet C., Viera-Gallo J.A., Walker I. – Santiago de Chile: CIEPLAN-Libertad&Desarrollo-CEP, 2007. – P.15.

того, эта система функционировала без сбоев, ее главным недостатком было вытеснение мелких партий, не желавших вступать ни в одну из ведущих коалиций, но это были в основном партии левого спектра – РС, РН, экологи, критиковавшие Консертасьон за «чрезмерный центризм» и «правый поворот». Недостатки биномиальной системы станут особенно заметны в ходе президентских и парламентских выборов 2009-2010 гг., что подтолкнет общество к серьезной дискуссии на эту тему и к новым предложениям, однако в конце президентства Р. Лагоса эта сложившаяся модель была оставлена без изменений.

Трудно переоценить факт конституционной реформы для чилийского общества. Он свидетельствовал о завершении трудного и длительного переходного периода в развитии страны, о консолидации демократии и начале процесса ее совершенствования, с чем соглашались не только сторонники, но и оппоненты президента.

В то же время, это событие не преподносилось обществу как революционный разрыв с текстом Конституции 1980 г., который все-таки стал первым, хотя и ограниченным, шагом на пути к постепенной либерализации авторитарного режима. Правительство сделало акцент на своевременности и естественной необходимости назревших изменений, на преодолении авторитарного прошлого и утверждении новых возможностей в совершенствовании демократии.

Как отмечал впоследствии сам Лагос, конституционная реформа означала создание новых условий для формирования следующих поколений чилийцев, воспитанных уже в абсолютно демократическом обществе, и предъявляющих этому обществу требования, невозможные в 1990-е годы. Впоследствии, отзываясь на массовые студенческие волнения 2011 г., экс-президент написал в предисловии к известному изданию: «Сегодня, когда все с такой силой говорят о несправедливости и аморализме распределения доходов в Чили, употребляя и другие негативные эпитеты, хотелось бы думать, что мы находимся уже в иных условиях, позволяющих со всей

серьезностью и с помощью конкретных мер продвигаться в решении этой проблемы. Не всегда ведь существовали такие условия... Когда вы слишком долго находитесь в политике, у вас есть память, чтобы вспомнить, что отнюдь не всегда эти идеи вызывали подобный энтузиазм»¹².

Говоря о возросшем влиянии социальных идей, Р. Лагос имел в виду и новую институциональную основу, которая позволяет проявляться политическому недовольству вступающей в жизнь молодежи, и новую, демократизированную политическую систему, и отсутствие страха перед возможными репрессиями, с которым постоянно жило старшее поколение. Он считал, что возрастание требований по отношению к демократии является неотъемлемой частью нового этапа в ее развитии и свидетельствует об успехе демократического процесса в целом.

Благодаря реформе Конституции был сделан также следующий важный шаг в дальнейшем урегулировании отношений между вооруженными силами, властью и обществом.

На протяжении 1990-х годов, на этапе перехода к демократии, приоритетной целью первых правительств Консертасьон было сохранение гражданского мира, предотвращение раскола общества по линии «правые – левые», «военные – гражданские», «сторонники и противники Пиночета». В этот период политической неустойчивости и огромных рисков любая критическая ситуация (типа ареста Пиночета в 1998 г. в Лондоне) грозила вылиться в острый общественный конфликт с участием армии и непредсказуемыми для страны последствиями. Ценой огромных и самоотверженных усилий демократических правительств открытого противостояния удалось избежать, и этот факт можно считать важнейшим политическим итогом деятельности президентов П. Эйльвина и Э. Фрея.

¹² El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed. by Lagos R.E y Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011. – P. 17.

В то же время, задача постепенного перевода ВС на уровень высокопрофессиональной и сильной, но строго подчиненной демократическому государству организации, в 1990-е годы не могла быть решена в полной мере¹³. Ее реализация стала одним из направлений деятельности правительства Р. Лагоса и, впоследствии – М. Бачелет.

После реформы Конституции военные утратили свое особое положение и провозглашенную в 1980 г. роль гаранта конституционного порядка. Одновременно, новые правила назначения и смещения всех главкомов ВС, подчиненных уже президенту страны, не столько понижали статус, сколько подчеркивали основную функцию военных: быть опорой и неотъемлемой частью жизни демократического государства. Формирование на этой основе нового образа вооруженных сил в обществе стало одной из приоритетных задач правительственной политики, реализация которой предполагала несколько этапов.

В 2002 г. была принята новая редакция военной доктрины Чили, основные идеи которой нашли подробное отражение в выпущенной Министерством обороны «Белой книге»¹⁴. Содержание и характер этого издания свидетельствовали о том, что вооруженные силы продолжают играть важную государственную роль, обладают высоким статусом и уважением в обществе и должны участвовать в решении целого комплекса национальных задач.

Важнейшей прерогативой вооруженных сил (в составе сухопутных сил, флота и ВВС) в «Белой книге» была названа защита независимости, территориальной целостности и суверенитета страны. Чилийцы четко осознают себя нацией, поэтому суверенитет понимается в Чили комплексно, как необходимость укрепления и сохранения не только территории, но и

¹³ Silva P. Searching for Civilian Supremacy: The Concertation Governments and the Military in Chile // *Bulletin of Latin American Research*. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P.375-396.

¹⁴ *Book of the National Defence of Chile*. – Santiago de Chile: Ministry of the National Defence of Chile, 2003. Первый вариант военной доктрины был опубликован в 1998 г.

собственных культурных ценностей, традиций, символов, чувств и убеждений своих граждан, уникальной специфики чилийского государства, его национальной идентичности¹⁵. Отмечалось также, что в задачи ВС входит:

- содействие процветанию и благополучию чилийского общества;
- поддержание международного мира и безопасности, а также внешней политики Чили в соответствии с национальными интересами страны;
- сохранение политической системы Чили как демократической республики и конституционного государства;
- сохранение и дальнейшее развитие национальных традиций и символов, культурной идентичности народа;
- усиление гражданской ответственности в вопросах обороны;
- поддержка чилийских международных проектов¹⁶.

На Корпус карабинеров возлагались функции защиты общественного порядка и внутренней безопасности, обеспечения нормальной жизнедеятельности гражданского населения, а также ответственность за сохранение институционального «стержня» чилийского государства, его правовых основ и демократических принципов.

В 2002-2004 гг. М. Бачелет – женщина – впервые в чилийской истории (и впервые в Латинской Америке) была назначена министром обороны. Ее непростая биография и мирная профессия (дочь генерала ВВС, бывшего соратника С. Альенде, погибшего в застенках военного режима, врач по образованию, бывший министр здравоохранения) – стала характерной особенностью этого назначения, призванного продемонстрировать обществу начало следующего этапа в военно-гражданских отношениях.

¹⁵ Мартынов Б.Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. – М.: ИЛА РАН, 2000 – С. 196.

¹⁶ Book of the National Defence of Chile. – P. 77.

Основная цель Бачелет на посту министра обороны (принесшего ей огромную популярность в стране и за рубежом) состояла в том, чтобы показать новую роль военных в чилийском обществе как особой структуры, дистанцированной от контроля над политикой, но подчиненной интересам демократического государства и задачам общественного развития. Следует отметить, что М. Бачелет блестяще справилась с этой миссией. Принимая военные парады, выступая с речами, она неоднократно появлялась на военной технике вместе с солдатами во время наводнений и других природных катастроф. Эта работа способствовала гуманизации образа чилийской армии в массовом сознании, подчеркивала ее готовность и умение выполнять демократические, современные, необходимые обществу задачи, и в то же время содействовала росту популярности самой Бачелет накануне следующих президентских выборов.

Постепенно, в ходе процесса демократизации вооруженных сил, создавался и подкрепленный реальными делами новый имидж военных – спасателей во время стихийных бедствий, опоры правительства в хозяйственном освоении труднодоступных районов, участников миротворческих операций, честно и дисциплинированно выполняющих свой долг в самых сложных условиях.

Казалось бы, в долговременном внутреннем конфликте «про-военной» и «про-гражданской» позиций, угрожавшем обществу и демократии, можно было уверенно поставить точку.

Однако знаменитый Закон об амнистии 1978 г. отменен не был. Этот факт означал, что демократическая власть в Чили могла теперь позволить себе многое, но не все, в том числе – не была способна провести массовые показательные суды над виновными в репрессиях в годы военного режима и, более того, не могла полноценно и открыто судить самого Пиночета.

Таким образом, несмотря на значительные успехи в консолидации демократии, в решении острейших политических проблем, важнейшим вызовом для президентства Р. Лагоса оставался сам Пиночет, его

политическое влияние и вопрос о преступлениях против человечности в период его правления.

Эта тема никуда не исчезла и не могла остаться в прошлом: правозащитные организации, в том числе и европейские, продолжали требовать расследования всех фактов и судебного преследования виновных, а в рядах самих политиков Консертасьон, особенно социалистов, было немало бывших политзаключенных, вернувшихся эмигрантов, детей и родственников погибших или пропавших без вести. В еще большей степени это относилось к радикально-левым партиям, коммунистам и гуманистам. Гибкий, компромиссный подход к решению этой проблемы на протяжении 1990-х годов не устраивал значительную часть общества, хотя успехи демократии позволяли надеяться на восстановление справедливости. О такой возможности свидетельствовал и опыт соседних стран, Аргентины и Уругвая, которые, пережив свои военные режимы, гораздо более жестко обошлись с экс-диктаторами и их ближайшими помощниками.

Однако чилийская специфика состояла не только в предельно осторожном демонтаже всех конструкций пиночетизма, но и в аккуратном, поэтапном развенчании и осуждении самого диктатора и все-таки предъявлении ему официальных обвинений. Заключительный этап судебного процесса пришелся уже на конец президентства Р. Лагоса.

После событий 1998 г. Пиночет вернулся в Чили, в 2000 г. был лишен сенатской неприкосновенности, но одновременно в 2001 г. признан страдающим старческим слабоумием, чтобы избежать суда и экстрадиции в Испанию, как того требовал испанский судья Б. Гарсон и испанские правозащитники. Однако события получили международный резонанс, и чилийская сторона, настаивавшая на своем законном праве разбираться с Пиночетом у себя на родине, вынуждена была отреагировать на ситуацию. Здесь сыграла свою роль и личная антипиночетовская позиция самого Р. Лагоса, его непримиримое отношение к насилию, к диктаторским методам правления и факту свержения конституционного правительства С. Альенде.

В 2002 г. 86-летний экс-диктатор был лишен поста пожизненного сенатора, а в 2004 г. Верховный и Апелляционный суды лишили его иммунитета от судебного преследования, что позволило начать комплексное расследование операции «Кондор», в ходе которой за границей были совершены покушения на противников военного режима. Пиночет лично был обвинен в организации одного из самых громких преступлений – убийстве генерала К. Пратса, а также в причастности к другим покушениям, пыткам и репрессиям в отношении известных оппозиционных политиков и военных, в том числе уже находившихся в эмиграции.

К политическим обвинениям добавились уголовные: финансовый скандал с тайными счетами семьи Пиночета в американском банке на сумму 8 млн долл., что серьезно ударило по мифу о неподкупности и «солдатской честности» генерала.

В это же время, в результате многочисленных и доказанных обвинений, был повторно арестован и приговорен к нескольким многолетним срокам генерал М. Контрерас. Ранее М. Контрерас был признан виновным только в организации убийства О. Летельера (министра в правительстве С. Альенде) и получил 7 лет тюремного заключения, что явно не соответствовало его степени вины и ответственности. Сам Контрерас настаивал на том, что честно выполнял личные приказы Пиночета, и в 2005 г. отправил в Верховный суд страны многостраничное письмо с именами 580 человек и указанием мест, где они были подвергнуты пыткам и убиты.

В 2003 г. начала работу Национальная комиссия о политических заключениях и пытках (Comisión Nacional sobre Prisión Política y Tortura), более известная как Комиссия Валеча (Comisión Valech) – по имени ее председателя, епископа Серхио Валеча. Эта комиссия должна была продолжить работу и исправить недостатки предыдущей Комиссии Реттига, занимавшейся только погибшими, и установить общее число репрессированных – в том числе выживших, но подвергшихся преследованиям, арестам и пыткам. К 2005 г. новая комиссия расследовала,

по представленным документам и заявлениям, реальные истории и судьбы 36 тыс. человек и признала жертвами военной диктатуры 28 тыс. 259 случаев¹⁷. (К 2011 г. это число увеличилось до 40 тыс. 289 человек, что признано окончательным результатом деятельности комиссии)¹⁸.

Одновременно парламент одобрил предложение правительства о предоставлении различных компенсаций (пенсий, медицинских льгот) жертвам репрессий, оставшимся в живых, и родственникам погибших, а также о выплате стипендий их детям, желающим получить среднее профессиональное или университетское образование.

Государство признавало свою моральную вину перед этими людьми. Президент неоднократно говорил о необходимости дальнейшего продвижения «по пути правды, справедливости и воздаяния». В речи, произнесенной 11 сентября 2003 г. по поводу трагической годовщины военного переворота, Р. Лагос сказал: «Многие думают, что для преодоления травм прошлого достаточно просто перевернуть страницу или засыпать землей свою память. Общество не делается более гуманным, отвергая боль своей истории; наоборот, без нее оно теряет честь и деградирует»¹⁹.

Одновременно, подчеркивая важность работы комиссии, президент неоднократно отмечал, что все обвинения в политическом терроре не являются выпадом демократической власти против военных в целом и не должны оскорблять достоинство современных вооруженных сил как особого института на службе республики.

¹⁷ Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (fecha de acceso 20.11.2012).

¹⁸ Комиссия прекратила свою деятельность 11 августа 2011 г., представив президенту С.Пиньере итоговый доклад.

¹⁹ Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos, Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (fecha de acceso 20.11.2012).

Таким образом, в годы президентства Р. Лагоса был пройден еще один этап в осуждении военного режима: власть демонстрировала готовность расследовать все случаи нарушения прав человека, выплатить компенсации и провести ряд отдельных показательных судебных разбирательств, связанных с самыми громкими именами и самыми жестокими актами террора. Это имело символическое значение: не отменяя демонстративно Закон об амнистии военных 1978 г., наказать тех, кто имел наивысшую степень ответственности и, соответственно, наивысшую степень вины.

Тем не менее, несмотря на ряд официальных обвинений, фигура самого Пиночета как бы сознательно выносилась за рамки этого процесса, придавая ему компромиссный характер. Полномасштабно судить Пиночета можно было, только опираясь на абсолютную поддержку всего общества. А такой поддержки у демократических правительств никогда не было: экс-диктатор продолжал пользоваться уважением и сочувствием различных общественных групп (в том числе и среди беднейших слоев населения).

Таким образом, серьезные успехи в плане консолидации демократии, ликвидация «авторитарных анклавов» в конституции страны, серьезное расследование фактов политического насилия в 1973-1989 гг., все-таки не означали полного преодоления прошлого: тень Пиночета и нерешенные проблемы, связанные с оценкой его роли в истории страны, оставались в наследство следующим президентам.

IV.2. Формирование новой модели социальной политики

Несмотря на значительные политические достижения правительства Лагоса, наиболее противоречивой, проблемной сферой по-прежнему оставалась социальная политика, а самыми острыми вопросами этой сферы – бедность и неравенство. Несмотря на целенаправленные усилия прежних правительств Консертасьон, в 2000 г. из 20,6% бедного населения 5,7% (т.е. 850 тыс. человек) составляли те, кто жил в условиях крайней бедности и чей

месячный доход на душу населения составлял менее 1 долл. в день²⁰. Помимо задачи повышения уровня доходов этой группы, используя уже применявшуюся тактику адресных денежных пособий и льгот, правительство Р. Лагоса поставило цель уменьшить и социальную исключенность, смягчить остроту социального неравенства, включив наиболее проблемную часть населения в полноценную общественную жизнь. Можно сказать, что основное направление социальной политики стало постепенно меняться, ориентируясь на преодоление не только абсолютной (выраженной в цифрах), но и относительной бедности, т.е. на изменение самосознания беднейших слоев, их приобщение к задачам и успехам национального развития.

В 2002 г. под руководством Министерства планирования и кооперации (Ministerio de Planificación y Cooperación Nacional, MIDEPLAN) была принята масштабная социальная программа «Солидарная Чили» (Chile Solidario), реализацию которой взял на себя Национальный фонд по преодолению бедности (Fondo Nacional para la Superación de la Pobreza). Смысл и цель этого проекта (объединившего, фактически, целый комплекс социальных инициатив), заключались в том, чтобы построить страну равных возможностей. Это была долгосрочная стратегия социальной политики, рассчитанная на достижение нового уровня общественного развития путем небольших, постепенных, но постоянных и целенаправленных изменений.

Программа «Солидарная Чили» относилась к типу программ так называемых «адресных выплат» («transferencias condicionadas»), в начале XXI в. получивших широкое распространение и в других странах региона²¹.

²⁰ Arenas de Mesa A. y Gusman Cox J. Política fiscal y protección social en Chile // Revista de la CEPAL. – 2003. – N 81. – P.132.

²¹ Более подробно об этом см.: Кузнецова Э.Е. Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI в.: преемственность и перемены // Латинская Америка. – 2012. – № 6. – С.14-20; Дьякова Л.В., Проценко А.Е. Правление Табаре Васкеса в Уругвае (2005-2009) // Латинская Америка. – 2010. – № 9. – С. 20-35; Дьякова Л.В. Социальная политика по преодолению бедности в Чили (1990-2004). // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С.15-29; Ocampo J.A., Gómez-Arteaga N. Los sistemas de protección social, la redistribución y el crecimiento en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2017. – N 122. – P.7-33.

Их цель – способствовать повышению активности бедных групп общества, поддерживать стремление своими собственными усилиями, используя полученную субсидию, пройти обучение, повысить квалификацию, найти работу и в итоге выйти из категории нуждающихся в помощи.

«Солидарная Чили» представляла собой целый комплекс программ, ориентированных, в отличие от прежних проектов, преимущественно на помощь семье, а не индивиду, и ставила своей целью оказывать экономическую и психосоциальную поддержку именно семьям по включению их в рынок труда и повышению качества человеческого капитала. Программа предполагала также улучшить жизнь беднейших домохозяйств, особенно тех, которые возглавляют одинокие женщины с детьми, предоставив им возможности для повышения уровня образования и культурного развития. В основу этого подхода было положено более сложное, многостороннее понимание бедности как особого образа жизни, воздействующего не только на отдельного человека, но и на все его окружение, в первую очередь семью и детей, лишенных возможности нормально адаптироваться в современном обществе.

Для выполнения поставленной задачи предусматривалась выплата ежемесячных денежных пособий на образование, повышение трудовой квалификации, охрану здоровья каждой семье. Со своей стороны, семья подписывала конкретные обязательства, предполагающие самостоятельную активность по улучшению качества своей жизни (поиск работы, продолжение учебы и т.д.). Начальный этап предусматривал ежемесячные субсидии в размере 10 тыс. 500 песо первые 6 месяцев, 8 тыс. песо в течение года и 5 тыс. 500 песо последние 6 месяцев²². Эта денежная помощь не являлась

²² Hoces de la Guardia F., Hojman A., Larrañaga O. Evaluating the Chile Solidario program: results using the Chile Solidario panel and the administrative databases. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:

<http://www.econ.uchile.cl/uploads/publicacion/f7896162f51ede24f0659feeb81a0baae2f1121f.pdf> (fecha de acceso 12.07.2011).

значительной в долларовом эквиваленте, однако ее целью являлось не столько прямое повышение доходов, сколько психологическая ориентация низшего слоя общества на более активное участие в социальной жизни – в различных программах повышения квалификации, профессионального обучения, поиска работы. К 2005 г. в программу были включены 225 тыс. семей, живущих в условиях крайней бедности (около 1 млн. человек). Проект, рассчитанный на многолетнюю работу, был продолжен и после 2006 г., в годы президентств М. Бачелет и С. Пиньеры.

Важнейшим направлением социальной политики этого периода стало улучшение сферы образования. Сам Лагос – университетский преподаватель в молодости и экс-министр образования в правительстве П. Эйльвина – придавал вопросам образования огромное значение, считая их неотъемлемой частью современного общества. Стратегия развития в целом, с его точки зрения, была связана с перспективами высшего образования как важнейшего инструмента расширения социальных возможностей, способа выхода из бедности для талантливой и активной молодежи из низших слоев. Однако, говоря о стратегической цели – добиться равного доступа к высшему образованию для всех социальных групп – президент считал необходимым в первую очередь повысить качество начального и особенно среднего уровней в «обычных», незлитных школах, и именно эту задачу считал одной из основных в своей работе.

Особое внимание к среднему образованию было продиктовано и общими задачами национального развития, и жесткими потребностями экономики, нуждавшейся в квалифицированной и образованной рабочей силе. Повышение уровня охвата молодежи средним образованием являлось также и одной из Задач тысячелетия, сформулированных для «отстающих» стран на саммите в Нью-Йорке в 2000 г. (к 2015 г. добиться полного распространения на детей и молодежь начального образования и на 75% – среднего).

К 2000 г. чилийские школы продолжали подразделяться на целиком частные, муниципальные и «частные субсидируемые» («particulares subvencionadas»), находящиеся в частном управлении, но финансируемые государством, в зависимости от количества учащихся. Этот тип школ постепенно превратился в наиболее распространенный в обществе – если в 1981 г. их посещали 14%, в 1990 – 34%, то в 2005-2007 гг. – 50% всех учеников, в то время как доля муниципальных школ неуклонно падала²³.

Образовательные программы 1990-х годов, в том числе известная Р-900, были чрезмерно сконцентрированы на наиболее бедных слоях населения, на помощи самым отстающим муниципальным школам – что имело серьезные объективные причины. Однако при таком предельно адресном, дифференцированном подходе отступали проблемы средней школы и среднего образования вообще – в том числе различных категорий государственных школ, в которых учились в том числе «низшие» средние слои, недавно вышедшие из состояния бедности. Эта ситуация была опасна общим падением уровня среднего образования, что не могло не сказаться впоследствии и на высшей профессиональной подготовке, на общем качестве молодежи, выходящей на рынок труда.

Важнейшим образовательным проектом стало принятие в 2004 г. Закона об обязательном 12-летнем образовании и сопутствующей ему образовательной программы «Средняя школа для всех» («El Liceo para todos»)²⁴. Ее целью было обеспечить возможность получения законченного среднего (12-летнего) образования для всей молодежи страны, независимо от уровня дохода семьи, сократить процент раннего ухода из школы, улучшить здоровье учащихся, уменьшить отставание сельских областей, – то есть, в

²³ Contreras D. Desigualdad y políticas educacionales: desde la ley de la subvención preferencial a una subvención escolar pública // El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed. by Lagos R.E y Landerretche O.M. – P. 93.

²⁴ La educación chilena en el cambio del siglo: políticas, resultados y desafíos. // Informe Nacional de Chile. Oficina Internacional de Educación UNESCO. – Santiago de Chile: Ministerio de Educación, 2004. – P.17. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.oei.es/historico/quipu/chile/ibechile_part1.pdf (fecha de acceso 17.06.2009).

итоге, повысить образовательный потенциал и качество жизни общества в целом. Программа была направлена в первую очередь на бедные и недавно вышедшие из бедности слои населения, на создание более «интегративной школы», основная задача которой – создавать для всех детей реальную возможность получить среднее образование, способствовать «большему равенству, большему участию и лучшему управлению»²⁵. В соответствии с программой предусматривалась выплата стипендий учащимся, которые стремятся продолжить обучение, проведение психологической работы с родителями, нередко настроенными против законченного школьного образования, создание более благоприятной психологической атмосферы в учебных заведениях, улучшение школьной инфраструктуры (питание, строительство спортивных залов, ремонт, компьютеризация и т.д.). Предполагалось создание школьных советов с участием родителей: «Образование – это задача для всех, все и должны участвовать в ее решении», – считал президент²⁶. Взрослые, не сумевшие по разным причинам закончить 12-летнее обучение, теперь также получали эту возможность.

В 2004 г. был принят Закон о полном школьном дне (*La Ley de Jornada Escolar Completa*), предусматривающий работу школы с учениками и в часы после занятий. Принятию этого, на первый взгляд вполне оправданного решения, назревшего еще в середине 1990-х годов, предшествовала длительная подготовка – по улучшению школьной инфраструктуры, строительству и компьютеризации новых школьных зданий, особенно в бедных районах и в удаленных областях страны. Проект полного школьного дня не вызывал разногласий, но необходимо было создать реальную возможность для детей из небогатых семей учиться в одну смену, получать хорошее питание, после уроков заниматься спортом и посещать дополнительные занятия в своей же школе.

²⁵ Lagos R.E. *Abrir las puertas...* – P. 249.

²⁶ *Ibid.* – P.250.

Для расширения возможностей выбора учебного заведения была в 3 раза, по сравнению с началом 1990-х годов, увеличена субсидия на каждого ученика, которую родители могли направить в муниципальную или смешанную (субсидируемую) школу по своему усмотрению²⁷.

Тем не менее, если по уровню охвата населения начальным образованием Чили к 2006 г. вышла на одно из первых мест в Латинской Америке (его получили 90% чилийцев, а уровень грамотности составил 96,4%), то среднее образование имели всего 60% от общего числа жителей²⁸. Этого было явно недостаточно для страны с растущей современной экономикой, поставившей амбициозную цель войти в категорию развитых государств мира.

Помимо того, что общее качество образования по-прежнему нуждалось в существенном улучшении, главной проблемой и общества, и образовательных проектов оставались социальное неравенство и сегрегация, начинавшиеся еще в семье и продолжавшиеся за школьной партой. Несмотря на значительные усилия правительства, школа оказывалась пока не в состоянии прервать этот «замкнутый круг», превратиться в действенный инструмент преодоления неравенства.

По данным специального исследования CEPAL, в 2000 г. среди молодых людей в возрасте от 15 до 19 лет, покинувших школу раньше времени, 57% составляли выходцы из беднейшего слоя. (В 1990 г. их доля была меньше – 44%). Среди всех детей, бросивших школу сразу после получения начального образования, эта категория представляла 62% (в 1990 г. их было 52%). Они же составляли в 2000-2001 гг. 53% от общего числа всех неуспевающих и отстающих студентов (в 1990 г. их было 42%)²⁹. То есть показатели 1990 г. в этом плане были более благополучными, что приводило к неутешительному выводу о росте социального неравенства,

²⁷ Ibidem.

²⁸ UNDP. Human Development Report, 2007-2008. – New York, 2007.

²⁹ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2001-2002. – Santiago de Chile, 2003. – P. 114.

настроений неудовлетворенности и разочарования, связанных со школой (и с возможностями образования вообще).

Причины ухода из школы после начального цикла были различны, однако очевидной являлась негативная роль низкого уровня жизни и социального пессимизма среди молодежи из бедных слоев. Помимо потери интереса к обучению, на что указывали как на основную причину от 10 до 15% подростков обоего пола, независимо от уровня дохода, определяющую роль играли обстоятельства экономического характера. Так, 50% юношей в Чили отмечали отсутствие средств и возможностей в семье для продолжения образования³⁰. Это означало, что они вынуждены включиться во взрослую жизнь, не получив даже среднего образования, и пополнить рынок труда в качестве низкоквалифицированной и дешевой рабочей силы.

Для девочек наиболее популярным был ответ «семейные проблемы» (на него указывали 50% опрошенных девочек от 15 до 19 лет)³¹. В реальности это расплывчатое объяснение относилось и к ранней беременности, и материнству, и к необходимости помогать по дому, так как хозяйство в бедных семьях, как правило, ложится на плечи девочек и плохо совмещается с продолжением учебы.

Таким образом, исследователи CEPAL пришли к заключению, что формирование «культуры бедности», которая воспроизводится из поколения в поколение, начинается еще в семье и сопровождается не только материальными лишениями, но и тяжелыми психологическими испытаниями. Социальная исключенность беднейшего слоя состоит не только в необходимости существовать на один доллар в день, но также в отсутствии шанса вырваться из этого круга, предоставив образование (и впоследствии достойную работу) своим детям. Это, без преувеличения, самая

³⁰ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2001-2002. – P. 122.

³¹ Ibidem.

трагическая сторона бедности, по сравнению с которой даже плохое жилье и низкий доход теряют свою значимость.

Поэтому, помимо прямого и адресного повышения доходов беднейших слоев общества с помощью пособий и льгот, приоритетным направлением социальной политики в Чили, особенно с 2000-х годов, стала нацеленность на преодоление именно социальной исключенности, на формирование общества равных возможностей и жизненных перспектив. Только система образования могла бы стать в современном обществе важнейшим инструментом расширения диапазона социальной мобильности беднейших слоев населения, особенно молодежи. Однако это требовало не только денежных субсидий, улучшения школьной инфраструктуры, правильного законодательства, но и соответствующей адаптации образовательных программ и учебных заведений к потребностям данной социальной группы, создания различных центров переподготовки и повышения квалификации, курсов для молодежи и взрослых, соответствующих психологических служб. Именно формирование продуманной и диверсифицированной социальной политики, создающей перспективы развития, является одной из самых сложных государственных задач.

Очевидно, что подобная работа не может быть выполнена быстро, она рассчитана на длительный срок и зависит, помимо политической воли, от многих переменных – благоприятной экономической конъюнктуры, политической стабильности, благожелательного настроения и активности общества, поддержки неправительственных организаций. Не всегда все эти факторы в Чили способствовали достижению поставленных целей, хотя расходы на систему образования были достаточно значительными (в 2005 г. они составили 3,9%, в 2006 – 4,1% ВВП)³².

В 2009 г. в специальном издании, посвященном 50-летнему юбилею Межамериканского банка развития, среди высказываний выдающихся

³² UNDP. Human Development Report, 2007-2008. – New York, 2007.

латиноамериканских политиков и экономистов, было опубликовано и интервью Р. Лагоса, в тот момент уже оставившего президентский пост. На вопрос, в чем причина того, что Латинская Америка так и не смогла порвать цепь неравенства, экс-президент Чили ответил: «Думаю, существуют два момента. Один – исторический, связанный с вопросами собственности... Другой, столь же важный – это различный доступ к образованию... Возможности образования чрезвычайно сегментированы, это «долгоиграющая» тема, которая связана с задачей гарантировать всеобщую доступность всех уровней высшего образования»³³.

В своей оценке важности образования для современного общества, особенно общества латиноамериканского, Р. Лагос оказался исключительно прозорлив. Однако события, тесно связанные именно с темой образования, привлекут особое внимание чилийцев в годы правления следующих президентов – М. Бачелет и С. Пиньеры.

В период президентства Р. Лагоса была начата реформа здравоохранения, направленная на повышение его качества и доступности для бедных слоев населения, причем особое внимание уделялось профилактическим мероприятиям и развитию системы первичной медицинской помощи, в которую направлялось до 30% всех расходов на здравоохранение³⁴. Большую роль в совершенствовании системы профилактики здоровья, расширении доступа к этой системе в первую очередь женщин и детей из бедных слоев, улучшении детской медицинской помощи, сыграла М. Бачелет – министр здравоохранения в 2000-2002 гг. и врач по образованию. В 2002 г. был принят «Plan AUGE» – план «Всеобщей доступности с четкими гарантиями», в соответствии с которым была увеличено число заболеваний, подлежащих обязательному и бесплатному лечению (с трех наименований в конце 1990-х до 40 к 2006 году). Эта

³³ BID. «Celebrar el pasado, construir el futuro: Cincuenta años de desarrollo en América Latina y el Caribe». Banco Interamericano de Desarrollo. – Washington, DC. 2009. – P. 17.

³⁴ Ibidem.

реформа, вообще рассчитанная на 50 лет, была успешно продолжена и при следующем правительстве: в 2007 г. число заболеваний, включенных в перечень обязательного медицинского обслуживания, было увеличено до 56³⁵. Общие государственные расходы на здравоохранение в 2005 г. составили 2,9% от ВВП (в 1990 г. – 1,9%)³⁶.

Усилия, затраченные на совершенствование системы здравоохранения, слабым звеном которой традиционно являлась именно недоступность высокотехнологичных услуг для широких слоев населения, позволили Р. Лагосу заметить: «Мне не нравится, когда единственное, на что мы обращаем внимание – это пустая половина стакана... Все, чего мы достигли в плане реформы здравоохранения, дает мне возможность сказать, что стакан уже наполовину полон»³⁷. Дальнейшее развитие здравоохранения было продолжено и после 2006 г., став одним из наиболее успешных направлений деятельности М. Бачелет.

Социальную политику правительства Р. Лагоса более точно следовало бы назвать социальной стратегией, рассчитанной не на один президентский срок. В одном из своих выступлений президент отметил, что считает важнейшей задачей каждого политика и государственного руководителя, действовать не на международной арене, а в первую очередь – внутри своей страны, создавая модель для решения социальных проблем³⁸.

Всего в этот период в Чили действовало около 400 социальных программ, в которых было задействовано более 80 различных государственных и частных фондов, институтов и организаций. Важнейшей задачей этих проектов было не только поднять общий уровень жизни беднейших слоев населения на всей территории страны, предоставить им современное жилье, доступное здравоохранение, но также расширить доступ

³⁵ Lagos R.E. *Abrir las puertas ...* – P. 152.

³⁶ UNDP. *Human Development Report, 2007-2008.* – New York, 2007; UNDP. *Human Development Indicators.* – New York, 1993.

³⁷ Lagos R.E. *Op. cit.* – P. 156.

³⁸ Lagos R.E. *Op. cit.* – P. 118.

к современному образованию, повысить уровень их профессиональной подготовки и компетентности, и в результате – обеспечить занятость и жизненную перспективу.

Помимо повышения эффективности масштабных социальных проектов, улучшения контроля за их качеством, предполагалось и развитие таких программ, которые занимались непосредственно отдельным человеком, его проблемами и конкретной ситуацией. Большое внимание уделялось социальной и психологической помощи женщинам, молодежи и подросткам из бедных семей: создавались центры по их социальной адаптации, профессиональной подготовке и трудоустройству, проводилась работа с «трудными» подростками в районах повышенного социального риска, с наркоманами и носителями СПИДа. Необходимо отметить, что большую роль в этой работе так же, как и 1990-е годы, играли всевозможные организации и структуры гражданского общества, основанные на принципах добровольности и солидарности, взаимопомощи, заинтересованности в улучшении жизни своего общества.

Характерным примером стала деятельность неправительственных организаций в области жилищного строительства и реализация программы «Крыша для Чили» (“Un Techo para Chile”), в рамках которой усилиями 20 тыс. волонтеров и самих жителей только в 2004 г. было построено около 4000 небольших домов по всей территории страны, создано 400 новых строительных микропредприятий в бедных поселках. Наряду с этой деятельностью программа предусматривала организацию системы микрокредитования для бедных, обучение строительным специальностям, разработку учебных и просветительских программ³⁹.

Интересна практика Фонда Чоль-Чоль (Fundación Chol-Chol), который занимался социальной работой в одной из наиболее бедных областей страны (Араукании), значительную часть населения которой составляют индейцы-

³⁹ Un Techo para Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.untechoparachile.cl/web/faq> (fecha de acceso 3.05.2005).

мапуче. В 2002-2004 гг. 42,7% жителей этого региона находились в ситуации бедности, из них 22% – в крайней нищете. Активисты Фонда занимались обучением (организацией специальных курсов, ремесленных мастерских) и социально-психологической адаптацией женщин-мапуче, которые до сих пор представляют наиболее уязвимую группу индейского населения. Работа Фонда осуществлялась при благотворительной поддержке неправительственных организаций США. Огромную роль в его деятельности играли волонтеры – в основном молодежь и студенты, готовые работать без финансового вознаграждения в одном из самых удаленных и неблагополучных регионов страны⁴⁰.

Продолжил свою работу созданный в 1994 г. Фонд по преодолению бедности (Fondo Nacional para la Superación de la Pobreza). В 2002 г. Фонд стал основной организацией, ответственной за проведение в жизнь правительственной программы по комплексному социальному развитию «Солидарная Чили». В 2000-е годы в рамках этого масштабного и многопланового проекта при поддержке Fondo Nacional были реализованы несколько типов программ, направленных на различные группы населения. Среди них: обучение и социальная адаптация детей 8-13 лет, живущих в бедных районах и входящих в группу риска (силами студентов-волонтеров, прошедших специальную подготовку); работа по развитию гражданских инициатив и решению хозяйственных проблем на местах (с помощью самих жителей и волонтеров); организацию микропредприятий в бедных кварталах (при поддержке предпринимателей).

На протяжении 2000-х годов в Чили продолжали действовать многочисленные неправительственные организации разного профиля, деятельность которых была направлена на преодоление бедности и нищеты, сглаживание недостатков системы образования, психологическую помощь, поиск финансирования для альтернативных проектов. Их идеология и

⁴⁰ Fundación Chol-Chol. Promoción, Educación, y Preservación de la Cultura Mapuche [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.cholchol.org/> (fecha de acceso 4.06.2005).

практика строилась на принципе инициативы и самоорганизации жителей бедных районов при участии волонтеров – студентов, преподавателей, политических активистов, представителей среднего класса. Необходимо отметить, что без этой «низовой», самодеятельной активности была бы невозможна реализация никаких социальных проектов правительства.

Таким образом, характерной чертой социальной политики по преодолению бедности в этот период постепенно становилось сосуществование двух подходов. С одной стороны, сохранялась дифференцированная и прагматичная практика социальных пособий и льгот, прямой помощи наиболее нуждающимся категориям населения. С другой – возникла и укрепилась устойчивая тенденция к более четкому разграничению наиболее нуждающихся, самых уязвимых категорий населения, которые не могут существовать без непосредственной государственной поддержки, и тех, которые в состоянии работать и выходить из бедности своими собственными усилиями. Политика по отношению к этой группе все сильнее ориентировалась на «относительный» подход в плане преодоления бедности – на сокращение социальной исключенности, создание условий для получения образования и работы, на поддержку домохозяйств с детьми, которые должны иметь шанс на достойную жизнь в демократическом, состоятельном обществе. «Знаете, в чем состоит, в конечном счете, демократия? – говорил в одном из выступлений Р. Лагос. – Демократия означает такое общество, которое решает, что все его блага и услуги доступны всем, родившимся на этой земле, независимо от количества денег в их кармане»⁴¹.

Выполнение этой комплексной социальной задачи не могло занять шесть лет.

В итоге основная цель социальной политики периода 2000-2006 гг. – поднять уровень жизни широких слоев населения – в значительной степени

⁴¹ Lagos R.E. Abrir las puertas ... – P.155.

была достигнута, однако кардинально сократить бедность и социальное неравенство правительству все-таки не удалось. В 2004 г. население, живущее ниже черты бедности, по данным CEPAL, составляло 18,7% (из них 4,7% находилось в ситуации нищеты). Безработица в 2000-2005 гг. оставалась на уровне 8,8%⁴². Эти показатели в целом являются благополучными для Латинской Америки, однако в чилийской ситуации они свидетельствовали о невозможности распространить экономическое процветание и рост на всю страну. Отставание регионов стало очевидным фактом, а в некоторых наименее благополучных, удаленных от центра областях бедность превышала средние показатели. Следовательно, необходима была разработка и, главное, реализация специальных программ, учитывающих экономическую и социальную ситуацию отстающих регионов, а также повышение адресности и результативности уже действующих проектов.

Поэтому, несмотря на действительно значительные результаты социальной политики, преувеличение этих результатов чилийские социологи считают серьезной ошибкой в анализе того, что было сделано за 2000-2006 годы. Значение социальной политики этого периода – в определении приоритетов и разработке подходов, главным образом – в формировании более сложного понимания самого феномена бедности и социального неравенства.

Необходимо иметь в виду, что формальные цифры не всегда отражают более сложную социальную реальность, в частности, они ничего не говорят о текучести и мобильности бедных слоев общества, о подвижности границ между низшим средним классом и группами в ситуации бедности. Быстро устаревает и понятие потребительской корзины, в то время как социальное и экономическое развитие страны идет быстрыми темпами. Не учитывается, как правило, конкретная специфика тех категорий населения, которые

⁴² CEPAL. Panorama social de América Latina 2006. – Santiago de Chile, 2007. – P.64, 56.

пополняют бедные слои, а также плохо изучены и практически не отражены в литературе механизмы реального выхода из бедности.

Таким образом, между эффектом абсолютных цифр и реальной социальной практикой существует если не разрыв, то серьезные расхождения. Эти расхождения связаны не только с издержками официальной статистики (как обычно считают), а с особенностями разных подходов и к анализу ситуации бедности, и к реальной работе в этом направлении. В Чили это понимание вырабатывалось постепенно, по мере развития и совершенствования демократии, на базе успешной экономической политики.

В 2000-2006 гг. стали очевидны результаты общего социального прогресса страны, достигнутого за весь период демократизации. Строительство в бедных районах жилья, дорог, школ, медицинских учреждений несколько сократили неравномерность экономического развития Чили. Увеличилась доля городского населения до 86,6% против 83,5% в 1992 году. Повысилось (хотя и с отставанием от уровня других латиноамериканских стран) участие женщин в рынке труда (35,6% против 29,5% в 1992 г.), выросло число нуклеарных семей, состоящих в среднем из трех человек. Улучшилась повседневная материально-бытовая жизнь широких слоев населения. Так, в 2002 г. почти 80% чилийцев имели стиральную машину (против 48% в 1992 г.); 82% – холодильник (54% в 1992 г.); 87% – телевизор (52% в 1992 г.); 51% – домашний телефон (23% в 1992 г.). В 2002 г. 20% населения имели персональный компьютер и 10% подключение к Интернету⁴³. По многим показателям общество стало более современным, мобильным, образованным, стремящимся к соблюдению гендерного равенства, прав женщин и детей.

Серьезным шагом правительства в этом направлении стало принятие в 2004 г. закона о гражданском браке, который впервые в истории Чили

⁴³ Hernández J.R. Chile. El difícil y truncado camino hacia el desarrollo.// Nueva Sociedad. – 2004. – N 185. – P.54-55.

легализовал развод. В 2005 г. был принят закон о защите прав женщин, подвергшихся сексуальному домогательству на работе, а также закон, уравнивающий в правах детей, родившихся в законном браке, и так называемых «незаконнорожденных», которые раньше не имели права даже на фамилию отца.

Эти факты, как и последующее избрание президентом страны разведенной женщины, матери троих детей, свидетельствуют о постепенной модернизации самых традиционных структур чилийского общества. Провозглашая Закон о гражданском браке, Р. Лагос подчеркнул: «Мы работаем во имя того, чтобы Чили стала более развитой, более справедливой, более демократической... Во имя страны, развитие которой измеряется не только экономическими успехами, но и социальным строительством, гражданской ответственностью, равными возможностями... То есть измеряется, в конечном счете, уровнем человечности»⁴⁴.

Деятельность Р. Лагоса на посту президента заслужила высокую оценку и внутри страны, и за ее пределами. Он стал первым президентом-демократом, который, добившись ликвидации «авторитарных анклавов» и в конституции, и в общественно-политической жизни, привел страну к консолидации демократии.

Сам Р. Лагос был удачной публичной фигурой, сочетал в себе лучшие черты выдающегося политика: деловитость, образованность и демократизм, пользовался уважением и в Латинской Америке, и в мире. Его правительство проводило целенаправленную и взвешенную внешнюю политику, ориентированную на позиционирование Чили в международных делах как динамично развивающегося, активно участвующего в мировой торговле надежного партнера, лучшего поставщика вин и морепродуктов, чья экономика органично вписывается в глобальный рынок. В 2000-2006 гг. были заключены договоры о свободной торговле Чили с США, ЕС, Южной

⁴⁴ Lagos R.E. Abrir las puertas... – P. 90.

Кореей, подготовлен договор с Китаем. Несмотря на традиционные внешнеполитические трудности с Боливией, требующей у чилийской стороны коридора для выхода к морю, положение Чили в латиноамериканском регионе во многом упрочилось, среди соседей ей было отведено заслуженное место «страны успеха»⁴⁵. Внешнеполитические достижения поддерживали экономическое развитие и устойчивую, постепенную модернизацию чилийского общества, повышали его самосознание. И если на президентских выборах 1999-2000 гг. Р. Лагос едва не уступил Х. Лавину, то в конце президентского срока его рейтинг превышал 70%, а авторитет и популярность в немалой степени повлияли на электоральный успех М. Бачелет.

В то же время, несмотря на значительные политические и социальные достижения и большие усилия, потраченные на социальное развитие, окончательно решить самые сложные вопросы, связанные с проблемой социального неравенства и его проявлениями в различных сферах, все-таки не удалось. В политическом плане также оставался ряд нерешенных тем – отношения с правой оппозицией, реформа «биномиальной» системы, все более противоречивое взаимодействие социалистов и христианских демократов внутри самой коалиции Консертасьон, которая сохранила свое единство, но утратила общий консенсус и единый настрой, существовавший в начале 1990-х годов.

Таким образом, к моменту президентских выборов 2005-2006 гг. Чили представляла собой устойчивую демократию, которая, тем не менее, нуждалась в продолжении и углублении и политического, и социального

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Принципы и опыт формирования имиджевой стратегии в политике Чили (1990-2006) // Латинская Америка. – 2006. – № 9. – С. 53-61; Дьякова Л.В., Травкин В.Е. Чили не перестает удивлять. // Латинская Америка. – 2007. – №.12. – С.19-34.

курса. Эти проблемы стали приоритетными в деятельности правительства следующего президента-социалиста, преемницы Р. Лагоса – М. Бачелет.

IV.3. Президентство М. Бачелет (2006-2010): преемственность и перемены

В январе 2006 г. президентом Чили впервые была избрана женщина – Мишель Бачелет Хериа, социалист, соратник президента Р. Лагоса и представитель правящей коалиции Консертасьон. За М. Бачелет проголосовало 53,49% избирателей, в то время как ее соперник, кандидат от объединения правых партий «Альянс во имя Чили» («Alianza por Chile»), известный предприниматель и миллионер Себастьян Пиньера, получил 46,50 % голосов⁴⁶.

Необходимо отметить, что во многих отношениях это была уже другая страна, социально-политический прогресс которой стал особенно очевиден в годы президентства Р. Лагоса.

В ходе президентских выборов 2005-2006 гг. уже не решалась судьба демократии, как пятнадцать или даже десять лет назад: ни один из кандидатов в президенты не предлагал принципиально альтернативной идеям демократии программы развития, ни один не представлял оппонента как политического врага, в борьбе с которым «все средства хороши». Можно сказать, что образ А. Пиночета перестал быть постоянной тенью правых партий. Оппозиция постепенно и последовательно дистанцировалась от пиночетизма, подчеркивая свою лояльность демократическим правилам политической жизни.

Расхождения наблюдались в политической риторике кандидатов, в несколько большем акценте «правых» на роли бизнеса и экономического

⁴⁶ Elecciones presidenciales de 2005-2006. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63766&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 08.07.2010).

роста для общего прогресса страны, но не в основном содержании программ, которые были очень похожи. Суть их сводилась к более полному преодолению социальных проблем и дальнейшему совершенствованию демократических процедур. Более того, в ходе предвыборной кампании именно правые жестко критиковали правящую левоцентристскую коалицию за «недостаточное внимание» социальным проблемам, медленные темпы сокращения бедности и неравенства, демонстрируя важность и остроту этих тем для всего общества.

В первом туре, состоявшемся 11 декабря 2005 г., М. Бачелет противостояли трое других претендентов. Правая оппозиция первоначально отказалась от единого кандидата и представила двух лидеров: С. Пиньеру – от правоцентристской партии RN, и Хоакина Лавина – от более консервативного UDI. С. Пиньера получил 25,44% голосов, а Х. Лавин – 23,23%, что фактически явилось для него политическим поражением⁴⁷. Бывший мэр Сантьяго, фаворит прежних президентских выборов 2000 г., набравший в противостоянии Р. Лагосу 48,7% голосов, Х. Лавин вынужден был снять свою кандидатуру с президентской гонки и поддержать во 2 туре С. Пиньеру, призвав к этому и своих сторонников. Программы обоих представителей правого политического крыла были очень похожи: большое внимание уделялось социальному развитию страны, преодолению бедности, продолжению успешного экономического курса, результаты которого должны использоваться в интересах широких слоев общества, сбалансированной внешней политике, и т.д. Х. Лавин сделал заметный акцент на консервативных ценностях, религии, семье, защите интересов женщин-домохозяек (основная группа его поддержки), а С. Пиньера – на экономическом росте и его перспективах. Однако по сути больших различий между программами не было, и только разногласия в стане «правых» и

⁴⁷ Ruíz Rodríguez L.M. Las elecciones presidenciales y parlamentarias de 2005-2006 en Chile // Elecciones y política en América Latina: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales / ed. by Alcántara Sáez M. y García Díaz F. – P. 105-107.

личные амбиции лидеров помешали выдвинуть единого кандидата оппозиции сразу, перед первым туром голосования.

Третьим претендентом стал Томас Хирш – кандидат альтернативных политических партий и движений, представленных предвыборным блоком «Вместе сможем больше» («Juntos podemos más»). В основе этого достаточно разнородного левого объединения были гуманисты (РН) и коммунисты (РС), которые впервые решили выступить единым фронтом. В первом туре «Вместе сможем...» получили 5,35%, что можно считать значительным успехом данного проекта, так как на прежних президентских выборах Т. Хирш, кандидат от РН и опытный политик, имел только 0,5% голосов. В своих программных заявлениях и в ходе предвыборной кампании Т. Хирш и его сторонники критиковали и правых, и Консертасьон в основном с морально-этических позиций. Одних - за жесткую экономическую линию и скрытую поддержку «пиночетизма», других – за то, что они давно уже не подлинные социалисты и не христианские демократы, а политические функционеры, поддерживающие неолиберальный экономический курс. Однако, несмотря на критику существующих правил игры и заявления о своей особой позиции в чилийской политике, объединение «Вместе сможем больше» не являлось радикально-экстремистским, его программа носила скорее социально-утопический характер и пользовалась популярностью среди очень узкого слоя населения.

М. Бачелет в первом туре получила 45,9% голосов, так что исход второго тура был в значительной степени predetermined⁴⁸. Тем не менее, интрига президентских выборов сохранялась до конца, и во многом особую остроту и специфику предстоящему голосованию придавал образ самой Бачелет, стремительно набиравшей популярность не только внутри Чили, но

⁴⁸ Elecciones presidenciales de 2005-2006. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63766&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 08.07.2010).

и за ее пределами. Можно отметить, что на этих президентских выборах (в еще большей степени, чем на предыдущих), ключевую роль сыграл человеческий, личностный фактор.

Биография Мишель Бачелет (род. в 1951 г.) была неразрывно связана с историей страны и во многом символична. Дочь генерала ВВС, служившего при С. Альенде и сохранившего ему верность, арестованного после военного переворота 1973 г. и погибшего в тюрьме, она вместе с матерью вынуждена была эмигрировать, жила в Австралии, затем в ГДР. В 1979 г. вернулась в Чили. По образованию М. Бачелет – врач-педиатр, по политическим взглядам – социал-демократ, по религиозным убеждениям (как заявляла она сама) – агностик. Она была разведена, имела троих детей и занималась политической деятельностью с начала 1990-х годов. В 2000-2002 гг. занимала пост министра здравоохранения в правительстве Р. Лагоса, с 2002 по 2004 гг. исполняла обязанности министра обороны. Будучи министром здравоохранения, добилась больших успехов в совершенствовании первичной медицинской помощи, в создании системы профилактики здоровья, повышении ее доступности для беднейших групп населения. В качестве министра обороны М. Бачелет содействовала решению одной из острейших политических проблем страны – поиску гражданского согласия между армией и широкими слоями чилийского общества, стремилась к созданию нового имиджа ВС как дистанцированной от политики и подчиненной президенту страны профессиональной организации. Ее популярность на этом посту была очень высока, что во многом и определило кандидатуру 54-летней Бачелет как участника президентских выборов 2005-2006 годов.

Политическую позицию Мишель Бачелет, сформулированную в духе Консертасьон – то есть гораздо шире традиционной левой идеологии – поддержали широкие слои чилийского общества: молодежь, женщины, значительная часть средних городских слоев, жители кварталов бедноты, а также те, кто связывал свое будущее с передовым, новаторским образом

жизни, основанном на взаимном уважении и гендерном равенстве. Политический имидж М. Бачелет был сформирован с учетом стиля современной западной женщины – деловой, активной, успешно работающей, без гендерных и религиозных стереотипов. В то же время, в своих выступлениях Бачелет неоднократно повторяла, что стремилась стать «президентом всех чилийцев», а ее предвыборный лозунг – «Я с тобой!» – был обращен к каждому жителю страны, независимо от его социального и экономического положения, политических и религиозных убеждений, прошлого опыта жизни. «Главное богатство Чили, – говорилось в специальном обращении к избирателям, – это не медь, фрукты или древесина, это ее народ... Я убеждена, что чилийцы могут больше. Применить больше идей, больше труда, больше сил, больше богатства. И Программа правительства стремится быть на высоте этих возможностей»⁴⁹.

Необходимо отметить, что и в период работы в правительстве, и в ходе президентской кампании М. Бачелет пользовалась безусловной поддержкой президента страны Р. Лагоса, чья популярность на этом посту была очень высока.

Программа М. Бачелет стала продолжением основных магистральных направлений, которые были заложены в политике всех демократических правительств Чили, начиная с 1990 года⁵⁰. Однако важнейший акцент был сделан на социальных проблемах. Это была программа социального совершенствования демократии, распространения преимуществ процветания и роста на все население страны. Новый президент была намерена:

- продолжать общую стратегию по преодолению бедности, развивая наиболее успешные программы предыдущего периода и формируя новые проекты;

⁴⁹ Programa de gobierno Michelle Bachelet. 2006-2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.emol.com/especiales/elecciones_2005/descargas/programa_Bachelet.pdf (fecha de acceso 18.01.2016).

⁵⁰ Ibidem.

- совершенствовать систему образования (на всех ее уровнях) и дошкольного воспитания; улучшать национальное здравоохранение (особенно систему профилактики и первичной помощи для пенсионеров, детей и женщин из бедных семей), увеличивая государственную поддержку;
- содействовать созданию новых рабочих мест, поддерживать тех, кто потерял работу, и обеспечивать равные возможности на рынке труда для наиболее уязвимых категорий населения; развивать дополнительное образование для взрослых, с акцентом на востребованные специальности;
- провести реформу пенсионной системы.

Акцент в программе был сделан на политическую волю правительства, инициативу государства, которое, опираясь на социально-политические и экономические достижения прошлых лет, может приступить к реализации проекта «Чили для всех» (“Chile para todos”). В то же время в программе отмечалось, что успешное выполнение социальных задач во многом зависит не только от эффективной деятельности правительства, но и от активности самого общества – предпринимательского класса, неправительственных организаций, политиков, активистов женских и молодежных движений. В своих выступлениях Бачелет неоднократно говорила о необходимости заключения своеобразного соглашения между представителями различных общественных групп – «Социального пакта во имя развития», целью которого будет преодоление наиболее острых социальных проблем.

Блок политических задач, представленных в программе, был связан с дальнейшим развитием и совершенствованием демократической системы страны, расширением представительства женщин во всех ветвях власти, улучшением работы всех государственных структур, повышением уровня их управляемости. Приоритетным направлением было названо достижение реального гендерного равенства, примером которого должна была послужить деятельность самого правительства.

В качестве одной из важнейших политических проблем рассматривалась реформа биномиальной электоральной системы, которая, по признанию многих политиков и широких слоев общества, перестала соответствовать потребностям политического развития страны, однако ее изменение являлось рискованным политическим шагом. Р. Лагос, проведя реформу Конституции, все-таки оставил без изменений сложившийся принцип формирования Конгресса.

Особенность выборов в чилийский Конгресс состояла в том, что от каждого избирательного округа (19 для выборов в Сенат и 60 – для палаты депутатов), должны были быть избраны две кандидатуры. Каждая партия или партийная коалиция представляли список из двух претендентов. Если голоса, поданные за обоих кандидатов одного списка, в сумме составляли абсолютное большинство, то проходили два представителя одной коалиции. Если же абсолютного большинства не было, то проходил один, набравший относительное большинство, и кандидат соперника, также получивший большинство в своем списке (даже если количество поданных за него голосов меньше, чем у второго претендента из первого списка). В этой ситуации миноритарные партии, получившие 5-10 % голосов, оказывались не представленными в обеих палатах Конгресса.

В период демократического транзита эта система была оправдана, так как обеспечивала бóльшую политическую устойчивость, консолидировала все политические силы вокруг двух мощных центров – Консертасьон и коалиции правых партий, не отдавая, в то же время, преимуществ ни одному из них. Однако в условиях совершенствования реальной демократии, усиления политического плюрализма, роста многообразия политических предпочтений граждан, такое размежевание в период парламентских выборов ограничивало возможности более мелких партий и коалиций, фактически, исключало их из парламентской деятельности. Так, активисты и сторонники успешно проявившего себя в первом туре президентских выборов 2005 г. объединения альтернативных политических сил «Вместе сможем больше»,

имевшего собственную политическую позицию, справедливо заявляли, что им нет места в парламенте Чили. Коммунисты, гуманисты, «зеленые» подчеркивали, что по идейным соображениям они не могут поддержать ни Консертасьон, ни тем более правый «Альянс», но имеют право на свой собственный политический голос и своих депутатов в парламенте.

Кроме того, прошедшие выборы продемонстрировали опасную тенденцию, связанную с нарастанием апатии и некоторой усталости общества от соревнования двух крупных блоков, от политики вообще. В 2005 г. от участия в голосовании (при том, что оно являлось обязательным), воздержалось 13,11% избирателей, в то время как в 1999 г. таковых насчитывалось 10%, а в 1993 – всего 5,3%⁵¹. Многие из тех, кто должен был голосовать в первый раз, предпочли не проходить бюрократическую процедуру регистрации перед выборами (которая как раз обязательной не являлась) и вообще не были внесены ни в какие списки. Это свидетельствовало, с одной стороны, о наличии общественного спокойствия за судьбу страны, с другой – о снижении политической и гражданской активности в целом, особенно среди молодежи, нежелании участвовать в существующих политических партиях, поддерживать традиционные правила игры.

В этом плане реформа биномиальной системы, отмена принципа обязательности голосования и введение свободной регистрации (т.е. по факту прихода человека на выборы) рассматривались как часть необходимых обществу, назревших перемен, как необходимое условие дальнейшего развития принципов социальной представительности партий и конкурентной партийной борьбы.

М. Бачелет предполагала начать постепенное изменение сложившейся системы выборов в Конгресс, несмотря на сложность этого шага и неизбежное сопротивление оппонентов.

⁵¹ Ruiz Rodríguez L.M. Op. cit. – P. 107-108.

Кроме того, правящая коалиция получила большинство голосов в обеих палатах Конгресса, существенно опередив правый блок в палате депутатов (63 депутата и 19 сенаторов, против 53 и 17, соответственно; также было избрано 4 независимых депутата и 2 сенатора)⁵². Этот перевес сил несколько обесценивали давно наметившиеся разногласия между формальными союзниками внутри самой Консертасьон: PS, реально находящейся у власти, и PDC, которая в последние годы по многим направлениям проявляла себя как оппонент социалистов, стремилась выдвинуть на президентский пост кандидатуру из рядов христианских демократов. (В Палате депутатов христианские демократы имели 21 место, в Сенате – 6, оказываясь в явном меньшинстве). Поддержание единства коалиции также являлось важнейшей задачей президента-социалиста.

Таким образом, предвыборные планы нового президента были отмечены стремлением приступить к необходимым переменам в политической жизни, но без радикальных мер, разрыва с прошлым и других критических моментов, продолжая общий социальный и политический курс прежних правительств Консертасьон и особенно – президента Р. Лагоса. Одной из важнейших социально-политических задач нового правительства стало продолжение реализации масштабного проекта «солидарной страны» («Chile Solidario»), начатого при поддержке широких слоев общества.

Обладая парламентским большинством, опираясь на мощный политический ресурс, связанный с успехами предыдущего периода, М. Бачелет имела, на первый взгляд, все возможности для осуществления запланированной стратегии. Однако испытания реальной политикой не заставили себя ждать⁵³.

⁵² Ruiz Rodríguez L.M. Op. cit. – P.106.

⁵³ Дьякова Л.В. Деятельность правительства Мишель Бачелет в 2006-2008 гг. // Латинская Америка. – 2009. – №.3. – С.27-37.

Вступив в должность объективно в самый благополучный период развития Чили за последние двадцать лет, президент и правительство с самого начала оказались перед лицом ряда серьезных и во многом недооцененных проблем. Одни из них традиционно имели для Чили особое значение и остроту, другие были в значительной мере спровоцированы чрезмерно высокими социальными обещаниями и имиджем самой Бачелет, пришедшей к управлению страной под лозунгами «Я с тобой» и «Чили для всех».

Первым вызовом власти уже в мае 2006 г. стало массовое движение старшеклассников, недовольных низким качеством обучения в государственных школах и ростом неравенства и сегрегации в системе образования в целом. Школьники требовали бесплатного проезда на общественном транспорте, улучшения условий обучения и отмены платы за вступительный экзамен в высшее учебное заведение. Однако за этими частными и конкретными требованиями стояла общая неудовлетворенность уровнем среднего образования в стране, преобладанием рыночных инструментов, стремление привлечь государство к большему участию в регулировании системы образования. Эти требования свидетельствовали о необходимости пересмотра пиночетовской реформы 1981 г. и Закона об образовании 1990 г., недостатки которого были впоследствии «скомпенсированы», доработаны, но так и не отменены ни одним из демократических президентов.

Выступления молодежи носили столь массовый и демонстративный характер, что М. Бачелет была вынуждена снять со своих постов министра образования и министра внутренних дел, обвинив их в неспособности контролировать ситуацию. Для разработки проекта нового Закона был создан Совещательный совет при президенте с участием представителей системы образования, а также школьников и студентов.

Студенческие волнения проходили на фоне общего подъема экономики и успешной внешнеполитической деятельности М. Бачелет. Однако ход этой

работы оставался, казалось, совершенно незамеченным в обществе, взбудораженном молодежными выступлениями. Характерной особенностью момента являлся и тот факт, что на улицы вышло поколение, не знавшее ни военного режима, ни трудностей демократического перехода, и обладавшее собственным безапелляционным представлением о том, какой должна быть реальная демократия. В этой «настоящей» демократии не находилось достойного объяснения ни для ошибок прошлого, ни для вынужденных политических компромиссов и уступок.

Следующим серьезным потрясением для страны и одновременно «испытанием на прочность» нового правительства стала смерть А. Пиночета 11 декабря 2006 года. Несмотря на то, что в период выборов и предвыборной борьбы он находился под домашним арестом, многие трагические вопросы, связанные с деятельностью военного режима, продолжали волновать общество, сохраняя почву для внутреннего противостояния, и каждый новый скандал или разоблачение были чреваты всплеском политических эмоций. В момент похорон в декабре 2006 г. оказалось, что лишенный всех полномочий и давно не участвовавший в политике экс-диктатор все еще сохраняет влияние на чилийское общество, являясь для одних – «спасителем нации», для других – символом всего преступного, что может совершить военный у власти.

Несмотря на достойное (по-настоящему президентское) поведение самой Бачелет, сумевшей остаться «над схваткой», подчеркнуть значение закона для разрешения любой критической ситуации, общество было охвачено серьезными волнениями. Символический гроб с телом Пиночета был сожжен его противниками и брошен в реку. С другой стороны, некоторые политики из правого лагеря считали необходимым установить бюст Пиночета в президентской галерее дворца Ла Монеда, рядом с бюстами других чилийских президентов (эту идею поддержала и министр обороны В. Бланлот, дочь военного). Следует отметить, что вооруженные силы в целом с честью вышли из этого кризиса, ничем не нарушив демократических правил

игры и продемонстрировав верность президенту страны. Отдельные экстремистские высказывания близких Пиночету лиц (в частности, его внука, который был впоследствии уволен из армии) не могли существенно повлиять на ситуацию. В итоге Пиночета похоронили как бывшего Главнокомандующего сухопутными силами, но без почестей, соответствующих статусу главы государства (как того требовали пиночетисты). Траур был объявлен только в воинских частях и военных учреждениях, на похоронах по поручению президента присутствовала министр обороны В. Бланлот.

Тем не менее, эти события продемонстрировали, что для значительной части чилийцев прошлое все еще не стало прошлым в полном смысле этого слова, что в различных социальных группах существует противоположное отношение к личности Пиночета и военному режиму 1973-1990 годов.

Груз президентской ответственности оказался тяжелой ношей для М. Бачелет. Два таких серьезных потрясения, как студенческие выступления и смерть Пиночета, разбудили глубокий конфликт, до этого момента находившийся в латентном состоянии. Поднялась волна критических публикаций, обличающих «неправильное» устройство чилийского общества, его социальную несправедливость, рыночную ориентацию, потребительские ценности. С другой стороны, оживилась правая оппозиция, критикующая саму Бачелет за неспособность контролировать ситуацию, подверженность непродуманным популистским обещаниям, которые провоцируют в бедных слоях населения завышенные социальные ожидания. Вступила в очередную полосу кризиса и Консертасьон: христианские демократы, считавшие себя более популярной и «голосуемой» партией, чем разделенные на несколько групп социалисты, неоднократно заявляли, что имеют право на собственную политическую позицию по самым острым вопросам, в том числе – и на негативное отношение к президенту.

Таким образом, практическая работа правительства с самого начала 2006 г. была осложнена целым рядом неблагоприятных обстоятельств,

нарастанием критических настроений в обществе, что повлияло на нового президента и одновременно высветило ряд серьезных проблем в ее характере и образе действий (неспособность проявить политическую волю в ряде ситуаций, стремление соответствовать избыточно «социальному» имиджу, отсутствие целенаправленной стратегии в начале работы). Тем не менее, начиная с 2008 г. Бачелет все-таки удалось выработать собственный лидерский стиль и превратить свое президентство в одно из самых успешных, ключевых и символических, особенно в том, что касалось совершенствования политической демократии и развития социальной политики.

Конкретная деятельность М. Бачелет была направлена на реализацию следующих важных политических и социальных проектов.

В русле политики всех демократических правительств по консолидации общества и восстановлению справедливости в 2009 г. был создан Национальный институт по правам человека (Instituto Nacional de Derechos Humanos). При нем осуществляла свою деятельность специальная Комиссия по делам репрессированных (Comisión Asesora para la Calificación de los Detenidos, Desaparecidos, Ejecutados políticos), ставшая продолжением Комиссии Валеча. Задачей этой, третьей с начала 1990-х годов, комиссии по расследованию нарушений прав человека, являлось рассмотрение дел тех пострадавших от военного режима, кто по каким-то причинам не обратился в предыдущие комиссии или получил их отказ. В результате работы итоговое число всех жертв политического насилия в 1973-1989 гг. (погибших, пропавших без вести, подвергнутых преследованиям, арестам и пыткам) достигло 40 тыс. 280 человек⁵⁴. Выяснение судеб репрессированных, помощь оставшимся в живых и родственникам погибших – то есть доведение до

⁵⁴ В соответствии с докладом, представленным в 2011 г. президенту С.Пиньере. См.: Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (fecha de acceso 20.11.2012).

конца начатой в 1990-е гг. сложной работы – имело огромное этическое и политическое значение для общества.

В соответствии с предвыборными планами, проводилась дальнейшая модернизация государственных структур, повышение их эффективности и открытости для общества. (Для достижения этой цели был разработан даже специальный «Учебник прозрачности и честности для служащих государственной администрации»). Постепенно, при увеличении бюджета и компетентности региональных органов власти, шел процесс децентрализации управленческих функций центрального госаппарата. Была предпринята попытка реализовать на практике принцип гендерного равенства, путем назначения женщин на половину министерских постов, что, тем не менее, оказалось трудно совместить с принципом деловых качеств и внутрипартийными компромиссами (как отмечали аналитики)⁵⁵. В итоге осуществление принципа гендерного равенства приобрело несколько формальный характер. В разные периоды женщины имели в среднем 9-10 министерских портфелей из 22. Они занимали посты: министра образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, планирования, жилищного строительства, сельского хозяйства, а также возглавляли специальный департамент по делам женщин. Ключевые должности министра внутренних дел, иностранных дел, финансов, принадлежали мужчинам. Достаточно смелой инициативой было назначение женщины – Вивиян Бланлот – на пост министра обороны в 2006-2007 гг., что вписывалось в политику демократизации ВС и создания нового имиджа военных в обществе, проводимую М. Бачелет.

В Палате депутатов Конгресса было 17 женщин из 120, в Сенате – два сенатора из 38. Как отмечал известный чилийский политик, социалист Камило Эскалона, добиться настоящего гендерного равенства в политике при наличии существующей электоральной системы и в условиях традиционных

⁵⁵ Sehnbruch K. The Chilean Presidential Elections of 2005-2006. [Electronic resource]. Available et: <http://www.clas.berkeley.edu/publications/> (accessed 10.07.2006).

предвзубков, было достаточно сложно: требовалось время, чтобы женщин действительно стали избирать депутатами и сенаторами Конгресса в открытой конкурентной борьбе⁵⁶. Поэтому самым важным достижением гендерной политики М. Бачелет стала ее собственная работа на высшем государственном посту.

Был разработан проект реформы электоральной системы, встреченный острой критикой со стороны правой оппозиции. Отрицательное отношение к реформе основывалось главным образом на том, что сложившаяся система работает хорошо и обеспечивает высокий уровень демократии в стране, а предлагаемые альтернативы (в плане приближения к парламентской республике) не ясны и могут привести к дестабилизации политической жизни. В итоге серьезное изменение «биномиальной системы» было отложено на неопределенный срок, однако в марте 2009 г. правительству удалось принять закон, отменяющий обязательность голосования и «предварительную приписку» избирателей к определенным округам. Это был важный шаг в плане демократизации избирательной системы, однако президентские и парламентские выборы 2009 г. проводились еще по старой схеме.

Важнейшим направлением работы правительства стала разработка и принятие в 2009 г. нового Закона об образовании, который заменил предыдущий (1990 г.), вызывавший основное раздражение участников школьных выступлений⁵⁷. Однако его длительное и сложное обсуждение в обеих палатах Конгресса спровоцировало очередной виток общественной критики в адрес правительства и президента.

В основу Закона 2009 г. была положена идея о повышении ответственности государства за качество образования в стране. Он

⁵⁶ Escalona C. Chile, 20 años después. 1988-2008. – Santiago de Chile: Diagrama, 2008. – P. 86.

⁵⁷ Ley General de Educación № 20.370 de 12 de septiembre 2009. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=1006043> (fecha de acceso 20.06.2012).

предусматривал увеличение и диверсификацию стипендий для учащихся из бедных семей (как студентов, так и школьников), в том числе и для оплаты вступительного вузовского экзамена, а также увеличение школьных субсидий (для расширения возможностей выбора учениками школы). Предполагалось улучшить школьную инфраструктуру – для осуществления программы «полного учебного дня», а также повысить качество преподавания в муниципальных школах. Однако проект Закона об образовании с самого начала носил компромиссный характер: на словах отказываясь от прежней модели, на деле он включал лишь некоторые из требований «школьного восстания» 2006 г., но не ликвидировал ни рыночных принципов, ни неравенства, ни системы платного образования. Первый этап его обсуждения в палате депутатов был встречен новыми массовыми выступлениями летом 2008 г. студентов, школьников старших классов и преподавателей, недовольных системой образования в целом и требующих повышения ее качества, доступности, а также полного исключения дискриминации и сегрегации из чилийских школ и вузов⁵⁸.

Законодательные инициативы проводились на фоне реального увеличения расходов на образование. В 2006-2008 гг. они возросли до 17,5% от общих государственных расходов (по сравнению со средним уровнем 14,1% в 1990-2000 годах). Были увеличены школьные субсидии (в 1,5 раза по сравнению с 2003 г.); почти в 2 раза с 2004 г. выросли расходы на каждого студента, получающего высшее образование (включая затраты на специальные стипендии)⁵⁹.

И все же, несмотря на значительные и достаточно эффективные адресные усилия, М. Бачелет не удалось сделать ничего принципиально нового в плане кардинальной реформы образования. Драмой этого правительства стало то, что, как оказалось, его инициативы только

⁵⁸Chile - Nueva Ley General de Educación introduce grandes cambios al sistema educativo. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.oei.es/historico/noticias/spip.php?article5639> (fecha de acceso 19.10.2009).

⁵⁹ Escalona C. Op. cit. – P. 27, 29, 31, 32.

подготовили почву для роста разочарования и недовольства, которое выльется в радикальные массовые протесты уже при следующем президенте, С. Пиньере.

Значительным и безусловным достижением социальной политики этого периода стало принятие нового Закона о пенсиях⁶⁰, предусматривающего обязательное пенсионное обеспечение для всех, независимо от частных вкладов в пенсионные фонды. С 1 июля 2008 г. эта «базовая солидарная пенсия» (la Pensión Básica Solidaria) составила 60 тыс. песо, а с 1 июля 2009 г. – 75 тыс. песо (при курсе 1 долл. – 468 чилийских песо в 2008 г.)⁶¹. Такая поправка к существующей пенсионной системе, основанной на принципе личной ответственности каждого за свою будущую пенсию, означала, что пожилые люди с низкими пенсиями (или без пенсий вообще), работники неформального сектора, безработные, временные рабочие по контракту, домохозяйки, инвалиды, – то есть все, кто по различным причинам не имел возможности отчислять в пенсионные фонды часть своих заработков, получают в старости некую минимальную социальную гарантию. Кроме того, закон предусматривал, что женщины старше 65 лет с 2009 г. будут получать отдельную выплату за каждого рожденного ребенка⁶². Этот закон стал выражением определенной социальной позиции правительства, основанной на том, что экономически успешное, эффективное, демократическое государство готово принять на себя часть ответственности за благополучие человека в старости, отвергая радикально-индивидуалистический неолиберальный принцип «заботы каждого только о самом себе».

В плане повышения уровня жизни беднейших слоев продолжалась реализация программы по комплексному преодолению бедности и социального неравенства «Солидарная Чили». Действовали программы по

⁶⁰ Ley de Pensión Básica Solidaria № 20.255 de 17 de marzo 2008. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=269892> (fecha de acceso 20.06.2013).

⁶¹ La Ley de Pensión Básica Solidaria [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/viewEjeSocial>. (fecha de acceso 17.08.2008).

⁶² Escalona C. Op. cit. – P. 84.

строительству доступного жилья на основе ипотечного кредитования; выплачивались специальные «жилищные» субсидии женщинам – главам беднейших домохозяйств, для которых получение собственного жилья традиционно являлось большей проблемой, чем для мужчин. В годы президентства М. Бачелет такие субсидии получили 220 тысяч женщин⁶³.

В 2009 г., при участии пяти министерств (образования, здравоохранения, труда и занятости, сельского хозяйства, планирования), была принята программа, направленная на помощь женщинам – главам семей, стремящимся повысить свою конкурентоспособность на рынке труда (получить дополнительное образование, завести свое дело). Программа охватывала 226 муниципалитетов и предполагала также контроль за улучшением условий и повышением оплаты труда женщин («Jefas del Hogar»)⁶⁴.

В плане общего повышения социального развития, укрепления основ современного правового общества была принята специальная программа по предотвращению насилия в семье, координирующая 58 центров по всей стране, предоставляющих психосоциальную помощь женщинам и девочкам-подросткам, подвергшимся семейному насилию. Действовали специальные медицинские центры для несовершеннолетних матерей и беременных женщин из бедных слоев общества. Однако, как отмечает К. Эскалона, для полного искоренения проблемы «требуются более серьезные изменения в культуре, в традициях семьи, преодолевающие сложившийся образ мужчины – мачо и алкоголика»⁶⁵.

Сферой особого внимания правительства продолжала оставаться система здравоохранения. В годы президента Р. Лагоса в этой системе произошли серьезные улучшения. Одним из результатов общего развития здравоохранения стало то, что к 2008 г. 72,7 % чилийцев и все пожилые люди

⁶³ Escalona C. Op. cit. – P. 85.

⁶⁴ Ibid. – P. 84.

⁶⁵ Ibid. – P. 87.

старше 60 лет имели право на бесплатное медицинское обслуживание (в 1990 г. 11% представителей этой возрастной категории вообще оставалось вне доступа к системе здравоохранения)⁶⁶.

Однако оставался ряд проблем в том, что касалось повышения уровня первичной медицинской помощи, оснащенности современным оборудованием всех поликлиник и больниц, распространенности высокотехнологичных медицинских услуг, доступности качественной медицины беднейшим слоям населения (среди них – старикам, женщинам и детям). Правительство М. Бачелет уделило существенное внимание развитию системы профилактики здоровья, охране здоровья женщин и детей, особенно новорожденных. Масштабный план «Чили растет вместе с тобой» («Chile crece contigo») был посвящен заботе о детях дошкольного возраста, созданию яслей и детских садов для малообеспеченных семей, в которых питание и медицинское обслуживание должны быть бесплатными. В итоге Чили стала страной с одним из самых высоких в регионе показателей по охране здоровья женщин и детей. Для нее характерна очень низкая младенческая смертность при рождении – в 2008 г. она составила 7 человек на 1000 родившихся живыми (в Бразилии, например, этот показатель – свыше 20, а в Боливии – 46 детей). Чили занимает первое место в регионе по охране здоровья беременных женщин: смертность при родах – менее 50 человек на 100 тыс. рождений. Эти результаты сопоставимы с уровнем развитых стран и лучше, чем в Аргентине, Коста-Рике и Уругвае, также имеющих качественное здравоохранение (но несколько ниже, чем на Кубе)⁶⁷.

Правительство продолжало строительство семейных поликлиник и центров семейного здоровья, направленных на оказание первичной помощи и консультации (в 2008 г. такие центры охватывали 1 млн 800 тыс. человек)⁶⁸.

⁶⁶ Ibid. – P. 44.

⁶⁷ CEPAL. Objetivos de desarrollo del Milenio. La progresión hacia el derecho a la salud en América Latina y el Caribe. – Santiago, 2008. – P.41, 51.

⁶⁸ Escalona C. Op. cit. – P. 47.

Ежегодные государственные расходы на здравоохранение постоянно возрастали и в 2007-2009 гг. в среднем в два раза превышали расходы 1999 года, составляя 3,7% от ВВП⁶⁹.

Большую роль в планах правительства играли задачи улучшения городской инфраструктуры. В феврале 2007 г. вступил в силу план модернизации городского транспорта столицы – «Трансантьяго» (Transantiago), разработанный еще в годы президентства Р. Лагоса. Проект предусматривал качественное улучшение транспортной системы (в первую очередь замену устаревших, загрязняющих воздух автобусов) в Сантьяго и создание логичной и удобной для пассажиров схемы маршрутов, объединяющей метро и наземный транспорт. Однако проект оказался слишком дорогостоящим и в начале своей работы (из-за логистических неувязок) привел к транспортному параличу. Недостатки «Трансантьяго» стали объектом раздражения и недовольства как простых жителей, даже вышедших на демонстрации протеста, так и мишенью для критики со стороны правой оппозиции и части христианских демократов в самой Консертасьон.

Одним из важнейших и наиболее успешных направлений деятельности правительства стало продолжение экономической политики, направленной на постоянное развитие конкурентоспособных отраслей экономики, способных сделать Чили еще более активным участником международной торговли, центром привлечения растущих инвестиций и новых технологий.

Позиция М. Бачелет была сформулирована в общем русле предшествующей стратегии и состояла в том, что только постоянный экономический рост, связанный, в том числе, с укреплением и государственной поддержкой малого и среднего бизнеса, с инновациями, будет способствовать в итоге общему социальному прогрессу страны.

Необходимо отметить, что на всем протяжении периода 2001-2007 гг. Чили чилийскую экономику отличали высокие темпы роста (в среднем 4,5%

⁶⁹ Human Development Report 2009. – New York, 2010.

в год), а объем ВВП в 2008 г. по сравнению с 2001 г. увеличился в 2,9 раза⁷⁰. Согласно данным «Доклада о глобальной конкурентоспособности 2008-2009», Чили превратилась в наиболее конкурентоспособную страну в регионе и стала третьей на американском континенте (после США и Канады), занимая 28-е место в мировом рейтинге, включавшем 134 страны⁷¹. Как отмечает Л.Н. Симонова, по ряду показателей – таких, как потребление электроэнергии на душу населения, использование информационных технологий, систем телекоммуникаций, развитию внутреннего рынка капиталов и устойчивости банковской системы – Чили к 2009 г. уже значительно опережала большинство государств Латинской Америки и приближалась к развитым странам⁷².

Важнейшей задачей, поставленной М. Бачелет, являлось развитие инновационной политики в русле поддержки наиболее конкурентоспособных и эффективных экспортно-ориентированных отраслей экономики (прежде всего горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства). Помимо внедрения новых технологий, создания специального Фонда инноваций были предприняты серьезные усилия по подготовке высокопрофессиональных научно-технических кадров, в том числе в лучших зарубежных университетах. Для обучения за границей правительство выделяло специальные стипендии (если в 2005 г. по таким стипендиям обучалось 172 студента, в 2007 г. – 500, в 2008 г. – 1000, то в 2009 г. – 2500 человек). В 2008 г. президент создала специальный Фонд, посвященный празднованию 200-летнего юбилея Чили, с капиталом в 6 млрд долл. – для того, чтобы в ближайшие 10 лет 30 тысяч студентов могли получить образование в лучших университетах мира и вернуться для работы в свою страну⁷³.

⁷⁰ Дьякова Л.В., Симонова Л.Н., Сударев В.П. и др. Чилийская модель: ее преимущества и риски (мандат М.Бачелет). – М.: ИЛА РАН, 2009. – С. 24.

⁷¹ World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2008-2009.

⁷² Дьякова Л.В., Симонова Л.Н., Сударев В.П. Ук. соч. – С. 24.

⁷³ Escalona C. Op. cit. – P. 37.

Глобальная цель превратить Чили в модель процветания и успеха была неразрывно связана с более конкретными и амбициозными планами, сами названия которых – «Чили соревнуется», «Чили вкладывает», «Чили – продовольственная держава» – свидетельствовали о масштабных экономических проектах правительства⁷⁴. Характерно, что представители высшей политической элиты страны (в том числе и Лагос, и Бачелет) в своих выступлениях всегда делали акцент на позитивных, но при этом не только материальных, не измеряемых напрямую в денежном эквиваленте, успехах и достижениях. Все социальные и экономические программы (к какой бы сфере они ни относились) имели названия, которые должны были наполнять человека уважением и гордостью за свою страну, уверенностью в том, что она развивается в правильном направлении. Показательно, что девизом чилийского павильона на международной технологической выставке в Ганновере (март 2007) стали слова «Чили всегда удивляет» (“Chile sorprende, siempre”), что являлось не просто лозунгом, но частью целенаправленной стратегии развития страны.

IV.4. Новый формат военно-гражданских отношений

Особое место в политике М. Бачелет занимала ее деятельность по дальнейшей демократизации и одновременно модернизации ВС страны, закреплению их новой роли в обществе, соответствующей этапу развитой, консолидированной демократии. Эта стратегическая линия, намеченная первыми правительствами Консертасьон, была успешно продолжена в годы президентства Р. Лагоса и практически завершена М. Бачелет, которая еще в

⁷⁴ Подробнее см.: Дьякова Л.В., Травкин В.Е. Чили не перестает удивлять // Латинская Америка. – 2007. – № 12. – С. 18-34; Дьякова Л.В. принципы и опыт формирования имиджевой стратегии в политике Чили (1990-2006) // Латинская Америка. – 2006. – № 9. – С. 53-61.

качестве министра обороны в 2002-2004 гг. стала символической фигурой и для армии, и для общества⁷⁵.

В дальнейшем министрами обороны Чили становились лица подчеркнуто невоенных специальностей (экономисты, бывшие дипломаты), в том числе и женщина – известный экономист В. Бланлот (2006). В 2006 г. военный парад в честь Дня независимости впервые принимали женщины – М. Бачелет, уже в качестве президента страны, и министр обороны. (В 2007-2010 гг. этот пост занимал Хосе Гоньи, экономист, бывший посол Чили в Швеции, Италии и Мексике).

Главнокомандующими родов войск стали назначаться люди, получившие не только высшее военное, но нередко и второе высшее образование, сторонники программы усиленной технической модернизации ВВС, армии и флота. Но главное – в годы военного режима они были младшими офицерами или курсантами и никак не запятнали себя даже подозрением в нарушении гражданских прав. Так, например, главкомом сухопутных войск в 2006-2010 гг. был генерал Оскар Исурьета, потомственный военный, имевший также степень магистра политических наук. Он являлся двоюродным братом бывшего главкома сухопутных войск Рикардо Исурьеты, сыгравшего столь важную роль в «деле Пиночета» 1998 г. и налаживании диалога между армией и правительством.

Последним «каналом влияния» собственно пиночетизма в какой-то степени оставался UDI, в лице своих представителей в Сенате. Тем не менее, единственным сенатором, бывшим на действительной военной службе в 1973-1990 гг., являлся в 2002-2010 гг. адмирал в отставке Хорхе Арансибиа – в 1980-1982 гг. адъютант Пиночета, в 1997-2001 гг. – главком флота. Большинство остальных представителей этой традиционной правой партии и в Сенате, и в Палате депутатов, составляли гражданские лица (экономисты,

⁷⁵ Дьякова Л.В. Роль вооруженных сил Чили в политике страны // Экспорт вооружений. – 2009. – № 1. – С.7-15.

юристы, социологи, университетские преподаватели), начинавшие свою карьеру уже в годы заката военного правления или после 1990 года.

Всплеск общественных эмоций после смерти Пиночета в 2006 г. представлял определенный риск для правительства и угрозу достигнутым компромиссам. Однако власти удалось достойно выйти из этого кризиса, продемонстрировав, что отношения военных и демократического правительства после 2005 г. уже четко прописаны новой редакцией конституции и основаны на взаимном уважении и принципе подчинения вооруженных сил национальным интересам страны.

В 2006-2010 гг. тема военных неоднократно обсуждалась в Чили: публиковались статьи в прессе, проводились опросы общественного мнения, проходили масштабные конференции с участием политиков, ученых, высших офицеров, различных правительственных и неправительственных организаций.

В 2007 г. крупным исследовательским центром страны – Латиноамериканским факультетом социальных наук (FLACSO) – было проведено комплексное исследование общественного мнения по вопросу о роли армии и военных в современном чилийском обществе. Исследование дало противоречивые результаты и продемонстрировало, что 59% в целом по стране доверяли военным, 11% не доверяли совсем и 30% занимали нейтральные позиции; дисциплину и умение исполнять приказ считали наиболее позитивными качествами 52% респондентов; склонность военных к авторитаризму вызывала негативное отношение у 36% опрошенных⁷⁶. В столице уровень доверия «людям в форме» был ниже, а память о нарушениях гражданских прав прочнее, чему можно найти логическое объяснение. Однако само внимание к этой теме говорило как о ее значимости, так и об

⁷⁶ FLACSO: Una Mirada sobre las Fuerzas Armadas de hoy. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.flacso.cl/flacso/main.php>? (fecha de acceso 10.05.2008).

отсутствии запретов на обсуждение, готовности всех заинтересованных участников к диалогу.

Интересно отметить тот факт, что несомненным уважением в стране пользовался Корпус карабинеров, о его профессионализме и полном («нулевая степень») отсутствии коррупции единодушно заявляли на всех уровнях как высокопоставленные чилийские чиновники, так и журналисты, дипломаты и обычные люди. Когда в мае 2008 г. в Панаме разбился вертолет, на борту которого находился глава Корпуса карабинеров генерал Берналес, прибывший на официальное мероприятие, в Чили был объявлен траур, а президент страны выступила со специальной речью, посвященной его памяти⁷⁷.

Параллельно с дальнейшим развитием военно-гражданского диалога, начатого еще в начале переходного периода, правительство М. Бачелет уделяло большое внимание состоянию ВС, их профессиональному составу и техническому оснащению.

В 2005 г. была одобрена и в 2006 г. стартовала программа модернизации чилийских ВС, что стало важнейшим направлением государственной деятельности в этот период.

Программа предусматривала не только техническое перевооружение армии, ВВС и флота, но и совершенно иной подход к вооруженным силам как к наиболее современному, высокотехнологичному и масштабному предприятию на службе государства, одному из факторов укрепления имиджа страны в мировом сообществе. В рамках принятой программы предполагался переход от модели армии «территориальной» к модели армии «оперативной», более мобильной и подготовленной, лучше оснащенной, но менее многочисленной. (Например, если в 1997-1998 гг. численность

⁷⁷ General Bernaldes falleció en accidente aéreo en Panamá. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.emol.com/noticias/nacional/2008/05/29/306343/general-bernales-fallecio-en-accidente-aereo-en-panama.html> (fecha de acceso 10.06.2008).

сухопутных сил Чили составляла 51700 военнослужащих, то в 2007 г. – 38527 человек)⁷⁸.

С первых шагов на посту президента М. Бачелет заявила, что намерена осуществить давно назревшую военную реформу и запустить механизмы профессионализации армии, отменив обязательную военную службу, на которую ежегодно призывалось около 15 тыс. человек. Необходимо отметить, что реформа долго готовилась. Еще в 2000 г. министерство обороны провело общенациональный форум, который выявил массовое недовольство населения существующей системой призыва. В реальности закон о всеобщей воинской обязанности имел дискриминационный характер, так как в вооруженные силы Чили приходила молодежь из неблагополучных слоев общества, не имеющая высшего образования и различных льгот (обучение в университете, слабое здоровье и т.д.)

Программа перехода к добровольной службе в армии реализуется с 2005 г. поэтапно, с учетом государственных интересов и потребностей молодежи. По новым правилам доброволец имеет льготы при обеспечении жильем и получении образования (в первую очередь, в военных учебных заведениях), денежное содержание, может сам выбирать род вооруженных сил и, по возможности, даже место службы. Правительство ставит задачу постепенно осуществить переход к добровольной военной службе в сочетании с солдатами-профессионалами. Профессионализация армии – другой аспект военной реформы. Предполагается, что отслужившие призывники могут стать профессионалами-контрактниками на срок от 5 лет, с зарплатой около 500 долл., которая будет ежегодно повышаться⁷⁹. В настоящее время добровольцы составляют 80% всех новобранцев в чилийской армии, при этом ВМС и ВВС Чили практически полностью состоят из профессионалов.

⁷⁸ Именинник А.Б. Вооруженные силы Чили на рубеже веков // Латинская Америка. – 2002. – № 9. – С. 43.

⁷⁹ Milet P.V. Desafíos externos e internos a la política de defensa en Chile // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P.152.

Новым направлением стало привлечение на военную службу женщин: каждый вид вооруженных сил обязан был предложить для них необходимые квоты. Помимо дополнительных возможностей профессиональной реализации, эта программа способствовала улучшению имиджа вооруженных сил в демократически настроенных слоях чилийского общества. Все женщины, принятые на службу в чилийскую армию, прошли серьезный отбор и служат, как правило, во вспомогательных частях⁸⁰. Высшие военные учебные заведения также обязаны принимать в свои ряды женщин, выдержавших конкурсные испытания.

Новый образ армии, ВВС и флота продолжал оставаться серьезной задачей правительственной деятельности.

Помимо особой миротворческой миссии в составе международных сил в конфликтных странах, помимо задачи по обеспечению безопасности своей страны, важнейшим направлением деятельности вооруженных сил Чили провозглашалась защита населения от природных катастроф и осуществление гуманитарной помощи в экстремальных ситуациях, связанных с наводнениями, землетрясениями и другими стихийными бедствиями. Характерным примером стало участие чилийской армии в эвакуации населения после извержения вулкана Чайтен на юге Чили в мае 2008 года. Средства массовой информации сообщали не только о самоотверженной помощи военных жителям, пострадавшим от этой катастрофы, но и о спасении солдатами потерявшихся домашних животных. В ходе этих событий обществу была продемонстрирована социально-гуманитарная миссия армии, которая способна оказать поддержку в самых тяжелых ситуациях.

Особое значение придается участию вооруженных сил в охране окружающей среды, освоении и исследовании малозаселенных южных

⁸⁰ Las mujeres en las FF.AA. de Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.zona.militar.com.ar/foros/showthread.php?> (Fecha de acceso 29.06.2008).

районов страны, отличающихся тяжелым, холодным климатом, а также в обеспечении безопасности и нормального функционирования чилийских научно-исследовательских станций в Антарктике. Для различных видов деятельности в этих условиях предназначены специальные подразделения чилийской армии, прошедшие альпинистскую и горноспасательную подготовку, а также части расположенной в Ранкагуа авиационной бригады. Армейские подразделения, дислоцированные в районе Пунта-Аренас (одном из самых южных и малоприспособленных для жизни регионов на планете, приближенных к Антарктике), оказывают постоянную поддержку и помощь чилийским геологам, сейсмологам, метеорологам, экологам, чья работа связана с выполнением важной государственной задачи – включением этих областей в полноценную и нормальную жизнь. Кроме того, военные обеспечивают развитие инфраструктуры поселка «Вилла лас Эстреллас» (Villa las Estrellas), расположенного на чилийской территории собственно в Антарктиде⁸¹.

Здесь необходимо отметить, что чилийский сектор Антарктики на картах страны обозначен как часть ее национальной территории – в административном делении это XII-й регион, получивший название «Магальянес и Чилийская Антарктика» (La región de Magallanes y de la Antártica Chilena). Еще в 1940-1946 гг. чилийское правительство серией специальных декретов постановило, что все земли, острова, выступающие под водой скалы, рифы, ледники, как открытые, так и те, которые будут открыты, расположенные в секторе между 53° - 90° з.д. южнее 60-й параллели, составляют «чилийскую Антарктику» и принадлежат Чили в силу объективных (исторических и географических) причин⁸². Территориальные притязания Чили частично перекрываются планами Аргентины и

⁸¹ Contribuyendo al desarrollo de materias Antárticas. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.ejercito.cl/contribuyendo_desarrollo/materias_antarcticas. (fecha de acceso 29.10.2009)

⁸² Голицын В.В. Антарктика: тенденции развития режима. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 15-17.

Великобритании на свои «антарктические участки», что уже не раз осложняло их отношения. Поэтому участие военных в освоении и развитии этого региона имеет особое стратегическое значение для Чили⁸³.

Все более приоритетным направлением, к которому активно привлекаются вооруженные силы, становится участие в научно-техническом развитии страны. Новым шагом в использовании ресурсов армии является создание в рамках военных структур специализированных научных центров, которые совместно с крупными чилийскими университетами и фондами под эгидой различных министерств осуществляют разработку и практическую реализацию сложных проектов, связанных с новейшими технологиями. Подобные соглашения существуют между Военной академией (*Academia de Guerra*), Фондом научного и технологического развития (*Fondo de Fomento al Desarrollo Científico y Tecnológico, FONDEF*) и Католическим университетом Чили (*Universidad Católica de Chile*) – по созданию обучающих программ, моделирующих чрезвычайные ситуации; между Географическим военным институтом (*Instituto Geográfico Militar, IGM*) и различными министерствами – по геодезическим и картографическим проектам. В целях изучения возможностей мирного использования ядерной энергии создан Комитет ядерных исследований при ВС (*Comité de Estudios Nucleares del Ejército*), который заключил ряд соглашений о совместной работе с Центром научных исследований г. Вальдивии (*Centro de Estudios Científicos, CECS*)⁸⁴. Важным совместным военно-гражданским проектом нового поколения, в котором задействованы и международные корпорации, стала разработка чилийского спутника.

Выступая на открытии 15-ой Международной аэрокосмической ярмарки FIDEA (*Feria Internacional del Aire y del Espacio*) в марте 2008 г., где

⁸³ Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Антарктика: геополитические, этические, правовые аспекты и перспективы России // Латинская Америка. – 2010. – № 8. – С.41-52.

⁸⁴ *Contribuyendo al desarrollo científico*. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.ejercito.cl/contribuyendo_desarrollo/desarrollo_cientifico.php. (fecha de acceso 29.10.2009).

было представлено 300 участников из 43 стран и около 120 самолетов различных типов, министр обороны Чили Х. Гоньи заявил: «Практическая и успешная интеграция наших вооруженных сил в сферу общественного развития является примером того, как демократия, гражданские и военные объединяют свои усилия в общем стремлении к прогрессу своей страны»⁸⁵.

Таким образом, внимание, которое уделялось ВС в период президентства М. Бачелет, было посвящено решению нескольких принципиальных задач: окончательному дистанцированию современной армии от фигуры Пиночета и авторитарного режима; созданию нового имиджа ВС в обществе, подкрепленного реальным участием в развитии страны; повышению профессионализма и модернизации ВС. Все эти задачи были связаны с общей стратегией развития страны, предполагавшей преемственность, и рассчитаны на достаточно длительный отрезок времени, не исчерпывающийся президентским сроком М. Бачелет.

IV.5. Достижения и проблемы мультикультурализма

Р. Лагос и М. Бачелет на этапе 2000 – 2010 гг. в целом продолжили политику в отношении индейского населения страны, начатую правительствами Консертасьон в 1990-е годы. Однако уже в начале президентства Р. Лагоса стало очевидно наличие острых нерешенных проблем, требующих разработки и реализации новых подходов⁸⁶.

К 2001 г. в Чили существовало более 2300 индейских общин. 38,3 тыс. семей проживали в городах, 26,7 тыс. семей – в сельской местности. По всем социальным показателям, касающимся бедности, безработицы, качества здоровья, уровня образования и медицинского обслуживания, индейское

⁸⁵ Discurso Ministro de Defensa José Goñi Carrasco en FIDAE 2008. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.defensa.cl/discursos.php>. (fecha de acceso 09.05.2009).

⁸⁶ Дьякова Л.В. Демократические правительства Чили и индейское население (1990-2009) // Латинская Америка. – 2010. – № 1. – С.67-77.

население, как городское, так и сельское, относилось к самым уязвимым группам общества, было «беднейшим из бедных»⁸⁷. Согласно опросам Национальной социологической службы (Caracterización Socioeconómica Nacional, CASEN), в 2000 г. 28,6% индейцев занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой; 13,6% – ремесленным производством; 17,7% – мелкой розничной торговлей; 21% были заняты в сфере обслуживания и домашнего хозяйства. Только 2,8% было занято деятельностью, связанной с финансами. 19,2% экономически активного индейского населения жили на временные заработки. Сохранялся разрыв в уровне бедности между индейским и неиндейским населением (при общем для страны показателе бедности в 20,6% на 2000 г. индейские области имели 32,3%)⁸⁸. Характерно, что при общем отставании всех социальных параметров уровень неграмотности среди индейского населения был достаточно низок: 91,6% считали себя грамотными (в целом по стране – 96,2%). Однако среди получивших среднее, неоконченное высшее и высшее образование индейцев было уже значительно меньше: они раньше своих сверстников покидали школу и навсегда прерывали учебу.

Качество медицинской помощи и общий уровень здоровья в индейских общинах также были существенно ниже, чем в целом по стране. Если продолжительность жизни обычных чилийцев составляла 75,6 лет у женщин и 68,5 лет у мужчин, то у индейцев эти показатели были 66,9 и 60 лет, соответственно. В систему бесплатного (т.е. предполагающего самые общие виды медицинской помощи) здравоохранения было включено 80% индейцев, в то время как у остального населения этот показатель – 65,9%, что объясняется стремлением чилийского среднего класса подключиться к частной системе медицинского страхования, охватывающей большее количество заболеваний. При низкой в целом по стране детской смертности

⁸⁷ Valenzuela Fernández R. Inequidad, ciudadanía y pueblos indígenas en Chile. // CEPAL. Serie Políticas Sociales. – Santiago de Chile, 2003. – P.11.

⁸⁸ Ibid. – P.13, 17, 18.

(в 2000 г. – 15 младенцев на 1000, родившихся живыми), в индейских общинах эти цифры составляли от 40 до 57, что создавало совершенно иную картину⁸⁹.

Ситуация, сложившаяся к началу президентства Р. Лагоса, свидетельствовала о том, что политическая риторика правительства должна отойти на второй план, уступив место планомерной социальной работе, связанной как с общим повышением уровня жизни, так и с преодолением глубинных причин бедности и маргинальности индейцев, особенно в наиболее отсталых сельских областях. Бедность и отсталость индейского населения продолжали оставаться факторами риска для той модели устойчивого социально-политического развития, к реализации которой стремились все демократические правительства.

Серьезным вызовом власти стали рост протестных настроений и дестабилизация обстановки в индейских районах, а также активизация деятельности «Consejo de Todas las Tierras» («Совета Всех Земель») и его лидера, Аукана Уилкамана. На 2001-2002 гг. пришелся пик антиправительственных выступлений, когда аресты и даже гибель в ходе столкновений с полицией молодых активистов-радикалов в ряде общин мапуче стали предметом международного разбирательства, а ООН и Межамериканская комиссия по правам человека осудили чилийскую практику «насильственного преследования» общественного индейского движения.

Особой мишенью для критики стал принятый еще в 1984 г. (при А. Пиночете) Закон № 18.314. Известный в Чили как «антитеррористический», он направлен против незаконных антиправительственных выступлений с применением насилия, и под его действие попадало большинство организованных «Consejo de Todas las Tierras» и другими радикальными группировками акций протеста. Требование реформировать пиночетовский закон стало одним из важнейших в политической риторике мапуче.

⁸⁹Valenzuela Fernández R. Op. cit. – P.24.

Правительство Р. Лагоса с первых дней пребывания у власти оказалось перед необходимостью подавлять криминальные формы протестных выступлений, продолжать диалог и одновременно предложить что-то новое и конструктивное.

Важнейшей мерой правительства стала разработка и принятие в 2001 г. многолетней Программы комплексного развития индейских сообществ (получившей известность как программа «Истоки» – “Orígenes”). Она была рассчитана на два этапа: 2001-2005 гг. и 2007-2011 гг., и предполагала постепенное включение семей из беднейших общин мапуче, аймара и атакаменьос, проживающих в сельской местности в I, II, VIII, IX и X областях⁹⁰.

Целью программы являлось постепенное преодоление социальной исключенности индейского населения, разработка путей успешной адаптации молодежи к требованиям и нормам современной жизни при сохранении основ индейской культуры и защите прав коренного населения на землю и природные ресурсы. Более конкретные задачи были обозначены следующим образом:

- 1) комплексное развитие и повышение качества жизни общин (строительство школ и больниц);
- 2) укрепление органов местного самоуправления, повышение заинтересованности самих жителей общин в реализации программы;
- 3) эффективное экономическое развитие на основе проектов, разработанных совместно с ответственными министерствами и организациями, с учетом хозяйственных особенностей и традиций различных областей;
- 4) реализация программ межкультурного и двуязычного образования для молодежи;

⁹⁰ Informe Final de Evaluación Programa Orígenes. Ministerio de Planificación y Cooperación - 2004. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.dipres.gob.cl/597/articles-139541_informe_final.pdf (fecha de acceso 10.11.2009).

5) укрепление здоровья и повышение качества системы здравоохранения (с учетом традиций индейской медицины и привычных способов лечения).

Реализация программы была возложена на Министерство планирования и кооперации (Ministerio de Planificación y Cooperación, MIDEPLAN)⁹¹ при содействии: Министерства здравоохранения (Ministerio de Salud), Министерства образования (Ministerio de Educación), Национального института развития сельского хозяйства (El Instituto de Desarrollo Agropecuario, INDAP); Национальной корпорации лесного хозяйства (La Corporación Nacional Forestal, CONAF), а также индейской неправительственной организации CONADI. Предполагалось активное участие также местных властей и общественных организаций. Финансирование осуществлялось государством при поддержке Межамериканского банка развития.

Особенностью программы являлось то обстоятельство, что она принимала в расчет мультикультурность самого индейского населения, наличие различных групп, имеющих собственные традиции, языки, области расселения, климатические условия, хозяйственные навыки. Отмечалось, что, наряду с общим для всех земледелием и выращиванием скота, в районе обитания аймара распространены мелкое ремесленное производство и торговля шерстью; в районе Атакамы – торговля ремесленными изделиями и участие в организации туристических маршрутов. Среди мапуче развиты лесное хозяйство (в том числе и работа по найму на крупных предприятиях), рыболовство, в некоторых районах и морское, ремесленное производство, участие в туристическом бизнесе (национальная еда, сувениры и т.д.) Все это предполагало диверсифицированный подход к каждой из общин, требовало разработки особых как экономических, так и образовательных проектов для жителей Атакамы, Араукании, столичного региона или Био-Био.

⁹¹ С 2011 г. MIDEPLAN трансформирован в Министерство социального развития; его задачи и полномочия расширены (Ministerio del Desarrollo Social).

Первый этап программы «Истоки» был реализован в годы президентства Р. Лагоса, второй – М. Бачелет. В 2001-2005 гг. 22 тысячи семей из 645 общин стали участниками программы; ее действие распространялось главным образом на кечуа, атакаменьос и мапуче из районов Арика-Паринакота, Антофагаста, Тарапака, Био-Био и Лос Лагос⁹².

Важнейшим направлением правительственной деятельности Р. Лагоса стало повышение доступности качественного образования: молодежи из индейских общин для получения среднего и высшего образования было выделено 28 тысяч стипендий (общий объем – 4 млрд песо). Как отмечал Р. Лагос в одном из своих выступлений, возможность учиться получил фактически каждый, кто пожелает⁹³. 2,5 млрд песо было выделено для поддержки индейских языков, развития программ двуязычного образования и межкультурной коммуникации. Статус исторических и культурных памятников был присвоен 520 индейским поселениям.

Таким образом, наличие конституционной базы (главным образом закона № 19.253), адресная социальная политика правительства Лагоса по отношению к индейскому населению, начало реализации такой масштабной программы, как «Истоки», создали серьезную основу для дальнейшей деятельности государства. 15-летний опыт работы демократических правительств выявил и трудноразрешимые острые проблемы: бедность и отсталость, невозможность «войти» в процесс модернизации, а также нарастание радикально-протестных настроений, проявляющихся в неприятии всего, что связано с программами и предложениями политической элиты.

М. Бачелет, приступая к выполнению своих обязанностей президента, отмечала важность как позитивных результатов, достигнутых в «индейском вопросе», так и неудач, заставляющих задуматься над их причинами.

⁹² Primera parte: Compromisos y logros alcanzados por el gobierno. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22924/> (fecha de acceso 10.11.2009).

⁹³ Lagos R.E. Op. cit. – P.54-55.

Важнейшим из недостатков государственной политики она назвала стремление к кратковременным, быстрым результатам вместо последовательной и осторожной работы (что, собственно, и является политикой). Коренное население с точки зрения государственных социальных программ нередко рассматривалось как «бедные крестьяне», а не как «индейцы на своей земле», что имело принципиальное значение. Интеграция индейцев в программы развития часто осуществлялась вопреки их желанию, без учета традиций и обычаев, а также специфики каждой конкретной группы. Игнорировались реальные потребности жителей общин. Возвращение земель не всегда сопровождалось необходимой государственной поддержкой в их освоении. Мало внимания уделялось индейскому населению, проживающему в городах. Интересы индейцев на уровне местной и тем более центральной власти представлялись недостаточно, что не могло не влиять на рост несанкционированных форм протеста.

Однако, помимо проблем в «реальной жизни», назрела потребность и в новом этапе конституционной работы.

В своей предвыборной программе М. Бачелет, подчеркивая важность уже достигнутых соглашений, обещала сосредоточиться на конституционном оформлении особого статуса индейских народов, создании специального подразделения по вопросам индейцев при MIDEPLAN, на дальнейшем и более успешном развитии диалога между правительством и представителями индейских организаций. Предполагалось также продолжать все начатые программы, касающиеся образования, здравоохранения, экономического развития соответствующих областей, поддерживать инициативы организаций гражданского общества, особенно те, которые содействуют более активному вовлечению самих жителей индейских общин не в протестное движение, а в процесс улучшения условий жизни.

Основные принципы политики нового президента и правительства в индейском вопросе были сформулированы в документе «При-знание:

Социальный пакт во имя Мультикультурности» («Re-conocer: Pacto Social por la Multiculturalidad»)⁹⁴. В этом пакте отмечалась необходимость предпринять новые шаги в создании общества, признающего важность и ценность всех составляющих его культур. Главный акцент был сделан на разработке механизма, обеспечивающего политическое представительство индейских народов, как в Конгрессе страны, так и на местном уровне, что означало реальное приближение к давно назревшей конституционной реформе, призванной определить статус индейцев Чили.

Важнейшим достижением в этом направлении стала ратификация в марте 2008 г. (после 19-летнего обсуждения в Конгрессе) Конвенции 169 МОТ, объявившей коренные народы субъектами политики, которым должна быть предоставлена вся полнота юридических и экономических прав (включая право на землю, привычный образ жизни, традиционный тип хозяйства, сохранение своих традиций). Исключалась дискриминация по этническим, культурным, социальным и др. признакам, что предполагало также и право на достойное образование, здравоохранение и занятость.

Выступая в Конгрессе 14 апреля 2009 г. по поводу принятия этой Конвенции, М. Бачелет отметила: «некоторые считают, что проблема индейских народов – это только бедность, и наиболее адекватной мерой должно быть повышение адресности субсидий и льгот. Мы же, напротив, убеждены в том, что это вопрос права, это проблема коллективной идентичности, которая ищет самореализации в мультикультурном обществе»⁹⁵.

⁹⁴ Chile ratifica Convenio 169 de OIT. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=25325/> (fecha de acceso 25.11.2009).

⁹⁵ Presidenta Bachelet dió a conocer avances y nuevas definiciones de la Política indígena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.origenes.cl/_presidencia.htm/ (fecha de acceso 18.05.2009).

Для развития этой реальной, а не декларированной, мультикультурности в 2006-2009 гг. президентом и правительством было сделано следующее:

- при MIDEPLAN создан министерский Совет по индейским вопросам (Consejo de asuntos indígenas), на который возложены функции координирования и взаимодействия различных ведомств, инициатив и программ;
- в новый Закон об образовании (одобрен верхней палатой Конгресса в марте 2009 г.) внесены специальные положения об этническом и культурном разнообразии страны, которое должно учитываться при составлении обучающих программ, особенно на стадии начального и среднего образования, когда происходит становление гражданского сознания⁹⁶;
- по личной инициативе М. Бачелет, в рамках организации CONADI, было организовано специальное подразделение по проблемам женщин – для активизации участия индейских женщин в общественно-политических организациях и более полного их представительства в органах власти;
- принят закон о праве индейцев на хозяйственное освоение прибрежных морских вод (№ 20.249);
- в рамках программы «Национальный диалог с индейскими народами» (“Diálogo Nacional con los Pueblos Indígenas”), 2006-2007 гг., было проведено более 200 встреч на местном, региональном и общенациональном уровне с представителями индейских общественных организаций. Эти встречи были посвящены обсуждению политических,

⁹⁶ Primera parte: Compromisos y logros alcanzados por el gobierno. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22924/> (fecha de acceso 08.11.2009).

экономических и культурных вопросов, связанных с индейской проблематикой⁹⁷;

- начат второй этап программы «Истоки», предполагающий охватить все районы расселения индейцев, от Арики-Паринакоты и Антофагасты на севере до Лос Риос и Лос Лагос на юге. В 2006-2008 гг. было подключено еще 1207 общин (34443 семьи), бюджет программы на втором этапе составил 109 млн долларов⁹⁸;

- одобрена более широкая программа возвращения земель (за 2006-2007 гг. 2200 индейским семьям было возвращено более 23 тыс. гектаров земли);

- на 24% было увеличено количество стипендий для учащейся молодежи индейского происхождения (в 2006 г. число стипендий составило 36160, в 2007 г. – 41987, в 2008 г. – 43895);

- продолжалось действие программы «Здоровье для индейских народов» (“Salud y Pueblos indígenas”), бюджет которой увеличился в 2 раза за 2006-2008 годы. В ходе реализации программы был сделан значительный акцент на мультикультурном подходе, использовании индейских традиций, диалоге и взаимопонимании с коренным населением. Специальное обучение индейским языкам и традициям народной медицины прошли более 3600 специалистов-врачей.

Помимо указанных направлений, развивались специальные проекты строительства социального жилья для индейцев, создавались детские сады с программой полного дня пребывания (за период 2007-2009 гг. было создано около 100 новых детских садов). Эти сады включали обучающие программы

⁹⁷ Segunda parte: Compromisos y logros alcanzados por el gobierno (2006-2007). [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22922/> (fecha de acceso 11.01.2010).

⁹⁸ Coordinación Nacional informa respecto al cierre del Programa Orígenes. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.origenes.cl/comunicado24Nov.html/> (fecha de acceso 11.01.2010).

по межкультурной коммуникации, предназначенные для более гармоничного вступления индейских детей в современное общество⁹⁹.

Таким образом, правительство М. Бачелет сделало существенные шаги в плане дальнейшего развития диалога и взаимопонимания с коренными народами. Важнейшим политическим моментом стало начало обсуждения в Конгрессе вопроса о конституционном признании индейских территорий как неотъемлемой части чилийского государства, но с собственной обширной автономией (прежде всего это относилось к народу мапуче).

Однако, несмотря на многочисленные декларации и общий примирительный тон президента и правительства, сами индейцы не спешили выступать с заявлениями об удовлетворенности. В июле-августе 2009 г. в Араукании произошли самовольные захваты земель и стычки с полицией, закончившиеся арестами нападавших и ранениями карабинеров¹⁰⁰. Эти события широко обсуждались в прессе и были квалифицированы как очередной виток противостояния власти и радикальных организаций мапуче.

Накануне президентских выборов 2009-2010 гг. предполагалось, что А. Уилкаман вновь выдвинет свою кандидатуру и спровоцирует новую волну выступлений и обострение протестной политической риторики. Однако этого не произошло – во многом по причине отсутствия у А. Уилкамана реальных шансов на значительную поддержку общества. Кроме того, требования индейского населения в той или иной степени были отражены в программах всех кандидатов на президентский пост, а главные соперники – Э. Фрей и С. Пиньера – в ходе предвыборной кампании и поездок по стране уделили

⁹⁹ Segunda parte: Compromisos y logros alcanzados por el gobierno (2006-2007). [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22922/> (fecha de acceso 11.01.2010).

¹⁰⁰ Mapuches nuevamente se tomaron predio en la Araucanía. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.emol.com/noticias/nacional/2009/07/24/368567/mapuches-nuevamente-se-tomaron-predio-en-la-araucania.html> (fecha de acceso 23.09.2009).

этому вопросу особое внимание, обещая восстановить историческую справедливость в отношении коренных народов.

В итоге, оценивая этап 2000-2010 гг. в отношениях правительства и индейского населения страны, нельзя не отметить значительные достижения в плане повышения уровня жизни, степени социальной включенности, в процессе конституционного признания коренных народов. За эти годы были реализованы различные по своей направленности, адресности, успешности, но совершенно необходимые инициативы и проекты¹⁰¹. Но решение проблемы, имеющей подобное историческое прошлое, не могло занять два десятилетия (если начинать отсчет с 1990 года). Тяжелый груз традиций, связанных с длительным невниманием государства к проблемам и особенностям индейского населения, приверженность самих индейцев, главным образом народа мапуче, к радикальным выступлениям, объективная сложность проблем, требующих своего решения – все это мешало взаимопониманию и конструктивному развитию, оставляя в наследство следующему правительству конфликтные ситуации и протестные настроения.

В целом деятельность М. Бачелет на посту президента трудно охарактеризовать однозначно: имели место как достижения, так и серьезные просчеты.

Политику этого правительства можно достаточно четко подразделить на два этапа. Первый (2006-2007) характеризуется нечетким выполнением заявленных планов, преобладанием имиджевой составляющей, отсутствием политической воли в ряде ситуаций, ясного представления о том, что необходимо предпринять, а также нарастанием общественного недовольства

¹⁰¹ Дьякова Л.В. Демократические правительства Чили и индейское население (1990-2009) // Латинская Америка. – 2010. – № 1. – С.67-77.

и падением уровня поддержки президента (до 38-40% в 2007 году)¹⁰². Второй этап, расцвет которого пришелся на 2008-2009 гг., был связан с огромной, беспрецедентной социальной работой, которую все-таки удалось выполнить Бачелет, сумевшей вновь завоевать доверие своих граждан и доказать свое право быть «президентом всех чилийцев».

Работа в ряде направлений социальной политики (здравоохранение, пенсионная реформа, поддержка бедных домохозяйств, женщин, расширение пространства равноправия в обществе) оказалась наиболее последовательной и продуктивной¹⁰³. Этому в немалой степени способствовала благоприятная экономическая конъюнктура, четкость поставленных задач и собственный профессиональный опыт президента – врача по образованию и экс-министра здравоохранения.

Однако главное содержание периода 2006-2010 гг. заключалось все-таки в том, что Чили продолжила свое движение по пути социально-экономической и политической модернизации, а отличительной чертой всех выступлений президента был акцент на важности и сложности поставленных целей и на уже достигнутых результатах. В конце 2007 г. правительство обещало, что при существующих сегодня темпах роста к 2020 г. Чили превратится в высокоразвитую страну, в том числе и по социальным показателям. Доход на душу населения в 2008 г. находился на уровне 13 тыс. долл. в год (в 1990 г. он составлял 5 тыс. долл.), а бедность сократилась до 13,7% (на 4% меньше по сравнению с периодом Р. Лагоса). В масштабах региона это крайне низкий показатель. По данным CEPAL, Чили была отнесена к группе стран (наряду с Бразилией и Мексикой), принципиально улучшивших социальную ситуацию за период с 1990 по 2007 год¹⁰⁴.

¹⁰² Garretón M.A. Liderazgo de género y fin de un ciclo político en Chile. El gobierno de Michelle Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.manuelantoniogarretón.cl/documentos/2012/liderazgo-genero.pdf> (fecha de acceso 19.12.2011).

¹⁰³ Дьякова Л.В. Деятельность правительства Мишель Бачелет в 2006-2008 гг. // Латинская Америка. – 2009. – № 3. – С.27-37

¹⁰⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina 2007. – Santiago, 2008. – P.77.

(Характерно, что такие страны, как Аргентина, Уругвай, Венесуэла, в эту группу не попали, получив категорию «с определенными изменениями»).

Выступая в 2009 г. с последним, четвертым президентским посланием, М. Бачелет с имела все основания заявить «Мы – далекая страна, которая смогла преодолеть изоляцию, навязанную нам пустыней, морем и горами, и с успехом включиться в мировое сообщество», добавив, что нынешнее правительство является «правительством социальных перемен. Это то, что мы хотели сделать, и это уже видят наши граждане...Мы продвинулись по пути создания государства, которое защищает людей; по пути создания более достойной жизни для всех чилийцев; по пути формирования политики, с каждым днем все более отвечающей интересам общества»¹⁰⁵.

В то же время, на протяжении практически всего первого президентского срока, особенно в 2007-2008 гг., М. Бачелет и правительство под ее руководством подвергались острой критике в национальной прессе, различных общественных и университетских кругах, в аналитических исследованиях.

Опросы общественного мнения фиксировали неуклонное падение популярности еще вчера столь яркой и любимой чилийцами политической фигуры¹⁰⁶. Правая оппозиция и противники президента в рядах Консертасьон отмечали популистский стиль многих социальных обещаний, в том числе о гендерном равенстве в правительстве, непродуманность Закона об образовании, неудачное завершение проекта «Трансантьяго», обернувшееся тяжелым уличным кризисом. Опросы чилийских парламентариев, проведенные Университетом Саламанки (Испания) в 2008 г., свидетельствовали о том, что при общем удовлетворении уровнем

¹⁰⁵ Discurso pronunciado por la Presidenta Bachelet en su cuarta Cuenta Pública sobre el estado político y administrativo de la Nación ante el Congreso Pleno. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.camara.cl/camara/media/docs/discursos/21mayo_2009.pdf (fecha de acceso 30.01.2018).

¹⁰⁶ Navia P. ¿Qué le pasó a Bachelet?// Nueva Sociedad. – 2007. – N 212. – P. 6-7.

демократии в стране депутаты и сенаторы отмечали дефицит эффективного лидерства и считали, что наибольшие риски дальнейшего развития страны связаны с нерешенностью ряда внутривполитических задач¹⁰⁷.

Представители интеллектуальной элиты, со своей стороны, обвиняли президента и правительство в увлечении технократическими идеями, в излишнем экономическом прагматизме в ущерб социальным задачам и фундаментальным принципам социалистической идеологии. Известные чилийские социологи и политологи (М. Лагос, П. Силва, К. Унееус, Х. Гомес Лейтон и др.), анализируя современное чилийское общество, называли его «обществом безудержного потребления», которому чужды гражданские и подлинно демократические ценности. Не последнюю роль, по их мнению, в окончательном утверждении рыночной идеологии в чилийском массовом сознании, сыграло президентство М. Бачелет.

Определенное разочарование и в личности, и в деятельности М. Бачелет проявилось, в том числе, и в другой тональности газетных статей: вместо «Эры Бачелет» (в 2005-2006 гг.) – жесткая критика, раздражение, акцент на терминах «кризис» и «ухудшение» (в 2007-2009 гг.).

Острое и эмоциональное восприятие чилийцами закономерных проблем и трудностей, с которыми связана реальная демократическая практика в реальном рыночном обществе, понятно и объяснимо, как и недовольство сохраняющейся социальной стратификацией этого общества, его зависимостью от рыночных механизмов, от влияния «потребительской» идеологии. Понятна и позиция левых интеллектуалов, переживающих утрату обществом его важнейших характеристик – гражданского сознания и протестной активности, свойственных прошедшим периодам, готовности бороться за свои права, сопротивляясь издержкам неолиберальной модели.

Тем не менее, несмотря на критику в СМИ, негативные оценки начального периода деятельности правительства, рейтинг М. Бачелет в конце

¹⁰⁷ Chile (2006-2010) // Elites Parlamentarias Latinoamericanas. – Salamanca, 2008. – N 19. – P. 2.

президентского срока оказался очень высоким, достигая 80% в последние месяцы перед выборами. В итоге чилийцы высоко оценили ее работу на посту президента, и, по опросам, готовы были бы снова избрать на второй срок подряд, если бы это позволяла Конституция страны.

Спустя всего лишь несколько лет осторожность Бачелет в ряде вопросов, имеющих фундаментальное значение для развития политической системы страны (таких, как изменение «биномиальной» электоральной модели), компромиссный, взвешенный и социально-ориентированный подход, стали рассматриваться уже не как отсутствие политической воли, а как стремление к принятию продуманных, обоснованных решений. Это изменение оценок было особенно заметно на фоне общественной критики в адрес жесткого, резкого, нередко спонтанного лидерского стиля следующего президента – С. Пиньеры.

С окончанием президентского срока М. Бачелет закончился важнейший в истории Чили 20-летний период бессменного правления коалиции Консертасьон. Этот огромный исторический отрезок вместил: переход к демократии, преодоление политического раскола общества в начале 1990-х годов, социальные вызовы, необходимость сохранить последовательность политического курса, завершить процесс консолидации и перейти к этапу совершенствования демократии. Лидерам Консертасьон: П. Эйльвину, Э. Фрею, Р. Лагосу, М. Бачелет, возглавившим четыре постпиночетовских правительства, удалось не только начать демократический транзит и сформировать пространство развитой демократии (добившись гражданского мира, реформировав «пиночетовскую» Конституцию 1980 г., нейтрализовав политическую роль армии), но и осуществить продуманную социальную политику. В ходе социальных преобразований произошло принципиальное улучшение качества жизни широких слоев населения, более чем в два раза сократилось число бедных. За эти годы был создан знаменитый имиджевый проект «Чили всегда удивляет», хорошо известный в странах-импортерах

чилийской экспортной продукции (вина, фруктов и морепродуктов). Чилийская модель развития получила признание и уважение в мире.

В то же время, противоречия внутри Консертасьон, усилившиеся в годы работы правительства под руководством М. Бачелет, определенное разочарование и усталость общества от бессменного пребывания у власти политиков-левоцентристов, а также неудачная фигура кандидата в президенты – политического ветерана Э. Фрея, привели коалицию к поражению на выборах и началу нового этапа в развитии страны.

Выводы

Подводя итоги объемного, сложного, противоречивого периода 2000-2010 гг., можно сделать следующие выводы.

- Несмотря на трудности и проблемы, это был последовательный этап продолжения процесса политической и социальной модернизации общества, окончательного размежевания с пиночетизмом, масштабных социальных проектов.
- Ведущую, исключительную роль в этом процессе, как и в период 1990-х гг., сыграла политическая элита страны и в первую очередь – левоцентристская коалиция Консертасьон, продолжившая политику последовательных изменений, развития и совершенствования демократической модели.
- Важнейшим событием этапа стала кардинальная реформа Конституции, проведенная в 2005 г. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на глубину изменений, это была именно реформа; впоследствии это обстоятельство даст основание сторонникам радикально-левых взглядов говорить о необходимости принятия нового важнейшего закона страны, не связанного по своему происхождению с «пиночетовским наследием».

- Был продолжен процесс более решительного размежевания с пиночетизмом в политическом, юридическом, идейном плане (начаты судебные процессы в отношении самого А. Пиночета, основных руководителей репрессивной машины 1973-89 гг., продолжена работа комиссии по восстановлению судеб репрессированных). В то же время, смерть Пиночета в 2006 г. вызвала полярную реакцию в обществе, которое вновь оказалось разделенным на сторонников и противников экс-диктатора.

- Этот важнейший исторический период, вместивший деятельность самых успешных социально-ориентированных правительств под руководством социалистов Р. Лагоса и М. Бачелет, закончился электоральной победой правых, что свидетельствовало о некоторой усталости общества от бессменного лидерства Консертасьон, о нарастании кризисных тенденций внутри самой коалиции, о настроениях разочарования и ожиданиях бóльших социальных возможностей. С приходом С. Пиньеры Чили вступила в новый этап развития.

Глава V. ВЫЗОВЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ. АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ (2010-2018).

V.1. Выборы 2009-2010: правоцентристы у власти

Новый президент Чили, Себастьян Пиньера Эченике (род. в 1949 г.), вступил в должность в марте 2010 года.

Впервые с 1990 г. оппозиционные правые партии – RN (Национальное обновление) и UDI (Независимый демократический союз), объединенные в предвыборный блок Коалиция за изменения (“Coalición por el Cambio”)¹, получили возможность сформировать собственное правительство, пообещав стране более эффективную модель развития на основе идеи модернизации и перемен. Их кандидат на президентский пост С. Пиньера, экономист по образованию, выпускник Гарварда, успешный бизнесмен и миллионер, был соперником М. Бачелет на выборах 2006 года. На этот раз уже в первом туре выборов, состоявшемся 13 декабря 2009 г., он получил 44,06% голосов и продемонстрировал серьезный перевес сил правоцентристов над партиями Консертасьон и наличие в обществе заметных новых настроений.

Консертасьон выдвинула своим кандидатом опытного 68-летнего политика, экс-президента Эдуардо Фрея (PDC), который в первом туре получил всего 29,6%, оказавшись на втором месте². Это было расценено как худший предвыборный результат за все годы существования

¹ Традиционное название правоцентристской коалиции – Союз во имя Чили (“Unión por Chile”, “Alianza por Chile”) – на этих выборах было изменено.

² Elecciones presidenciales de 2009-2010. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63767&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 09.02.2011).

левоцентристской коалиции, а выдвижение фигуры Фрея практически сразу стало расцениваться как ошибка и политический просчет.

Однако интрига выборов заключалась не только в традиционном противостоянии блока правых партий и Консертасьон, не только в реальном шансе, полученном С. Пиньерой ввиду отсутствия равного оппонента, а в появлении новой яркой фигуры «со стороны», серьезно претендующей на политическое лидерство. Это был независимый 36-летний кандидат, бывший социалист Марко Энрикес-Оминами, получивший в первом туре 20,12% голосов и занявший третью позицию³.

Биография М. Энрикеса-Оминами, как и многих чилийских политиков нового поколения, связана с периодом военного режима через судьбу родителей, и в этом смысле показательна. Профессиональный кинорежиссер и философ по образованию, он был сыном лидера леворадикального движения MIR Мигеля Энрикеса, убитого в 1974 г. спецслужбами Пиночета. Вместе с матерью Марко Энрикес до 13 лет жил в эмиграции, затем вернулся в Чили и взял фамилию своего отчима, известного социалиста Карлоса Оминами. Помимо профессиональной кинематографической деятельности, стал активно заниматься политикой в рядах PS. Перед выборами 2009 г. Энрикес-Оминами демонстративно вышел из PS в знак протеста против Консертасьон, не допустившей его к участию в праймериз. В его предвыборной программе, которую в целом можно охарактеризовать как левопопулистскую, значительное место отводилось критике правящей коалиции за ее приверженность взвешенным «центристским» идеям и проверенным методам, не отвечающим, по мнению Энрикеса-Оминами, потребностям общества, и неспособность привлечь молодежь. В итоге Энрикес-Оминами, акцентируя важность новизны в политике, отнял голоса у

³ Elecciones presidenciales y parlamentarias. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.sitiohistorico.elecciones.gob.cl/SitioHistorico/index2009_p2V.htm (fecha de acceso 15.02.2010).

Э. Фрея и, независимо от своей личной позиции противника правых, способствовал росту популярности С. Пиньеры. Его неожиданный и быстрый успех стал наглядным проявлением начавшегося кризиса Консертасьон, которая оказалась неспособна выдвинуть из своих рядов яркую и конкурентную фигуру.

Четвертое место в первом туре занял Хорхе Аррате (6,21%), кандидат от РС и коалиции левых сил «Вместе сможем больше», что явилось вполне предсказуемым результатом. Характерно, что РН, на предыдущих выборах входившая в состав «Вместе сможем больше», на этот раз решила поддержать М. Энрикеса-Оминами и заявила о своих расхождениях с коммунистами и социалистами альендистской традиции, представленными фигурой Х. Аррате.

Во втором туре президентских выборов, состоявшемся 17 января 2010 г., С. Пиньера одержал уверенную победу и получил 51,60% голосов избирателей, в то время как Э. Фрей, – 48,40%⁴. Несмотря на высокий уровень общественной поддержки М. Бачелет накануне и в ходе всей предвыборной кампании (80%), правящая в течение 20 лет левоцентристская коалиция потерпела поражение и вынуждена была перейти в оппозицию.

Расклад сил в парламенте оказался более равномерным: в палате депутатов Коалиция за изменения получила 58 депутатских мандатов, а Консертасьон – 57 (в составе которых, в том числе, было три коммуниста). Было избрано также пять независимых депутатов. В сенат, обновляющийся каждые 4 года наполовину, было избрано по 9 сенаторов от каждого блока, всего 18 из 38. Тем не менее, фигура президента, столь важная для любой

⁴ Elecciones presidenciales de 2009-2010. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63767&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 09.02.2011).

президентской республики, на этот раз была представлена правоцентристской оппозицией.

Причины победы С. Пиньеры заключались в следующем.

Прежде всего, необходимо отметить, что предвыборные программы соперников были очень близки по содержанию. Однако Пиньера более успешно сделал акцент на совершенствовании существующей социально-экономической модели: улучшении качества действующих социальных проектов, повышении эффективности антикризисных мер, необходимой модернизации государственного управления. Большое внимание уделялось также борьбе с преступностью, целенаправленному преодолению бедности, созданию новых рабочих мест (1 млн к 2014 году). Лейтмотивом предложений С. Пиньеры была идея обновления, динамизма, поступательного развития. Будущий президент подчеркивал, что личное уважение к М. Бачелет не мешает ему, как и всем чилийцам, стремиться к новому, меняться самому и менять окружающий мир. «Я буду не хранителем прошлого, но конструктором будущего», – заявлял он в одном из интервью испанской газете «Эль Паис» накануне второго тура выборов⁵. На решающий выбор повлияла и определенная харизма самого С. Пиньеры, его имидж делового, активного, уверенного и талантливое предпринимателя, который достоин участия в большой политике и хорошо подготовлен к ее трудностям.

На этом фоне и программа, и личность политического ветерана Э. Фрея выглядели гораздо более скромно, умеренно, привычно для избирателя. Он также подчеркивал необходимость улучшения качества демократии, создания более справедливого общества, продолжения начатого социального курса, антикризисной политики, говорил о большем представительстве

⁵ Landa I. “No seré el guardián del pasado, sino un constructor del futuro”. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://internacional.elpais.com/internacional/2009/12/14/actualidad/1260745213_850215.html (fecha de acceso 15.02.2010).

интересов молодежи и широких слоев населения в политической системе страны. Однако его образ умудренного опытом «политика со стажем» оказался менее привлекателен для колеблющегося электората, чем личность и харизма С. Пиньеры. Помимо откровенно неудачной фигуры кандидата в президенты, существенной причиной поражения стали внутренние проблемы в рядах самой Консертасьон. На отношении общества к Э. Фрею сказался кризис, уже несколько лет переживаемый левоцентристской коалицией, внутрипартийные разногласия, в результате которых в 2007-2008 гг. из ее рядов вышел ряд видных политиков – как христианских демократов (А. Салдивар), так и социалистов (А. Наварро, К. Оминами, Р. Муньос-Барра), многие из которых могли претендовать на роль кандидата в президенты, но были лишены свободы маневра. Наиболее левые в PS и PPD (в том числе и экс-социалист М. Энрикес-Оминами), упрекали ведущих лидеров Консертасьон в «правом уклоне», отсутствии собственной независимой позиции и, фактически, повторении программы правоцентристов. На этом фоне накопившаяся усталость части общества от бессменного руководства Консертасьон стала подходящим сопровождением для предвыборной кампании Пиньеры, заостренной на идее перемен.

В итоге на выборах 2010 г., как отмечали наблюдатели, не столько «выиграли» правые, сколько «проиграли» левые, а Консертасьон вынуждена была уйти в оппозицию.

В то же время избрание С. Пиньеры, каким бы знаковым оно ни представлялось с формальной точки зрения, не означало радикальной смены ни внутривнутриполитического, ни внешнеполитического курса. К власти пришли не ультраконсерваторы, а умеренные правоцентристы, неоднократно заявлявшие о своей верности демократическим идеалам. Все видные представители правой коалиции, как и сам Пиньера, подчеркивали, что не

хотят повторения «расколов и ненависти тридцатилетней давности»⁶, ценят достижения своей страны за последние 20 лет, а проект будущего связан в их мировоззрении с развитием и укреплением только демократической модели. Критики С. Пиньеры из левого лагеря заранее были настроены против появления подобной фигуры на высшем государственном посту, опасаясь свертывания пространства демократии. Тем не менее, уже на протяжении 2010 г. выяснилось, что главная опасность кроется не в различных трактовках понятия «демократия», а в том, что лево- и правоцентристы вкладывали разное содержание в понятие «развития».

Первый год пребывания у власти нового президента, юбилейный в истории Чили (страна готовилась отметить 200-летие независимости), был омрачен тяжелейшей катастрофой – землетрясением 27 февраля 2010 г., на фоне которого и состоялось вступление в должность С. Пиньеры.

В результате землетрясения и последовавшего за ним цунами более 500 человек погибли и 800 получили ранения, была практически полностью (на 99 %) уничтожена инфраструктура нескольких прибрежных районов: разрушено более 200 тыс. жилых домов, 120 тыс. мелких предприятий (обеспечивавших 840 тыс. рабочих мест), 3700 школ, около 100 медицинских учреждений, 1550 км дорог, 9 аэродромов и 212 мостов. Особенно пострадали центральные V, VI, VII, VIII и IX области (Вальпараисо, О’Хиггинс, Мауле, Био-Био, Араукания). Серьезный ущерб был причинен лесному и сельскому хозяйству, а также рыболовству (на разрушенные районы приходилось 76% всего сельскохозяйственного производства страны и 50% добычи рыбы и морепродуктов). Только первоначальные потери

⁶ Ibidem.

оценивались в 30 млрд долларов, что было сопоставимо с 18% национального ВВП⁷.

Преодоление последствий землетрясения стало первоочередной задачей нового правительства и существенной преградой на пути реализации амбициозных предвыборных планов С. Пиньеры.

Некоторые сторонники нового кабинета предлагали начать расследование последних дней деятельности правительства М. Бачелет, которые пришлись на чрезвычайную ситуацию. По их мнению, поведение Бачелет сразу после катастрофы отличалось нерешительностью, а командование ВМС и вовсе не сообщило вовремя об угрозе цунами, что имело необратимые последствия для прибрежных городов и поселков. Обвинения носили скорее эмоциональный, нежели объективный характер, однако они подчеркивали общее настроение неблагополучия и риска, в которое погружалась страна. Атмосфера успеха, неуклонного продвижения вперед, уверенности в будущем, которая сопутствовала предвыборному периоду и самим президентским выборам (независимо от их результата), сменилась переживанием произошедшей трагедии и неизбежным чувством тревоги. Преодоление этих настроений стало для правительства не менее важной целью, чем хозяйственное восстановление разрушенных районов.

Сразу же после инаугурации президент обнародовал программу срочных мер, которая включала: немедленную помощь всем пострадавшим; восстановление общественного порядка, электро- и водоснабжения; продовольственные поставки; недопущение мародерства и хаоса. Ситуация осложнялась тем, что катастрофа произошла накануне осени и зимы, что сделало особенно острой проблему восстановления жилья, больниц и школ, а

⁷ Chile: Gobierno destaca recuperación de infraestructuras tras un año del sismo. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/02/07> (fecha de acceso 23.03.2011).

начало учебного года было отложено на 45 дней (с начала марта на конец апреля).

Программа срочных мер была неоднозначно встречена обществом: наиболее пострадавшие группы населения, а также те, кто переживал отставку Консертасьон, считали экстренную помощь недостаточной и формальной.

Понимая всю сложность ситуации, С. Пиньера заявил, что он не станет «президентом землетрясения» и не откажется от своей программы, главным стержнем которой была идея процветания, повышения эффективности экономического и социального развития, окончательное преодоление бедности, дальнейшее совершенствование демократии.

Выступая с первым ежегодным посланием 21 мая 2010 г., президент сформулировал новую идею: объединиться для восстановления, сделать разрушенные районы еще более современными, развитыми, благополучными, что принесет больше солидарности и равенства и в чилийское общество в целом. В президентском послании был сделан краткий отчет о ходе восстановительных работ и намечена дальнейшая стратегия. Каждое из министерств, связанных с экономическим развитием и планированием, отвечало за свою часть программы преодоления катастрофы. Все меры были продуманы, конкретны, взаимосвязаны, имели адресную направленность и финансирование, что и сказалось на результатах.

В итоге президент отметил, что 26 апреля удалось начать учебный год в пострадавших районах, ценой больших усилий и в кратчайшие сроки восстановив ряд школ. Были созданы временные медицинские центры, более 4 млн человек получили необходимые прививки, что сократило опасность эпидемий. К концу мая 2010 г. (за 100 дней) были построены 50 тыс. временных домов, в возведении которых принимали участие военные, организации гражданского общества, волонтеры. Пособие в 100 тыс. песо было выделено самим пострадавшим для улучшения нового жилья.

Результаты этих мер позволили президенту заявить, что «ни один чилиец не встретит зиму под открытым небом»⁸. Специальная поддержка (субсидии, льготные кредиты, денежное возмещение в 75% стоимости) оказывалась владельцам малых предприятий и разрушенных рыболовецких судов для возобновления бизнеса. Кроме того, за три месяца удалось восстановить (полностью или частично) 88% мостов, привести в порядок систему водоснабжения.

Таким образом, первый – чрезвычайный – этап восстановления страны в мае 2010 г. был практически завершен. В итоге опросы общественного мнения свидетельствовали, что поведение президента в первые дни и месяцы после землетрясения 54% населения оценили как эффективное, лидерское, успешное. Однако план, предложенный Пиньерой, не ограничивался мерами по ликвидации последствий землетрясения.

Второй этап работы в этом направлении получил название «Поднимем Чили» («Levantemos Chile»). Смысл этого этапа заключался не просто в восстановлении того, что было, а в создании нового жилья и всей инфраструктуры на более высоком и современном уровне, в переходе к новому этапу развития. «Сегодня мы переживаем время выбора возможностей и нашего будущего, – заявлял Пиньера. – Чего нам не хватает? Способностей? Территории? Рынков? Человеческих или природных ресурсов? Разумеется, нет. Но мы нуждаемся в целеустремленности, воле, мужестве и единстве, чтобы достичь цели»⁹. Правительство обратилось ко всем чилийцам с предложением содействовать этому процессу, проявить солидарность и взаимопомощь. Была принята программа «Чили помогает Чили» («Chile ayuda a Chile»), предусматривающая активное участие волонтеров и организаций гражданского общества в восстановлении страны.

⁸ Piñera S. El Mensaje Presidencial 2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/especiales/mensaje-presidencial-21-de-mayo/> (fecha de acceso 25.09.2011)

⁹ Ibidem.

В целом к февралю 2011 г. удалось, по данным правительства, на 90% (частично или полностью) восстановить разрушенную инфраструктуру (дороги, мосты, порты, аэродромы, систему водоснабжения), возобновить деятельность большинства пострадавших медицинских центров, больниц и школ, обеспечить нормальный учебный процесс детям. Однако строительство нового жилья и возрождение нормальной жизни шло медленнее, чем предполагалось: в день первой трагической годовщины 27 февраля 2011 г., президент признал, что в итоге было выполнено 50% всех задач, «но половину запланированного еще предстоит осуществить»¹⁰.

В феврале 2013 г. правительство заявило о реконструкции 75% жилых помещений и завершении (на 99,9%) восстановительных работ в области инфраструктуры¹¹.

Можно ли считать эти показатели недостаточными, как полагали критически настроенные политические деятели в рядах оппозиции и протестные организации? Наверное, если брать за точку отсчета математически точное количество выполненных обещаний, то декларированные результаты свидетельствует о недостаточной эффективности правительства. С другой стороны, если принять во внимание все сопутствующие обстоятельства – объективную трудность восстановления жизни после катастрофы такого масштаба, экономический кризис, выполнение текущих задач, а также заявленную Пиньерой цель провести реконструкцию на качественно ином уровне, – тогда, возможно, оценка деятельности президента и его команды станет более справедливой. Очевидно, однако, что важнейший вызов для правительства С. Пиньеры

¹⁰ Piñera S. “Viva Chile!” – La Tercera. – 27.02.2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.latercera.com/> (fecha de acceso 30.05.2011).

¹¹ Balance de la reconstrucción a tres años del terremoto. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/02/24/> (fecha de acceso 27.02.2013).

представляла угроза со стороны «революции массовых ожиданий», связанных, в том числе, и с темпами восстановительных работ.

Помимо землетрясения 27 февраля, первый год у власти создал для президента и правительства целый ряд нестандартных ситуаций, в ходе решения которых особенно проявилась контрастность, противоречивость лидерского стиля Пиньеры.

В начале августа 2010 г. в результате обрушения шахты на севере Чили 33 горняка (32 чилийца и один боливец) оказались замурованы на неопределенный срок. За уникальной спасательной операцией следило не только чилийское общество, но и весь мир. По инициативе правительства в Австралии и США было заказано специальное оборудование (бур и капсула для подъема людей), и после 69 дней плена, 13 октября 2010 г., все шахтеры были подняты на поверхность. При завершении спасательных работ, проведенных буквально в прямом эфире, присутствовали лично С. Пиньера и боливийский президент Эво Моралес. Все телеканалы страны и ведущие мировые СМИ не только передали сообщение об успехе спасателей, но показали всю операцию с подъемом капсулы. Это был беспрецедентный имиджевый ход, в очередной раз продемонстрировавший миру возможности Чили, готовность демократической власти нести ответственность за жизнь людей. Этот случай ускорил создание комиссии по безопасности труда для изучения условий работы на всех предприятиях страны (в первую очередь – в горнорудной отрасли).

Характерно, что героическая кампания по спасению шахтеров проходила на фоне развития серьезного кризиса в отношениях правительства и индейцев-мапуче.

Активизация протестного движения мапуче была вызвана разочарованием в государственных программах и подходах, которые развивали правительства Консертасьон с 1990 года. Несмотря на то, что демократической власти удалось немало сделать для индейского населения

(был реализован ряд адресных социальных программ в сфере образования, здравоохранения, занятости, повышения уровня жизни, охраны исторического и культурного наследия, а также развития мультикультурного сознания в обществе), решить весь комплекс проблем, накопленных десятилетиями, было невозможно. Рост недовольства самой активной группы чилийских индейцев – мапуче – вылился в открытое противостояние с правительством Пиньеры летом и осенью 2010 г., в демонстрации и марши протеста с требованиями пересмотра всей государственной политики по отношению к индейскому населению страны.

Однако позиция нового президента с самого начала конфликта была выражена предельно жестко, что проявилось и в ходе переговоров с организаторами протестов, в нежелании идти на компромисс, в безапелляционной оценке действий протестных индейских организаций как безответственных, особенно на фоне празднования 200-летия независимости Чили. Президент фактически противопоставил организаторов беспорядков и всех, кто им сочувствует, остальным жителям страны, сделав акцент на ценностях единства и консолидации нации в противовес «отдельным экстремистским группам».

Таким образом, уже в первый год пребывания у власти определилось ключевое противоречие нового кабинета – между успехом в решении одних задач, связанных, как правило, с острыми, нестандартными ситуациями, эффект от решения которых возникает быстро и заметен всем, и неудачами в реализации других – требующих продуманной и терпеливой ежедневной работы, готовности к уступкам и компромиссу. В любых, самых сложных ситуациях, С. Пиньера упорно делал акцент на будущем, подчеркивал перспективы Чили, «которая впервые в своей истории может стать развитой и процветающей, способной победить бедность и дать своим детям

безопасную, спокойную и достойную жизнь»¹². В то же время, позитивный настрой на будущие успехи контрастировал с провалами в повседневной политической практике. Это противоречие стало характерной, важнейшей чертой лидерского стиля С. Пиньеры, окончательно сформировавшегося уже на протяжении 2011-2013 годов.

V.2. Политика С. Пиньеры и пределы «эффективного развития» (2010-2014).

Устойчивая экономическая модель, в сочетании с эффективным профессиональным менеджментом, позволили стране достаточно успешно, особенно на фоне катаклизмов, переживаемых Европой, сопротивляться финансово-экономическому кризису 2009-2011 годов. Рост ВВП в 2011 г. составил 6,2%, в 2012 г., по данным Центрального банка Чили, – 5,6% (выше ожидаемых 4%). Инфляция в 2011 гг. оставалась на уровне 4%, а в конце 2012 г. составила 2,8%¹³, хотя чилийские экономисты вполне оправданно ожидали роста этого показателя, считая данный вызов наиболее серьезным для экономики страны. Безработица, по данным Национального института статистики (Instituto Nacional de Estadística, INE), составила в марте-апреле 2012 г. 6,5%, что являлось достаточно низким показателем как для Латинской Америки в целом, так и в сравнении с некоторыми европейскими странами, например, Испанией (20% безработных в 2012 г.). Характерно, что в этот же период 2010 г. безработица составляла 8,6%, а в некоторых областях страны

¹² Piñera S. “Viva Chile!” // La Tercera. – 27.02.2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.latercera.com/> (fecha de acceso 30.05.2011).

¹³ BBVA estima que Chile creció en 5,6% en 2012 y sube al 4,8% previsión 2013. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/02/14/> (fecha de acceso 15.03.2012)

– Кокимбо, Вальпараисо, Био-Био – превышала 10% (в 2012 г. этот показатель был не выше 8%)¹⁴.

Таким образом, основные данные характеризовали общее состояние чилийской экономики как вполне благополучное, о чем неоднократно заявляли как министр финансов Ф. Ларрейн, так и другие официальные лица, включая президента, что даже позволило некоторым аналитикам окрестить деятельность правительства «экономикой без политики».

В чем же состояла собственно *политика* кабинета С. Пиньеры – не план срочных восстановительных мер, не реакция на непредвиденные вызовы, не спасательная операция, а политика – то есть комплекс продуманных плановых мероприятий и реформ, озвученных как *новая модель развития* еще в предвыборной программе? Оказалось, однако, что именно *политика* – то есть способность к согласованию и представлению разнородных и противоречивых общественных интересов, предупреждению и разрешению конфликтов – и явилась, несмотря на отдельные достижения, самым слабым звеном периода 2010-2013 годов.

С самого начала существенный акцент в работе правительства (формально даже больший, чем при Р. Лагосе и М. Бачелет), был сделан на решении социальных проблем, повышении качества человеческого потенциала, на том, что еще предстоит выполнить, чтобы к 2018 г. превратить Чили в развитую страну, соответствующую самым высоким мировым стандартам.

Эта амбициозная цель была поставлена президентом в ноябре 2010 г. в специальном проекте из 50 инициатив, касающихся развития экономики, социальной сферы, образования и здравоохранения, создания новых рабочих мест (1 млн к 2014 г.), совершенствования демократической системы. К 2014

¹⁴ Instituto Nacional de Estadística. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.ine.cl/canales/chile_estadistico/mercado_del_trabajo/nene/cifras_trimestrales.php (fecha de acceso 15.04.2013).

г. правительство обещало преодолеть нищету (“extrema pobreza”), а к 2018 г. справиться и с проблемой бедности вообще, «превратив Чили в первую латиноамериканскую страну, которая могла бы сказать, что в принципе победила это зло», – отмечал президент¹⁵.

По данным CEPAL и по сведениям Национальной социологической службы CASEN, которые в данном случае совпадают, в 2009 г. бедность в Чили составляла 11,5% населения (1,9 млн человек), из которых 3,6% (620 тыс.) находились в ситуации нищеты. Эта цифра демонстрировала тенденцию к улучшению показателей даже по сравнению с самым благополучным годом правления М. Бачелет – 2008-м (13,7% бедных)¹⁶, что было связано с планомерным проведением в жизнь многолетней социальной стратегии и способностью противостоять экономическим вызовам. Сложившаяся модель социальной политики и эффективное управление экономикой страны способствовали тому, что распространение мирового финансового кризиса не означало для Чили развития негативной тенденции в ситуации с бедностью. По данным на 2011 г., бедность составляла 11%, а нищета – 3,1%. (Для сравнения можно отметить, что в Бразилии эти показатели составляли тогда 20,9 и 6,1%, в Колумбии – 34 и 10,7%, в Мексике – 36,3 и 13,3%, в Аргентине – 8,6 и 2,8%, в Уругвае – 6,7 и 1,1%)¹⁷. В то же время, задача полного преодоления бедности и нищеты требовала нового, более результативного, подхода, о чем неоднократно говорил президент в своих выступлениях.

Для повышения эффективности государственных социальных инициатив в октябре 2011 г. на базе MIDEPLAN было создано Министерство

¹⁵ [Chile: el gobierno otorgará bonos a 170 000 familias pobres a cambio de metas](http://www.infolatam.com/2012/05/17/). [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/05/17/> (fecha de acceso 20.04.2013)

¹⁶ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2010. Op.cit. – P. 13; MIDEPLAN. División Social. Encuesta CASEN-2009. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://observatorio.ministeriodesarrollosocial.gob.cl/casen/> (fecha de acceso 15.04.2013)

¹⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2012. Op.cit. – P. 14.

социального развития (Ministerio del Desarrollo Social), с более широким кругом компетенций, на которое возложили задачу координировать различные социальные проекты. Их реализация осуществлялась под эгидой других ведомств – Министерства образования; Здравоохранения; Жилищного и городского строительства (Ministerio de Vivienda y Urbanismo); Труда и социальной защиты (Ministerio del Trabajo y Previsión Social); Национальной службы по делам женщин (Servicio Nacional de la Mujer, SERNAM).

В 2010-2013 гг. были продолжены масштабные и долгосрочные социальные программы, разработанные еще при Р. Лагосе и М. Бачелет – «Солидарная Чили», «Чили растет вместе с тобой».

Однако в качестве приоритетной цели Министерству социального развития было рекомендовано работать над новыми программами по полному искоренению нищеты (к 2014 г.) и бедности (к 2018 г.)¹⁸. Важнейшим инструментом для решения этих задач был объявлен новый социальный проект, в рамках которого увеличивались и диверсифицировались субсидии бедным и социально уязвимым группам населения – семьям с минимальным уровнем дохода, молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, неквалифицированным рабочим и женщинам, имеющим низкооплачиваемую работу в формальном секторе. Бедным домохозяйствам с детьми выплачивалось специальное пособие – «Этический семейный доход» («Ingreso ético familiar»). Условием выплаты, составляющей около 106 долл. в месяц (53 тыс. песо), являлась готовность семьи заниматься здоровьем и образованием своих малолетних детей. Специальная «школьная субсидия» («el bono al logro escolar») предоставлялась родителям

¹⁸ Nuevo ministerio de desarrollo social. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/especiales/nuevo-ministerio-de-desarrollo-social/> (fecha de acceso 12.04.2013).

школьников, которые входили в число 30% лучших учеников (предполагалось ежегодно премировать таким образом 200 тыс. детей)¹⁹.

Новые программы, годовой бюджет которых составлял 400 млн долл., были рассчитаны на поддержку не менее чем 640 тыс. человек. Этот тип социальных проектов относился к распространенной (как отмечалось в предыдущей главе) в современной Латинской Америке категории программ «с адресными выплатами», адресатами которых являются в основном бедные домохозяйства с детьми, стремящиеся повысить свой уровень жизни и расширить социальные возможности, выполняя определенные требования (в плане образования, здравоохранения и т.д.). Подобные программы активно действуют в Бразилии, Мексике, Перу, Эквадоре, Аргентине и других странах региона, и считаются достаточно эффективными.

Чилийское правительство подчеркивало, что реализация данной стратегии опирается на чувство долга и самоуважения человека, а также на его стремление к достижениям. Поскольку бедность нарушает фундаментальное право каждого на достойную жизнь, помощь государства безусловно необходима. В то же время, человек должен в первую очередь сам стремиться к улучшению своего положения, нести ответственность за собственную жизнь и благополучие семьи, выполнять взятые на себя обязательства, что и является необходимым условием предоставления государственных субсидий.

Важно отметить, что основную задачу правительство видело в сокращении социальной исключенности и маргинальности бедных слоев, развитии их собственной мотивации к поиску работы, продолжению учебы, т.е. в формировании самостоятельной позиции по преодолению бедности. В этом плане получила развитие стратегия, начатая предшественниками-

¹⁹ [Chile: el gobierno otorgará bonos a 170 000 familias pobres a cambio de metas](http://www.infolatam.com/2012/05/17/). [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/05/17/> (fecha de acceso 20.04.2013)

социалистами и направленная на преодоление не только абсолютной, но и относительной бедности – т.е. выраженной не в абстрактных количественных показателях, но и в психологическом восприятии людей, в их субъективной оценке качества своей жизни.

Президент неоднократно заявлял, что искоренение бедности к 2018 г. – важнейшая нравственная задача для чилийского общества и необходимое условие его дальнейшего развития по пути демократии и социального мира. Характерно, что в названии проектов, которым правительство придавало особое значение, преобладали слова «этический», «семейный», «солидарный», «будущее», что свидетельствовало о правильной расстановке С. Пиньерой (как и его предшественниками на этом посту) социальных акцентов и символов.

Реализация общей социальной политики по преодолению бедности, особенно на базе колоссальной работы, проделанной правительствами Консертасьон, не представляла особых угроз и рисков для С. Пиньеры. К концу президентского срока (в 2013 г.) бедность действительно сократилась до исключительно низких и для Чили, и в масштабах региона 7,8%, а нищета составила всего 2,5% населения²⁰.

Фундаментальным и непредвиденным, по масштабам общественной реакции, вызовом для власти стала тема образования.

Объявленный в конце 2010 г. проект реформы образования, в январе 2011 г. поддержанный Палатой депутатов, занимал важнейшее место в планах правительства. Первоначально проект казался необходимым и обдуманым продолжением социальных инициатив, в целом дополняющих стратегию, выработанную Консертасьон. Ни президент, ни правительство не ожидали, что уже первый этап его обсуждения станет причиной самых масштабных общественных протестов в стране за последние 20 лет и

²⁰ CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina – 2015.

приведет, фактически, к серьезному кризису в отношениях власти и общества.

Чилийское образование, развитием которого занимались все предшественники С. Пиньеры на протяжении 20 лет, по общим показателям стало одним из лучших в Латинской Америке. Это означало: почти абсолютный уровень грамотности – 98,6% в 2011 г.; обязательное бесплатное 12-летнее образование; возросшую продолжительность обучения (если для взрослых она составляет в среднем 9,7 лет, то для детей и подростков – уже 14,7 лет)²¹, разветвленную сеть высших учебных заведений, дифференцированную систему стипендий и льгот для студентов из бедных слоев общества.

Однако, если прежние президенты (особенно П. Эйлвин, Р. Лагос и М. Бачелет) считали приоритетной социальную функцию образования и занимались совершенствованием начального и среднего уровней, качеством школ в бедных районах, сокращением неравенства и сегрегации, повышением доступности высших учебных заведений, – то подход С. Пиньеры оказался принципиально иным. Новое правительство и лично президент сделали акцент не на расширении пространства социальности в сфере образования, а на повышении его эффективности, качества человеческого капитала, от которого зависит национальное будущее, успех экономического и социального развития в целом.

Практически сразу после вступления в должность С. Пиньера подверг жесткой критике состояние национального образования за несоответствие современным требованиям, неконкурентоспособность на мировом рынке, отставание от процессов экономической модернизации и внешнеэкономической динамики. Особенно негативные последствия для жизненных интересов и перспектив страны имело отставание таких направлений, как обучение точным наукам и инженерным дисциплинам,

²¹ UNDP. Human Development Report – 2011. – New York, 2012.

подготовка специалистов в области высоких технологий, уровень знания иностранных языков.

Ссылаясь на конкретные примеры, президент назвал недопустимой ситуацией, при которой 6 из 10 школьников не понимают прочитанный текст, трое из 10 университетских преподавателей не соответствуют своей должности и ни один из чилийских университетов не входит в число 250 лучших университетов мира²². В этих условиях выполнение амбициозного плана превратить Чили в развитую страну к концу текущего десятилетия оказывалось практически нереальным. Если учесть также факт, что Чили по возрастной структуре населения приближается к «стареющим» развитым странам мира (вместе с Уругваем в перспективе это самая «старая» страна Латинской Америки), то вполне обоснованные опасения вызывала у президента и судьба пенсионной системы, тесно связанной с экономическим благополучием общества.

Оправдывая свою озабоченность и критическую заостренность нового проекта этими факторами – необходимостью постоянно поддерживать и повышать конкурентоспособность национальной экономики, соответствовать требованиям мирового рынка, догонять развитые страны, учитывать собственные демографические тенденции, президент, фактически, отстранился от 20-летней традиции социальной политики в сфере образования. Прежние варианты реформирования, как и Закон 2009 г., принятый М. Бачелет, были подвергнуты жесткой (и не всегда обоснованной) критике за неспособность решить ни старые, ни возникающие новые проблемы.

Основной целью объявленной реформы было принципиально повысить уровень и эффективность системы образования в целом, действительно превратить ее в одну из опор дальнейшего этапа развития, понимаемого в

²² Chile: la “revolución educativa” de Sebastián Piñera. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2010/11/29/> (fecha de acceso 19.04.2011)

первую очередь как развитие экономическое. Подчеркивалось, что речь идет не об элитарном частном образовании, но о принципиальном и комплексном повышении качества обучения на всех уровнях – от муниципальных школ до высших учебных заведений. Но при этом главное внимание правительство планировало уделить все-таки университетам и системе высшего образования, с которой в принципе связана идея опережающего развития и прогресса.

Ответственность за реализацию реформы была возложена на Министерство образования, которое в тот момент возглавил известный политик Хоакин Лавин, имевший также большие политические планы.

В качестве основного метода реформирования был избран прагматический неолиберальный подход, предполагавший, в первую очередь, планомерное применение конкретных и довольно жестких мер (в том числе – увольнение 5% преподавательского состава, усиление полномочий администрации, привлечение на педагогические факультеты университетов лучших выпускников школ). Особое внимание в проекте уделялось также созданию системы мотивации преподавателей и учащихся для повышения эффективности работы и учебы. Неэффективные учителя школ и университетские профессора (по результатам общенационального тестирования студентов и школьников), пассивные директора и администраторы должны уступить место более работоспособным, активным и талантливым, готовым повышать свою квалификацию и соответствовать новым задачам. Президент считал, что этот процесс должен идти параллельно с улучшением инфраструктуры образовательных учреждений и с разработкой еще более стимулирующей системы стипендий для талантливой молодежи из бедных слоев.

Правительство, казалось бы, специально подчеркивало нацеленность проекта не на группы с высоким уровнем доходов, а на широкие слои населения, не имеющие возможности посылать детей ни в элитарные школы,

ни в заграничные университеты. «Мы получим такую систему образования, которая вместо того, чтобы повторять социальные различия и неравенство из поколения в поколение, станет настоящей фабрикой возможностей», – неоднократно заявлял президент, пытаясь смягчить жесткий смысл предлагаемых мер²³.

В обществе, однако, были замечены не формальные декларации, и даже не истинная цель реформы – добиться эффективности и конкурентоспособности национального образования, а только средства, необходимые для ее достижения. Именно эти средства, продуманные в железной логике неолиберализма, свойственной когда-то пиночетовской реформе 1981 г., вызвали сначала возрастающее недовольство, а затем протесты студентов и преподавателей, которые летом 2011 г. приобрели массовый и радикальный характер.

Главным объектом ожесточенной критики стала система высшего образования, с ее глубоко укорененными и только укрепившимися после 1981 г. традициями сегрегированности и элитарности, системой кредитов, отсутствием реального равенства возможностей. Заявления нового правительства стали катализатором, ускорившим формирование протестного движения, в которое вылилось давно копившееся раздражение студентов.

Необходимо отметить, что правительства Консертасьон за 20 лет своей работы, развивая систему льготных кредитов, стипендий, специальных фондов поддержки, немало сделали в плане повышения доступности высшего образования для молодежи из низших слоев общества, способной и желающей учиться. Так, если в начале 1990-х годов среди 20% чилийцев с наименьшими доходами высшее образование имели только 5%, а в наиболее благополучном слое общества – верхнем квинтиле – этот показатель составлял 35%, то к 2010 г. эти цифры в каждой группе увеличились до 15% и 60%,

²³ Mandatario reitera voluntad de lograr un gran acuerdo en educación. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/> (fecha de acceso 05.03.2011).

соответственно²⁴. Однако разрыв не только сохранился, но психологически даже вырос: в то время как более половины представителей самой богатой части общества имели высшее образование, в бедной группе они составляли только 1/7 ее часть.

Более того, выходцы из бедных семей, несмотря на адресную поддержку в процессе обучения, даже получив высшее образование, продолжали испытывать значительные трудности при выплате кредитов и устройстве на работу, что делало их, по мнению социологов, «маргиналами с дипломом». Эта трагическая сторона социального неравенства была незнакома старшему поколению в бедных семьях, которое практически не имело доступа к высшему образованию и не сталкивалось с подобным крушением надежд.

Необходимо отметить, что и уровень безработицы среди молодежи традиционно оставался высоким, примерно в три раза превышающим средние данные по стране (в 2007 г. он составил 17,8%, в 2010 г. – 18,6%). Вместе с тем, следует указать, что, согласно исследованию Организации экономического сотрудничества и развития, Чили заняла по этому показателю предпоследнее место в рейтинге из 16 стран, оставив далеко «впереди» Испанию (41,6% безработных среди молодежи), Грецию (32,9%), Италию (27,9%), Португалию и Францию (22%) и уступив только США (18,4%)²⁵. Однако на национальном уровне эти абстрактные цифры воспринимались как глубокая социальная несправедливость – если принять во внимание, что наиболее уязвимой возрастной группой в молодежной безработице всегда оставались учащиеся 15-20 лет (т.е. старшеклассники и студенты).

²⁴ Crispi M. La marcha larga: el desafío político de la reforma de la educación superior // El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 /eds: Lagos R.E, Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011.– P. 116.

²⁵ Ranking ubica a Chile entre los 16 países de la OCDE con mayor desempleo juvenil. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.economiaynegocios.cl/noticias/noticias.asp?id=88913> (fecha de acceso 09.03.2013).

Студенческие протесты, таким образом, аккумулировали давно сформировавшиеся настроения глубокого разочарования и недовольства, связанные не только с системой образования, но и с социальным устройством общества, что усилило ожесточенность и радикализм молодежного движения.

Если бы в этой ситуации правительство согласилось с отдельными доводами, продемонстрировав общую готовность приступить к решению самых серьезных из накопившихся проблем, заявило бы о продолжении (с необходимыми поправками) курса М. Бачелет, то оно, возможно, вызвало бы волну критики за медлительность и осторожность, но не студенческую революцию. Однако президент и его команда заняли прямолинейную позицию, недооценив степень общественного раздражения системой платного образования, а также мощную эмоциональную составляющую, быстро превратившую отдельные протестные настроения в массовое движение с основным требованием: обеспечить бесплатное высшее образование для всех.

В официальных выступлениях речь шла о совершенствовании уже существующей дифференцированной системы адресных стипендий и специальных льготных кредитов, которые могли бы компенсировать затраты на обучение 60% учащейся молодежи из самых бедных слоев населения. Президент, объясняя невозможность введения бесплатного высшего образования, подчеркивал, что считает бессмысленным и неэффективным финансировать за счет госбюджета расходы богатых, которые традиционно оплачивают (и всегда будут оплачивать) обучение своих детей.

В июле 2011 г., с опозданием пытаясь разъяснить и оправдать свою позицию, правительство приняло «Национальное соглашение об образовании» («Gran Acuerdo Nacional por la Educación»), в котором были

прописаны задачи и методы осуществления реформы²⁶. Предполагалось: создать специальный Фонд по поддержке образования с капиталом в 4 млрд долл. для финансирования инновационных образовательных центров и подготовки профессоров и организаторов учебного процесса; с помощью адресных мер обеспечить возможность поступления в вузы для 40 % молодых людей из беднейших семей, успешно сдавших вступительный экзамен (увеличить число стипендий с 70 тыс. до 120 тыс., особенно поощряя обучение техническим специальностям; понизить кредитные ставки и предоставить отсрочки по выплате образовательных кредитов в случае безработицы).

Однако, апеллируя к рациональным доводам, усиленно критикуя старую модель за ее неэффективность и отставание от мировых образцов, С. Пиньера все-таки не смог найти ни нужных слов, ни оптимальной формы для того, чтобы удачно представить обществу новый проект. Как бизнесмен и антикризисный менеджер, он снова сделал акцент на модернизации, повышении эффективности, прозрачности и четкости работы образовательной системы в целом, и в первую очередь – высших учебных заведений, а также на ее дифференциации по принципу: самым лучшим и хорошо работающим – большую поддержку, уважение и статус. Известно, как тяжело на практике применить эту простую схему, особенно, если значительная часть общества не чувствует своей причастности к будущему успеху и не считает новую модель справедливой.

Неудивительно, что продуманные в кабинетной тиши реформистские проекты вызвали жестокую критику и беспрецедентную эскалацию студенческих протестов. Протестное движение, поддержанное профсоюзами, возглавили влиятельные студенческие организации: Конфедерация студентов Чили (Confederación de Estudiantes de Chile, CONFECH), объединяющая все

²⁶ Ysart C. ¿Protestas o propuestas? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/08/16/> (fecha de acceso 19.11.2012).

университетские федерации; федерации студентов двух крупнейших и традиционно государственных Университета Чили (*Federación de Estudiantes de la Universidad de Chile, FECH*) и Университета Сантьяго (*Federación de Estudiantes de la Universidad de Santiago de Chile, FEUSACH*), а также их лидеры, среди которых особую роль настоящего харизматика стала играть 23-летняя Камила Вальехо, участница молодежной организации РС и в 2011 г. – президент FECH.

Х. Лавин был вынужден уйти в отставку, в значительной степени распрощавшись со своими политическими амбициями, на его место был назначен новый министр Фелипе Бульнес, профессор гражданского права, выпускник Гарварда. Однако обе стороны были уже не способны услышать друг друга. Многотысячные и многодневные студенческие демонстрации летом и осенью 2011 г. в Сантьяго, Вальпараисо и других городах сопровождались ответной реакцией карабинеров, с обеих сторон появились жертвы²⁷. Президент обвинил общество в отсутствии терпения, стремлении «получить все и сразу», в нежелании понять сложность национальных проблем и оценить кропотливую повседневную работу правительства, сумевшего за два года в сложнейших условиях сохранить экономический рост и преодолеть последствия катастрофического землетрясения.

Однако бывают ситуации, когда одних призывов к рациональности явно недостаточно. На протяжении 2011 г. студенческие лидеры продолжали решительно защищать свои принципы и добиваться того, чтобы высшее образование стало государственным и бесплатным, доступным всем – как и полагается состоятельной и развитой стране, претендующей на реализацию модели «социального государства». Побывав в Европе, Камила Вальехо

²⁷ Дьякова Л.В. «Этика протеста» против «этики ответственности»: Чили и Уругвай – 2011 // Латинская Америка. – 2012. – № 5. – С.32-41.

заявила, что видит реальную перспективу заставить правительство осуществить в Чили другую, альтернативную, реформу образования²⁸.

Европейский опыт, воспринятый во всем его разнообразии и сложности, мог бы многому научить будущего молодого политика: стратегии и тактике продуманных политических действий, диалогу – как способу решения конфликтов, преимуществу эволюционных идей, мог бы показать риски, которые таят в себе завышенные массовые ожидания. Однако студенческий лидер К. Вальехо и ее соратники увидели в европейских странах, с трудом несущих бремя социальных обязательств, совсем другое: что можно блокировать любые инициативы и программы работоспособного правительства, не верить очевидным фактам или думать, что риски экономического отставания имеют отношение только к власти, а не к обществу в целом. Самое опасное – новые чилийские левые радикалы были убеждены в своей правоте и считали, что можно призвать тысячи молодых людей к опасным политическим акциям, не чувствуя за собой никакой ответственности.

Чтобы остановить стремительный процесс радикализации чилийской молодежи, воодушевленной ультра-левыми идеями, и прекратить развитие неконвенциональных форм политического поведения, необходимы были предельно продуманные и адекватные меры – включая, возможно, серьезные уступки протестующей стороне. Но правительство слишком поздно оценило ситуацию как кризисную и в итоге потеряло драгоценное время.

В мае 2012 г. на обсуждение в Конгресс была представлена, а к концу года одобрена новая налоговая реформа, реализация которой, по предварительным подсчетам, позволила бы увеличить налоговые сборы на сумму от 700 до 1000 млн долларов ежегодно. Эти деньги правительство планировало направить в систему образования – для выдачи

²⁸ Ysart C. Chile, los estudiantes y la intransigencia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/10/20/> (fecha de acceso 25.11.2011).

образовательных кредитов и стипендий (которые государство полностью брало на себя), поддержки школьников из бедных семей, имеющих высокие результаты при сдаче выпускного экзамена. Специфика реформы заключалась в том, что правительство решило существенно (на 20%) поднять налоги на крупные предприятия, на торговлю алкоголем и производства, загрязняющие окружающую среду, объясняя свои действия благоприятной экономической конъюнктурой и высокими макроэкономическими показателями, которые позволяют государству фактически профинансировать все издержки нового образовательного проекта. При этом, семьи среднего класса, самостоятельно финансирующие образование своих детей, смогут на 50% сократить налоги²⁹.

Обсуждение реформы вновь активизировало массовые молодежные протесты – в апреле и мае 2012 г. на улицы Сантьяго вышло до 80 тыс. человек, возглавляемых студенческими федерациями и их лидерами. Президент FECH Габриель Борич, комментируя требования студентов, заявил: «Мы требуем такой налоговой реформы, которая позволила бы распределить богатства по всей стране, и такой образовательной реформы, в которой образование понималось бы как универсальное социальное право каждого»³⁰. Г. Борич добавил, что правительство и президент «вообще не понимают, какая прибыль извлекается из высшего образования». Осенью 2012 г. протесты в крупных городах вспыхнули с новой силой, причем позицию студентов, в том числе и учащихся крупнейшего частного Католического Университета (Pontificia Universidad Católica de [Chile](#), PUC) поддержала Католическая церковь Чили. Эту поддержку выразил

²⁹ Chile inicia la tramitación parlamentaria para aprobar la reforma tributaria. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/04/30/> (fecha de acceso 30.05.2012).

³⁰ Chile: miles de estudiantes protestan por la reforma anunciada por el Gobierno. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/05/16/> (fecha de acceso 30.05.2012).

архиепископ Рикардо Эссати, отметивший недопустимость дальнейшего превращения образования в бизнес³¹.

Таким образом, вновь, уже на почве других, казалось бы, вполне конкретных правительственных инициатив, возникла ситуация тотального взаимного непонимания и неприятия со стороны власти и части общества. Без преувеличения можно сказать, что это был безвыходный и бесперспективный с точки зрения конструктивной политики вариант. Какие бы эффективные и четкие меры ни предлагало затем правительство, чтобы спасти имидж реформы и заручиться общественной поддержкой, время было безвозвратно упущено, а противостояние власти и молодежи на протяжении второй половины 2011-го, начала и конца 2012 гг. уже зашло слишком далеко, чтобы завершиться конструктивным диалогом.

Другим серьезным вызовом, направленным в адрес нового кабинета, стала активизация регионализма и рост социальных протестов в удаленных от центра областях, с требованиями привлечения адресного внимания к каждой конкретной ситуации и более справедливого распределения государственной поддержки, а также перенесения преимуществ экономического развития на всю территорию страны.

На протяжении 2010-2013 гг. правительство строило планы по интенсификации развития отстающих или наиболее разрушенных землетрясением, а также имеющих высокий процент индейского населения, регионов (Магальянеса, Айсена, Мауле, Араукании, Био-Био). Эти планы предусматривали привлечение инвестиций, содействие экономическому росту, создание новых рабочих мест, повышение эффективности существующей экономической модели. Однако в реализации объявленных мер был заметен двойственный подход, связанный с предельно узким, сугубо

³¹ Chile: la Iglesia respalda nuevas protestas anunciadas por los estudiantes. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/09/23/> (fecha de acceso 27.09.2012).

экономическим пониманием термина «эффективность», и явный недостаток политического подхода к проблемам удаленных и менее развитых регионов.

Повышение цен на газ (на 16,8%) в самой южной, приближающейся к антарктическим широтам, области страны Магальянес и Чилийская Антарктика, со столицей в г. Пунта-Аренас, с холодным и влажным климатом, вызвало массовые протесты и забастовки жителей, а в январе 2011 г. спровоцировало серьезный кризис³². Правительство попыталось объяснить свою позицию тем, что 90% домохозяйств в регионе пользуются газом, который на 85% оплачивается государством через компанию ENAP (Empresa Nacional de Petróleo). Эта ситуация не может продолжаться бесконечно, так как ресурсы компании истощаются, а долговые обязательства растут. Однако протестующие угрожали объявить бессрочную забастовку в масштабах всего региона и перекрыть дороги на пути к аэропорту Пунта-Аренас, через который проходит популярный туристический маршрут в Антарктику. В ответ министр внутренних дел Чили распорядился применить Закон о государственной безопасности, позволяющий преследовать зачинщиков беспорядков. Эта жесткая (практически пиночетовская) мера все-таки не была применена, благодаря вмешательству посредника конфликтующих сторон архиепископа Р. Эссати. В ходе переговоров президент и правительство были вынуждены пойти на существенные уступки, сохранив на неопределенное время незначительное (на 3%) повышение цен. Но эти события выявили существенные проблемы и в работе правительства, и в излишне «технократическом» стиле самого Пиньеры, не обеспечившего должную поддержку непопулярному решению.

В начале 2012 г. обострилась ситуация в регионе Айсен. Специфика этого района, одного из наименее населенных в стране (около 100 тыс. человек) и расположенного на расстоянии 1600 км к югу от Сантьяго,

³² Chile: Piñera defiende el alza del gas y los magallánicos se preparan para un paro indefinido. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com> (fecha de acceso 21.01.2012).

состоит в его оторванности и плохом сообщении с центральными областями страны, что создает целый ряд других проблем. В конце 2011 г. правительство объявило «План Айсен» (Plan Aisén) – стратегию развития области, вызвавшую среди жителей бурную реакцию протеста. В январе-феврале 2012 г. социальные организации Айсена (соседские общины, профсоюзы рыбаков, служащих, молодежные, женские и экологические группы), объединенные в Социальное движение за регион Айсен (Movimiento Social por la Región de Aisén), выразили свое недовольство создавшимся положением и отсутствием глубины понимания проблемы на уровне власти.

Их требования касались: понижения высоких цен на топливо и товары повседневного спроса, улучшения медицинского обслуживания на базе современной инфраструктуры, повышения качества обучения в школах и создания регионального университета, защиты уникальных природных ресурсов и традиционного рыбного промысла, а также увеличения государственной поддержки региона. Жители заявляли о высокой стоимости жизни и чувстве оторванности (*isolación*) от центра, недостаточном внимании властей, несправедливом распределении государственных ресурсов. «Все, что просит Айсен, абсолютно законно... Чили имеет ресурсы, но проблема в том, что они плохо расходуются», – заявлял один из организаторов протестов³³.

Принципиальные дополнения к предложенному президентом плану были переданы в правительство, что встретило достаточно жесткую ответную реакцию, особенно на фоне начавшихся в Айсене уличных столкновений с полицией и строительством баррикад: «Правительство не намерено ни принимать, ни терпеть ситуацию, когда путем беспорядков и

³³ Chile: vecinos de Aysén esperan respuesta de Gobierno tras entregar demandas. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/02/26/> (fecha de acceso 15.03.2012).

нарушения общественного спокойствия ему навязывается другая точка зрения», – заявил пресс-секретарь правительства А. Чадвик³⁴.

Тем не менее, ряд ведущих министров (внутренних дел, финансов, энергетики, здравоохранения и транспорта) были направлены в Айсен для переговоров с активистами движения. Было принято решение доработать «План Айсен» в соответствии с предложенными требованиями и включить часть из них в итоговый документ, однако достигнутый компромисс не вызвал удовлетворения ни одной из сторон: правительство пошло на вынужденные меры, активистам не удалось добиться подлинного понимания ситуации со стороны властей.

Следует отметить, что в случае с Айсеном, как и в ряде других кризисных ситуаций, сказался эффект «отложенных проблем», с которыми был связан главный вызов в отношении правительства и власти. Драма состояла в том, что проект региональной модернизации в представлении президента и его кабинета существенно расходился с пониманием развития и собственного благополучия жителями конкретных областей. Данная ситуация, подобно многим другим, так и не была разрешена командой С. Пиньеры.

Особое направление в деятельности правительства представляли регионы, в которых проживает значительная часть индейцев-мапуче – Араукания и Био-Био.

Специфика подхода С. Пиньеры к индейскому вопросу (как и к другим темам с социальным подтекстом), выраженная еще в предвыборной программе, состояла в том, что главное внимание он уделял важности

³⁴ Chile: el Gobierno envía ministros a Aysén para dialogar con la comunidad. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/02/20/> (fecha de acceso 15.03.2012).

экономического роста и общего прогресса страны, которые в итоге должны привести к принципиальным изменениям и в жизни коренного населения³⁵.

В президентском послании 21 мая 2010 г. Пиньера, отметив роль коренных народов в чилийской истории и становлении нации, в сохранении культурного разнообразия – «подлинного богатства Чили», подчеркнул проблемы, которые предстоит решать правительству, поскольку уникальные традиции и культура индейцев достойны большего уважения, а социальные потребности – большего государственного и общественного внимания.

Для восстановления культурного диалога и преодоления разрыва в социальном развитии были предложены две конкретные программы:

1) «Новая историческая встреча с народом мапуче» (Plan de Reencuentro Histórico). Этот план включал: работу по конституционному признанию мапуче; реформу индейской неправительственной организации CONADI с целью повышения ее эффективности; новый подход к земельной политике на «исторических» территориях (с активным вовлечением жителей в специальные программы обучения и трудоустройства); противостояние насилию в любых его формах.

2) «План Араукания» (Plan Araucanía) предполагал привлечение инвестиций в развитие экономики и инфраструктуры регионов Араукания и Био-Био, повышение уровня образования и здравоохранения индейского населения, совершенствование механизмов его интеграции в современное общество.

Стратегические задачи, определенные первым президентским посланием, соответствовали общему настрою нового правительства на повышение эффективности наиболее удачных проектов, начатых в предыдущие годы. Однако в ситуации, потребовавшей концентрации всех

³⁵ Piñera S. El Mensaje Presidencial 2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/especiales/mensaje-presidencial-21-de-mayo/> (fecha de acceso 29.05.2010).

усилий для преодоления последствий природной катастрофы, правовые и мультикультурные аспекты индейской проблемы отошли на второй план, что быстро привело к эскалации протестного движения мапуче.

В середине июля 2010 г. 34 политических заключенных-мапуче, обвиненных в организации беспорядков и нападениях на полицейских в различных районах Араукании, объявили голодовку. Участники акции требовали: отмены «антитеррористического» закона (1984 г.) и освобождения всех заключенных-мапуче, в соответствии с этим чрезвычайно жестким законом обвиненных в террористической деятельности; создания «демилитаризованных зон» в районах компактного проживания мапуче (фактически, полной автономии без контроля со стороны государственной полиции); защиты исторических индейских территорий и лесов от промышленного использования; качественного улучшения жизни народа мапуче, реального равноправия, внимания к молодежи; личной встречи с президентом для обсуждения всех указанных проблем.

Событие вызвало международный резонанс, привлекло внимание правозащитных организаций и индейских общин других стран, например, канадских индейцев. В Лондоне организация бывших политзаключенных Чили провела демонстрацию протеста перед чилийским посольством. Родственники и сторонники голодающих (в основном матери и жены) в сентябре 2010 г. прошли маршем из Темуко (столицы Араукании) до Сантьяго и расположились в штаб-квартире CEPAL, требуя передачи специальной петиции в ООН. Это требование было выполнено, однако в дальнейшем сотрудники CEPAL дистанцировались от конфликта, подчеркивая международный статус своей организации и невозможность вмешательства во внутренние дела Чили³⁶.

³⁶ Representantes de un grupo mapuche permanecen en la sede de la CEPAL. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.cepal.org/cgi-bin/getProd.asp?xml=/prensa/noticias/comunicados/6/40986.../> (fecha de acceso 15.03.2013).

Правительство долго воздерживалось от прямых переговоров с участниками акции, используя посредничество архиепископа Р. Эссати. Президент лично назвал голодающих радикалами, которые не могут представлять весь народ мапуче. Кампания по спасению шахтеров, начавшаяся в августе 2010 г., также отвлекла внимание правительства и общественного мнения. Однако в конце сентября, на фоне празднования 200-летнего юбилея независимости Чили, С. Пиньера все же пошел на переговоры с протестующими, отметив: «Страна, которую мы строим, создается с помощью диалога, единства и работы, а не насилием и голодовками»³⁷. Он призвал мапуче участвовать не только в акциях протеста, имеющих «частный характер», но в общем процессе создания более благополучного и развитого социально-политического пространства. В г. Темуко был организован «круглый стол» с участием министров правительства, индейских организаций, Католической церкви, и в итоге в начале октября голодовка, продолжавшаяся более двух месяцев, была прекращена.

Президент пообещал реформировать «антитеррористический» закон в соответствии с новым этапом развития страны и отменить применение военных трибуналов по отношению к гражданским лицам. Однако основные направления политики правительства в «индейском» вопросе остались неизменными: главный акцент был сделан на проектах социально-экономического и культурного развития, уже предложенных в президентском послании 21 мая – плане «Араукания» и «Новой исторической встрече», на повышении экономической эффективности всех планов, связанных с развитием индейских территорий.

³⁷ Presidente Piñera expresó alegría por fin de la huelga de hambre. 2 de octubre de 2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/noticias/> (fecha de acceso 15.11.2010).

В их реализацию правительство предполагало вложить 4 млрд долл., которые должны были пойти на улучшение системы здравоохранения индейского населения, строительство новых медицинских центров и дорог. Большое внимание было уделено проектам и планам в сфере образования – особенно повышению качества современного образования индейской молодежи, развитию системы профессиональной подготовки, обучению востребованным специальностям, которые позволят самостоятельно, опираясь на свои собственные силы и стремление работать, выйти из бедности и традиционной отсталости. Выступая на открытии «Мультикультурного лица 200-летия» в октябре 2010 г. для мапуче (в Пурене, регионе Араукания), С. Пиньера отметил, что целью государственной политики является создание новых возможностей для индейских народов – чтобы «поднявшись на ноги, своими собственными усилиями, трудом и талантом они смогли добиться невиданного ранее прогресса»³⁸.

Эти слова можно считать лейтмотивом политики С. Пиньеры во всех социальных направлениях. Однако реальная практика показала, что постоянные акценты на повышении экономической эффективности, реальной отдачи от вложенных средств абсолютно уместны только в области экономики. Многообразная и сложная сфера политики требует, помимо экономического, еще и других измерений – в том числе и человеческого, с которым талантливый бизнесмен и антикризисный менеджер С. Пиньера за годы своего президентства практически не справился.

Период его пребывания у власти стал временем беспрецедентного обострения конфликтных ситуаций, в том числе роста протестной активности индейцев-мапуче, недовольных любыми инициативами правительства.

³⁸ Piñera S. “A partir de ahora vamos a dejar de dar la espalda a nuestros pueblos originarios”. 8 de octubre de 2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/noticias/> (fecha de acceso 26.11.2011).

Стычки с полицией, самовольные захваты земель, занятых сельскохозяйственными и лесоперерабатывающими предприятиями с требованиями их возврата, поджоги сельхозугодий и автомашин, перекрытие магистралей в областях наиболее компактного проживания мапуче (главным образом в Араукании) стали серьезным вызовом не только конкретной политической власти, но и демократической системе в целом. Антитеррористический закон, позволяющий задерживать и судить участников массовых беспорядков, не был отменен, хотя именно он являлся основным раздражителем в отношениях правительства и индейского населения.

Быстрая радикализация протестного движения мапуче, усиление идей анархизма и неподчинения действующей государственной власти, привели к обоюдной эскалации насилия. На этом фоне, наряду с относительно «старыми» организациями (подобными «Consejo de Todas las Tierras» А. Уилкамана), выросла популярность групп полу-террористического типа – например, созданной в 1998 г. радикальной организации САМ – Coordinadora Arauco Malleco (досл. – «Координатор Араукании»), выступающей за индейскую автономию на территории Чили и имеющей свои филиалы в других городах, в том числе и в Сантьяго. Основными методами борьбы организация считает насильственные (нападения на лесоперерабатывающие предприятия, поджоги, погромы); в 2010 г. ее активисты участвовали в марше протеста на Сантьяго и в вооруженных столкновениях с полицией, закончившихся арестами. Проблема «законности» или «незаконности» тюремного заключения ряда лидеров этой организации также стала предметом обсуждения с правительством и поводом для роста взаимных обвинений.

Все эти моменты сузили и без того весьма ограниченное поле конструктивного диалога, лишили стороны способности слышать и понимать друг друга. Несмотря на то, что в начале 2013 г. С. Пиньера заявил о

необходимости ускорения конституционного признания индейских народов (этот процесс тянется с 2007 г.), общая ситуация роста недовольства и насилия превратилась в постоянный фактор внутренней нестабильности в ряде регионов, особенно в Араукании. Результаты политики в данном направлении за 2010-2013 гг. трудно оценить позитивно, особенно если учесть, что на предотвращение потенциальных и урегулирование реальных конфликтов между властью и индейским населением страны были затрачены долгие годы целенаправленной работы и усилия четырех правительств Консертасьон.

Подводя итоги деятельности правительства правоцентристов, можно отметить следующее.

Признавая все трудности и провалы, с которыми столкнулся С. Пиньера на посту президента, нельзя не признать успешной его экономическую стратегию, его нацеленность на продолжение социальных реформ, его готовность стремиться к достижению поставленных целей, важнейшей из которых было повышение эффективности развития страны.

В критических, исключительных обстоятельствах (землетрясение, авария на шахте, спасательные работы), С. Пиньера действовал как эффективный антикризисный менеджер, талантливый и смелый руководитель. Его личная готовность к риску, оптимизм, способность быстро принимать сложные решения, а также соответствующий политический дискурс с акцентом на обязательной победе, в ряде ситуаций формировали позитивные, оптимистические настроения и мотивировали общество на достижение успеха³⁹.

В условиях же повседневной работы, связанной с неизбежными в политике разногласиями и трудностями, президент был склонен к излишне

³⁹ Дьякова Л.В. Себастьян Пиньера: год у власти.// Латинская Америка. – 2011. – № 5. – С.58-68.

жестким, нетерпеливым решениям и формулировкам, быстрым и не всегда продуманным действиям. Эта черта неоднократно проявлялась в его личной ответной реакции на возникающие в обществе требования. Несмотря на то, что в итоге С. Пиньера шел на диалог и компромисс, выдвигал встречные предложения, этот результат всегда имел оттенок вынужденного временного отступления от уже принятых и не подлежащих пересмотру решений, которые зачастую носили неоправданно жесткий, прямолинейный характер.

Наиболее ярко лидерский стиль Пиньеры проявился в ситуации с молодежными протестами. Именно здесь были особенно наглядно продемонстрированы его способности хорошего экономиста и менеджера и в то же время его серьезные недостатки как политика. Возникает неизбежный вопрос: почему же в этих сложных обстоятельствах не сыграл свою роль талант публичного лидера, присущий Пиньере в ходе предвыборной кампании, в первые месяцы после землетрясения? Где был тот агрессивный пиар, который так успешно, на весь мир, демонстрировала президентская команда во время операции по спасению шахтеров осенью 2010 г. и которого, по-видимому, оказалась совершенно лишена важнейшая из национальных реформ – реформа образования?

Ответ заключается в том, что С. Пиньеру нельзя назвать политиком с высоким уровнем интегративной сложности, способным к многостороннему анализу реальности – если следовать одной из известных типологий лидерства (по Г.Г. Дилигенскому)⁴⁰. С его точки зрения, любая проблема должна быть решена – и в ситуациях, когда это трудно, но возможно, применяя тактику конкретных напористых действий, Пиньера оказывался эффективным руководителем.

Однако политика – явление несопоставимо более сложное, чем экономика и сфера бизнеса. Здесь особенно необходимо «периферийное зрение», способность видеть многомерную картину реальности, хорошо

⁴⁰ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Наука, 1994. – С.193.

представлять свою страну со всеми ее особенностями, прошлым опытом, страхами и надеждами (что как раз и свойственно лидерам с высоким уровнем интегративной сложности). Профессии политика, по мнению великого немецкого социолога М. Вебера, не бывает без способности к «мощному медленному бурению твердых пластов» и без удачного сочетания двух несочетаемых качеств – «страсти и холодного глазомера»⁴¹. В данном случае именно «медленного бурения» и страсти – как умения понимать и чувствовать ситуацию, настроение людей – было явно недостаточно.

Помимо недовольства значительной части общества проектом реформы образования, а также реакцией правительства на студенческие волнения, с водометами, слезоточивым газом и усиленными нарядами карабинеров, Пиньера все чаще подвергался критике за «персонализм», склонность к внешним эффектам и «пиару», за самолюбование и неумение, даже в трагических ситуациях, выразить искреннее сочувствие проблемам людей. Противоречивую оценку вызвали разногласия и громкие отставки в правительстве, а также чрезмерно амбициозные заявления, планы и проекты, на реализацию которых требовалось гораздо больше времени и сил, чем обещал президент, особенно на фоне достаточно медленного, по мнению общества, восстановления разрушенных после землетрясения районов.

Рейтинг С. Пиньеры колебался на протяжении 2010-2013 гг.: в ходе истории с шахтерами вырос с 49% до 65%, затем начал неуклонно падать: в конце 2010 г. опустился до 54%, в начале 2011 г. – до 40%⁴². На фоне студенческих протестов летом и осенью 2011 г. рейтинг президента уже был

⁴¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. // Вебер М. Избр. произв. Указ. соч. – С. 706.

⁴² Chile: la aprobación de Piñera supera al 54 %. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2010/10/20/> (fecha de acceso 29.11.2010). Navia P. Sebastián Piñera a un año del terremoto. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/02/24/> (fecha de acceso 28.05.2011).

предельно низким – в мае 2012 г. упал до практически непредставимых еще некоторое время назад 24%⁴³.

Масштабный и ожесточенный политический конфликт С. Пиньеры и студенческого движения крайне негативно сказался как на имидже лично президента и правительства в целом, так и на общем социальном самочувствии граждан. Итогом противостояния стала радикализация общества и падение всех показателей, иллюстрирующих уровень удовлетворенности чилийцев своей жизнью, властью, успехами и положением в стране. Так, по оценкам организации по изучению общественного мнения «Латинобарометр» (Latinobarómetro) и ее главного аналитика Марты Лагос, в период с 2010 по 2011 гг. среди чилийцев на 24 пункта упал уровень удовлетворенности демократией, доверия правительству и церкви; на 18 пунктов – уровень ожиданий в отношении будущего; на 13 пунктов – вера в то, что рыночная экономика и частные предприятия являются оптимальным путем развития для страны; на 12 – уверенность, что правительство, несмотря на его недостатки, работает на благо всех, и на 9 пунктов упала общая удовлетворенность жизнью⁴⁴. Все эти показатели являются более низкими, чем в среднем по региону, и даже ниже, чем в менее развитых и гораздо более бедных странах.

Как с горечью констатировала журналист и аналитик Консуэло Исарт, «чилийское общество имеет массу проблем, но оно, по крайней мере, долго существовало мирно»⁴⁵. Теперь же встал вопрос об угрожающем падении доверия к власти, о разочаровании в достижениях реальной демократии.

⁴³ Chile: Piñera tiene un 24% de apoyo y el 51% quiere a Bachelet de regreso. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/05/11/> (fecha de acceso 20.06.2012).

⁴⁴ Lagos M. Chile al Desnudo // Latinobarómetro - 2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.latinobarometro.org/> (fecha de acceso 03.02.2012).

⁴⁵ Ysart C. Chile, los estudiantes y la intransigencia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/10/20/> (fecha de acceso 20.11.2011).

В преддверии общенациональных выборов 2013 г. проверкой демократических настроений стали муниципальные выборы, состоявшиеся 28 октября 2012 г. и впервые проводившиеся в соответствии с Законом о добровольном голосовании и автоматической регистрации (*Ley de inscripción automática y voto voluntario*), принятым в 2009 году. Находящаяся в оппозиции левоцентристская коалиция одержала на них внушительную победу, получив 43% голосов против 37%, отданных за правых (остальные голоса распределились между независимыми кандидатами и мелкими партиями), существенно увеличила свое присутствие в местных органах власти и, что особенно важно, в главных районах Сантьяго. Мэром Сантьяго стала известный деятель Консертасьон, социалист Каролина Тохá, имевшая опыт работы в правительстве М. Бачелет и опыт президентства в PPD.

Выборы, вопреки надеждам на рост числа голосующих после отмены обязательного голосования, продемонстрировали серьезное падение участия граждан: вместо максимально возможных 13,4 млн человек (т.е. все взрослое население старше 18 лет) пришло 5,5 млн (в предыдущих выборах 2008 г. приняло участие 6,4 млн человек)⁴⁶. Количество воздержавшихся составило, таким образом, 59%. Эти результаты, эмоционально названные аналитиками «поражением демократии» и «провалом официального курса», действительно свидетельствовали о признаках апатии, равнодушия и определенного разочарования общества, а также кризисе традиционных партий, неспособных мотивировать граждан на реализацию конвенциональной политической активности.

Все эти явления означали, что Чили вступила в полосу определенного общественного кризиса и разочарования достигнутыми результатами, теми экономическими и социальными успехами, которые стали частью

⁴⁶ [Chile Piñera planea cambios en gabinete tras derrota a un año de las](http://www.infolatam.com/2012/10/29/) presidenciales. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/10/29/> (fecha de acceso 30.10.2012).

подчеркнуто оптимистичного официального дискурса последних президентов-социалистов (Р. Лагоса и М. Бачелет), и привычно ассоциировались с «чилийской моделью» развития. Но главная опасность состояла в том, что обществу, для того, чтобы вспыхнуть массовыми протестами, оказалось достаточно одного повода – неудачного проекта образовательной реформы.

Оппозиция в лице Консертасьон также не демонстрировала конструктивного поведения, оправдывая пессимистичные прогнозы о нарастании внутрипартийных разногласий, об отсутствии единой стратегии и тактики. На протяжении 2010-2014 гг. левоцентристская коалиция сосредоточилась на критике практически любых действий и проектов правительства – от темпов и тактики восстановительных работ на территориях, пострадавших от землетрясения, до всех конфликтных ситуаций, в которых С. Пиньере не удалось сохранить позицию арбитра, а правительству – предложить удачное решение. Задача вернуться к власти любыми способами (в том числе, пробуждая чрезмерные социальные ожидания) на предстоящих выборах была для Консертасьон важнее, чем сохранить фундаментальные политические принципы и позитивные достижения всего 20-летнего этапа постпиночетовского развития: общественный мир, взвешенность решений, уважение к диалогу и мнению политического оппонента.

Таким образом, в сфере реальной политики нерешенных проблем и неожиданных критических вызовов оказалось гораздо больше, чем ответов, которыми располагала власть. Возможно, С. Пиньера оказался несвоевременной фигурой: возможно, в начале 2000-х, до правления социалистов, его инициативы и упор на эффективность могли быть восприняты по-другому. Он же пришел в тот момент, когда общество еще не почувствовало губительных последствий пренебрежения эффективностью развития, отставания в принципиальных областях, а гуманистически-

ориентированное президентство М. Бачелет, ее личное обаяние и стиль общения сформировали слишком высокую «человеческую» планку власти. Не каждый лидер может соответствовать именно этим ожиданиям. В итоге С. Пиньера, по выражению чилийского аналитика Эктора Сото, стал на высшей государственной должности «другим, но не лучшим» – это была одна из наиболее точных и наиболее позитивных характеристик уходящего президента⁴⁷.

V.3. Электоральный процесс 2013 г.: возвращение левоцентристов

Новая избирательная кампания разворачивалась на фоне предельно сложного социально-политического контекста, что стало важнейшей особенностью президентских выборов 2013 года. Деятельность правительства правоцентристов имела неоднозначные результаты и заслужила весьма критические оценки, а рост радикально-протестных настроений свидетельствовал о том, что чилийское общество подошло к этапу определенного разочарования в своих достижениях, серьезного кризиса массовых ожиданий, который обострился в связи с откровенно неудачной политикой С. Пиньеры в ряде социальных направлений⁴⁸.

Можно констатировать, что обострение конфликтных ситуаций, особенно – противостояние правительства и протестной молодежи, крайне негативно сказалось не только на имидже лично президента и правительства, но и на состоянии правоцентристской коалиции, выступившей на этих выборах под названием «Альянс за Чили» (“Alianza por Chile”). Накануне выборов она оказалась в ситуации внутреннего кризиса, разобщенности,

⁴⁷ Soto H. Chile: un mensaje presidencial pacífico y de regreso al realismo. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2012/05/22/> (fecha de acceso 30.05.2012).

⁴⁸ Дьякова Л.В. Возвращение Мишель Бачелет. // Латинская Америка. – 2014. – № 1. – С.48-61.

взаимных обвинений. Даже кандидата на президентский пост, Эвелин Маттеи, удалось утвердить в самый последний момент, поскольку министр экономики П. Лонгейра (UDI), выигравший внутренние «праймериз», неожиданно отказался участвовать в избирательной кампании по причине глубокой депрессии. «Сбылось самое худшее из опасений правых, - писал чилийский аналитик Э.Сото в статье «Правые сегодня: спасайся кто может», - ...произошел их полный политический провал», подобного которому не наблюдалось с момента перехода страны к демократии⁴⁹.

С точки зрения Э. Сото, правоцентристская коалиция во время пребывания у власти ничего не смогла противопоставить новым общественным настроениям, не выдвинула нового проекта будущего, который отвечал бы и возрастающим социальным ожиданиям, и студенческим требованиям, и общим надеждам на большее равенство. Их программное обещание сделать значительный шаг в создании к 2018 г. по-настоящему развитой страны трудно было считать выполненным: слишком высоким оказался уровень общественной неудовлетворенности и обманутых ожиданий.

Несмотря на то, что отношение к президенту С. Пиньере в определенных группах общества можно назвать избыточно критичным, связанным со стремлением обвинить именно его правительство во всех ошибках и проблемах, нерешенных на протяжении пост-пиночетовского развития, наглядным результатом правления правоцентристов стал рост социального пессимизма, тяга к радикально-протестной активности, падение уровня доверия демократии и власти в целом, стремление обесценить многие позитивные результаты 20-летней деятельности других демократических правительств.

⁴⁹ Soto H. La Derecha hoy: sálvese quién pueda. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.infolatam.com/2013/11/03/ (fecha de acceso 05.11.2013).

На фоне массового недовольства и раздражения 11 сентября 2013 г. Чили отметила самую трагическую дату своей истории - 40-летие военного переворота А. Пиночета и установления правоавторитарного режима, просуществовавшего с 1973 по 1990 год. В связи с воспоминаниями об этих событиях в обществе вновь стала особенно актуальной дискуссия о прошлом, о прерванном социалистическом проекте и трагической фигуре С. Альенде, о роли военных и Пиночета. С неизбежным постоянством возник и драматический вопрос о том, кто был прав и кто виноват в этой исторической трагедии.

Согласно опросам общественного мнения, число тех, кто считает Пиночета диктатором, с каждым годом растет, особенно за счет молодежи от 18 до 25 лет и среди возрастной группы 26-40 лет: сегодня их 76 % (на 10 % больше, чем в 2006 г.). Только 9 % респондентов были готовы назвать его «хорошим, эффективным руководителем». При этом увеличился процент молодых людей, которые предпочитают «не вмешиваться в политику» и вообще не имеют никакого мнения по данному вопросу⁵⁰. С другой стороны, как отмечала М. Бачелет, «в стране до сих пор есть отдельные участники событий и целые группы, которые так и не продемонстрировали своего раскаяния... перед лицом такой боли и таких преступлений»⁵¹. Некоторые ультраправые политики, напротив, продолжали настаивать, что Пиночет «создал современную страну» и «спас жизнь целого поколения» (депутат И. Морейра)⁵².

Тем не менее, в лагере умеренных правоцентристов все-таки преобладала тенденция к разоблачению преступлений, совершенных военными, к дистанцированию от фигуры самого А. Пиночета. Например, Э.

⁵⁰ Pinochet gana detractores 40 años después del golpe. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.infolatam.com/2013/09/10/ (fecha de acceso 18.09.2013).

⁵¹ Chile a 40 años del golpe de Pinochet [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.infolatam.com/2013/09/10/ (fecha de acceso 18.09.2013).

⁵² Pinochet gana detractores 40 años después del golpe. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.infolatam.com/2013/09/10/ (fecha de acceso 18.09.2013).

Маттеи написала в своем блоге: «Мы должны внушать нашим детям и внукам мужество вовремя отвергать то, что неприемлемо» - имея в виду насилие и репрессии при достижении и реализации политической власти⁵³. В свою очередь, С. Пиньера отметил, что «мир, примирение совершенно необходимы, и что пришло время – не забыть, но преодолеть травмы истории». Главным в позиции Пиньеры являлся акцент на том, что «прошлое уже написано. Мы можем обсуждать его, интерпретировать, и, конечно, вспоминать. Но мы не имеем права оставаться его пленниками»⁵⁴. Точка в этой дискуссии еще не поставлена – и вряд ли будет поставлена в ближайшее время. Очевидно, однако, что настоящее примирение общества и преодоление травм прошлого возможно только на пути совершенствования реальной демократии, развития целенаправленной социальной политики, действительно повышающей равенство жизненных шансов и перспектив.

Таким образом, все перечисленные обстоятельства – неприятие значительной частью общества результатов деятельности С. Пиньеры, бурные дискуссии об А. Пиночете и С. Альенде, о «левом эксперименте» и возможностях «другого пути развития», не могли не сказаться на ходе избирательной кампании, на значительно более заметном, чем ранее, увлечении леворадикальными идеями и лозунгами.

17 ноября 2013 г. прошел первый тур президентских выборов, в результате которого представитель левоцентристов М. Бачелет получила 46,68% голосов избирателей. Важнейшим моментом выборов стало то, что левоцентристская коалиция Консертасьон накануне избирательной кампании расширила свой состав, и в связи с этим изменила название на «Новое большинство» (Nueva Mayoría, NM). В ее ряды вошли коммунисты и еще две небольшие левые партии – Широкое социальное движение (Movimiento

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Chile a 40 años del golpe de Pinochet [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.infolatam.com/2013/09/10/ (fecha de acceso 18.09.2013).

Amplio Social, MAS) и Гражданская левая (Izquierda Ciudadana, IC). Лозунгом нового объединения стали слова «Чили для всех» («Chile de todos»), а программа стремилась учесть наиболее острые темы, на которые был направлен в годы президентства Пиньеры общественный протест.

Комплекс мер, предложенных Бачелет, включал окончательную ликвидацию последних анклавов «пиночетизма» в политической и социальной сфере: разработку новой конституции, соответствующей современному этапу демократического развития (поскольку Конституция 1980 г. формально продолжает оставаться «пиночетовской» по своему происхождению); изменение устаревшей биномиальной системы выборов в Конгресс; кардинальную реформу системы образования, призванную гарантировать его бесплатность, высокое качество и доступность на всех уровнях и для всех социальных групп. Левоцентристы подчеркивали, что образование – это социальное право человека, а не товар, зависящий от статуса покупателя и приносящий доход учебным учреждениям; именно эта мера, заявленная в программе, в наибольшей степени соответствовала социальным настроениям сторонников М. Бачелет. Это был ответ Нового большинства на вызов, связанный с ростом массовых студенческих волнений и протестных настроений в обществе, недовольном сегрегацией и неравенством.

Помимо этих важнейших шагов, М. Бачелет предложила широкую программу мер по дальнейшему развитию и совершенствованию демократии, повышению уровня работы политических институтов, углублению социального курса, направленного на достижение большей справедливости и равенства, и выступила гарантом реализации этой стратегии. Ее имидж социалиста, уделявшего приоритетное внимание эффективным социальным

проектам в период своего первого пребывания у власти (2006-2010 гг.), вполне соответствовал преобладающим общественным настроениям⁵⁵.

В ходе предвыборной кампании М. Бачелет также проявила свои наиболее яркие качества харизматичного лидера. В отличие от всех остальных кандидатов, ей не приходилось убеждать избирателей в своей способности быть президентом: ее поддержка росла с каждым днем, фактически лишая предвыборную кампанию необходимой интриги. Всем было ясно, что победит Бачелет, аналитики спорили лишь об одном – достаточно ли будет первого тура, или все-таки понадобится второй.

В то же время, в отличие от безусловной поддержки лично Бачелет, сама левоцентристская коалиция Новое большинство особой популярностью в обществе не пользовалась, что придало выборам личностный, «персональный» оттенок.

Основным противником Бачелет стала Эвелин Маттеи – кандидат правоцентристского Альянса, член UDI, министр труда в правительстве С. Пиньеры, выступившая под лозунгом «Вместе победим». В первом туре она получила, вопреки самым пессимистическим прогнозам и поздно начатой избирательной кампании, 25,01% голосов.

Биография Э. Маттеи особенно символична на фоне воспоминаний об 11 сентября 1973 года. Она – дочь генерала Фернандо Маттеи, в 1978-89 гг. – главкома ВВС, входившего в состав хунты А. Пиночета. Тем не менее, Ф. Маттеи был фигурой неоднозначной, только пиночетистом, сторонником жестких мер и нарушений прав человека, его назвать никак нельзя: в момент переворота 1973 г. он находился в качестве военного атташе в Лондоне, а в 1988 г., после проведения референдума о судьбе военного режима, одним из первых признал поражение Пиночета и необходимость начать обещанный переход к демократии. Как известно, М. Бачелет также является дочерью

⁵⁵ Дьякова Л.В. Возвращение Мишель Бачелет. // Латинская Америка. – 2014. – № 1. – С.48-61.

генерала ВВС Альберто Бачелета, бывшего сослуживца и даже друга Ф. Маттеи, после переворота сохранившего верность правительству Народного единства и через год погибшего в тюрьме⁵⁶.

Таким образом, главными соперницами на президентских выборах стали две генеральские дочери, представительницы поколения «детей 1973 года», с его неизжитым до конца политическим наследством; обе получили хорошее образование (Бачелет – врач, Маттеи – экономист), сделали серьезную политическую карьеру; обе в определенной мере олицетворяли те противоречия и риски, которые переживало все чилийское общество.

Предвыборная программа Эвелин Маттеи была выдержана скорее в умеренно-консервативном ключе и предусматривала несколько основных направлений, в том числе: улучшение качества государственного здравоохранения; повышение доступности хорошего образования с помощью системы продуманных мер; борьбу с преступностью и наркотрафиком; развитие региональной политики; внесение ряда конституционных изменений, расширяющих пространство демократии; создание 600 тыс. новых рабочих мест; увеличение размера минимальной пенсии; повышение качества жизни людей пенсионного возраста. Не оспаривая важности демократии и социальной политики, она сделала акцент на защите моральных ценностей для развития общества, спорила с планами Бачелет по легализации аборт и однополых браков, настаивала на принципах осторожности, взвешенности всех политических шагов. В одном из своих выступлений Маттеи предостерегала общество от увлечения радикальными мерами (имея в виду и предвыборную программу Бачелет, и широкий спектр

⁵⁶ В 2012-13 гг. Ассоциация родственников политзаключенных дважды подавала в суд на Ф. Маттеи, возглавившего в декабре 1973 г. Академию ВВС, где некоторое время содержался генерал Бачелет, за участие в пытках, приведших впоследствии к смерти заключенного. Однако Ф. Маттеи был оправдан, так как никаких прямых доказательств его вины представлено не было, семья М. Бачелет воздерживалась от обвинений, а сам генерал утверждал, что предъявленные ему иски просто абсурдны.

левых кандидатов), а также протестными эмоциями, которые могут угрожать устойчивому развитию страны.

В первом туре приняло участие, помимо М. Бачелет и Э. Маттеи, еще 7 претендентов на президентский пост, никто из которых не имел реальных шансов на победу. Кандидатами стали: экс-социалист Марко Энрикес-Оминами, выступившей от имени созданной им Прогрессивной партии (Partido Progresista, PRO) с критикой обеих коалиций (10,96% голосов); независимый политик Франко Паризи (10,12%), профессор экономики с неопределенным набором социал-реформистских идей; Марсель Клауде, выдвинутый гуманистами (PH, 2,80%); профессиональный эколог Альфредо Сфейр (2,34%); Роксана Миранда, представитель Партии Равенства (Partido Igualdad, PI), лидер социального движения «должников жилья», получивших банковский кредит на покупку социального жилья и неспособных его выплатить (1,34%). Рикардо Исраэль, юрист и профессор политологии, выдвинутый Регионалистской Независимой партией (Partido Regionalista de los Independientes, PRI), защищающей интересы регионов, недостаточно представленные в условиях биномиальной системы, получил 0,57% голосов.

Важной характеристикой первого тура стало то, что М. Энрикес-Оминами, известный по выборам 2009 г. как человек, готовый к критике всех официальных политиков, независимо от их партийной принадлежности, и претендующий на популярность, получил 10,96% голосов, едва не проиграв четвертому участнику. Не поддерживая ни правых, ни Новое большинство, он отстаивал идею перемен, бесплатного образования, сокращения неравенства и «официального бюрократизма», включения молодежи в большую политику и политическую элиту. Однако, если на предыдущих выборах в соперничестве со стареющим Эдуардо Фреем привычной лево-популистской риторики было достаточно для получения 20% голосов избирателей, то, чтобы сражаться с Бачелет, молодому амбициозному политику требовалось нечто большее. На этот раз никакого «феномена

Энрикеса-Оминами» не случилось, он занял заслуженную скромную позицию.

Такое число участников президентской гонки от маловлиятельных партий и коалиций объяснялось не стремлением завоевать победу, а высказать свою точку зрения и продемонстрировать разочарование в сложившейся политической системе и протест против ведущих кандидатур. В итоге лейтмотивом предвыборной кампании стал призыв к большему политическому плюрализму, к реальным социальным изменениям, к включению в политический процесс новых лиц и альтернативных программ.

Во втором туре выборов 15 декабря 2013 г., как и предполагалось, одержала победу М. Бачелет (62,16% голосов). Э. Маттеи поддержали 37,84% избирателей⁵⁷.

На состоявшихся одновременно с первым туром президентских парламентскими выборами Новое большинство получило 68 из 120 мест в Палате депутатов, правоцентристы – 48, одно место досталось стороннику Энрикеса-Оминами и три – независимым кандидатам. Новое большинство получило преимущество и в наполовину обновлявшемся Сенате (21 из 38 мест, 16 мест заняли правые и одно независимый сенатор)⁵⁸.

Выборы проводились по новой системе – без предварительной приписки избирателей и без обязательного голосования – и продемонстрировали относительно низкую явку избирателей (48,8% в первом туре, 42% - во втором), что можно считать симптомом растущей апатии, равнодушия к политическим изменениям у значительной части электората. Наличие этой тенденции на фоне увеличения протестных

⁵⁷ Elecciones presidenciales - 2013. Información de los resultados de las elecciones presidenciales en Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.eleccionesenchile.com/98.html (fecha de acceso 16.12.2013).

⁵⁸ Elecciones parlamentarias - 2013. Información de los resultados de las elecciones parlamentarias en Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.eleccionesenchile.com/13.html (fecha de acceso 16.12.2013).

движений среди другой части общества, требующей, напротив, быстрых и радикальных изменений, представляло собой достаточно опасный признак.

Победа Бачелет, восторженно встреченная частью общества, была только началом трудного этапа реализации обещаний⁵⁹. Наличие относительного преимущества в обеих палатах Конгресса не означало быстрой и легкой реализации заявленных планов, ни в сфере конституционной реформы, ни в сложнейших вопросах реформы образования и изменения биномиальной системы. Кроме того, было очевидно, что программа левоцентристской коалиции в 2013 г. приобрела значительно более выраженный радикальный характер по сравнению с прежними проектами Консертасьон, в том числе и программой самой Бачелет образца 2005 года. Тогда лейтмотивом политических заявлений всех кандидатов было расширение пространства демократии, развитие масштабных социальных программ, сокращение бедности и неравенства, повышение качества жизни. Восемь лет спустя, на фоне новых социальных процессов и массовых протестных настроений, переживаемых обществом, в атмосфере избыточных надежд и ожиданий, связанных с возвращением Бачелет, таких общих, умеренных целей, предполагающих стратегию постепенного продвижения вперед, оказалось явно недостаточно. Это стало серьезным фактором риска – как для общества в целом, так и лично для нового президента.

Обновленная левоцентристская коалиция Новое большинство, пришедшая на смену традиционному союзу социалистов и христианских демократов, на этот раз попыталась объединить идеологически разнородные элементы, включив в свой состав коммунистов. Если социалисты и христианские демократы, будучи историческими соперниками, смогли создать Консертасьон, сохранить единство в процессе демократизации и

⁵⁹ Дьякова Л.В. Новое правительство Чили: перед вызовами справедливости и эффективности // МЭиМО. – 2015. – № 5. – С.71-80.

руководить страной в течение двадцати лет, то РС не имела ни такого опыта, ни такого прошлого, ни стремления к политическому компромиссу. Расширение правящей коалиции за счет коммунистов поставило под угрозу ее политическую устойчивость, идентичность ее участников как последовательных «центристов», и потребовало разработки новой долговременной стратегии.

Таким образом, условия, в которых новому президенту предстояло начать работу, стали значительно более сложными по сравнению с ее предыдущим правлением, законченным с рейтингом поддержки в 80%. С одной стороны, на ее стороне оказались колеблющиеся избиратели, разочарованные деятельностью технократической команды С. Пиньеры, с другой – многократно вырос уровень протестных настроений, социальных ожиданий и требований по отношению к власти, критическое отношение к правительству, государству, политическим партиям, к демократии в целом.

V.4. Деятельность второго правительства М. Бачелет: пределы «социального курса» (2014-2018).

Результаты деятельности левоцентристского правительства под руководством М. Бачелет неоднозначны. Они поражают количеством заявленных серьезных реформ и масштабных социальных проектов, на реализацию которых требуется не один президентский срок, и одновременно – низким качеством и недостаточной эффективностью их осуществления, явными провалами во внутренней политике, ростом неудовлетворенности и разочарования в среде наиболее активных сторонников президентской программы образца 2013 года. В реальности «левым радикалом» М. Бачелет оказалась только на словах: политический прагматизм и опыт все-таки оказались важнее идеологической риторики, и наиболее сложные и глубокие изменения, связанные с трансформацией складывавшихся годами структур

(таких, например, как система образования), шли значительно медленнее, чем было обещано, и все-таки основывались на принципе поэтапности вводимых реформ⁶⁰.

В то же время, 2014-2017 гг. были насыщены не только беспрецедентными по важности политическими решениями, но и бурными общественными эмоциями, спорами о правильности и уместности этих решений, разочарованиями, а также нетипичными для Чили скандальными коррупционными разоблачениями.

Уже в начале своей деятельности правительство приступило к обещанной в предвыборной программе трансформации устаревших политических институтов: в 2015 г. было объявлено о начале конституционного процесса, который должен завершиться принятием новой Конституции страны (уже после 2017 г., при следующем президенте). Новая Конституция, в отличие от действующей, принятой в 1980 г., будет полностью соответствовать потребностям демократического этапа развития страны, закрепит ее политические и социальные достижения. Правые в целом высказались против этой «популистской», по их мнению, меры. Оппозиция не без оснований указывала на то, что действующая конституция претерпела серьезные изменения в процессе глубоких реформ, проведенных правительством Р. Лагоса в 2005 г., и давно имеет демократический характер. Долговременный и трудоемкий процесс обсуждения и одобрения нового текста вместо консолидации общества может вызвать очередной раунд бескомпромиссных политических споров о наследии военного режима.

В то же время, в 2015 г. 71% чилийцев считало принятие конституции необходимым шагом, а 50% были готовы участвовать в «гражданских диалогах», предлагаемых правительством⁶¹. М. Бачелет неоднократно

⁶⁰ Дьякова Л.В. Чили: на трудном пути демократии. // Латинская Америка. – 2016. – № 5. – С.52-61.

⁶¹ Un 71% de chilenos considera necesaria una nueva Constitución. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/10/19/> (fecha de acceso 21.12.2015)

подчеркивала, что обсуждение нового текста должно быть абсолютно демократическим – то есть проходить открыто, в постоянном контакте с организациями гражданского общества, чтобы соответствовать современному правовому сознанию и высокому уровню политического развития, которого добилась страна.

Другим важнейшим и давно обсуждаемым шагом явилась реформа биноминальной системы выборов в Конгресс (одобренная в 2015 г.), и решение о переходе к пропорциональной электоральной модели. Это предполагает увеличение числа мест в обеих палатах парламента: в Палате депутатов – со 120 до 155 и Сенате – с 38 до 50. Небольшие политические партии и блоки при пропорциональной модели получают больше возможностей провести своих кандидатов в Конгресс, а политическое влияние крупнейших партийных коалиций – правоцентристской и левоцентристской, для сохранения которого и создавалась в конце 1980-х гг. биноминальная система – неизбежно начнет падать⁶².

Принятие Конгрессом законопроекта о переходе к пропорциональной электоральной модели стало ожидаемым шагом, но усилило разногласия между правительством и правой оппозицией. Наиболее правый UDI консолидировано выступил против изменения «биноминальной» системы, отмечая, что это решение носит популистский характер: его реализация может привести к возникновению множества мелких партий и вызвать политический хаос в работе Конгресса.

Признавая определенную справедливость этих опасений, необходимо отметить, что процесс дальнейшего развития демократии неизбежно предполагает трансформацию устаревших политических моделей и законов, созданных в других условиях и для реализации давно выполненных

⁶² Cámara aprobó en tercer trámite el fin del sistema binominal.[Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/2015/01/20/> (fecha de acceso 21.03.2015).

политических задач – в связи с этим реформа электоральной системы в Чили давно назрела, хотя ее реализация и будет связана с решением новых проблем.

В конце 2015 г. был принят закон о создании в рамках Министерства юстиции, преобразованного в Министерство юстиции и прав человека (Ministerio de Justicia y Derechos Humanos), Секретариата по правам человека (Subsecretaría de Derechos Humanos). Это независимая структура, отвечающая за координацию государственной политики в этой области, за разработку Национального плана по соблюдению прав человека и соответствующих образовательных программ, за диалог с гражданским обществом. Трагический опыт военного режима никогда не должен повториться – таков смысл и основное содержание деятельности Subsecretaría.

Одним из давно обсуждаемых и назревших шагов стало решение о предоставлении права голоса на общенациональных выборах чилийцам, проживающим в других странах. (Их, по самым общим подсчетам, 850 тысяч человек, среди них много потомков политических эмигрантов, уехавших из страны в годы военного режима). Для осуществления этого права к моменту парламентских и президентских выборов 2017 г. были подготовлены для проведения голосования все консульские отделы Чили за рубежом. (Выборы проходили по местному времени, а подсчет голосов – после закрытия избирательных участков в Чили).

Одним из самых сложных направлений в работе правительства стала реформа образования, предполагавшая введение и бесплатного школьного, и бесплатного высшего образования. Выполнение этих требований правительством М. Бачелет, пришедшим к власти во многом на волне студенческих протестов, было сопряжено с огромными политическими, финансовыми и моральными рисками.

Чилийская система образования, сложившаяся после неолиберальных реформ, проведенных военным режимом в начале 1980-х гг., и окончательно

закрепленная Законом об образовании 1990 г., продолжала оставаться объектом ожесточенной общественной дискуссии на протяжении последних двадцати лет. Закон об образовании 2009 г., принятый первым правительством Бачелет под давлением школьных протестов, несколько скорректировал в сторону большей социальности, но фактически не изменил эту систему.

Как уже отмечалось, на базовом уровне в этой дифференцированной системе сосуществуют школы разных типов – бесплатные муниципальные, полностью частные, и смешанные – «субсидируемые» (“escuelas subvencionadas”), финансируемые и государством (с помощью образовательной субсидии, выплачиваемой на каждого ученика), и семьей. Противники этой формы обучения неоднократно критиковали ее за многочисленные взносы и доплаты, собираемые с родителей, а также за понятие «прибыли», недопустимое в системе образования вообще. Улучшение качества обучения в муниципальных школах, работающих в бедных городских и сельских районах, а также в ряде «субсидируемых» школ, представляло серьезную социальную задачу, которую пытались решать все демократические правительства, начиная с 1990 года⁶³.

Высшее образование, представленное как частными, так и государственными университетами, является платным. Молодежи из бедных семей предоставляются льготные кредиты и стипендии, однако срок погашения этих кредитов составляет в среднем 15 лет, а обучение стоит около 6 тыс. долл. в год⁶⁴.

Недостатки этой модели (главным образом, ее рыночный дискриминационный характер, закрепляющий социальное неравенство, и

⁶³ Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени. – М.: ИЛА РАН, 2014. – С.142-148. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2013. – С. 152-155.

⁶⁴ Alumnos chilenos marchan por “poca claridad” en ley gratuidad universitaria. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/12/23/> (accessed 27.12.2015).

низкое качество обучения в муниципальных школах, препятствующее поступлению в университет) неоднократно вызвали молодежные протесты – от выступлений школьников в период первого правительства М. Бачелет, до массовых студенческих волнений в годы президентства С. Пиньеры, когда было продемонстрировано накопившееся за три десятилетия общественное раздражение всей системой в целом, а также недостаточной эффективностью проводимой политики.

Реформа национальной модели образования, предложенная М. Бачелет уже в 2014 г., включала несколько этапов. Первоначально – обеспечить принцип бесплатности и доступности на школьном уровне, прекратить родительские взносы и доплаты, а также специальный «конкурсный отбор» в хорошие школы, ликвидировать понятие прибыли в «субсидируемых» школах, повысить качество преподавания в отстающих муниципальных учреждениях, находящихся в бедных городских и сельских районах. С 2016 г., после необходимой подготовки, предполагалось перейти к бесплатному высшему образованию.

Для финансирования этих преобразований в 2014 г. Конгресс одобрил проект новой налоговой реформы, предусматривающий увеличение налога на крупные предприятия с 20% до 27%, а также на алкогольную и табачную продукцию. (Предполагалось, что сумма собираемых налогов будет увеличена на 8 млрд 300 млн долл. в год). При замедлении темпов экономического роста до 2,1% (по результатам 2015 г.), данный закон не вызвал поддержки со стороны бизнеса и правой оппозиции, критикующих правительство за несоответствие проводимой политики новой экономической реальности, за радикализм и неадекватность образовательных инициатив, которые могут стать тяжелой нагрузкой для бюджета страны.

В то же время, для обеспечения предстоящей реформы требовались не только экономические, но и значительные политические усилия. Правительству Нового большинства предстояло найти компромисс со

сторонниками совершенствования существующей модели, отражающими интересы высшего слоя общества и значительной части среднего класса. Эту позицию традиционно поддерживала Католическая церковь Чили и бизнес-сообщество. К ней присоединились и противники «чрезмерно революционной» линии Бачелет внутри собственной коалиции – христианские демократы. И те, и другие подчеркивали, что обещание столь принципиальных изменений было скорее вынужденной предвыборной мерой, чем хорошо обдуманной и подготовленным шагом, что быстрое и повсеместное введение всеобщего бесплатного образования может принести значительный вред тем учебным заведениям, которые отличаются высоким качеством и пользуются популярностью, ничем не улучшив положение отстающих. Основным аргументом противников кардинальной реформы состоял в том, что необходимо увеличивать финансирование и улучшать качество неблагополучных муниципальных школ, совершенствовать систему образовательных кредитов и повышать уровень слабых университетов, а не уничтожать востребованные частные и особенно «смешанные» учебные заведения.

В защиту особенно жестко критикуемых «субсидируемых» школ выступили, наряду с правыми, и ряд видных деятелей PDC, убедительно доказывая, что эти школы стали доступны прежде всего новому среднему классу, выросшему за годы демократии и социальных реформ, и ассоциируются с современным и успешным образом жизни. Лишать эту социальную группу возможности частично оплачивать образование своих детей (что нередко является важнейшей мотивацией для улучшения благосостояния семьи), было бы необдуманным и психологически вредным шагом⁶⁵.

⁶⁵ Brunner J.J. Clase media, educación y DC. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/05/> (fecha de acceso 20.02.2015).

Несмотря на то, что сторонники правительства и оппозиция вели жаростные споры по поводу школьного образования, особенно по вопросу «субсидируемых» школ, соответствующий законопроект уже в январе 2015 г. был одобрен Конгрессом. Правительство подчеркивало, что реализация новой модели начнется с марта 2016 г. поэтапно, с необходимой апробацией первых результатов. Президент же в специальном выступлении призвала родителей «соблюдать спокойствие и оказывать доверие» властям, которые «не собираются закрывать школы, а, напротив, будут вводить все изменения постепенно»⁶⁶.

Что же касается высшего образования, то обсуждение степени его бесплатности, категорий молодежи, которые могут на это рассчитывать, и включенных в проект университетов, превратилось в конце 2015 г. в серьезное испытание для правительства.

Законопроект об университетском образовании был готов для обсуждения в Конгрессе к 26 ноября 2015 г., однако группа депутатов подала иск в Конституционный суд страны, отмечая дискриминационный характер отдельных предложений, и суд вынес вердикт о необходимости доработать весь текст. В итоге законопроект после напряженного обсуждения конкретных механизмов реализации и категорий молодежи, которые первыми получают это право, все-таки был одобрен обеими палатами Конгресса 23 декабря 2015 г. «Спустя тридцать лет бесплатность возвращается в Чили», – отметил по этому поводу пресс-секретарь правительства Марсело Диас⁶⁷. Таким образом, М. Бачелет выполнила одно

⁶⁶ Bachelet pide calma y confianza tras aprobación de reforma educativa en Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/01/27/> (fecha de acceso 25.02.2015).

⁶⁷ Congreso chileno aprueba Ley Corta de gratuidad universitaria. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/12/27/> (fecha de acceso 28.12.2015).

из главных обещаний своей предвыборной программы – приступила к реализации кардинальной реформы образования.

Однако противники в рядах оппозиции, некоторые аналитики и публицисты в СМИ сразу отметили недостаточную продуманность и неопределенность новых правил обучения в высших учебных заведениях. Прежде всего, в условиях ухудшения экономической ситуации в стране принцип бесплатности на первом этапе предполагалось распространить не на всех, а только на 70% студентов из наименее обеспеченных слоев, которые поступят в университеты в 2016 году⁶⁸. (В итоге в 2016 г. их число составило 138 тыс. человек, в 2017 г. – 257 тысяч; в основном это была молодежь из регионов)⁶⁹. Для финансирования этой программы государство обязалось выделить университетам 2,5 млрд долл. в год. Первоначально приоритет отдавался крупным государственным университетам (Университету Чили, Университету Сантьяго), затем в список участников вошли и частные, подавшие соответствующую заявку до 27 декабря 2015 г. (в том числе, Католический университет Чили, Католический университет Вальпараисо, Католический университет Консепсьон) и многие другие, имеющие высокий уровень преподавания и уважения в обществе⁷⁰.

В итоге, в программу бесплатного образования были включены все университеты, входящие в состав так называемого Совета чилийских ректоров (Consejo de Rectores de las Universidades Chilenas, CRUCH) – организации, объединяющей 25 государственных и частных университетов (относящихся к категории «традиционных», т.е. существовавших еще до

⁶⁸ Ejecutivo ingresa proyecto de Ley corta para Gratuidad 2016. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/2015/12/22/> (fecha de acceso 25.12.2015).

⁶⁹ Mensaje presidencial 1 de junio de 2017. Ministerio de Educación. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://mensajepresidencial.gob.cl/> (fecha de acceso 10.08.2017).

⁷⁰ Universidades que han manifestado su intención de adscribir al proceso de Gratuidad 2016. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/2015/12/27/> (fecha de acceso 09.01.2016).

пиночетовской реформы 1981 г., вместе с созданными позднее филиалами). Отмечалось, что список в будущем может быть расширен за счет новых высших учебных заведений, соответствующих необходимым требованиям высокого качества обучения и не преследующих коммерческих целей.

В итоге новый этап реформы образования стал объектом жесткой критики сразу по нескольким направлениям: за воспроизводство элементов дискриминации как среди студентов, так и между университетами (что и отметил Конституционный суд как «неконституционные положения проекта»); за неясность, половинчатость и незавершенность, вызывающие разочарование основной целевой аудитории – молодежи. Известный чилийский публицист Патрисио Навиа назвал эту реформу «рождественским подарком» для тех, кому непременно хочется получить к Рождеству бесплатное образование – даже если плохая организация и спонтанность правительственных действий будет впоследствии оплачена высокой политической и экономической ценой ⁷¹.

Настаивая на поэтапности проводимой реформы, правительство выступило за сохранение существующей дифференцированной системы стипендий и образовательных кредитов (условия получения и выплаты которых стали максимально льготными). Однако отсутствие единого для всех принципа универсальности в получении бесплатного университетского образования, неясность и незавершенность проекта, с которым было связано столько надежд, вызвало жесткую критику в адрес правительства со стороны более левых движений и групп, разочарование молодежи и массовые студенческие протесты в конце 2015 г., 2016-2017 гг. в Сантьяго и других крупных городах страны. (В декабре 2015 г., во время принятия нового

⁷¹ Navia P. El viejito pascuero de la gratuidad. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/12/22/> (fecha de acceso 24.12.2015).

закона, в Сантьяго в ходе протестов, организованных Конфедерацией студентов Чили, на улицы вышло до 10 тыс. человек)⁷².

Правая оппозиция и часть христианских демократов в принципе высказывались против предложенного варианта реформы, которая, в итоге, стала серьезным вызовом всей правящей коалиции и лично М. Бачелет.

В конце президентского срока Бачелет очередные молодежные протесты вызвал проект «демуниципализации» государственных школ, обсуждаемый в Конгрессе на протяжении 2017 г. и предусматривающий передачу этих школ из ведения муниципалитетов в специальные структуры – Местные центры образования (Servicios Locales de Educación), подчиненные Министерству образования, с прямым финансированием из бюджета. Этот шаг должен повысить степень финансовой и управленческой самостоятельности школ, подключить к взаимодействию с ними структуры гражданского общества (в форме школьных советов, в которые могут входить и родители), улучшить качество обучения. Однако осенью 2017 г. студенты и старшеклассники вновь вышли на улицы, опасаясь, что демуниципализация при вероятном приходе правого правительства обернется только ослаблением независимости школ, ограничением финансирования и закреплением дискриминации в школьном образовании⁷³. В итоге законопроект о демуниципализации школьного образования, после переговоров с оппозицией и PDC, первоначально выступившей против, был одобрен Сенатом в октябре 2017 года. Реализация этой реформы должна начаться в 2018 году.

⁷² Alumnos chilenos marchan por “poca claridad” en ley gratuidad universitaria. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/12/23/> (fecha de acceso 09.01.2016).

⁷³ Desmunicipalización: así será el nuevo Sistema de Educación Pública. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.biobiochile.cl/noticias/nacional/educacion/2016/07/28/> (fecha de acceso 25.08.2017).

Таким образом, внесенные правительством важнейшие изменения в систему образования, как и любое политическое решение такого уровня, нельзя оценивать однозначно: это одновременно и успех президентской команды, проявление решительности, стремления выполнить взятые на себя обязательства, и серьезный вызов – правительству, всей левоцентристской коалиции и лично М. Бачелет. Чтобы оправдать политические усилия и экономические средства, затраченные на реализацию этого шага, новая модель образования должна будет в ближайшие годы продемонстрировать всему обществу явные преимущества, совместить принцип социальной справедливости с принципами высокого качества и эффективности профессиональной подготовки, необходимыми экономике страны.

В ряду важнейших социальных мер, предпринятых правительством, следует отметить принятие закона о частичном разрешении аборт (в отдельных исключительных случаях, связанных с жизненными показаниями для матери или ребенка, а также с насилием в отношении женщины). Этот шаг вызвал полярную реакцию в обществе.

Законопроект, отправленный на обсуждение в Конгресс начале 2015 г., был одобрен Сенатом в августе 2017 г. – фактически, в последние месяцы работы правительства М. Бачелет, и после бурной общественной дискуссии, получившей отражение в СМИ. (Характерно, что полный запрет аборт был узаконен в Чили только в 1989 г.; до этого момента с 1931 г. аборт по медицинским показаниям был разрешен). Несмотря на то, что в поддержку законопроекта выступила часть профессионального сообщества (Медицинский колледж и Колледж акушеров), целый ряд влиятельных политических и общественных организаций консервативного толка встретили эту инициативу крайне негативно. Ректор Католического университета Чили Игнасио Санчес в интервью газете “La Tercera” заявил: «Никто из медиков-профессионалов, работающих в университетской системе здравоохранения, не будет производить операции по прерыванию

беременности ни в одном из указанных случаев, даже если закон все-таки будет принят»⁷⁴. С критикой проекта выступили правые партии, а также часть PDC, президент которой, Игнасио Уолкер, призвал христианских демократов «голосовать согласно своей совести». С другой стороны, политические и социальные круги, близкие различным левым партиям, горячо поддержали эту инициативу: лидер социалистов Освальдо Андраде отмечал, что все пункты избирательной программы, в том числе и тема аборт, разрабатывались совместно с христианскими демократами, которые должны выполнять свои обещания⁷⁵.

После окончательного голосования в Сенате группа политиков и общественных деятелей из числа правой оппозиции и христианских демократов, в том числе часть университетской профессуры Католического университета, обратилась к обществу и Конгрессу с воззванием, в котором отстаивала свою точку зрения на аборт как на преступление против самих основ человеческой жизни⁷⁶. В итоге спор о легализации абортов еще более обострил принципиальные этические расхождения представителей различных политических партий и общественных групп.

Остальные социальные инициативы правительства развивались в общем русле социальной политики, направленной на улучшение жизни широких слоев общества, достижение большего равенства возможностей и большей социальной справедливости, особенно – для наименее обеспеченных, уязвимых групп населения.

⁷⁴ Sectores centro y derecha rechazan proyecto para despenalizar aborto en Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/02/02/> (fecha de acceso 17.03.2015).

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Con maratónicas jornadas parte la batalla por proyecto de aborto en el Tribunal Constitucional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://impresa.elmercurio.com/Pages/NewsDetail.aspx?dt=2017-08-16&dtB=16-08-2017%20:00:00&PaginaId=1&bodyid=1> (fecha de acceso 24.08.2017).

В целом бедность в стране, по данным Всемирного Банка, в 2015 г. составила 7,9 %, что является низким уровнем, в том числе и в контексте региона⁷⁷. Это стало результатом последовательной политики, проводимой с 1990 г., и итогом реализации масштабных социальных программ. В то же время, новые показатели бедности, оставаясь на прежнем уровне, не демонстрируют успехов по сравнению с периодом С. Пиньеры (7,8 % в 2013 г., как упоминалось в предыдущем параграфе). Более того, оценки Национальной социологической службы CASEN, использующей применительно к 2016 г. понятие «расширенного измерения» бедности, существенно отличаются от международных. В результате комплексного анализа новых индикаторов, в число которых входят: доступность школьного обучения, качество здравоохранения (особенно для детей, включая такой показатель, как хорошее питание), качество жилья и жилищных услуг, занятость, включенность в социальное обеспечение и пенсионную систему, безопасность жизни, – в Чили насчитывалось на момент 2016 г. 20,9 % бедных. По старым показателям, включающим только уровень доходов, бедность составила 11,7 % (в том числе нищета – 3,5 %)⁷⁸. Эти цифры также несколько превышают международные оценки, но не противоречат общей социальной динамике, связанной с неуклонным повышением уровня жизни беднейших групп населения.

В сфере здравоохранения были расширены виды страховой медицинской помощи для бедных слоев, в том числе в перечень страховых услуг включен ряд дорогостоящих высокотехнологичных операций;

⁷⁷El Banco Mundial en Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.bancomundial.org/es/country/chile/overview/> (fecha de acceso 20.01.2018).

⁷⁸CASEN. Informe de Desarrollo Social - 2016. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.ministeriodesarrollosocial.gob.cl/pdf/upload/Informe_de_Developmento_Social_2016_Final_1.pdf (fecha de acceso 23.01.2018).

построено 20 новых многопрофильных медицинских центров и клиник в различных частях страны⁷⁹.

Была продолжена работа по охране здоровья, развитию и социальной адаптации детей, в том числе – самых маленьких: в 2017 г. исполнилось 10 лет программе «Чили растет вместе с тобой», рассчитанной на помощь детям в возрасте от рождения до 4-х лет, и их родителям. С 2007 г. в программе, оказывающей педагогическую (семинары для родителей), медицинскую, экономическую (пособия, снабжение игрушками и детскими вещами) поддержку, приняли участие 1 млн 611 тыс. 502 ребенка⁸⁰.

Правительство приступило к поэтапному изменению пенсионной системы, которая в последние годы подвергается резкой критике, становится причиной протестных выступлений. Был разработан законопроект, предусматривающий, что к индивидуальным пенсионным накоплениям должна добавляться «солидарная» прибавка из специального Фонда коллективных сбережений (Fondo de Ahorro Colectivo), в который предприятия должны будут ежемесячно отчислять 2% от заработной платы работников. Эти деньги позволят гарантировать всем работающим минимальное «солидарное» пенсионное обеспечение и увеличить пенсии в будущем. При этом еще 3% от заработной платы будет направляться работодателем на индивидуальный пенсионный счет работника⁸¹. Законопроекту еще предстоит пройти обсуждение в Конгрессе, однако, учитывая массовые настроения недовольства существующей пенсионной

⁷⁹ En 2017 el Gobierno de la Presidenta Bachelet avanzó en crear más oportunidades para un Chile Mejor. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/en-2017-el-gobierno-de-la-presidenta-bachelet-avanzo-en-crear-mas-oportunidades-para-un-chile-mejor/> (fecha de acceso 18.01.2018).

⁸⁰ Entérate las iniciativas del gobierno de acompañar el desarrollo de los más pequeños del país [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/enterate-las-iniciativas-del-gobierno-acompanar-desarrollo-los-mas-pequenos-del-pais/> (fecha de acceso 23.01.2018).

⁸¹ Nuevo Sistema de Ahorro Colectivo mejorará las pensiones de los chilenos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/> (fecha de acceso 24.08.2017).

системой в обществе, а также включение этой темы как важнейшей в предвыборные программы всех кандидатов на президентский пост, можно предположить, что он будет принят.

В числе других социальных мер необходимо отметить принятие в 2015 г. закона о защите прав домработниц и помощников по хозяйству, который предусматривал: сокращение рабочих часов, соблюдение обязательных выходных и праздничных дней, оплату за сверхурочную работу⁸². В 2017 г. был принят «Инклюзивный трудовой закон» (Ley de Inclusión Laboral), согласно которому все учреждения и компании с количеством сотрудников более 100 человек обязаны принимать на работу людей с инвалидностью (минимум 1 % от общей численности работающих)⁸³.

В плане обеспечения жильем малообеспеченных категорий населения было выдано 910 тыс. жилищных субсидий в 14 регионах, которые предназначались: на покупку или строительство собственного жилья, аренду, а также на улучшение инфраструктуры и обустройство жилого квартала (в рамках программы «Я люблю свой район»). Правительство особо отметило, что удалось восстановить 95 % жилого фонда, разрушенного в результате природных бедствий за последние 9 лет⁸⁴.

Интенсивное развитие инновационной энергетики в стране позволило принять специальный Закон о равенстве тарифов (Ley de Equidad tarifaria), который понизил оплату за электричество в среднем на 19,5 %, что оказалось

⁸² Guía de Oportunidades. Capacitación, Trabajo y Emprendimiento. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.guiadeoportunidades.gob.cl/> (fecha de acceso 24.12.2015).

⁸³ En 2017 El gobierno de la presidenta Bachelet avanzó en crear más oportunidades para un Chile mejor. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/en-2017-el-gobierno-de-la-presidenta-bachelet-avanzo-en-crear-mas-oportunidades-para-un-chile-mejor/> (fecha de acceso 24.01.2018).

⁸⁴ Derecho a una vivienda digna: para marzo de 2018 el Gobierno habrá entregado más de 910 mil subsidios habitacionales. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/derecho-una-vivienda-digna-marzo-2018-gobierno-habra-entregado-mas-910-mil-subsidios-habitacionales/> (fecha de acceso 19.01.2018).

особенно значимо для сельских регионов, где эти расходы традиционно были на 90 % выше, чем в столице⁸⁵.

Последовательные, но не слишком заметные на фоне более масштабных и резонансных событий социальные шаги иллюстрируют наиболее удачную часть деятельности правительства, направленную на конкретное улучшение условий жизни самых незащищенных групп общества.

Важным направлением деятельности правительства стало продолжение политики по формированию основ мультикультурной модели, последовательно проводимой всеми демократическими правительствами. Эта политика включала: социальную поддержку индейского населения (составлявшего в 2015 г., по оценкам CASEN, 9%)⁸⁶, обеспечение возможностей для полноценного политического участия, меры по успешной адаптации молодежи к требованиям и нормам современной жизни при сохранении основ индейской культуры⁸⁷.

Казалось бы, на протяжении более чем двадцати лет шел процесс поиска диалога и взаимопонимания, адекватной и эффективной государственной политики. Однако конфликтность в отношениях между правительством и активистами индейских организаций (прежде всего индейцев-мапуче, составляющих самую многочисленную и политически

⁸⁵ Ley de Equidad Tarifaria y Adjudicaciones Eléctricas 2017: dos hitos que bajan las cuentas de la luz. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/ley-equidad-tarifaria-adjudicaciones-electricas-2017-dos-hitos-bajan-las-cuentas-la-luz/> (fecha de acceso 20.01.2018).

⁸⁶ Proyecto que crea el Ministerio de Pueblos Indígenas fue aprobado por unanimidad en Sala del Senado. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/proyecto-crea-ministerio-pueblos-indigenas-fue-aprobado-unanimidad-sala-del-senado/> (fecha de acceso 19.01.2018).

⁸⁷ В настоящее время, согласно переписи 2017 г., это число выросло до 2.185.792 человек: т.е. 12,8 % населения страны идентифицирует себя с каким-либо индейским народом. – Día Nacional de los Pueblos Indígenas. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.gob.cl/noticias/dia-nacional-de-los-pueblos-indigenas-informate-sobre-esta-importante-festividad/> (fecha de acceso 16.06.2018).

активную группу) на протяжении 1990-2013 гг. не только не уменьшилась, но продолжала нарастать, достигнув своего пика в годы президентства С. Пиньеры. Главная проблема, решения которой ожидали индейцы от демократической власти – остановить экономическое наступление на общины, вернуть им реальное право на землю, занятую сельскохозяйственными и лесоперерабатывающими предприятиями – в условиях быстрой и успешной экономической модернизации страны обернулась невыполнимой утопией.

Рост протестных настроений был связан с общим разочарованием в деятельности государства, различных фондов и неправительственных организаций, с утратой надежд и иллюзий, связанных с возможностью «вписаться» в стремительный процесс модернизации страны. Социальные программы, стремившиеся учесть потребности коренного населения в образовании, здравоохранении, включении в рынок труда, так и не смогли преодолеть глубинных причин бедности и маргинальности индейцев, особенно в наиболее отсталых сельских областях. В 2010-2013 гг. протестные выступления мапуче многократно участились и приобрели действительно радикальный, насильственный характер.

В 2014 г. президент объявила «новый цикл» в отношениях с коренными народами, суть которого заключалась в признании правительством «исторического долга» перед коренными народами и стремлении предоставить реальные (а не формальные, в чем упрекают прошлые проекты), возможности для легитимного политического представительства индейцев, создать специальное Министерство, занимающееся проблемами коренного населения. Правительство выразило готовность приступить к постепенному выкупу и возвращению индейским общинам их земель, занятых лесозаготовительными и аграрными предприятиями, и снять

основную причину многолетнего конфликта⁸⁸. Президент обещала также отменить «антитеррористический закон», который в последние годы применялся, главным образом, против активистов радикального движения мапуче в Араукании, а также критиковала жесткую позицию С. Пиньеры в этом вопросе, выступавшего против любых уступок.

Тем не менее, большинство из этих обещаний были выполнены отнюдь не в той мере, в которой ожидали активисты индейского движения.

8 сентября 2014 г. в Сантьяго произошел теракт: в торговом центре на одной из центральных станций столичного метро взорвалась бомба, в результате пострадали 14 человек⁸⁹. Это событие произвело на общество и правительство шокирующее впечатление. Если различные акты насилия (стычки с полицейскими, пикеты на дорогах) со стороны радикалов индейского движения происходили и раньше, то теракт в центре столицы, едва не приведший к гибели десятка людей, стал беспрецедентным событием.

В обществе обострилась дискуссия о способности правительства обеспечивать безопасность своих граждан, а также о намерении нового президента отменить «антитеррористический закон». События сентября 2014 г. придали большую убедительность мнению тех, кто выступал за его сохранение, призывая власти не заигрывать с радикалами. В итоге «антитеррористический закон» отменен не был; протестное движение мапуче, в том числе в самых радикальных формах (поджоги церквей, нападения на полицейских) превратилось в постоянный фактор политической жизни.

⁸⁸ Bachelet anuncia Nuevo ciclo en relación con pueblos indígenas de Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/06/24/> (fecha de acceso 27.09.2014).

⁸⁹ Bachelet dice se están tomando todas las medidas para que Chile sea seguro. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/09/25/> (fecha de acceso 26.09.2014).

Сенат одобрил законопроект о создании Министерства по индейским вопросам (Ministerio de Pueblos Indígenas) только в январе 2018 г., буквально в последние недели пребывания левоцентристов у власти, когда времени для реализации новой инициативы практически не осталось. Заявленное в качестве приоритетной цели Министерства «формирование и продвижение новой национальной политики в отношении коренных народов, с учетом и пересмотром уже существующего опыта социальных проектов в этой сфере»⁹⁰ – останется на усмотрен

Для успешного продвижения реформистских инициатив правительству Нового большинства был необходим благоприятный фон – политический, экономический, социальный. Тем не менее, период 2014-2017 гг. в этом смысле трудно назвать благополучным. Экономический рост в 2016 и 2017 гг., по данным Всемирного Банка, составил 1,6-1,4 % (вопреки ожидаемому небольшому повышению 2017 г. до 1,8-2%)⁹¹, что было связано с общим ухудшением экономической ситуации не только в Чили, но и во всем регионе, особенно в Бразилии, с наступлением периода кризиса, низких цен на сырьевые продукты экспорта, низких показателей роста, требующих нового отношения и к социальным расходам, и к социальным обещаниям.

Северные и центральные районы страны преследовали природные катаклизмы (в 2014-2015 гг. – серия землетрясений в районе г. Икике и в регионе Кокимбо, ливневые дожди и наводнения; в 2014 г. – катастрофический пожар в г. Вальпараисо, входящем в список культурного наследия ЮНЕСКО; в начале 2017 г. – самые сильные в истории страны лесные пожары, уничтожившие более 500 тыс. га леса). Необходимость

⁹⁰ Proyecto que crea el Ministerio de Pueblos Indígenas fue aprobado por unanimidad en Sala del Senado. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/proyecto-crea-ministerio-pueblos-indigenas-fue-aprobado-unanimidad-sala-del-senado/> (fecha de acceso 19.01.2018).

⁹¹ El Banco Mundial en Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.bancomundial.org/es/country/chile/overview/> (fecha de acceso 20.01.2018).

восстанавливать разрушения и готовиться к новым природным катастрофам стала одной из внеочередных задач правительства, требующих внимания и дополнительного финансирования.

Помимо этих объективных факторов, чилийская политика превратилась в арену громких коррупционных разоблачений, затрагивающих известные и высокопоставленные фигуры как в рядах правой оппозиции, так и семью самой М. Бачелет.

Первым в начале 2015 г. разразился скандал, связанный с сыном Бачелет – Себастьяном Давалосом – и его женой, Наталией Компаньон, которая является совладелицей небольшой компании Каваль (Caval), занимающейся недвижимостью. Эта компания в ноябре 2013 г., когда М. Бачелет с успехом провела первый тур выборов, получила кредит в Банке Чили на сумму в 10,4 млн долл. для приобретения нескольких земельных участков, которые позже были проданы с прибылью в 4,8 млн долл.⁹². С. Давалосу было предъявлено обвинение в том, что он, используя инсайдерскую информацию и личное влияние в корыстных целях, лоббировал выдачу этого кредита государственным банком страны. Скандал нанес жестокий удар по имиджу М. Бачелет и правящей коалиции в целом, в то время как С. Давалосу пришлось отказаться от должности главы дирекции социально-культурных программ при президенте и стать одним из обвиняемых по делу о коррупции.

Следующей стала история с крупнейшей инвестиционно-финансовой компанией Пента (Penta), главы которой Карлос Альберто Делано и Карлос Еухенио Лавин, были обвинены в уходе от налогов в особо крупных размерах, подкупах должностных лиц и других преступлениях, связанных с незаконным финансированием избирательных кампаний. Прокуратура начала расследование финансовых махинаций, к которым в той или иной

⁹² Navia P. La autoridad moral de Bachelet [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (fecha de acceso 16.04.2015).

степени оказались причастны многие известные политики правой оппозиции, особенно партии UDI, оказавшиеся или родственниками, или друзьями, или политическими соратниками основных фигурантов. Так, в отмывании денег и взяточничестве были обвинены видные деятели партии Пабло Вагнер, занимавший пост в Министерстве горнодобывающей промышленности при правительстве С. Пиньеры, и экономический советник компании Карлос Бомбаль, один из исторических лидеров партии. Эти разоблачения вызвали и ряд громких отставок – так, например, вынужден был уйти со своего поста президент UDI Эрнесто Силва, заявивший, что партия нуждается в серьезном обновлении и пересмотре своих принципов, и вице-президент Иван Мореира, чье имя упоминалось в ходе расследования⁹³.

Характерно, что для Чили это был первый за последние 30 лет коррупционный скандал такого масштаба, повлекший за собой привлечение к ответственности за экономические преступления владельцев крупнейшей финансовой компании и глубокий политический кризис в рядах старейшей и влиятельной партии.

Правительством были приняты соответствующие меры по противодействию коррупции: начаты соответствующие судебные процессы, усилены структуры, отвечающие за антикоррупционную работу, особенно в ходе выборов; организованы специальные курсы по гражданскому образованию и прозрачности государственного управления в университетах, которые обязан прослушать и сдать каждый государственный служащий.

Однако эти шаги не могли остановить процесс стремительного падения популярности президента: рейтинг ее поддержки опустился к декабрю 2015 г. до 26%, и вовлеченность семьи в коррупционный скандал сыграла в данном случае не последнюю роль.

⁹³ Dimite el presidente de la derechista UDI, el principal partido de Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/12/> (fecha de acceso 16.04.2015).

Противоречивую, эмоциональную реакцию в обществе вызывали и все серьезные реформистские инициативы правительства: от реформы образования до реформы конституции. Помимо острых обсуждений и жесткой критики в СМИ и на уровне правящего класса, недовольство выражалось и в уличных протестах – особенно в отношении глубокого изменения системы образования. Эти крайности – чередующиеся стадии полной поддержки и безапелляционного неприятия – затрудняли работу правительства и влияли на поведение президента. Подводя итоги текущей работы, М. Бачелет назвала 2015 год «худшим из всех, которые она провела во дворце Ла Монеда», и отметила, в качестве наиболее неприятного явления, утрату доверия в обществе. «Чтобы восстановить его, потребуются не только политическая воля, но и конкретные меры, которые способны возродить уважение к нашим политическим институтам»⁹⁴.

В то же время, на протяжении второго президентского срока М. Бачелет продолжали углубляться разногласия между ведущими политическими силами чилийского общества. При этом естественное политическое противоборство между правящими партиями и оппозицией дополнялось принципиальными идеологическими расхождениями между христианскими демократами и левым крылом (коммунистами, частью социалистов) внутри Нового большинства, что не могло добавить единства в рядах правительственной коалиции. По ряду важнейших вопросов PDC нередко открыто поддерживала правых, критикуя президента за уступки «крайне левым»: по поводу необдуманной ликвидации «субсидируемых» школ, показавших пример успешного со-финансирования, неподготовленного введения принципа бесплатности образования, экономических последствий налоговой реформы. Реформа биномиальной

⁹⁴ Bachelet cumple primer año de gobierno en Chile socavada por pérdida de confianza pese a logros. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/11/> (fecha de acceso 16.04.2015).

системы также не была встречена единодушно, а в неприятии законопроекта об аборте PDC, фактически, вообще отказалась от своих обязательств перед соратниками по коалиции. Невозможность сохранения в прежнем формате союза христианских демократов и социалистов без заключения нового соглашения из потенциальной угрозы превратилась в политическую реальность.

Помимо усиливающихся расхождений с христианскими демократами, серьезным риском для Нового большинства оказалась жестко-протестная, радикальная позиция недавно принятых в коалицию левых. Популярные студенческие лидеры, ставшие депутатами парламента (Камила Вальехо, Кароль Кариола, а также близкие им независимые депутаты Габриэль Борич и Хиоргио Джексон), упрекали М. Бачелет в излишней осторожности, нерешительности, дефиците лидерских качеств и нежелании проводить серьезные реформы, особенно в сфере образования. В условиях, когда практически каждое из важнейших предвыборных обещаний требовало глубокого обсуждения, постепенности, возможно, даже избыточно медленной реализации, молодые левые политики требовали от президента и правительства быстроты и напора, что вызывало жесткую критику, упреки в спешке и непродуманности со стороны и оппозиции, и христианских демократов⁹⁵.

Разочарование и недовольство ходом образовательной реформы, проявившееся в молодежных протестах, продемонстрировали, что общество находится в состоянии завышенных социальных ожиданий, которые перестают отвечать современному положению страны и реальным политическим возможностям. Несмотря на то, что рейтинг поддержки Бачелет осенью 2017 г., накануне выборов, вырос до 35 % (это составило

⁹⁵ Дьякова Л.В. Чили: на трудном пути демократии. // Латинская Америка. – 2016. – № 5. – С.52-61; Она же. Чили: Ревизия старых компромиссов // Латинская Америка. – 2018. – № 2. – С.5-15.

лучший результат с 2015 г.), большие общественные надежды, связанные с приходом левоцентристов, в целом оказались не удовлетворены, а деятельность правительства подвергалась сокрушительной критике и со стороны правой оппозиции, и со стороны более «левых» политических сил.

V.5. Избирательная кампания 2017 г. и кризис «модели компромиссов».

Многочисленные и кардинальные реформы, начатые М. Бачелет, ускорили социально-политические процессы, назревавшие на протяжении последнего десятилетия, повлияли на расклад политических сил накануне выборов и определение основных кандидатов на пост президента.

Первый тур президентских выборов состоялся 19 ноября 2017 года.

Впервые за все время своего существования левоцентристская коалиция не смогла выдвинуть единого кандидата, что явилось результатом принципиальных идеологических расхождений между PDC и левым крылом Нового большинства. Христианские демократы вообще отказались от участия в праймериз и выдвинули для прохождения сразу в первый тур своего лидера Каролину Гоич (экономиста по образованию, экс-депутата и сенатора), программа которой была нацелена на этическое совершенствование политики, противодействие коррупции, эффективное социальное развитие. Привлекательная внешность, молодость (45 лет) и незапятнанная репутация самой К. Гоич были сильными факторами в обстановке коррупционных разоблачений, однако их оказалось явно недостаточно для убедительного выступления в президентской гонке. В первом туре Гоич набрала 5,9 % голосов, что было оценено как неудача, но в целом соответствует и уровню популярности PDC.

Некоторые чилийские аналитики (например, Карлос Унееус) рассматривали подчеркнуто-независимое поведение христианских

демократов как сознательный отход от сохранения коалиции и стремление вернуться к собственной партийной идентичности, во многом утраченной на протяжении тридцатилетнего союза с социалистами⁹⁶. В последние 15 лет партия постепенно теряла свое влияние, число ее сторонников, готовых голосовать на выборах, неуклонно сокращалось (если в 1989 г. христианские демократы занимали 38 мест в Палате депутатов и 13 – в Сенате, то в 2013 они смогли провести в Конгресс только 21 депутата и 6 сенаторов)⁹⁷. PDC неоднократно обвинялась в неспособности соответствовать духу времени, выдвигать из своих рядов ярких талантливых лидеров, способных представлять всю коалицию, разделять взгляды левого крыла Нового большинства.

Христианские демократы все сильнее ощущают неопределенность своей позиции в современной чилийской политике. Однако возможен и нужен ли возврат в прошлое, особенно если речь идет об одной из старейших политических партий страны, пережившей военный режим и вызовы первых лет перехода к демократии? Вопрос носит риторический характер, поскольку на современном этапе PDC решила отстоять собственное политическое лицо – даже ценой утраты союзников и, возможно, еще большего сокращения своего влияния. Отказ от участия в праймериз и выдвижение своего кандидата в президенты можно считать первым формальным шагом к распаду левоцентристской коалиции, к отказу от длительного и успешного

⁹⁶ Huneus C. La competencia entre el PDC y la izquierda. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.elmercurio.com/blogs/2017/10/30/55344/La-competencia-entre-el-PDC-y-la-izquierda.aspx> (fecha de acceso 13.11.2017).

⁹⁷ Resultado Elección Presidencial, Parlamentaria y de Cores - 2013. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.servel.cl/resultado-eleccion-presidencial-parlamentaria-y-de-cores-2013/> (fecha de acceso 13.11.2017).

политического компромисса, связывающего христианских демократов и социалистов (в лице партий PS и PPD) с 1988 года⁹⁸.

Остальные партии Нового большинства (социалисты и коммунисты) поддержали Алехандро Гильера – сенатора, известного теле- и радиожурналиста. (Экс-президент Рикардо Лагос, участие которого в президентских выборах всерьез обсуждалось еще в конце 2016 г., в итоге снял свою кандидатуру, не дожидаясь открытого противостояния с Гильером в ходе праймериз, которые Новое большинство отменило). Программа А. Гильера была сконцентрирована на идее продолжения социально-политического курса, начатого М. Бачелет, и завершении ее важнейших реформ. В первом туре А. Гильера поддержали 22,7% пришедших на выборы избирателей⁹⁹.

Новым политическим моментом стало появление на левом фланге объединения под названием Широкий фронт (Frente Amplio, FA) – при этом аналогия с действующей уругвайской коалицией, успешно выдвинувшей нескольких президентов страны, была выбрана организаторами сознательно. В FA вошли небольшие левые партии и движения (в том числе гуманисты, экологи, студенческие организации), не находящие отражения своих идей и ценностей в программе правящей коалиции, критикующие ее «устаревшие» центристские принципы. Их кандидатом на выборах после победы в ходе праймериз стала Беатрис Санчес – известная журналистка и ведущая популярных программ. Она заявляла о необходимости большей социальной солидарности, реального (а не декларируемого формально) гендерного равенства, кардинальной реформы пенсионной системы, связанной с

⁹⁸ Дьякова Л.В. Чили: Ревизия старых компромиссов // Латинская Америка. – 2018. – № 2. – С.5-15.

⁹⁹ Elección de Presidente 2017. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.servelecciones.cl/> (fecha de acceso 20.11.2017).

изменением ее неолиберального характера. Б. Санчес сознательно дистанцировалась от М. Бачелет, подчеркивая свою приверженность более социалистическим, антикапиталистическим ценностям, которые во многом «отошли на второй план» при деятельности левоцентристских правительств. В ходе первого тура Б. Санчес набрала 20,3% голосов, что стало безусловным успехом и FA, и его кандидата.

Правоцентристская оппозиция сформировала предвыборный блок «Чили, вперед» (Chile Vamos), в состав которого, помимо традиционных RN и UDI, вошли две новые партии – Политическая эволюция (Evolución Política, Evópoli) и Независимая Регионалистская партия (Partido Regionalista Independiente, PRI). Их кандидатом стал экс-президент Себастьян Пиньера, победивший в ходе праймериз двух других претендентов (представителя обновленческого сектора правых Фелипе Каста и независимого сенатора Мануэля Хосе Оссандона). Программа Пиньеры была сосредоточена на идеях экономического роста, социального развития, повышения эффективности проводимых реформ, дальнейшем совершенствовании системы образования (с сохранением начинаний Бачелет). Включение новых партий, созданных независимыми политиками правоцентристской ориентации, и выдвижение, помимо С. Пиньеры, других кандидатов, явилось признаком стремления к обновлению, поиску новых политических фигур, которое наметилось в среде чилийских правых. Эта тенденция также свидетельствует о начале процесса дезинтеграции правой коалиции, в которой выделяется правоконсервативное крыло (UDI), центристское (RN) и обновленческое, представленное новыми участниками в лице Evópoli и PRI. Как и предполагалось, С. Пиньера не стал безусловным фаворитом президентской гонки: в первом туре за него отдали 36,6% голосов (еще менее ожидаемых, согласно предварительным опросам, 44%)¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Elección de Presidente 2017. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.servelecciones.cl/> (fecha de acceso 20.11.2017).

Помимо основных конкурентоспособных фигур, на высший политический пост страны претендовали: независимый кандидат Хосе Антонио Каст, сторонник правоконсервативной идеологии, с именем которого были связаны определенные опасения в плане «возврата к пиночетизму», получил 7,9%. В 2016 г. он специально вышел из UDI, переставшего отвечать его идейным предпочтениям, для самостоятельного участия в выборах. Известный политик М. Энрикес-Оминами, выступивший на левом фланге от своей социал-демократической партии PRO (Partido Progresista), получил 5,7% голосов¹⁰¹. Результат других явных политических аутсайдеров был менее 1%.

Таким образом, избирательная кампания по выборам президента характеризовалась большим (восемь) количеством кандидатов, основной задачей которых, за исключением лидеров, был сам факт выдвижения, без особых надежд на победу. Во второй тур в итоге вышли С. Пиньера и А. Гильер, обладавшие самыми сильными позициями на всем протяжении электоральной борьбы (учитывая, что голоса потенциальных сторонников Гильера оказались раздроблены между другими лево-ориентированными политиками, в том числе – отданы Б. Санчес, а у Пиньеры – отобраны Х.А. Кастом). Однако никто из главных претендентов не обладал явными преимуществами, никто не предлагал программу, сравнимую по яркости и решительности с программой М. Бачелет образца 2013 г. или самого С. Пиньеры в 2009 г., и никого нельзя было назвать исключительно популярной политической фигурой, заслуживающей однозначной победы в первом туре.

Парламентские выборы, предполагавшие избрание 155 депутатов и 23 сенаторов (чилийский Сенат обновляется каждые 4 года наполовину), также проводились 19 ноября, одновременно с президентскими, но уже по новой –

¹⁰¹ Elección de Presidente 2017. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.servelecciones.cl/> (fecha de acceso 20.11.2017).

пропорциональной – электоральной системе. Участие в выборах приняли 7 партийных коалиций и 2 отдельных партии¹⁰².

В результате выборов в Палату депутатов правоцентристская коалиция получила 38,6% голосов и 73 места (что составляет практически половину всего депутатского корпуса), а также провела 12 своих кандидатов в Сенат.

Левоцентристы выступили в составе двух предвыборных объединений. «Сила большинства» (La Fuerza de la Mayoría), в которую вошли социалистические партии и коммунисты, получила 24% и 43 депутатских мандата. «Демократическая конвергенция» (Convergencia Democrática), в составе PDC и нескольких других партий, – 10,7% и 13 мест в Палате депутатов. Таким образом, расхождение социалистов с христианскими демократами проявилось и в парламентских выборах, на которых каждый из бывших союзников стремился представить собственную позицию. В Сенате социалисты получили семь, а христианские демократы – три места.

Большим и неожиданным успехом можно считать выступление FA, получившего 16,5% голосов и 20 депутатских мест в нижней палате, а также сумевшего получить одно место сенатора.

Результаты остальных, малозначимых участников (как ультралевых, так и ультраправых), вряд ли смогут оказать серьезное влияние на работу Конгресса и соотношение политических сил.

В итоге наибольшее число мест в Палате депутатов получила правоцентристская «Чили, вперед», однако у левоцентристов остается возможность опираться на депутатов FA и небольших левых групп, представленных в парламенте. Тем не менее, при неоднозначной позиции христианских демократов перспективы левого блока на предстоящий четырехлетний период остаются крайне неопределенными.

¹⁰² Elección de Diputados 2017. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.servelecciones.cl/> (fecha de acceso 20.11.2017).

На всеобщих выборах 19 ноября была отмечена невысокая явка. Из 14 млн 308 тыс граждан страны, имеющих право голосовать, на выборы пришло 6 млн 696 тысяч (46,8%), что можно оценить как сигнал, свидетельствующий об определенной апатии граждан, нежелании принимать активное участие в политической жизни.

Впервые в истории страны в президентских выборах (но без парламентских) приняли также участие чилийцы, живущие за рубежом, в 70 странах мира (большинство проживают в Аргентине, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Испании, Франции, Италии, Норвегии, Швеции, США и Канаде)¹⁰³. Ожидалось, что на избирательные участки, организованные при чилийских консульствах, придут 39.137 тыс. человек. Согласно подсчетам, проведенным сразу после 19 ноября 2017 г., это число составило 23.308 тысяч (59,6%). Интересным моментом является то, что чилийцы за рубежом в целом поддержали те же кандидатуры, что и жители страны, но среди них голосующих за левых – А. Гильера и Б. Санчес – было больше (28,5% и 24,2%, соответственно)¹⁰⁴.

Таким образом, прошедшая электоральная кампания характеризовалась рядом особенностей: отказом от биномиальной и внедрением пропорциональной системы выборов в Конгресс; дезинтеграцией крупнейших и старейших партийных коалиций (правоцентристской и левоцентристской); появлением новых мелких партий и малозначимых кандидатов на президентский пост, что привело к неизбежному «дроблению» электората. В то же время, необходимо отметить очевидный успех и на президентских, и на парламентских выборах нового левого движения – FA и

¹⁰³ Chilenos en 70 países del mundo podrán votar en las elecciones del domingo. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl/voto-en-el-exterior-chilenos-en-70-paises-del-mundo-podran-votar-por-primera-vez-en-una-eleccion-presidencial-el-proximo-domingo/> (fecha de acceso 14.11.2017).

¹⁰⁴ Votación en el Extranjero. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.servelecciones.cl/> (fecha de acceso 20.11.2017).

его лидера Б. Санчес, с позицией которых придется считаться как следующему президенту, так и Палате депутатов.

Второй тур президентских выборов был назначен на 17 декабря 2017 года и завершился избранием на высший политический пост Себастьяна Пиньеры, который получил 54,57% голосов. За А. Гильера проголосовали 45,53% избирателей; явка составила 49%¹⁰⁵. Ожидания коалиции NM, связанные с неоднозначными результатами первого тура и надеждами на более массовую поддержку их кандидата сторонниками Б. Санчес и К. Гоич, а также «дремлющим электоратом», в ходе второго этапа, не оправдались. Следующий политический цикл в стране возглавят правоцентристы.

Важнейшим моментом, заметным на фоне всей избирательной кампании, стала тенденция к ревизии устаревающих идейных установок и принципов, как в левой, так и в правой части политического спектра, стремление к обновлению, созданию новых партий и объединений, выдвижению новых политических фигур. Это свидетельствует о новых веяниях времени и, в то же время, о стремительном изживании модели, которая принесла стране демократию, многолетнюю стабильность и успешное развитие – модели элитарных компромиссов. Что придет ей на смену – новые компромиссы или череда политических конфронтаций – предсказать заранее невозможно. Однако избранному президенту С. Пиньере придется столкнуться с рядом серьезных вызовов нового этапа в истории страны, и предложить ей свою, соответствующую времени, модель развития.

Выводы

¹⁰⁵ Elección Presidencial Segunda Votación. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.servelecciones.cl/> (fecha de acceso 18.12.2017).

Итоги периода 2010-2018 гг., начавшегося и закончившегося избранием на президентский пост С. Пиньеры, весьма неоднозначны.

- Этот период стал определенной квинтэссенцией и достижений, и проблем чилийской демократической модели, усилил факторы конфликтности и обозначил некоторые пределы развития, связанные с выбором дальнейших ориентиров – связанных либо с принципами экономической эффективности, либо с поиском ответов на новые социальные вызовы.

- Первое президентство С. Пиньеры, нацеленное на развитие эффективности в различных сферах – как государственного управления, совершенствования экономических структур, так и социальной политики (включая важнейшую сферу образования) – столкнулось с радикально-протестной реакцией общества и спровоцировало эскалацию молодежных движений.

- В ходе второго президентства М. Бачелет была представлена другая альтернатива, обусловленная необходимостью дать ответ на растущие социальные ожидания, расширить возможности широких социальных слоев. Кардинальная реформа системы образования, начатая правительством Бачелет, несмотря на трудности в ее реализации, стала демонстрацией не только углубления социального курса, но и существенной радикализации социальной составляющей чилийской модели. Эта установка неоднократно вступала в противоречия с объективными требованиями экономической целесообразности и эффективности, и вызывала недовольство значительной части среднего и высшего слоя общества.

- Крайности политики «эффективного менеджмента» С. Пиньеры и «социального популизма» М. Бачелет оказались уязвимы перед вызовами дальнейшего развития: в условиях «революции массовых

ожиданий» ни та, ни другая стратегия не могут применяться без серьезных взаимных уступок и коррекции курса, поиска компромиссных вариантов.

- Принципиальной тенденцией, особенно заметной в период 2013-2017 гг., стало усиление радикализации общества в оценках событий 1973-89 гг. и недостаточного, по мнению многих, наказания военных: трагическая годовщина 30-летия военного переворота продемонстрировала, что прошлое все еще не стало для чилийского общества «пережитым прошлым» и активно вмешивается в современность.

- Важнейшим моментом, проявившимся в ходе избирательной кампании 2017 г., стала тенденция к ревизии идейных установок и принципов прошлого этапа политической жизни, стремление к обновлению, созданию новых партий и объединений, выдвижению новых политических фигур – что характерно как для левого, так и для правого лагеря. Чилийская модель «элитарных компромиссов», успешная и устойчивая на определенном этапе, оказалась не застрахована от серьезных вызовов и проблем нового поколения, связанных, во многом, с высокой социально-этической ценой достигнутых в прошлом соглашений.

- Деятельность второго правительства М. Бачелет завершилась серьезным кризисом в отношениях социалистов и христианских демократов и, фактически, окончательным распадом левоцентристской коалиции, основанной на принципах политического центризма, постепенности и последовательности продвигаемых изменений. Дезинтеграция этого фундаментального объединения свидетельствует о начале серьезной ревизии всех элитарных компромиссов, сопровождавших процесс политической трансформации в Чили.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании был предпринят комплексный анализ чилийской демократической модели в процессе ее формирования, восстановления, консолидации после 17-летнего периода авторитаризма, и совершенствования на современном этапе. Демократические процессы в Чили рассматривались автором как в контексте фундаментальных общетеоретических вопросов, связанных с понятием демократии и демократического транзита, так и в русле латиноамериканских подходов, исторических и современных, что дало основание сделать ряд следующих выводов.

Прежде всего, в этой модели нашли отражение универсальные черты, свойственные большинству демократических систем, и проявились тенденции, наличие которых отмечается политологами применительно к развитым европейским демократиям и, в определенной степени, к США. Эти тенденции на современном этапе (бюрократизация и неэффективность государственного аппарата, кризис партий, растущий абсентеизм, разочарование широких слоев населения и т.д.), связывают с кризисом демократии как системы ценностей и как политического устройства; в чилийском варианте они обладают собственной спецификой, имеют свои особые причины, обусловленные и латиноамериканской политической традицией, и национальными особенностями страны, ее историей и политической культурой. Проблемное взаимодействие общего и особенного, универсального и локального, являясь неотъемлемой частью латиноамериканского политического пространства, четко проявилось в чилийской модели развития на протяжении XIX-XX вв., и продолжает оказывать влияние на все процессы, происходящие в этой системе в XXI веке. Это соответствует основной гипотезе диссертационного исследования.

Поиск ответов на вопросы, поставленные в начале работы, позволил выделить ряд ключевых особенностей чилийской демократической модели. Исторический процесс становления чилийской демократии был сопряжен с формированием целого комплекса политических институтов (влиятельных политических партий, парламента, избирательной системы, конкурентного политического лидерства), уровень которых соответствовал определенному этапу в развитии страны, демонстрировал его противоречия и стимулировал изменения. Важнейшим элементом складывавшегося политического ландшафта стало активное, разветвленное гражданское общество, самостоятельная роль которого особенно заметно проявилась в периоды политических кризисов и господства авторитарной власти.

Характерной чертой чилийской политической культуры с начала XX в. стало постепенно сформировавшееся представление об особой ответственности правящего класса за благополучие всего общества, о конструктивной, созидательной роли политической элиты в решении острых общественных проблем, преодолении кризисов, консолидации общества и выборе целенаправленной стратегии развития, включающей в качестве своей неотъемлемой части социальный реформизм. Сочетание активности партий и гражданского общества, с одной стороны, и социал-реформистской идеологии власти – с другой, привело к формированию определенного типа политической культуры, в которой большую роль всегда играли демократические ценности. Эта историческая традиция оказала принципиальное влияние на все политические процессы, происходившие в стране, и сыграла исключительную роль в период восстановления прерванной демократической традиции, когда риски внутривнутриполитического конфликта были особенно высоки.

В диссертационном исследовании были проанализированы результаты деятельности двух наиболее значимых социально-ориентированных

правительств в чилийской истории XX в. – под руководством Э. Фрея (1964-1970) и С. Альенде (1970-1973), показаны достижения и проблемы реформистской деятельности христианских демократов и правительства Народного единства, ставшего трагическим примером невозможности совместить социалистические идеалы и практику реальной политической работы. В то же время, невозможно было обойти вопрос о серьезных и драматических противоречиях в политической практике социалистов, отсутствии единства, недооценке реальных процессов, что приблизило глубокий политический кризис и разрыв демократической традиции.

В работе отмечается, что, наряду с демократической составляющей, предполагающей активную роль партий, гражданского общества и развитую практику социального реформизма власти, характерной особенностью чилийской политической культуры являлась традиция периодического вмешательства Вооруженных Сил в политическую жизнь, основанная на сформированной еще в XIX в. корпоративной этике чилийских военных, предписывающей им выполнение «особой миссии» по сохранению «внутреннего порядка». В этом смысле военный переворот 1973 г. являлся событием глубоко трагическим, но не случайным, обусловленным как конкретными политическими событиями, так и целым рядом политико-культурных факторов.

В исследовании рассмотрена внутренняя сущность и дана оценка правоавторитарному военному режиму А. Пиночета (1973-1990), важнейшей особенностью которого явилось сочетание жесткого ограничения общественной свободы, жестокости и репрессий по отношению к политическим оппонентам, с осуществлением масштабной неолиберальной модернизации и проведением эффективных рыночных реформ. Эта стратегия в итоге привела к созданию новой модели экономического развития и превратила Чили в одну из самых конкурентоспособных, удобных для

предпринимательской активности стран Латинской Америки. Обратной стороной процесса модернизации стали социальное неравенство и бедность значительной части населения, углубляющаяся социальная поляризация, что стало серьезной проблемой для всех демократических правительств постпиночетовского периода.

Оставаясь правоавторитарным, военный режим на протяжении 17 лет своего существования испытывал определенную эволюцию, постепенно включал формально-демократические элементы, прибегая к идеологическим механизмам легитимации, и с 1980-х годов стремился избегать прямолинейного силового воздействия. Рост протестного движения, укрепление сил оппозиции и процессы, протекавшие внутри самой авторитарной власти, подспудно готовили условия для перехода к демократии.

Важное значение имела активность гражданского общества, с его разветвленными социальными отношениями и низовыми самостоятельными организациями, на которые не распространялось влияние авторитаризма. Именно в этой сфере общество, имевшее развитую традицию гражданской активности, солидарности и внутренней свободы, продолжало сохранять свои демократические ценности. Исключительную роль в сохранении и укреплении пространства частной жизни, в защите прав человека, сыграла Католическая церковь Чили.

Важнейшим направлением диссертационного исследования является анализ особенностей и характера демократического транзита, представлявшего собой модель элитарных компромиссов. В работе подчеркивается, что эта модель была реализована в «управляемом» формате, в жестких рамках, навязанных авторитарным режимом, стремившимся контролировать сроки перехода, соотношение сил, поведение и роли ключевых участников. Элитарные компромиссы, сделавшие возможным

начало транзита, были заключены как внутри демократической оппозиции (между христианскими демократами и социалистами, центристами и левыми, согласившимися на объединение), так и внутри правого сектора (между правыми партиями, имевшими идейные разногласия), а также в более широком плане – между «правой» и «левой» политической культурой общества. Наиболее принципиальным стал компромисс между Пиночетом, который согласился на референдум и мирную передачу власти, и демократической оппозицией, принявшей его условия. Важнейшим фактором, обеспечившим возможность начать процесс демократизации, явилось создание активной и ответственной оппозиции – коалиции левоцентристских партий Консертасьон.

Формирование данной специфической модели демократического транзита сопровождалось также реализацией ряда нестандартных политических решений:

- Авторитарные структуры (Совет национальной безопасности, институт назначаемых и пожизненных сенаторов, «биномиальная» электоральная система) были «вписаны» в новый дизайн на начальном этапе транзита; их окончательное преодоление стало возможным только после глубокой реформы Конституции, проведенной правительством социалиста Р. Лагоса в 2005 году.
- Представители прежнего режима (сам А. Пиночет, высшее руководство, военные в целом), получили от демократической власти гарантии безопасности, необходимые для реализации мирного пути перехода и преодоления политического раскола общества.

Наибольшие риски были связаны с первыми этапами «управляемого» перехода (либерализацией и демократизацией), когда вероятность

вмешательства сил, защищающих прежний режим, была особенно высока. В связи с этим особую роль сыграли процедурные факторы: активная и целенаправленная деятельность демократической оппозиции, наличие в ее рядах известных, уважаемых всеми сторонами лидеров-центристов, их политическая ответственность, профессионализм и способность быть гарантами перехода. Стабильность мирной трансформации была обеспечена благодаря решению Пиночета передать власть, и готовности демократической политической элиты, особенно на этапе 1990-х гг., в процессе деятельности правительств П. Эйльвина и Э.Фрея Руиса-Тагле, соблюдать условия компромисса.

Итоговый успех процесса был обусловлен также и влиянием факторов структурных – особенностями политической культуры Чили, в которой исключительное значение имели следующие характеристики:

- Политическая традиция, в соответствии с которой партии договаривались, вступали в коалиции и союзы, создавали совместные правительства, сформировала готовность политической элиты идти на компромисс и способность элитарных групп соблюдать достигнутые соглашения.
- Активность организаций гражданского общества, способных оказывать сопротивление военному режиму, сохраняя пространство свободы частных лиц, поддерживая социальные связи, обеспечивая взаимопомощь и солидарность.
- Позиция Католической церкви Чили, выступавшей (в лице ее наиболее высокопоставленных иерархов – архиепископа Сантьяго и др.) на стороне принципиального сторонника демократических перемен, последовательного защитника прав человека, а не военного режима.

- Исторически сложившаяся корпоративная этика силовых структур, воспринимающих себя как часть общества, готовая к «военным акциям по его защите» в периоды кризисов, но не к длительному насилию и полному уничтожению демократической традиции.

В работе рассмотрены основные особенности, противоречия и конфликты периода 1990-2000 гг., насыщенного политическими рисками. Важнейшую роль в стабилизации ситуации сыграла активная социальная политика, направленная на преодоление самой острой проблемы – бедности практически половины населения страны, которая к 1999 г. сократилась в два раза.

Начиная с 2000-х гг. (при правительствах социалистов Р. Лагоса и М. Бачелет) чилийская модель вступила в стадию консолидации и совершенствования демократии. Реформа Конституции (2005) ликвидировала все «авторитарные анклав», были начаты судебные процессы против высокопоставленных военных, причастных к нарушениям прав человека, а также против самого Пиночета и членов его семьи. Вооруженные Силы окончательно приняли условия демократической власти. Это был период масштабной социальной политики, реализации новаторских социальных программ, нацеленных не только на преодоление бедности, но и на повышение качества жизни широких слоев общества, достижение большей социальной справедливости, развитие политики мультикультурализма в отношении индейского населения страны. Модель политической демократии была дополнена мощной социальной составляющей, обеспечившей, на фоне высоких темпов экономического роста, стабильность и благополучие. Эти достижения стали результатом целенаправленной и продуманной политической стратегии, реализуемой левоцентристской коалицией Консертасьон на протяжении 1990-2010 гг.

В то же время, чилийский опыт политической трансформации имел и существенные противоречия, важнейшее из которых было predetermined условиями исходного политического компромисса, обеспечившего мирный переход (отказом от люстрации и наказания военных ради сохранения гражданского мира). Этот компромисс заложил основы длительного этического конфликта, запустившего процессы постепенной радикализации общества в вопросе о событиях 1973-1990 гг., стремление к переоценке прошлого, особенно усилившееся на фоне социальных протестов в период первого президентства С. Пиньеры (2010-2014).

Эти процессы демонстрируют, что уроки чилийского перехода к демократии противоречивы. Они очевидно позитивны для периода начала трансформации, когда следствием неверных шагов мог быть возврат к авторитаризму или гражданский конфликт; они весьма проблематичны, если мы рассматриваем модель спустя 27 лет, когда стремление части общества к «сведению исторических счетов» соединяется с социальной неудовлетворенностью и становится одной из причин нарастающих социальных волнений, охватывающих прежде и интенсивнее всего новое поколение – молодежь.

Можно заключить, что на современном этапе (2010-2017 гг.) чилийская общественно-политическая модель вступила в стадию выбора альтернатив развития. Первое президентство С. Пиньеры, нацеленное на развитие эффективности в различных сферах – государственного управления, совершенствования экономических структур, социальной политики (включая важнейшую сферу образования) – столкнулось с радикально-протестной реакцией части общества и спровоцировало эскалацию молодежных движений.

В ходе второго президентства М. Бачелет (2014-2018) была представлена другая альтернатива, обусловленная необходимостью дать ответ на растущие социальные ожидания, расширить возможности широких социальных слоев. Эта установка неоднократно вступала в противоречия с объективными требованиями экономической целесообразности и эффективности, и вызывала недовольство значительной части среднего и высшего слоя общества. В результате выборов 2017 г. победу во втором туре одержал С. Пиньера, вновь ставший президентом страны. Важнейшим моментом, проявившимся в ходе избирательной кампании, стала тенденция к ревизии идейных установок и принципов прошлого этапа политической жизни, стремление к обновлению, созданию новых партий и объединений, выдвижению новых политических фигур – что характерно как для левого, так и для правого лагеря. Чилийская модель «элитарных компромиссов», успешная и устойчивая на определенном этапе, оказалась не застрахована от серьезных вызовов и проблем нового поколения, связанных, во многом, с высокой социально-этической ценой достигнутых в прошлом соглашений.

Деятельность М. Бачелет завершилась серьезным кризисом в отношениях социалистов и христианских демократов, и, фактически, окончательным распадом левоцентристской коалиции, основанной на принципах политического центризма, постепенности и последовательности продвигаемых изменений. Дезинтеграция этого фундаментального объединения свидетельствует о начале серьезной ревизии всех элитарных компромиссов, сопровождавших длительный процесс политической трансформации в Чили.

Таким образом, современная чилийская модель общественно-политического развития представляет собой развитую консолидированную демократию, которая, в то же время, находится под давлением новых рисков и вызовов, связанных с высокими социальными ожиданиями общества,

поиском инструментов реализации большей социальной справедливости, с одной стороны, и необходимостью продолжения эффективной экономической политики – с другой. Это противоречие, являясь фактором потенциальных конфликтов современной демократии, в чилийском контексте осложняется этическими проблемами, нерешенными в процессе демократического транзита. Характерной чертой чилийского политического опыта стала «травма памяти» (что свойственно и другим странам, пережившим период авторитарных и/или тоталитарных режимов), когда прошлое не становится «пережитым прошлым», активно вмешивается в современность, усиливая конфликтные тенденции, обостряя социальное недовольство и чувство неудовлетворенности достигнутыми результатами. Эти настроения вынуждают политиков пересматривать заключенные некогда соглашения и на каждом новом этапе корректировать модель развития.

Демократические процессы, как свидетельствуют современные политические и философские споры, не являются постоянной величиной. Их динамика и направленность – это не признание стабильности, не ответ, а вопрос, конфликт, противоречие, выбор, отвержение старых и поиск новых альтернатив. Чилийский опыт, вместивший опережающие прорывы и трагические откаты, разрыв и восстановление демократической традиции, является убедительным подтверждением данного тезиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

I. ИСТОЧНИКИ

a) Официальные документы правительства Чили и органов государственной власти

1) Book of the National Defence of Chile. – Santiago de Chile: Ministry of the National Defence of Chile, 2003 – 280 p.

2) Constitución política de la República de Chile. Texto completo. (Actualización - octubre 2009). [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gob.cl>. (fecha de acceso 10.09.2016).

3) Constitución política de la República de Chile. Texto promulgado por el Decreto Supremo N1.150 del Ministerio del Interior 21 de octubre de 1980. – Santiago: Ed. Jurídica de Chile, 1981. – 96 p.

4) Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (fecha de acceso 20.11.2012).

5) Ley N° 20.840 de 05 de mayo de 2015, pone fin al sistema electoral binominal creando un sistema proporcional inclusivo. Biblioteca del Congreso Nacional [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63227&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 20.02.2016).

6) Ley General de Educación N° 20.890 de 23 de diciembre de 2015. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.mineduc.cl/wp-content/uploads/sites/19/2015/12/Promulgacionleygratuidad2016.pdf> (fecha de acceso 20.02.2016).

7) Ley N° 20.748 de 03 de mayo de 2014, regula el derecho a sufragio de los ciudadanos chilenos en el extranjero. Biblioteca del Congreso Nacional [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63225&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 19.06.2014).

8) Ley General de Educación N° 20.668 de 25 de abril 2013. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=1050403> (fecha de acceso 20.06.2015).

9) Ley N° 20.568 de 31 de enero 2012, implementa la inscripción automática y el voto voluntario. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63219&periodo=1990-2022 (fecha de acceso 12.05.2013)

10) Ley General de Educación N° 20.370 de 12 de septiembre 2009. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=1006043> (fecha de acceso 20.06.2012).

11) Ley de Pensión Básica Solidaria N° 20.255 de 17 de marzo 2008. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=269892> (fecha de acceso 20.06.2013).

12) Ley N°20.050 de 26 de agosto 2005. Reforma Constitucional que introduce diversas modificaciones a la Constitución Política de la República. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=241331> (fecha de acceso 20.04.2013).

13) Ley N°19.253 de 05 de octubre 1993, establece normas sobre protección, fomento y desarrollo de los indígenas y crea CONADI. Biblioteca del

Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=30620> (fecha de acceso 11.05.2013).

14) Ley Orgánica Constitucional de Enseñanza № 18.962 de 10 marzo de 1990. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.uchile.cl/portal/presentacion/normativa-y-reglamentos/8386/ley-organica-constitucional-de-ensenanza> (fecha de acceso 19.04.2015).

15) Ley N°18.799 de 26 de mayo 1989, crea el sistema electoral binominal. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63197&periodo=1973-1990 (fecha de acceso 17.03.2015).

16) Ley N°18.700 de 06 de mayo 1988, regula las votaciones populares y escrutinios. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63194&periodo=1973-1990 (fecha de acceso 19.04.2015).

17) Ley N°18.604 de 11 de marzo 1987, promulga la formación de los partidos políticos. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=29995> (fecha de acceso 19.04.2015).

18) Официальный сайт правительства Чили <http://www.gob.cl/>. Данные о современном составе правительства, деятельности министерств и ведомств, информация о государственных программах, важнейших политических событиях.

19) Официальный сайт Электоральной службы (Servicio Electoral) <http://www.servel.cl/>. Данные об электоральном процессе 2017 г. и

результатах общенациональных президентских и парламентских выборов 2017 г.

20) Официальный сайт Библиотеки Национального Конгресса Чили (Biblioteca del Congreso Nacional de Chile) <https://www.bcn.cl/>. Информация о президентских и парламентских выборах периода 1964-1973 гг., а также периода с 1990 по 2016 гг.

б) Исторические документы и материалы политических партий и общественных организаций

1) El Acuerdo Nacional: significados y perspectivas. – Diálogos de Justicia y Democracia. – Santiago de Chile: Corporación Justicia y Democracia, 1995. – p. 9-17. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0053699.pdf> (fecha de acceso 11.10.2017).

2) Declaración de los partidos políticos por el NO // La Concertación desconcertada? Reflexiones sobre su historia y su futuro / Ortega R.E., Moreno B.C. (comp.) – Santiago de Chile : LOM, 2002. – 287 p. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055342.pdf> (fecha de acceso 12.05.2013).

3) Evidence on the terror in Chile. / Comp. by Silva R. – London: Merlin Press, 1974. – 139 p.

4) Frente Patriótico Manuel Rodríguez. Atentado a Pinochet: a treinta años de una acción heroica. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.fpmr.cl/index.php/2016-11-11-18-08-07/2016-11-11-18-12-33> (fecha de acceso 20.11.2016).

5) Fundación Chol-Chol. Promoción, Educación, y Preservación de la Cultura Mapuche [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.cholchol.org/> (fecha de acceso 4.06.2005).

6) 11 de mayo de 1983: primer paro protesta contra la dictadura. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://www.laizquierdadiario.com/11-de-mayo-de-1983-primer-paro-protesta-contra-la-dictadura> (fecha de acceso 20.11.2016).

7) Pinochet promulga la Ley de Partidos Políticos y reafirma su calendario para la transición. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://elpais.com/diario/1987/03/12/internacional/542502024_850215.html (fecha de acceso 19.04.2015).

8) Pinochet rechaza el acuerdo nacional propuesto por la oposición. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://elpais.com/diario/1985/12/22/internacional/504054014_850215.html (fecha de acceso 11.10.2016).

9) Plebiscito de 1989. Memoria chilena. Biblioteca Nacional de Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-3398.html#presentacion> (fecha de acceso 01.11.2016).

10) Plebiscito de octubre de 1988. Antecedentes electorales y reflexiones. – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales AVANCE, 1988. – 32 p.

11) Plebiscito de 1988 marca el fin del régimen militar. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:

https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63196&periodo=1973-1990 (fecha de acceso 21.11.2012).

12) Plebiscito aprueba nueva Constitución Política. 11.09.1980. Biblioteca del Congreso Nacional. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1/63186&periodo=1973-1990 (fecha de acceso 01.11.2012).

в) Выступления, речи, статьи и воспоминания политических и государственных деятелей Чили

1) Инсунса Х. Пути революции. Об уроках событий в Чили. // Проблемы мира и социализма. – 1977. – № 5. – С.58-64.

2) Кантеро М. Роль и характер внешних факторов. Об уроках событий в Чили. // Проблемы мира и социализма. – 1977. – № 8. – С.26-31.

3) Корвалан Л. Невооруженный путь революции: как он сложился в нашей стране. Об уроках событий в Чили // Проблемы мира и социализма. – 1978. – № 1. – С.20-27.

4) Революционный опыт коммунистов: особенности современного этапа антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке. (Международный обмен мнениями) // Проблемы мира и социализма. – 1974. – № 5. – С.63-71.

5) Рекабаррен Л.Э. Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1977. – 263 с.

6) Тейтельбойм В. Чили: борьба продолжается. – М.: Прогресс, 1979. – 151 с.

7) Тейтельбойм В. Снова о событиях в Чили. (Доклад на торжественном заседании в ИЛА РАН, посвященном 6-ой годовщине прихода к власти правительства Народного единства). – М.:ИЛА РАН, 1977. – 53 с.

8) Тейтельбойм В. Размышления о 1000 днях правления Народного единства. // Проблемы мира и социализма. – 1977. – № 1. – С.31-37.

9) Тейтельбойм В. Прелюдия грядущих побед. // Проблемы мира и социализма. – 1974. – № 3. – С.56-60.

10) Трагедия Чили. Материалы и документы /под ред. Г. Боровика – М.: Политиздат, 1974. – 296 с.

11) Фрей Монтальва Э. Будущее Чили внушает мне надежду. – М.: Международные отношения, 1995. – 304 с.

12) Allende S. Discursos. – La Habana: Ciencias sociales, 1975. – 597 p.

13) Allende S. Su pensamiento politico. – Santiago de Chile: Ed. Nac.Quimantu, 1972. – 420 p.

14) Almeyda M. “No somos la fachada del PC”. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055372.pdf> (fecha de acceso 20.11.2016).

15) Aylwin Azócar P. Mensajes Presidenciales de S.E. Don Patricio Aylwin Azócar 21 de mayo: Periodo 1990-1994. Biblioteca del Congreso Nacional [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/congreso_nacional/cuentas_publicas/detalle?tipo=presidentes (fecha de acceso 09.04.2015).

16) Aylwin Azócar P. “Para que nunca más en Chile ...” (4 de marzo de 1991) // La Concertación desconcertada? Reflexiones sobre su historia y su futuro / Ortega R.E., Moreno B.C. (comp.) – Santiago de Chile : LOM, 2002. – 287 p. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:

<http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055342.pdf> (fecha de acceso 10.11.2015).

17) Aylwin Azócar P. “O la tumba será de los libres o el asilo contra la opresión” (1 de octubre de 1988) // La Concertación desconcertada? Reflexiones sobre su historia y su futuro / Ortega R.E., Moreno B.C. (comp.) – Santiago de Chile : LOM, 2002. – 287 p. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055342.pdf> (fecha de acceso 10.11.2015).

18) Bachelet M. Mensajes Presidenciales de S.E. Doña Michelle Bachelet Jeria, 21 de mayo: Periodo 2014-2018. Biblioteca del Congreso Nacional [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/congreso_nacional/cuentas_publicas/detalle?tip_o=presidentes (fecha de acceso 15.06.2017).

19) Bachelet M. Mensajes Presidenciales de S.E. Doña Michelle Bachelet Jeria, 21 de mayo: periodo 2006-2010. Biblioteca del Congreso Nacional [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/congreso_nacional/cuentas_publicas/detalle?tip_o=presidentes (fecha de acceso 09.04.2016).

20) Bitar S. Chile: Lecciones aprendidas a 40 años del golpe militar. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/09/10/> (fecha de acceso 05.10.2013).

21) Bitar S. Mayoría abrumadora para Bachelet: nuevo rumbo para Chile [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/11/18/> (fecha de acceso 20.11.2013).

22) Chile: Continúan las denuncias de tortura. Resumen. – London: Amnistía Intern., Secretariado Intern., 1989. – 1 p.

23) Corvalan L. Tres períodos en nuestra línea revolucionaria. – Dresden: Verlag Zeit im Bild, 1982. – 287 p.

24) Discursos de los presidentes de la República. Biblioteca del Congreso Nacional. Historia del Poder Legislativo. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.bcn.cl/historiapolitica/congreso_nacional/cuentas_publicas/detalle?tipo=presidentes (fecha de acceso 09.03.2016).

25) Frei Ruíz-Tagle E. Discurso del Presidente de la República Eduardo Frei Ruíz-Tagle en la Plaza de la Constitución 12 marzo de 1994. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0055352.pdf> (fecha de acceso 5.06.2009).

26) Goñi Carrasco J. Discurso de Ministro de Defensa José Goñi Carrasco en FIDAE 2008. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.defensa.cl/discursos.php>. (fecha de acceso 09.05.2009).

27) Lagos R.E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2000 – Mayo 2001. Tomo 1. –Santiago de Chile: Secretaría de Comunicación y Cultura, Pres. de la República de Chile, 2001. – 256 p.

28) Lagos R.E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: junio 2003 febrero 2004. Tomo IV. – Santiago de Chile: Secretaría de Comunicación y Cultura, Pres. de la República de Chile, 2004. – 338 p.

29) Lagos R.E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. Tomo V. – Santiago de Chile: Secretaría de Comunicación y Cultura, Pres. de la República de Chile, 2005. – 393 p.

30) Mattei E. Aunque seamos David frente a Goliat, vamos a ganar [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.emol.com/noticias/nacional/2013/08/10/613931/evelyn-matthei-tras-su-proclamacion-por-la-udi.html> (fecha de acceso 11.09.2013).

31) Oyarzún M.E. Augusto Pinochet: Diálogos con su historia. Conversaciones inéditas. – Santiago de Chile: Editorial Sudamericana, 1999. – 268 p.

32) Pinochet A. Discurso presidencial 11 de marzo de 1981, pronunciado por el Presidente de la República, General del Ejército, con ocasión del inicio del período presidencial establecido en la Constitución Política de la República de Chile del año 1980. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-8100.html> (fecha de acceso 15.09.2016).

33) Piñera S. “A partir de ahora vamos a dejar de dar la espalda a nuestros pueblos originarios”. 8 de octubre de 2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/noticias/> (fecha de acceso 26.11.2011).

34) Piñera S. El Mensaje Presidencial 2013. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.camara.cl/camara/media/docs/discursos/21mayo_2013.pdf (fecha de acceso 30.07.2013).

35) Piñera S. El Mensaje Presidencial 2012. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: https://www.camara.cl/camara/media/docs/discursos/21mayo_2012.pdf (fecha de acceso 20.09.2012).

36) Piñera S. El Mensaje Presidencial 2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/especiales/mensaje-presidencial-21-de-mayo/> (fecha de acceso 25.09.2011).

37) Piñera S. El Mensaje Presidencial 2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.gobiernodechile.cl/especiales/mensaje-presidencial-21-de-mayo/> (fecha de acceso 29.05.2010).

38) Piñera S. El último discurso. Hoy Chile es un mejor país para vivir. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.duna.cl/noticias/2014/03/09/> (fecha de acceso 11.03.2014).

39) Piñera S. “Viva Chile!”// La Tercera. – 27.02.2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.latercera.com/> (fecha de acceso 30.05.2011).

40) Pinochet: Patria y Democracia. – Santiago de Chile: Ed. Andres Bello, 1983. – 271 p.

41) Vicuña C. La tiranía en Chile. Libro escrito en el exilio. – Santiago de Chile: Ed. Aconcagua, 1989. – 454 p.

2) Работы выдающихся латиноамериканских государственных деятелей и политических философов

1) Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – 432 с.

2) Сармьенто Д.Ф. Факундо (Глава I. «Физическая характеристика Аргентинской республики, ее особенности, обычаи и идеи») // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – С.121-140.

3) Марти Х. Испанская республика перед лицом Кубинской революции // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – С. 199-212.

4) Эчеверрия Э. Социалистическое учение Майской ассоциации. // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX- нач. XX в.) – М.: Мысль, 1965. – С.39-92.

5) Andrés Bello /Ed. by Gayol Mecías M. – La Habana: Casa de las Américas, 1989. – 848 p.

6) Martí J. Ideas políticas y sociales. – La Habana: Ediciones Nuevo Mundo, 1960. – Tomo I. – 160 p. Tomo II – 156 p.

7) Martí J. Ideas políticas y sociales. – La Habana: Ediciones Nuevo Mundo, 1960. – Tomo II – 156 p.

8) Silo. Humanizar la Tierra. – Madrid: Ediciones León Alado, 2013. – 159 p.

9) Simón Bolívar. La vigencia de su pensamiento. – La Habana: Casa de las Americas, 1982. – 290 p.

д) Материалы периодической печати

“El Mercurio” (Чили),

“La Tercera” (Чили),

“La Segunda” (Чили),

“El Libero” (Чили),

“Clarín” (Аргентина),

“La Nación” (Аргентина),

“El País” (Испания),

“El Nuevo Herald” (США).

Материалы информационного агентства INFOLATAM, 2007- 04.2017

(на сайте <http://www.infolatam.com/>).

е) Документы ООН и международных организаций

1) BID. Banco Interamericano de Desarrollo. “Celebrar el pasado, construir el futuro: Cincuenta años de desarrollo en América Latina y el Caribe”. – Washington: Banco Interamericano de Desarrollo, 2009. – 343 p.

2) CEPAL. Panorama social de América Latina, 2001-2017. – Santiago de Chile, 2003-2018.

- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2017. – Santiago de Chile, 2018. – 210 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2016. – Santiago de Chile, 2017. – 290 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2015. – Santiago de Chile, 2016. – 226 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2014. – Santiago de Chile, 2014. – 298 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2013. – Santiago de Chile, 2013. – 228 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2012. – Santiago de Chile, 2012. – 252 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2011. – Santiago de Chile, 2011. – 248 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2010. – Santiago de Chile, 2011. – 262 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina 2007. – Santiago de Chile, 2008. – 290 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina 2006. – Santiago de Chile, 2007. – 426 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2005. – Santiago de Chile, 2006. – 436 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina, 2002-2003. – Santiago de Chile, 2004. – 348 p.
- CEPAL. Panorama social de América Latina. 2001-2002. – Santiago de Chile, 2003. – 272 p.

- 3) CEPAL. Objetivos de desarrollo del Milenio. La progresión hacia el derecho a la salud en América Latina y el Caribe. – Santiago de Chile, 2008. – 28 p.
- 4) CEPAL. Una década del desarrollo social en América Latina. 1990-1999. – Santiago de Chile, 2004. – 293 p.
- 5) Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo (PNUD). [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.pnud.org.br/pdf/Lademocracia-05.pdf> (fecha de acceso 10.03.2015).

- 6) UNDP. Human Development Report 2013-2016. – New York, 2014-2017.
- UNDP. Human Development Report 2016. – New York, 2017. [Electronic resource]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed 25.01.2018).
- UNDP. Human Development Report 2014. – New York, 2015. [Electronic resource]. – Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> (accessed 05.11.2015).
- UNDP. Human Development Report 2013. – New York, 2014. [Electronic resource]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf (accessed 23.12.2014).

- 7) World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2008-2017.
- World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2016-2017. [Electronic resource]. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2016-17.pdf (accessed 25.01.2018).

- World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2014-2015. [Electronic resource]. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (accessed 23.11.2016).

- World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2013-2014. [Electronic resource]. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (accessed 15.02.2015).

- World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2011-2012. [Electronic resource]. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf (accessed 05.02.2013).

- World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2008-2009. [Electronic resource]. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2008-09.pdf (accessed 10.03.2013).

ж) Социологические и статистические материалы

1) La Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales (FLACSO): Una Mirada sobre las Fuerzas Armadas de hoy. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.flacso.cl/flacso/main.php>? (fecha de acceso 10.05.2008).

2) La Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales (FLACSO): Programa TEES (Trabajo, empleo, equidad y salud) [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.flacsochile.org/proyectos/trabajo-empleo-equidad-y-salud/> (fecha de acceso 28.03.2017).

3) El Fondo “Paz Ciudadana”. Encuestas, documentos y materiales. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.pazciudadana.cl/ (fecha de acceso 10.04.2017).

4) Informes del Desarrollo Social 2012-2017. Ministerio de Desarrollo Social. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.ministeriodesarrollosocial.gob.cl/informacion-social/informes-de-desarrollo-social> (fecha de acceso 29.08.2017).

5) Instituto de Previsión Social. Programas y documentos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.ips.gob.cl/> (fecha de acceso 29.08.2017).

6) Instituto Nacional de Estadísticas. Programas y documentos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.inec.go.cr/enlace/instituto-nacional-de-estadisticas-ine-chile> (fecha de acceso 19.03.2016).

7) Latinobarómetro. Informes 2005-2017.

- Latinobarómetro. Informe 2017. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2017.pdf (fecha de acceso 20.02.2018).

- Latinobarómetro. Informe 2016. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2016.pdf (fecha de acceso 19.04.2017).

- Latinobarómetro. Informe 1995-2015. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.latinobarometro.org/latNewsShow.jsp/> (fecha de acceso 07.05.2016).

- Latinobarómetro. Informe 2013. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2013.pdf (fecha de acceso 23.04.2014).

- Latinobarómetro. Informe 2011. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2011.pdf
(fecha de acceso 25.04.2013).

- Latinobarómetro. Informe 2010. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2010.pdf
(fecha de acceso 25.04.2013).

- Latinobarómetro. Informe 2009. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2009.pdf
(fecha de acceso 25.04.2013).

- Latinobarómetro. Informe 2008. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2008.pdf
(fecha de acceso 15.03.2009).

- Latinobarómetro. Informe 2007. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2007.pdf
(fecha de acceso 15.03.2009).

- Latinobarómetro. Informe 2006. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2006.pdf
(fecha de acceso 10.02.2008).

- Latinobarómetro. Informe 2005. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2005.pdf
(fecha de acceso 10.02.2008).

8) Panorama CASEN 2016-2017. Observatorio Social. Ministerio de Desarrollo Social. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:
http://observatorio.ministeriodesarrollosocial.gob.cl/casen/panorama_casen.php
(fecha de acceso 23.01.2018).

II. ЛИТЕРАТУРА.

Общетеоретические и методологические работы по политическим проблемам современного развития, теории демократии и демократического транзита

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. - 500 с.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 4. – С.122-134.
3. Американские просветители. Избранные произведения в двух томах /под ред. Быховского Б.Э. – том 2. – М.: Мысль, 1969. – 447 с.
4. Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.
5. Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 693 с.
6. Ачкасов В.А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 30-38.
7. Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 71-91.
8. Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX в. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 616 с.
9. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
10. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.

11. Вайнштейн Г.И. Меняющийся мир и проблемы функционирования демократии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – № 9. – С.3-17.
12. Вебер М. Политика как призвание и профессия. // М.Вебер. *Избранные произведения*. – М.:Прогресс, 1990. – С.644-706.
13. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е годы. – М.: Крафт, 2007+. – 454 с.
14. Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джей Дж. Федералист. Политические эссе. – М.: Прогресс, 1993. – 568 с.
15. Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 6.С. – 54-67.
16. *Глобальная перестройка* / отв. ред. Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – 528 с.
17. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития: в 2-х тт.* / редколлегия: Семенов И.С. (отв. ред.), Загладин Н.В., Лапкин В.В., Пантин В.И. – Т.1 – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 312 с.
18. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития: в 2-х тт.* / редколлегия: Семенов И.С. (отв. ред.), Загладин Н.В., Лапкин В.В., Пантин В.И. – Т.2 – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 336 с.
19. Голунов С.В. Транснациональные политические пространства; факторы и уроки развития. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2011. – № 5. – С.113-121.
20. Гоббс Т. *Сочинения в 2-х томах*. – М.: Мысль, 1989/1991.– 622/731 с.

21. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М.: Наука, 1992. – 156 с.
22. Даль Р. Введение в экономическую демократию. – М.: Наука, 1991. – 125 с.
23. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. - 576 с.
24. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования. –1999. – № 1.– С.10 -26.
25. Демократизация /под ред. Харпера К.В., Бернхагена П., Инглхарта Р.Ф., Вельцеля К. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.
26. Демократия в современном мире / Под ред. Пляйса А.Я., Шатилова А.Б. – М.: РОССПЭН, 2009. – 368 с.
27. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы круглого стола ИФ РАН // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С.55-74.
28. Джанда К., Берри Д.М., Голдман Д., Хула К.В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
29. Дзолу Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. – 314 с.
30. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – М.: РОССПЭН, 2004. – 352 с.
31. Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. – М.: Наука, 1990 – 390 с.

32. Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру. // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.49-76.
33. Ильин М.В. Перспективы сравнительного изучения политической модернизации. // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.30-41.
34. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство. // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С.193-201.
35. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация (Раздел учебного пособия). // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С.157-169.
36. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С.6-32.
37. Каменская Г.В. Мир без Модерна. // Власть. – 2015. – № 10. – С.115-119.
38. Каменская Г.В., Смирнов А.Н., Соловьев Э.Г. Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции? // Власть. – 2015. – № 12. – С.101-108.
39. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций. // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С.6-27.
40. Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. – 2005. – Vol. 9. № 1 (28). – С.73-80.
41. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.42-65.

42. Лапкин В.В. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка. // Полис. Политические исследования. –2018. – № 4. – С.37-55.

43. Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С.41-54.

44. Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами “infomoderniti”// Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С.64-81.

45. Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С.127-148.

46. Лэйн Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С.98-116.

47. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1-2. – С.217-225;

48. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.;

49. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация. // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 5. – С.9-30;

50. Липсет С.М., Сен К.Р., Торрес Дж. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. –1993. – № 3. – С.5-34.

51. Липсет С.М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений) // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 15-32; № 6. – С.19-39.

52. Лисовский Ю.П. Социокультурные предпосылки модернизации // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 5-6. – С.167-175.
53. Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.29-48.
54. Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. – С. 10-27.
55. Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. – 2014. – № 3. – С.9-39.
56. Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Издательский дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011. – 174 с.
57. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О демократии / Сост. Кузьмин В.П. и др. – М.: Политиздат, 1988. – 512 с.
58. Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. М.: РОССПЭН, 2010. - 359 с.
59. Мартьянов В.С. Один «Модерн» или множество? // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 6. – С.41-53.
60. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 1. – С.63-75.
61. Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. Политические исследования. – 2010. – №4. – С.73-76.
62. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С.64-75.

63. Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С.54-59.

64. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. - 108 с.

65. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С.6-38.

66. Мельвиль А.Ю., Никитин А.И. Ростки новой гражданской культуры? // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 2. – С.50-55.

67. Мельвиль А.Ю., Пантин В.И., Лебедева М.М. и др. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. (Круглый стол журнала «Полис») // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 3. – С.30-51.

68. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С.8-30.

69. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. Политические исследования. – 2011. – №3. – С. 164-183.

70. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 1. – С.6-17.

71. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 2. – С.20-30.

72. Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. – Челябинск: Социум, 2006. – 384 с.

73. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.

74. Неклесса А.Н. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 24-39.

75. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса // Всемирная история экономической мысли /под ред. Черковца В.Н., Сперанской Л.Н. – Том II – М. Мысль, 1988 – 574 с.

76. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С.66-86.

77. Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С.55-67.

78. Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.

79. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. / отв. ред. Семенов И.С. Том I. Словарь терминов и понятий. – М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.

80. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. / отв. ред. Семенов И.С. Том II. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.

81. Политическая культура: теория и национальные модели /Отв. ред. Гаджиев К.С. – М.: Интерпракс, 1994. – 351 с.

82. Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 6. – С.69-83.
83. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах современных политических пространств // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 68-80.
84. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. - 320 с.
85. Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. – С.28-45.
86. Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 2. – С.30-44.
87. Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3 – С.6-17.
88. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С.5-15.
89. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. – СПб.:Росток, 2013. – 640 с.
90. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: Форум, 2009. – 384 с.
91. Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 6. – С.147-171.
92. Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. М.: Наука, 1992. - 331 с.
93. Сартори Дж. Пересматривая теорию демократии // Полис. Политические исследования. – 1993. – №2. – С.80-89.

94. Семененко И.С. «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 7. – С.92-106.

95. Семененко И.С. «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 8. – С.92-115.

96. Семененко И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С.9-26.

97. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5-23.

98. Сморгун Л.В. Сетевые полит. партии // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С.21-37.

99. Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 6. – С.29-38.

100. Социальная Европа в XXI веке / под ред. Каргаловой М.В. – М.: Весь Мир, 2011. – 528 с.

101. Стур Дж.Дж. Открывая демократию заново. // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С.12-24.

102. Стур Дж.Дж. Открывая демократию заново. // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 6. – С.39-49.

103. Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общ. проектирования, 2007. – 264 с.

104. Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. – 2018. – Т.23. – № 1. – С.108-121.
105. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3-21.
106. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. - 368 с.
107. Хабермас Ю. Философский дискурс о Модерне. М.: «Весь Мир», 2003. – 416 с.
108. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. - 368 с.
109. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.:Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
110. Хелд Д. Модели демократии. – М.: Изд дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.
111. Хенкин С.М. Становление и консолидация демократии: опыт Испании // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С.170-179.
112. Хенкин С.М. Испания после диктатуры: (Социально-политические проблемы перехода к демократии). – М.: Наука, 1993. – 197 с.
113. Хенкин С.М. Три консенсуса на пути к демократии // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 188-191.
114. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. – 571 с.
115. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С.6-15.
116. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 4. – С.27-36.

117. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 5. – С.54-64.
118. Шапиро И. Три способа быть демократом // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1-2. – С.75-85.
119. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 4. – С.17-29.
120. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 16-27.
121. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. – 540 с.
122. Эйзенштадт Ш.Н. парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 2. – С.67-81; № 3. – С.81-95.
123. Ball T. Green Political Theory // The Cambridge History of Twentieth-Century Political Thought /Eds. Ball T. and Bellamy R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 754 p.
124. Barber B.R. Strong Democracy. Participatory Politics for a New Age. – Berkeley: University of California Press, 2003. – 320 p.
125. Bobbio N. Left and Right: The Significance of a Political Distinction. – The University of Chicago Press, 2016. – 120 p.
126. Bobbio N. The Future of Democracy. The Defence of the Rules of the Game. – University of Minnesota Press, 1987. – 184 p.

127. Cronin T.E. Direct Democracy. The Politics of Initiative, Referendum, and Recall. – Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1989. – 289 p.
128. Dahl R.A. On Democracy. – New Haven: Yale University Press, 1998. - 217 p. Dahl R.A. Democracy and its critics. – New Haven: Yale University Press 1989. - 397 p.
129. Democracy in Developing Countries. /Ed. By L.Diamond, J.Linz, J.Hartlyn, S.Lipset. – London-Boulder, 1989. - 594 p.
130. Diamond L. Facing up to the Democratic Recession // Journal of Democracy. – 2015. – Vol.26. N 1. – P.141-155.
131. Diamond L., Fukuyama F., Horowitz D.I., Plattner M.F. Reconsidering the Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2014. – Vol.25. N 1. – P.86-100.
132. Fukuyama F. Dealing with Inequality // Journal of Democracy. – 2001. – Vol. 22. – N 3. – P.79-89.
133. Knight, J., Jonson J. The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 324 p.
134. Lindblom Ch. Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems. – New York: Basic Books, 1977. – 403 p.
135. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore-London, 1996. - 504 p.
136. Lijphart A. Democracy in plural societies: A comparative exploration. New Haven: Yale University Press, 1977. – 260 p.
137. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven: Yale University Press, 2012. – 368 p.

138. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. – 1995. – № 53. – P. 69-105.

139. Lipset S. Political Man: the Social Bases of politics. – Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press. 1981. – 586 p.

140. Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Working Paper of Kellogg Institute. – 1989. – N 130. – Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (Accessed 09.11.2017)

141. Matthews D. The Ecology of Democracy: Finding ways to have a stronger hand in shaping our future. – Dayton: Kettering Foundation Press, 2014. – 231 p.

142. O'Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1986, 2013. – 96 p.

143. O'Donnell G. Delegative Democracy. // Journal of Democracy. – 1994. – № 1. – P.55-69.

144. Pateman C. Participation and Democratic Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – 122 p.

145. Plattner M.F. Is Democracy in Decline? // Journal of Democracy. – 2015. – Vol.26. N 1. – P.5-10.

146. Plattner M.F. Populism, pluralism and Liberal Democracy // Journal of Democracy. – 2010. – Vol.21. N 1. – P.81-92.

147. Plattner M. Globalization and Self-Government // Journal of Democracy. – 2002. – Vol.13. N 3. – P. 60-61.

148. Przeworsky A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge, 1991 – 228 p.

149. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. – N.Y.: Cambridge University Press, 2000. – 321 p.

150. Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – № 2. – P. 155-183.

151. Sartoti G. Teoría de la Democracia. – Madrid: Alianza Universidad, 2005. – 312 p.

152. Sartori G. The Theory of Democracy revised. – Chatham-N.J., 1987. – 542 p.

153. Sartori G. Parties and Party System. A Framework for Analysis. – Cambridge: ECPR Press, 1976. – 368 p.

154. Sniderman P.M., Highton B. Facing the Challenge of Democracy: Explorations in the Analysis of Public Opinion and Political Participation. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 389 p.

155. Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. – N. Y.: Alfred A Knopf, 1951. – 544 p.

156. Zakaria F. The Post-American World. – NY: W.W.Norton &Company, 2008. – 292 p.

157. Zimmerman J. Participatory democracy: populism revived. – N.Y.: Praeger, 1986. – 229 p.

Работы по проблемам демократии, социально-политического развития, цивилизационной специфике Латинской Америки

1. Аверина О. В. Роль женщины в диалоге культур. Опыт Латинской Америки и России //Латинская Америка. – 2009. - № 6 – с. 43-56.

2. Боливия - время левоиндихенистского эксперимента. (Мартынов Б.Ф., Чумакова М.Л., Воротникова Т.А. и др.) – М.: ИЛА РАН, 2009. – 75 с. – (Серия: Саммит).
3. Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. – М.: ИЛА РАН, 1999. – 284 с.
4. Бразилия: перемены и постоянство /отв. ред. Мартынов Б.Ф. – М.: ИЛА РАН, 2004. – 148 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 15).
5. Визгунова Ю.И. Интегральная реформа государственных институтов в Мексике: траектория и перспективы. // Латинская Америка. – 2015. – № 8. – С.23-34.
6. Визгунова Ю.И. Мексика // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.2. – С. 7-44.
7. Воротникова Т.А. Боливия: становление индейского политического сознания // Индейский мир перед вызовами XXI века: сб. статей /под ред. Мартынова Б.Ф., Чумаковой М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2011. – С.106-129.
8. Гончарова Т.В. Индейское движение в Латинской Америке // История Латинской Америки. Вторая половина XX века / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2004. – С.503-523.
9. Дабагян Э.С. Видные политические и государственные деятели Латинской Америки. М.: Аванглион-Принт, 2015. – 120 с.
10. Дабагян Э.С. Электоральная панорама Латинской Америки // Латинская Америка. – 2006. – № 2. – С.1-14.
11. Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. – М.: ИЛА РАН, 2006. – 52 с.;

12. Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 188 с.
13. Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 126 с.
14. Ивановский З.В. Латинская Америка: метаморфозы политической модернизации //Латинская Америка. – 2011. – № 12. – С.14-24.
15. Ивановский З.В. Общественная мысль и концепты демократии в глобальном контексте // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1. – С.13-31.
16. Ивановский З.В. Фазы и итоги демократизации // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1. – С.32-56.
17. Ивановский З.В. Партии в системе представительной демократии // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1. – С.57-68.
18. Ивановский З.В. Колумбия: государство и гражданское общество: Опыт экономических реформ в условиях нестабильности. – М.: ИЛА РАН, 1997. – 293 с.
19. Индейский мир перед вызовами XXI века: сб. статей /под ред. Мартынова Б.Ф., Чумаковой М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2011. – 204 с.
20. История Латинской Америки. Вторая половина XX века / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2004. – 610 с.
21. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2010. – 818 с.

22. Канунников А.А. Европейская социальная модель и гражданское общество Латинской Америки // Латинская Америка. – 2016. – № 11. – С. 9-18.

23. Канунников А.А. Европа – Латинская Америка: диалог длиною в пять веков. – М.: Фонд «Социальная экология», 2015. – 234 с.

24. Канунников А.А. Латинская Америка: взгляд на Европейскую социальную модель // Социальная Европа в XXI веке /Под ред. Каргаловой М.В. – М.: Весь Мир, 2011. – С. 273-400.

25. Коваль Б.И. Харизма и политика. Концепция с латиноамериканскими ликами //Латинская Америка. – 2011. – № 6. – С.19-29.

26. Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В., Семенов С.И. Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации – М.: ИЛА РАН, 2000. – 133 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 10).

27. Коваль Б.И., Семенов С.И. Цивилизационная идентификация России и ибероамериканские параллели. – М.: ИЛА РАН, 1998. – 70 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 4).

28. Кудеярова Н.Ю. Парагвай: возвращение в фарватер привычной политики? // Латинская Америка. – 2013. – № 10. – С. 4-22.

29. Кузнецова Э.Е. Легко ли быть молодым? (проблемы латиноамериканской молодежи) // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – № 3(5). – С.95-109.

30. Кузнецова Э.Е. Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI в.: преемственность и перемены // Латинская Америка. – 2012. – № 6. – С.14-20.

31. Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Молодежь: социальные предпосылки экономической активности // Латинская Америка. – 2008. – № 1. – С.35-51.

32. Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Социальный аспект экономической модернизации Латинской Америки: проблемы бедности // Труд за рубежом. – 2006. – № 2. – С.69-93.

33. Ларин Е.А. Европейские и латиноамериканские авторы о Боливаре // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков / отв.ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2010. – С.108-116.

34. Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2006. - 287 с.

35. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2015. – 274 с.

36. Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1 – 264 с.

37. Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.2 – 440 с.

38. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: Наука, 2000. – 447 с.

39. «Левый поворот» в Латинской Америке: сб. статей /отв. ред. Сударев В.П. – М.: ИЛА РАН, 2007. – 216 с.

40. Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее...будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. – 172 с.

41. Мартынов Б.Ф. Бразилия: гигант в глобализирующемся мире. – М.: Наука, 2008. – 320 с.;

42. Мартынов Б.Ф. Латинская Америка на цивилизационном подъеме // Латинская Америка. – 2006. – № 1. – С.11-18.

43. Мексика: парадоксы модернизации /отв. ред. Давыдов В.М. – М.: ИЛА РАН, 2013. – 336 с.

44. Окунева Л.С. Импичмент президента Бразилии. Размышления и выводы // Латинская Америка. – 2016. – № 10. – С.5-22.
45. Окунева Л.С. Дилма Руссефф — первая женщина-президент в истории Бразилии // Латинская Америка. – 2011. – № 1. – С.27-40.
46. Окунева Л.С. Феномен демократического транзита // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1. – С.68-75.
47. Окунева Л.С. Бразилия // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.2. – С.119-156.
48. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 823 с.
49. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 452 с.
50. Пятаков А.Н. Опыт борьбы с бедностью в странах Латинской Америки в XXI веке // Россия – Испания - Ибероамерика: перекрестный год сотрудничества: сб. научных трудов. – М.: МГИМО, 2011. – С.303-308.
51. Россия и ибероамериканский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества: сб. статей /под ред. Давыдова В.М., Калашникова Н.В. – М.: ИЛА РАН, 2006. – 564 с.
52. Сеа Л. Философия американской истории. – М.: Прогресс, 1984. – 352 с.
53. Семенов С.И. Мутации левой политической культуры в цивилизационном контексте Латинской Америки. – М.: ИЛА РАН, 1999. – 96 с.

54. Слинько А.А., Дьяков П.П. Региональные особенности глобальных изменений: политические процессы в Латинской Америке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – № 2. – С.90-93.

55. Слинько А.А. Авторитарная демократия: латиноамериканский опыт // Политические изменения в Латинской Америке. – 2016. – № 1(19). – С.13-16.

56. Слинько А.А. Латинская Америка: угрозы политической дестабилизации // Политические изменения в Латинской Америке. – 2013. – № 13. – С. 4–6.

57. Слинько А.А. Латинская Америка: правоцентристский тренд в альтернативной политике // Латинская Америка. – 2012. – № 6. – С.28-31.

58. Слинько А.А. Неэвклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке. – Воронеж: Научная книга, 2010. – 119 с.

59. Слинько А.А. Демократия без насилия: биографическое эссе. – Воронеж: изд. Воронежского ГУ, 2009. – 262 с.

60. Современные идеологические течения в Латинской Америке. /отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: Наука, 1983. – 352 с.

61. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна /отв. ред. Мартынов Б.Ф. – М.: Изд-во Весь Мир, 2017 – 272 с.

62. Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. – М.: Дрофа, 2002. – 416 с.

63. Теория и практика политической модернизации (опыт Латинской Америки) /отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2004. – 176 с. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 14).

64. Томас А.Б. История Латинской Америки. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 647 с.

65. Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. (Ивановский З.В., Дьякова Л.В., Константинова Н.С. и др.) – М.: ИЛА РАН, 2010. - 86 с. – (Серия: Саммит).

66. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX в // Латинская Америка. – 2014. — № 5. — С. 57-75.

67. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Политика по Лобачевскому. Новые измерения латиноамериканской политики // Латинская Америка. – 2011. – № 8. – С.101-103.

68. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция? // Латинская Америка. – 2010. – № 6. – С. 8-20.

69. Чумакова М.Л. Современные угрозы демократии в Латинской Америке // Ибероамериканские тетради /отв. ред. Орлов А.А. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – Вып. 1. – С.401-409.

70. Чумакова М.Л. Политические перемены и перспективы демократии в Латинской Америке //Латинская Америка. – 2012. – № 3. – С.5-20.

71. Чумакова М.Л. Параметры политической модернизации // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1. – С.76-89.

72. Чумакова М.Л. Особенности политической культуры // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.1. – С.160-180.

73. Шемякин Я.Г. Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы // Латинская Америка. – 2018. – № 3. – С.5-19.

74. Шемякин Я.Г. BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания // Латинская Америка. – 2014. – № 7. – С.74-80.

75. Шемякин Я.Г. Проблема культурного синтеза (на примере Латинской Америки) // Культурология. – 2011. – № 1 (56). – С.58-63.

76. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. – М.: Наука, 2001. - 391 с.

77. Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений // Индейский мир перед вызовами XXI века: сб. статей /под ред. Мартынова Б.Ф., Чумаковой М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2011. – С. 11-37.

78. Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. – М.: Наука, 1979. – 566 с.

79. Шульговский. А.Ф. Симон Родригес: человек и мыслитель (к проблеме генезиса утопического социализма в Латинской Америке) // Латинская Америка – 1980. – № 7. – с.5-21.

80. Щелчков А.А. Испаноамериканские просветители Симон Родригес и Андрес Бельо // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2010. – с.133-144.

81. Щелчков А.А. Последний романтик Хосе Викторiano Ластаррия // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2010. – с.276-281.

82. Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 464 с.

83. Яковлева Н.М. Аргентинская модель посткризисного развития // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2014. – № 2. – С.67-76.

84. Яковлева Н.М. Женщины - президенты латиноамериканских стран // *Латинская Америка*. – 2012. – № 2. – С.4-18.

85. Alcántara Sáez M., García Díez F. El carrusel electoral latinoamericano o la normalidad de la incertidumbre política en países fuertemente heterogéneos // *Elecciones y política en América Latina* /ed. por Alcántara Sáez M., García Díez F. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2008. – P. 1-14.

86. Allier Montaño E. Batallas por la memoria. Los usos políticos del pasado reciente en Uruguay. – Montevideo: Ed. Trilce, 2010. – 288 p.

87. América Latina a comienzos del siglo XXI. Perspectivas económicas, sociales y políticas /ed. por Dupas G. – Rosario-Santa Fe: Instituto de Estudios Económicos e Internacionales, 2005. – 376 p.

88. Barrientos A. Políticas sociales latinoamericanas. ¿Hacia una protección social fragmentada? // *Nueva Sociedad*. – 2012. – N 239. – P.65-78.

89. Blanco M.R. América Latina y los movimientos sociales: el presente de la “rebellión del coro” // *Nueva Sociedad*. – 2010. – N 227. – P.51-67.

90. Bobes V.C. De la revolución a la movilización. Confluencias de la sociedad civil y la democracia en América Latina // *Nueva Sociedad*. – 2010. – N 227. – P.32-50.

91. Buriano A. Ley de Caducidad en Uruguay y esencia ético-política de la izquierda. // *Perfiles latinoamericanos*. – 2011. – Vol. 19. – N 38. – P. 173—203.

92. Castañeda J. Democracia y expresidentes. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:

http://elpais.com/elpais/2014/05/21/opinion/1400697586_225656.html. (fecha de acceso 1.09.2015).

93. Chinchón Álvarez, J. Democracia y autoritarismo en América Latina: en busca de la década perdida (1995-2005) // *América Latina Hoy*. – 2007. – Vol. 46. – P.173-199.

94. Días-Cayeros A., Magaloni B. Aiding Latin America's Poor // *Journal of Democracy*. – 2009. – Vol.20. – N.4. – P 37-49.

95. Dussel I. Deudas y desafíos de una nueva agenda en educación // *Nueva Sociedad*. – 2015. – N 257. – P. 65-76.

96. Elecciones y política en América Latina /ed. by Alcántara Sáez M., García Díez F. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2008. - 388 p.

97. Escobar L.E. Michelle Bachelet en busca de la transformación de Chile // *Nueva Sociedad*. – 2014. – № 252. – P.4-14.

98. Fernández-Albertos J. Globalización y democracia: ¿complementos o sustitutos? // *¿Quién manda aquí? La crisis global de la democracia representativa* /ed. por González F., Damiani G., Fernández-Albertos J. – Barcelona: Penguin Random House, 2017. – P.243-262.

99. Franco R., Hopenhayn M. Las clases medias en América Latina: Historias cruzadas y miradas diversas // *Las clases medias en América Latina* / ed. by Franco R., Hopenhayn M., León A. – México: Siglo XXI: CEPAL, 2010. – P.7-42.

100. Freidenberg F. La calidad de las elecciones en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/09/29/> (fecha de acceso 20.02.2015).

101. Gago V. La política de los muchos // *Nueva Sociedad*. –2014. – № 251. – P.100-112.

102. Garretón M.A. La gobernabilidad democrática en tiempos de crisis // *Crisis global y democracia en América Latina*. PNUD. – Siglo XXI Editores, 2014.

– P.109-122. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.manuelantonioGARRETON.cl/documentos/2014/gob-dem.pdf>. (fecha de acceso 21.04.2015).

103. Garretón M.A. Revisando las transiciones democráticas en América Latina // Nueva Sociedad. – 1997. – N 148. – P.20-29.

104. Garretón M.A. Política y Sociedad entre dos épocas. América Latina en el cambio de siglo. – Rosario: Homo Sapiens Ediciones, 2000. – 147 p.

105. Giordano V. ¿Qué hay de nuevo en las “nuevas derechas”? // Nueva Sociedad. – 2014. – N 254. – P.46-56.

106. Gómez Leyton J.C. Movimientos sociales, proyectos populares y democracia. Escenarios políticos latinoamericanos: 1988-2011 // Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago de Chile: ARCIS, 2011. – P.49-68.

107. González F. Por qué pensar la gobernanza? //¿Quién manda aquí? La crisis global de la democracia representativa /ed. por González F., Damiani G., Fernández-Albertos J. – Barcelona: Penguin Random House, 2017. – P.15-38.

108. Hoffmann C.D. Pobreza y desigualdad: la necesidad de un enfoque multidimensional // Nueva Sociedad. – 2015. – N 257. – P. 77-84;

109. La democracia en América Latina: Actualidad y perspectivas. /ed. por Gonzalez Casanova P., Roitman Rosenmann M. – Madrid: Universidad Complutense; México: UNAM, 1992. – 625 p.

110. Lagos M. Latin America’s Diversity of Views // Journal of Democracy. – 2008. – Vol.19. – N.1. – P.111-125;

111. Lagos M. Latin America’s Lost Illusions: A Road With No Return? // Journal of Democracy. – 2003. – Vol.14. – N 2. – P. 163-173.

112. León A., Espíndola E., Sémbler C. Las clases medias en América Latina: una vision de sus cambios en las dos últimas décadas // Las clases medias en América Latina. Op.cit. – P. 43-116.

113. Malamud C. Latinobarómetro y el estado de la democracia en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/10/03/> (fecha de acceso 19.02.2015).

114. Massholder A. Reflexiones sobre el concepto de democracia. La Mirada de Héctor P. Agosti // Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago de Chile: ARCIS, 2011. – P.95-112.

115. Midaglia C. Un balance crítico de los programas sociales en América Latina // Nueva Sociedad. – 2012. – N 239. – P. 79-89.

116. Modonesi M. Postzapatismo. Identidades y culturas políticas juveniles y universitarias en México // Nueva Sociedad. – 2014. – N 251. – P.136-152.

117. Molina I. El gobierno estratégico: efectividad del poder ejecutivo y calidad de la democracia //¿Quién manda aquí? La crisis global de la democracia representativa /ed. por González F., Damiani G., Fernández-Albertos J. – Barcelona: Penguin Random House, 2017. – P.63-83.

118. Nunes R. Generación, acontecimiento, perspectiva. Pensar el cambio a partir de Brasil // Nueva Sociedad, – 2014. – N 251. – P.42-54.

119. Nuñez R. ¿ Por qué se generalizan las protestas en América Latina? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/18/> (fecha de acceso 19.06.2015).

120. Nuñez R. El III Foro Internacional da a luz la “Agenda de Santo Domingo”. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/01/31/> (fecha de acceso 21.04.2015).

121. Panizza F. La marea rosa // Elecciones y política en América Latina /ed. by Alcántara Sáez M., García Díez F. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2008. – P.15-34.

122. Penadés A. Referéndums y democracia representativa //¿Quién manda aquí? La crisis global de la democracia representativa /ed. por González F., Damiani G., Fernández-Albertos J. – Barcelona: Penguin Random House, 2017. – P.215-242.

123. Pion-Berlin D. Militares y democracia en el Nuevo siglo // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P.50-63.

124. ¿Quién manda aquí? La crisis global de la democracia representativa /ed. por González F., Damiani G., Fernández-Albertos J. – Barcelona: Penguin Random House, 2017. – 311 p.

125. Riekenberg M. Violencia segmentaria. Conclusiones sobre la violencia en la historia de América Latina. – Madrid: Iberoamericana, 2015. – 167 p.

126. Roitman Rosenmann, M. Teoría y práctica de la democracia en América Latina // La democracia en América Latina: Actualidad y perspectivas. / Gonzalez Casanova, P. y Roitman Rosenmann, M. (Eds.) – Madrid: Universidad Complutense; México: UNAM, 1992. – P. 59-89.

127. Rojas Aravena, F. El riesgo de la superposición entre las políticas de defensa y seguridad // Nueva Sociedad. – 2008. – N 213. – P.36-49.

128. Salama P. ¿Se redujo la desigualdad en América Latina? Notas sobre una ilusión // Nueva Sociedad. – 2015. – N 257. – P. 85-95.

129. Shulgovski A. Bolívar y Bello: papel en la lucha liberadora en América Latina //Andrés Bello /Ed. by Gayol Mecías M. – La Habana: Casa de las Américas, 1989. – P.70-89.

130. Steinberg F. La economía en América Latina se frena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/14/> (fecha de acceso 19.04.2015).

131. Valenzuela A. Los partidos políticos y la gobernabilidad democrática en América Latina // Reforma de los partidos políticos en Chile /ed. by Fontain A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. – Santiago: CIEPLAN, 2008. – P.21-40.

132. Vommaro P. La disputa por lo público en América Latina. Las juventudes en las protestas y en la construcción de lo común // Nueva Sociedad. – 2014. – N. 251. – P.55-69.

133. Zea L. El Americanismo de Bello. // Andrés Bello /Ed. by Gayol Mecías M. – La Habana: Casa de las Américas, 1989. – P. 726-745.

134. Zovatto D. El Estado de la democracia en América Latina. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/09/15/> (fecha de acceso 19.02.2015).

135. Zovatto D. Está América Latina preparada para un cambio de ciclo? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/06/> (fecha de acceso 19.04.2015).

136. Zovatto D. Elecciones y democracia en América Latina. Balance electoral latinoamericano // Elecciones y política en América Latina /ed. by Alcántara Sáez M., García Díez F. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2008. – P.355-380.

Работы по Чили

1. Богущ Е.Ю., Ульянова О.В. Чили: Альтернативы национальной истории // История Латинской Америки. Вторая половина XX века / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2004. – С.181-217.

2. Богущ Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. – М.: Высшая школа, 2009. – 224 с.

3. Владимирская Т.Л. Республика Чили //Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: Наука, 2000. – С.321-336.

4. Гришаев П.И., Чибиряев С.А. Режим террора и беззакония: Законодательство и практика чилийской хунты. – М.: Международные отношения, 1979. – 255 с.
5. Дабагян Э.С. В борьбе за образование для всех: о всплеске социально-политической активности молодежи в Чили // Свободная мысль. – 2015. – № 1 (1649). – С.133-148.
6. Дабагян Э.С. Рикардо Лагос - теоретик и практик перехода от диктатуры к демократии в Чили // Новая и новейшая история. – 2014. – № 6. – С. 158-180.
7. Дабагян Э.С. Рикардо Лагос. Политический портрет. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 80 с.
8. Данилевич И.В. Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии (Чили, Португалия, Испания). – М.: ИСПРАН, 1996. – 79 с.
9. Зайонц А.А. Вооруженные силы Чили при Пиночете: самодостаточный организм? // Латинская Америка. – 2005. – № 5. – С. 27-39.
10. Зорина И.Н. Революция или реформа в Латинской Америке. Критика реформизма чилийской христианской демократии. – М.: Наука, 1971. – 263 с.
11. Коновалова Н.С. Идеология правого авторитаризма и фашиствующей контрреволюции в Чили // Современные идеологические течения в Латинской Америке / отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: Наука, 1983. – С.70-118.
12. Королев Ю.Н. Чилийская революция: проблемы и дискуссии. – М.: Мысль, 1982. – 239 с.

13. Королев Ю.Н. Чили: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил (1956-1970 гг.). – М.: Наука, 1973. – 199 с.
14. Косичев Л.А., Низкий В.А. Колокола Чили. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 192 с.
15. Кудачкин М.Ф. Чили: борьба за единство и победу левых сил. – М.: Мысль, 1973. – 214 с.
16. Кудачкин М.Ф., Куценков А.А. Уроки Чили. – М.: Наука, 1977. – 408 с.; Кудачкин М.Ф. Чилийская революция: опыт и значение. – М.: Политиздат, 1977. – 206 с.
17. Кузнецова Э.Е. Теория и практика «неокапиталистической модернизации» социальных отношений // Современные идеологические течения в Латинской Америке /отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: Наука, 1983. – С.141-180.
18. Лаврецкий И.Р. Сальвадор Альенде. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 228 с.; Непокоренные. Документы. Свидетельства очевидцев. Очерки о чилийских патриотах. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 88 с.
19. Очерки истории Чили / под ред. Лаврова Н.М., Альперовича М.С., Ермолаева В.И., Кудачкина М.Ф. – М.: Наука, 1967. – 530 с.
20. Семенов С.И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. – М.: Наука, 1971. – 301 с.
21. Сергеев М.Ф. Чили: анатомия заговора. – М.: Международные отношения, 1986. – 192 с.
22. Симонова Л.Н. Финансовая либерализация: чилийский вариант. – М.: ИЛА РАН, 2003. – 216 с.

23. Чили после контрреволюционного переворота: социально-политические и идеологические проблемы / отв. ред. Шульговский А.Ф. – М.: ИЛА РАН, 1983. – 308 с.
24. Чили. Политика. Экономика. Культура / отв. ред. Гонионский С.А. – М.: Наука, 1965. – 355 с.
25. Чили: от диктатуры к демократии / отв. ред. Вольский В.В. – М.: Наука, 1991. – 182 с.
26. Чили: результаты модернизации и возможности взаимодействия с Россией. (Отв. ред. Давыдов В.М.). М.: ИЛА РАН, серия «Саммит». 2004. – 38 с.
27. Щелчков А.А. Новые правые в Чили. Возрождение чилийского консерватизма в конце XX в. // Латинская Америка. – 2018. – № 7. – С.76-87.
28. Щелчков А.А. Чили: образцовая республика. // Политическая история стран Латинской Америки в XIX в. / отв. ред. Ларин Е.А. – М.: Наука, 2012. – С.401 – 463.
29. Aguilar M. I. The Disappeared and the *Mesa de Diálogo* in Chile 1999-2001: Searching for Those Who Never Grew Old // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. N 3. – P.413-424.
30. Allamand A. Las paradojas de un legado // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / ed. By Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.169-190.
31. Apuntes sobre la historia del Ejército de Chile. – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales, 1988. – 51 p.
32. Arellano J.P. Políticas sociales y desarrollo: Chile 1924-1984. – Santiago de Chile: CIEPLAN, 1985. – 329 p.

33. Arenas de Mesa A. y Gusman Cox J. Política fiscal y protección social en Chile // Revista de la CEPAL. – 2003. – N 81. – P.123-141.
34. Arriagada G. Por la razón o la fuerza: Chile bajo Pinochet. – Santiago de Chile: Sudamericana chilena, 1998. – 300 p.
35. Arancibia V.S. Algunas características económicas importantes de Chile de Pinochet. – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales, 1987. – 32 p.
36. Avendaño O. La oposición política en Chile durante el período 1990-2011. Una aproximación conceptual y empírica // CS. Instituciones: tensiones y equilibrios sociales. – 2011. – N 8. – P.147-186.
37. Barrientos A. Health Policy in Chile: The Return of the Public Sector? // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P.442-459.
38. Barton J.R. State Continuismo and Pinochetismo: The Keys to the Chilean Transition // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. N 3. – P.358-375.
39. Barton J.R., Murray W.E. The End of Transition? Chile 1990-2000 // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. N 3. – P.329-338.
40. Berchenko P. Rupturas y continuidades de la evolución de la enseñanza en Chile (1973-2003) //“L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.101-110.
41. Bitar S. Chile para todos. – Santiago de Chile: Planeta, 1988. – 170 p.
- Bitar S. Chile. Experiment in Democracy. – Philadelphia: ISHI Publications, 1986. – 243 p.
42. Bitar S. Chile: liberalismo económico y dictadura política. – Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1980. – 181 p.
43. Brunner J.J. Clase media, educación y DC. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/05/>(fecha de acceso 06.11.2014).

44. Bunker K. El futuro de la DC en la Nueva Mayoría. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/05/> (fecha de acceso 10.11.2014).

45. Canales M.C. Ni pobres ni incluidos: ¿nueva cuestión social? // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. N 21. – P.193-208.

46. Cannobbio M. Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política 1920-1994. – Santiago de Chile, 1995. – 339 p.

47. Carlson B.A. ¿Qué nos enseñan las escuelas sobre la educación de los niños pobres en Chile? // Revista de la CEPAL. – 2000. – N 72. – P. 165-184.

48. Cavieres E.F. Modernidad económica y atraso social. Los dilemas de la experiencia chilena, 1960-2003. ¿El definitivo despegue o una nueva frustración? // “L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.77-87.

49. Chile in the nineties / Ed. Toloza C., Lahera E. – Stanford: Stanford Univ. libraries, 2000. – 703 p.

50. Claude M. Las miserias del desarrollo chileno (una mirada desde la sustentabilidad) // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.155-166.

51. El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / ed.by Lagos R.E y Landerretche O.M. – Santiago de Chile: Ed. Catalonia, 2011. – 388 p.

52. Escalona C. Chile, 20 años después: 1988-2008. – Santiago de Chile, 2008. – 149 p.

53. Eyzaguirre N. Esta reforma es fundamental para la clase media. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.mineduc.cl/contenido_int.php?id_contenido=30159&id_portal=1&id_seccion=10 (fecha de acceso 27.11.2014).

54. Fontaine Aldunate A. Los economistas y el Presidente Pinochet. – Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988. – 203 p.

55. Forester R., Vergara J.I. Los Mapuches y la Lucha por el Reconocimiento en la Sociedad Chilena // Derecho Consuetudinario y Pluralismo Legal: Desafíos en el Tercer Milenio. XII Congreso Internacional. Marzo 13-17, 2000. – Arica: Universidad de Chile:Universidad de Tarapacá, 2000. – P. 191-205.
56. Foxley A. Chile puede más. – Santiago de Chile: Planeta, 1988. – 259 p.
57. Foxley A., Muñoz G.O., Parra A.B. Chile: búsqueda de un nuevo socialismo. – Santiago de Chile: CEPLAN: Ediciones Nueva Universidad, 1971. – 266 p.
58. Frank V. The Elusive Goal in Democratic Chile: Reforming The Pinochet Labor Legislation // Latin American Politics and Society. – 2002. – Vol.44. – N 1. – C.35-68.
59. Fuentes C. Partidos y coaliciones en Chile de los '90. Entre pactos y proyectos. // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.191-222.
60. García Naranjo F. Historias derrotadas: opción y obstinación de la guerrilla chilena (1965-1988). – Morelia: UMSNH, 1997. – 307 p.
61. Garretón M.A. La posibilidad democrática en Chile. – Santiago de Chile: FLACSO, 1989. – 72 p.
62. Garretón M.A. Movilizaciones y movimiento social en la democratización política chilena // La sociedad española en la transición. Los movimientos sociales en el proceso democratizador / ed. by Quirosa-Cheyrouze-y-Muñoz R. – Madrid: Siglo XXI Editores, 2011. – P.107-119. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.manuelantoniogarreton.cl/documentos/2011/mag2011esp.pdf> (fecha de acceso 29.09.2012).
63. Garretón M.A. Reflexiones sobre la democratización política chilena // Política, 2004. – Vol.43. – P.167-187. [Recurso electrónico]. Modo de acceso:

http://www.manuelantoniogarretton.cl/documentos/07_08_06/Brazil.pdf. (fecha de acceso 29.09.2012).

64. Garrido R.J., Guerrero Y.C, Valdés S.M. Historia de la reforma agraria en Chile. – Santiago de Chile: Editorial Universitaria, 1988. – 272 p.

65. Gómez Leyton J.C. Chile 1990-2007. Una Sociedad Neoliberal Avanzada. // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. N 21. – P.57-59.

66. González E.F. Dual transitions from authoritarian rule. Institutionalized regimes in Chile and Mexico. 1970-2000. – Baltimore: Johns Hopkins Univ.Press, 2008. – 286 p.

67. Guilisasti Tagle, S. Partidos políticos chilenos. – Santiago de Chile: Ed. Nascimento, 1964. – 363 p.

68. Gurriarán J.A. Chile: El ocaso del General. – Madrid: El País, 1989. – 283 p.

69. Haagh L. Citizenship, Labour Markets and Democratization. Chile and the Modern Sequence. – N-Y: Palgrave, 2002. – 291 p.

70. Hernández J.R. Chile. El difícil y truncado camino hacia el desarrollo // Nueva Sociedad. – 2004. – N 185. – P.50-61.

71. Hourton Poissón J. Combate cristiano por la democracia: 1973-1987. – Santiago de Chile: Chile y América-CESOC, 1987. – 283 p.

72. Huneus C. La guerra fría chilena: Gabriel González Videla y la Ley Maldita – Santiago de Chile: Debate, 2009. – 404 p.

73. Huneus C. Las consecuencias del caso Pinochet en la política chilena. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.cerc.cl/publicaciones%20academicas.htm> (fecha de acceso 20.11.2012).

74. Huneus C. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino // Anuario Iberoamericano 2008. – Madrid: Real Instituto Elcano, 2008. – P. 77-95.

75. Huneus C. ¿Los Jóvenes? A distancia. // La Tercera. – 20.11.2007. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: http://www.cerc.cl/cph_upl/Los_jovenes...a_distancia, 20 de Noviembre de 2007.pdf (fecha de acceso 05.03.2015).
76. Huneus C. La derecha en Chile después de Pinochet: el caso de la Unión Demócrata Independiente. // The Helen Kellogg Institute for International Studies. Working Paper # 285 – July 2001. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/285.pdf> (fecha de acceso 12.11.2012).
77. Huneus C. Problemas de la participación política en América Latina. Una mirada desde Chile // Contribuciones. – 2000. – Nº 1. – pp. 97-107.
78. Izquierdo J.M., Navia P. Cambio y continuidad en la elección de Bachelet // América Latina Hoy. – 2007. – N 46. – P. 75-96.
79. Jara D. Children and the Afterlife of State Violence. Memories of Dictatorship. – N.Y.: Springer Nature, 2016. – 180 p.
80. Kirkendall A.J. Paulo Freire, Eduardo Frei, Literacy Training and the Politics of Consciousness Raising in Chile, 1964 to 1970 // Journal of Latin American Studies. – 2004. – N 36. – C. 687-717.
81. Kornbluch P. Pinochet: los archivos secretos. – Barcelona: Ed. Crítica, 2013. – 395 p.
82. Koschützke A. Chile frente a sí mismo. Los límites del fundamentalismo del mercado y los protestas estudiantiles // Nueva Sociedad. – 2012. – N 237. – P.17-31.
83. Lagos M. Una prosperidad no democrática // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – Nº 21.– P. 139-163.
84. Larraín F.H. Ideología y democracia en Chile. – Santiago de Chile: Ed. Andante, 1988. – 195 p.

85. Larrañaga O., Contreras D., Ruíz-Tagle J. Impact of Evaluation of Chile Solidario: Lessons and Policy Recommendations. // *Latin American Studies*. – 2012. – N 44. – P.347-373.

86. Lavín J. Chile: revolución silenciosa. – Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988. – 155 p.

87. Lira E., Loveman B. Derechos humanos en la transición “Modelo”: Chile 1988-1999. // *El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.339-374.

88. Maira L. Las políticas sociales en América Latina: enseñanzas recientes para tiempos difíciles // *Comercio Exterior*. – 2003. – Vol. 53. – N 7. – P.638-646.

89. Mallon F.E. Cuando la amnesia se impone con sangre, el abuso se hace costumbre: El pueblo mapuche y el Estado chileno, 1881-1998 // *El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P. 435-464.

90. Marras S. Chile, el Mercado del disimulo (Los valores en la década de los noventa) // *El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P. 501-526.

91. Meller P. Pobreza y distribución del ingreso en Chile. (Década de los noventa) // *El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.41-62.

92. Méndez Layera M.L. Las clases medias en Chile: transformaciones, sentido de pertenencia y tensiones entre distintos proyectos de movilidad // *Las clases medias en América Latina* / ed. By Franco R., Hopenhayn M., León A. – México: Siglo XXI: CEPAL, 2010. – P. 230-288.

93. Milet P.V. Desafíos externos e internos a la política de defensa en Chile // *Nueva Sociedad*. – 2008. – N 213. – P. 147-155.

94. Modernización del Régimen Electoral Chileno / ed.by Fontaine A., Larroulet C., Viera-Gallo J.A., Walker I. – Santiago de Chile: CIEPLAN-Libertad&Desarrollo-CEP, 2007. – 350 p.

95. Morandé F. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. – Buenos Aires: CIEDLA, 1993. – 91 p.

96. Moulian T. Chile actual: anatomía de un mito. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – 388 p.

97. Navia P. El Inviabile proceso constituyente de Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/11/05/> (fecha de acceso 10.11.2015).

98. Navia P. Hacer campaña contra la constitución de Pinochet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/10/28/> (fecha de acceso 09.11.2015).

99. Navia P. Arreglar las coaliciones más que los partidos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/10/14/> (fecha de acceso 09.11.2015).

100. Navia P. La política contamina a la economía. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/23/175740/> (fecha de acceso 20.09.2015).

101. Navia P. El gobierno de la crisis permanente. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/05/19/> (fecha de acceso 02.06.2015).

102. Navia P. Un giro al centro que puede salvar su presidencia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/05/11/> (fecha de acceso 02.06.2015).

103. Navia P. Peor que la corrupción. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/05/06/> (fecha de acceso 02.06.2015).

104. Navia P. Hundiendo el barco de la derecha. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/01/> (fecha de acceso 15.04.2015).

105. Navia P. Autoridad moral de Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (fecha de acceso 15.04.2015).

106. Navia P. Penta versus Caval. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/03/05/> (fecha de acceso 5.03.2015).

107. Navia P. Una madre herida. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/02/17/> (fecha de acceso 15.03.2015).

108. Navia P. La unidad de la derecha. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/02/04/> (fecha de acceso 20.02.2015).

109. Navia P. Poder no ejercido, poder perdido. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/09/> (fecha de acceso 29.11.2014).

110. Navia P. Bachelet en el poder: más fácil prometer que cumplir. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/10/03/> (fecha de acceso 09.10.2014).

111. Navia P. Mano dura Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/09/09/> (fecha de acceso 10.09.2014).

112. Navia P. Los chilenos prefieren el consenso. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/08/20/> (fecha de acceso 10.09.2014).

113. Navia P. Los ayatolas de Michelle Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/07/11/> (fecha de acceso 09.08.2014).

114. Navia P. La reforma educacional de Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/05/20/> (fecha de acceso 29.05.2014).

115. Navia P. Bachelet jugando con fuego. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/04/17/> (fecha de acceso 26.04.2014).
116. Navia P. El primer gabinete de Bachelet. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/01/25/> (fecha de acceso 30.01.2014).
117. Navia P. Bachelet popular, Concertación impopular. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/09/05/> (fecha de acceso 12.09.2013).
118. Navia P. Demasiadas expectativas. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/08/30/> (fecha de acceso 12.09.2013).
119. Navia P. Piñera y el fin de la transición. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/08/12/> (fecha de acceso 12.09.2013).
120. Navia P. Sebastián Piñera a un año del terremoto. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/02/24/> (fecha de acceso 15.11.2012).
121. Navia P. ¿Qué le pasó a Bachelet? // Nueva Sociedad. – 2007. – N 212. – P.4-14.
122. Ocampo J.A., Gómez-Arteaga N. Los sistemas de protección social, la redistribución y el crecimiento en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2017. – N 122. – P.7-33.
123. Ocampo J.A., Gómez-Arteaga N. Los sistemas de protección social, la redistribución y el crecimiento en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2017. – N 122. – P.7-33.
124. Oppenheim L.H. Politics in Chile. Democracy, Authoritarianism, and the Search for Development. – Boulder: Westview press, 1993. – 395 p.
125. Peña Gonzalez C. Chile actual: El proyecto político de la Concertación // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21.– P. 33-45.

126. Raczynski D. Políticas sociales en los años noventa en Chile. Balance y desafío // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.125-154.

127. Ramírez Necóchea H. Fuerzas Armadas y política en Chile (1810-1970): Antecedentes para una historia. – México: Casa de Chile, 1984. – 199 p.

128. Ramírez Necóchea H. Orígen y formación del Partido Comunista de Chile: Ensayo de historia política y social de Chile. – Moscú: Progreso, 1984. – 389 p.

129. Ranis G. y Stewart F. Crecimiento económico y desarrollo humano en América Latina // Revista de la CEPAL. – 2002. – N 78. – P. 7-24.

130. Riquelme Segovia A. ¿Quiénes y por que “no están ni ahí”? Marginación y/o automarginación en la democracia transicional. Chile 1988-1997 // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.261-280.

131. Rozas P., Marín G. 1988: El “Mapa de la Extrema Riqueza”. 10 años después. – Santiago de Chile: Edición SECOS, 1989. – 292 p.

132. Ruíz Rodríguez L.M. Las elecciones presidenciales y parlamentarias de 2005-2006 en Chile // Elecciones y política en América Latina: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales / ed. By Alcántara Sáez M. y García Díaz F. – Madrid, 2008. – P. 95-112.

133. Sehnbruch K. The Chilean Presidential Elections of 2005-2006. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.clas.berkeley.edu/publications/> (fecha de acceso 10.07.2006).

134. Siavelis P.M. Continuidad y transformación del sistema de partidos en una Transición “Modelo”// El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P. 223-259.

135. Silva P. Doing Politics in a Depolitized Society: Social Change and Political Deactivation in Chile // Bulletin of Latin American Research. – 2004. – N 1(23). – P.63-78.
136. Silva P. Estilos políticos y Orientación Tecnocrática bajo los Gobiernos de Lagos y Bachelet // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21.– P. 79-105;
137. Silva P. Searching for Civilian Supremacy: The Concertation Governments and the Military in Chile // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P.375-396.
138. Social Policy from the Grassroots: Nongovernmental Organizations in Chile. – UNICEFF: Boulder-San-Francisco-London, 1989. – 219 p.
139. Sosa I. Conciencia y proyecto nacional en Chile (1891-1973) – Mexico:UNAM, 1981 – 269 p.
140. Soto H. Muy grave, muy triste. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/11/01/> (fecha de acceso 5.11.2015).
141. Soto H. Chambonadas y glosas. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/10/12/> (fecha de acceso 05.11.2015).
142. Soto H. Gobernando en terreno. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: www.infolatam.com/2015/09/21/ (fecha de acceso 5.11.2015).
143. Soto H. Michelle Bachelet: los síntomas de un gobierno agotado. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/09/01/> (fecha de acceso 02.09.2015).
144. Soto H. Ahogados en un vaso de agua. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/08/02/> (fecha de acceso 05.09.2015).
145. Soto H. La decepción de los sectores medios. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/07/07/> (fecha de acceso 02.10.2015).

146. Soto H. Liderazgo ausente. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/21/> (fecha de acceso 01.08.2015).
147. Soto H. Un país bajoneado. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/06/08/> (fecha de acceso 08.06.2015).
148. Soto H. La caja de Pandora. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/07/> (fecha de acceso 08.04.2015).
149. Soto H. Méenos dogmas, más diversidad. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/02/05/> (fecha de acceso 09.02.2015).
150. Soto H. Chile gobierno: el año del desgaste. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/12/22/> (fecha de acceso 15.01.2015).
151. Soto H. La República de la incertidumbre. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/11/30/> (fecha de acceso 15.01.2015).
152. Soto H. Es la política no la economía. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2014/04/05/> (fecha de acceso 15.04.2014).
153. Soto H. La Derecha hoy: salvese quien pueda. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2013/11/03/> (fecha de acceso 05.12.2013).
154. Soto Carmona A. La transición tutelada //“L’Ordinaire Latino-américain”. – 2003. – N 193. – P.63-73; Stern S.J. Reckoning with Pinochet. The Memory Question in Democratic Chile. 1989-2006. – London: Duke Univ. Press, 2010. – 548 p.
155. Stern S.J. Reckoning with Pinochet. The Memory Question in Democratic Chile. 1989-2006. – London: Duke Univ. Press, 2010. – 548 p.
156. Torcal M., Mainwaring S. The political recrafting of social bases of party competition: Chile, 1973–95 // British Journal of Political Science. – 2003. – Vol.33. – N 1. – pp. 55-84.

157. Torres Gutiérrez O. ¿El Fin del milagro chileno? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://nuso.org/articulo/el-fin-del-milagro-chileno/> (fecha de acceso 12.11.2017).

158. Torres Gutiérrez O. La izquierda chilena ante sus dilemas históricos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://nuso.org/articulo/la-izquierda-chilena-ante-sus-dilemas-historicos/> (fecha de acceso 05.12.2017).

159. Torres Gutiérrez O. La ruptura de un sueño. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://nuso.org/articulo/la-ruptura-de-un-sueno/> (fecha de acceso 12.11.2017).

160. Transición a la Democracia. Marco político y económico. Santiago de Chile: CIEPLAN, 1990. – 136 p.

161. Uggla F. Disillusioned in Democracy: Labour and State in post-transitional Chile and Uruguay. – Uppsala: Uppsala Univ., 2000. – 358 p.

162. Una puerta que se abre: Los Organismos no Gubernamentales en la Cooperación al Desarrollo. – Santiago de Chile: Taller de Cooperación al Desarrollo, 1989. – 562 p.

163. Valenzuela A., Dammert L. Problems of Success in Chile. // Journal of Democracy. – 2006. – Vol.17. – N 4. – P.66-79.

164. Valenzuela Fernández R. Inequidad, ciudadanía y pueblos indígenas en Chile. // CEPAL. Serie Políticas Sociales. Santiago de Chile, 2003. – 46 p.

165. Vargas Aguirre M. A. La nueva explosión de las mayorías: protestas sociales en el gobierno de Michelle Bachelet // Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. – Santiago de Chile: ARCIS, 2011. – P.69-92.

166. Veloso P. Ética y política en el Chile de los noventa // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. /ed. by Drake P., Jaksic I. – Santiago de Chile: LOM, 2002. – P.485-500.

167. Vergara Estévez J. La “democracia protegida” en Chile // Chile Hoy. Revista de Sociología. – 2007. – № 21.– P. 45-52.

168. Waissbluth M., Inostroza Lara J. ¿Pueden la empresa y la izquierda convivir y no morir en el intento? // Nueva Sociedad. – 2006 – N 202. – P.98-111.

169. Wallace St.P. Equidad en la atención médica del adulto mayor en Chile: papel de la previsión // Revista de la CEPAL. – 2002. – N 78. – P. 125-138.

170. Weeks G.B. The “Lessons” of Dictatorship: Political Learning and the Military in Chile// Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – N 3. – P. 396-413.

171. Whelan J.R. Out of the Ashes: life, death and transfiguration of democracy in Chile, 1833-1988. – Washington: Regnery Gateway, 1988. – 1120 p.

172. Ysart C. Recuperar la confianza perdida. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2015/04/29/> (fecha de acceso 05.05.2015).

173. Ysart C. Chile, los estudiantes y la intransigencia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/10/20/> (fecha de acceso 25.11.2011).

174. Ysart C. ¿Protestas o propuestas? [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/08/16/> (fecha de acceso 25.11.2011).

175. Ysart C. Piñera, los tecnócratas y los políticos. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/07/20/> (fecha de acceso 25.11.2011).

176. Ysart C. Un mal año. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2011/12/30/> (fecha de acceso 05.01.2012).

177. Ysart C. La imagen no es todo. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2010/07/14/> (fecha de acceso 15.11.2010).

178. Ysart C. Piñera y su gobierno ambidiestro. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2010/04/30/> (fecha de acceso 15.11.2010).

179. Ysart C. Chile: la alternancia es democracia. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2010/01/04/> (fecha de acceso 15.02.2010).

180. Ysart C. La paradoja de Chile. [Recurso electrónico]. Modo de acceso: <http://www.infolatam.com/2009/10/15/> (fecha de acceso 05.01.2010).

181. Zemelman H.M. Chile: el regimen militar, la burguesía y el estado. (Panorama de Problemas y situaciones 1974-1987). – Santiago de Chile: Centro de Estudios Sociales AVANCE, 1987. – 36 p.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий

1. Дьякова Л.В. «Пусть уходит!» Роль соглашений элит в трансформации военного режима Пиночета // Латинская Америка. – 2018. – № 9. – С. 5-16.

2. Дьякова Л.В. Чили. Ревизия старых компромиссов. // Латинская Америка. – 2018. – № 2. – С. 5-15.

3. Дьякова Л.В. Миражи демократии: исторический идеал и современность в контексте Латинской Америки. // Латинская Америка. – 2017. – № 8. – С. 5-18.

4. Diyakova L. Conflicto marítimo boliviano-chileno: antecedentes y perspectivas de arreglo // Iberoamérica. – 2017. – № 2. – P. 124-147.

5. Дьякова Л.В. Чили: на трудном пути демократии // Латинская Америка. – 2016. – № 5. – С. 52-61.

6. Дьякова Л.В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – № 3. – С. 101-109.
7. Дьякова Л.В. Новое правительство Чили: перед вызовами справедливости и эффективности // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 5. – С. 71-80.
8. Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Латинской Америке: мировоззрение и социально-политическая практика. // *Латинская Америка*. – 2014. – № 8. – С.16-23; № 9. – С.4-15.
9. Дьякова Л.В. Возвращение Мишель Бачелет. // *Латинская Америка*. – 2014. – № 1. – С. 48-61.
10. Diyakova L. Los Indígenas en el período postpinochetista // *Iberoamérica*. – 2013. – № 4. – P. 54-75.
11. Дьякова Л.В. «Этика протеста» против «этики ответственности»: Чили и Уругвай – 2011 // *Латинская Америка*. – 2012. – № 5. – С. 32-41.
12. Дьякова Л.В. Себастьян Пиньера: год у власти // *Латинская Америка*. – 2011. – № 5. – С. 58-68.
13. Дьякова Л.В. Антарктика: геополитические, этические, правовые аспекты и перспективы России. // *Латинская Америка*. – 2010. – № 8. – С. 41-52.
14. Дьякова Л.В. Демократические правительства Чили и индейское население (1990-2009). // *Латинская Америка*. – 2010. – №.1. – С.67-77.
15. Дьякова Л.В. Деятельность правительства Мишель Бачелет в 2006-2008 гг. // *Латинская Америка*. – 2009. – №.3. – С.27-37.
16. Дьякова Л.В., Травкин В.Е. Чили не перестает удивлять. // *Латинская Америка*. – 2007. – №.12. – С.19-34.
17. Дьякова Л.В. Принципы и опыт имиджевой стратегии в политике Чили, 1990-2006. // *Латинская Америка*. – 2006. – №.9. – С.53-62.

18. Дьякова Л.В. Социальная политика по преодолению бедности в Чили (1990-2004) // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 15-29.
19. Дьякова Л.В. Прощание с Пиночетом // Международная жизнь. – 2004. – № 1. – С. 44-67.
20. Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Чили: низовая социальная практика // Латинская Америка. – 1996. – № 4. – С. 73-79.
21. Дьякова Л.В., Проценко А.Е. Правление Табаре Васкеса в Уругвае (2005-2009) // Латинская Америка. – 2010. – № 9. – С. 20-35.
22. Дьякова Л.В. Деятельность Королевского института Элькано Испании // Латинская Америка. – 2007. – № 9. – С. 89-99.
23. Дьякова Л.В., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Роль политико-социальных факторов в формировании имиджа России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2007. – № 11. – С. 19-31.
24. Дьякова Л.В., Коваль Б.И. Латинская Америка вновь с удивлением смотрит на Россию // Латинская Америка. – 2006. – № 12. – С. 4-14.
25. Дьякова Л.В. Мексиканское меньшинство США: особенности происхождения и эволюция самосознания // Латинская Америка. – 2002. – № 4. – С. 73-88.
26. Дьякова Л.В. Мексикано-американцы: поиск себя в процессе диалога культур // Латинская Америка. – 2000. – № 9. – С. 48-60.

Рецензии в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий

27. Дьякова Л.В. Рикардо Лагос – политик и человек (Рецензия на монографию Дабагына Э.С. «Рикардо Лагос. Политический портрет». М.: ИНИОН РАН, 2006. – 80 с.) // Латинская Америка. – 2007. – № 6. – С. 100-102.
28. Дьякова Л.В. Первая русская биография Айя де ла Торре». (Рецензия на монографию Слинько А.А. «Демократия без насилия:

биографическое эссе» Воронеж: изд. Воронежского ГУ, 2009. – 262 с. // Латинская Америка. – 2010. – № 1. – С. 105-107.

Материалы научно-теоретических и научно-практических семинаров, конференций и «круглых столов» в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий

29. Дьякова Л.В. Научное наследие А.Ф. Шульговского и современная латиноамериканистика» (обзор выступлений международной конференции в ИЛА РАН, 22 ноября 2016 г. / Давыдов В.М., Ивановский З.В., Коларов Г., Макеева Л.А., Окунева Л.С., Челядинский А.А. [и др.]) // Латинская Америка. – 2017. – № 1. – С. 98-102.

30. Дьякова Л.В. Человеческий фактор в социально-политическом развитии Латинской Америки: новые тенденции (обзор выступлений межинститутского «круглого стола» в Центре политических исследований ИЛА РАН, 24 ноября 2011 г. / Визгунова Ю.И., Дьякова Л.В., Ивановский З.В., Коваль Б.И., Лунин В.Н., Пятаков А.Н., Чумакова М.Л. [и др.]) // Латинская Америка. – 2012. – № 2. – С. 86-93.

31. Дьякова Л.В. Памяти Шульговского (обзор выступлений межинститутского «круглого стола» в ИЛА РАН, ноябрь 2006 г. / Дабагян Э.С., Коваль Б.И., Окунева Л.С., Сизоненко А.И. [и др.]) // Латинская Америка. – 2007. – № 5. – С. 102-104.

32. Дьякова Л.В. Форум единомышленников. Итоги XII Конгресса FIEALC (Обзор материалов международного конгресса латиноамериканистов, сентябрь 2005 г., Рим) // Латинская Америка. – 2006. – № 1. – С. 43-48.

33. Дьякова Л.В. Бедность в Латинской Америке: основные подходы и интерпретации (материалы научно-теоретического «круглого стола» в ИЛА РАН, ноябрь 2004 г. / Дьякова Л.В., Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. [и др.]). // Латинская Америка. – 2005. – № 3. – С. 4-22.

Статьи в рецензируемых научных журналах

34. Дьякова Л.В. Влияние инновационного кластера на внешнюю политику Чили на современном этапе // Ибероамериканские тетради. М.: МГИМО-Университет. – 2017. – № 2 (16). – С. 44-49.

35. Дьякова Л.В. Государственная политика по преодолению преступности в Чили // Ибероамериканские тетради. М.: МГИМО-Университет. – 2016. – № 4 (14). – С. 25-32.

36. Дьякова Л.В. Современная политическая ситуация в Чили и правительство Нового большинства. // Ибероамериканские тетради. М.: МГИМО-Университет. – 2015. – № 3 (9). – С. 17-24.

37. Дьякова Л.В. Территориальный вопрос в политике Чили в начале XXI века // Ибероамериканские тетради. М.: МГИМО-Университет. – 2014. – № 3 (5). – С. 56-66.

38. Дьякова Л.В. Чилийская модель развития: демократия и авторитаризм // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 79-94.

39. Дьякова Л.В. Деятельность правительств Консертасьон в Чили в пост-пиночетовский период (1990-2010). //Латиноамериканский исторический альманах. М: ИВИ РАН. – 2014. – № 14. – С.191-218.

40. Diyakova L. La modernización y la política social: el caso chileno (2000-2008). // Iberoamérica. – 2009. – № 1. – P. 21-45.

41. Diyakova L. Principios y estrategia de formación de la imagen en la política de Chile. // Iberoamérica. – 2007. – № 1. – P. 71-82.

42. Дьякова Л.В. Женщины в современной Аргентине: проблемы и перспективы // Народонаселение. – 2007. – № 2(36). – С. 107-118.

43. Diyakova L. La política social para superar la pobreza en Chile, 1990-2004 // Iberoamérica. – 2005. – № 4. – P. 29-50.

Индивидуальные монографии:

44. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2013. – 325 с.

Главы в коллективных монографиях:

45. Дьякова Л.В. Чили: преступность отступает, тревоги остаются // Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна /отв. ред. Мартынов Б.Ф. – М.: Изд-во Весь Мир, 2017. – С. 249-260.

46. Дьякова Л.В. Латиноамериканская политология о природе конфликтов: исследовательские интерпретации // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2017. – С. 56-84.

47. Дьякова Л.В. Чилийско-болливийские противоречия и проблема выхода Боливии к морю // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / отв. ред. Ивановский З.В.– М.: ИЛА РАН, 2017. – С.364-382.

48. Дьякова Л.В. Президентские выборы в Чили: возвращение социалистов / Визгунова Ю.И., Воротникова Т.А., Дабагян Э.С., Ивановский З.В. [и др.] // Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама /Отв. ред. Ивановский З.В. – М.: ИЛА РАН, 2015. – С.182-196.

49. Дьякова Л.В. Социально-политическая ситуация и приоритеты правительства Т.Васкеса / Ивановский З.В., Нутенко Л.Я., Проценко А.Е.,

Константинова Н.С. // Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2010. - 86 с. – (Серия: Саммит).

50. Дьякова Л.В. Чили / Чумакова М.Л., Ивановский З.В., Окунева Л.С., Визгунова Ю.И. [и др.] // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях / отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Ч.2 – С. 89-119.

51. Дьякова Л.В. Сдвиг к социальным приоритетам / Сударев В.П., Константинова Н.С. Симонова Л.Н. // Чилийская модель: её преимущества и риски (мандат М. Бачелет). – М.: ИЛА РАН, 2009. - 90 с. – (Серия: Саммит).

52. Дьякова Л.В. Чили. / Боровков А.Н., Дабагян Э.С., Зубрицкий Ю.А., Коваль Б.И. [и др.] // Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2006. – С.256-282.

53. Дьякова Л.В. Чили / Визгунова Ю.И., Дабагян Э.С., Ивановский З.В., Капустян Е.Г. [и др.] // Теория и практика политической модернизации (опыт Латинской Америки) /Отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2004. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 14). – С. 91-109.

54. Дьякова Л.В. Особенности формирования и эволюции самосознания мексикано-американского меньшинства США / Коваль Б.И., Кудеярова Н.Ю., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. [и др.] // Латиноамериканские диаспоры в США /Отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2003. – С.123-157.

55. Дьякова Л.В. Некоторые особенности североамериканской традиции в анализе диаспоральной проблемы / Коваль Б.И., Кудеярова Н.Ю., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. [и др.] // Латиноамериканские диаспоры в США /Отв. ред. Коваль Б.И. – М.: Наука, 2003. – С.48-62.

56. Дьякова Л.В. Социокультурные характеристики испаноязычного населения США (на примере мексикано-американского меньшинства) / Коваль Б.И., Кудеярова Н.Ю., Семенов С.И. // Латиноамериканские диаспоры

в США: цивилизационные характеристики. /Отв. ред. Коваль Б.И. – М.: ИЛА РАН, 2000. – (Серия: Аналитические тетради ИЛА РАН, вып. 9). – С. 20-37.

Статьи в сборниках научных трудов по материалам научных конференций, в том числе с международным участием

57. Дьякова Л.В. Итоги второго президентства М. Бачелет и особенности современного политического процесса в Чили // Сборник материалов и докладов Третьего Международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность». Санкт-Петербург, 2-4 октября 2017 г. / Отв. ред. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. – СПб: Скифия принт, 2017. – С. 182-192.

58. Diyakova L. El Estado y la Sociedad: los logros y los riesgos del modelo político chileno (1990-2013). // XVI Congreso de la Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe (FIEALC). Antalya, 8-12 de octubre de 2013. Libro de Resúmenes. – Antalya: Universidad de Ancara. Centro de Estudios Latinoamericanos. – P. 396-397.

69. Дьякова Л.В. Роль сложносоставных конфликтов в процессе модернизации. Чилийско-болливийский конфликт: прошлое, настоящее... будущее? // Сборник докладов VII Конвента РАМИ «Внешнеполитические ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». МГИМО/У МИД России, сентябрь 2012 г. / Отв. ред. Орлов А.А. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – Вып.1– С. 260-272.

60. Дьякова Л.В. Чили и Уругвай после выборов: старые проблемы и новые вызовы. // Сборник докладов VI Конвента РАМИ «Россия-Испания-Иberoамерика: перекрестный год сотрудничества». МГИМО/У МИД России,

сентябрь 2010. / Отв. ред. Шестопал А.В., Романова Г.С. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – С. 255-260.

61. Дьякова Л.В. Чили в годы президентства Мишель Бачелет: планы и результаты (2006-2008) // Сборник докладов V Конвента РАМИ «Латинская Америка: перспективы развития в XXI в.» МГИМО/У МИД России, сентябрь 2008 г.» / Отв. ред. Шестопал А.В., Окунева Л.С. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 37-46.

62. Дьякова Л.В. Чилийская модель социально-политической модернизации. // Сборник тезисов докладов V Всероссийского Конгресса политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». РАПН–ГУ-ВШЭ, 20-22 ноября 2009 г. / Отв. ред. Гаман-Голутвина О.В., Малинова О.Ю., Патрушев С.В. – М.: РАПН, 2009. – С. 138-139.

Статьи в сборниках научных трудов и энциклопедических изданиях

63. Дьякова Л.В. Раздел «Чили (история)» // Новая Российская Энциклопедия / под ред. Данилова-Данильяна В.И., Некипелова А.Д. – М.: Изд-во Энциклопедия, 2017. – Том 18 (1). – С.279-284.

64. Diyakova L. Los éxitos y los retos de la modernización: la experiencia chilena (1990-2010).”// Bicentenario de la Independencia de América Latina. Cambios y realidades. / Ed. Katarzyna Krzywicka. – Lublin:Universidad Maria Curie-Sklodowska, 2012. – P.231-247.

65. Дьякова Л.В. Политика государства и индейское население Чили // Сборник «Индейский мир перед вызовами XXI века» / Отв. ред. Чумакова М.Л. – М.: ИЛА РАН, 2011.– С.130-151.

66. Дьякова Л.В. Левоцентристы в Уругвае: приоритет социальной политики» // Сборник «Политические изменения в Латинской Америке: история и современность» / Отв. ред. Слинко А.А. – Воронеж: Воронежский ГУ. – 2010. – С.45-52.

67. Дьякова Л.В. Положительный образ страны как стратегия государственного развития (на примере Чили) // Сборник «Облик России – взгляд из Латинской Америки» / Отв. ред. Сударев В.П. – М.: ИЛА РАН, 2009.– С.68-80.

68. Дьякова Л.В. Женщины в современной Аргентине: проблемы и перспективы» // Сборник «Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов» / Отв. ред. Воронина О.А. – М.: МАКС Пресс - Московский Центр гендерных исследований, 2008. – С.513-534.

69. Дьякова Л.В. Чили. // Сборник «Левый поворот» в Латинской Америке. / Отв. ред. Сударев В.П. – М.: ИЛА РАН, 2007. – С. 182-188.

70. Дьякова Л.В. Гражданское общество и процесс модернизации в Чили». // Сборник «Россия и ибероамериканский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества». / Отв.ред. Давыдов В.М., Калашников Н.В. – М.: ИЛА РАН, 2006. – С. 455-469.

71. Дьякова Л.В. Гуманистическое движение в Латинской Америке: в поисках выхода из цивилизационного кризиса. // Сборник «Цивилизационные исследования». / Отв. ред. Коваль Б.И. – М.: ИЛА РАН, 1996. – С.163-178.

Статьи в специализированных журналах

72. Дьякова Л.В. Роль вооруженных сил Чили в политике страны // Экспорт вооружений. – 2009. – № 1. – С.7-15.